ISSN 2307-5309

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026
№ 3 (55)

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (55) 2026

Главный редактор:
Носков О. С., канд. юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:
Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент
Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:
Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент
Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С. И., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Ермакова О. В., д-р юрид. наук, доцент
Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М. А., канд. юрид. наук, доцент
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент
Пупышева Л. А., д-р юрид. наук, доцент
Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент
Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:
Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент
Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент
Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент
Киселева М. А., канд. юрид. наук, доцент
Лукьянова А. А., канд. юрид. наук
Сорокина А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Суверов С. Е., канд. юрид. наук
Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент
Федоров А. Ф., канд. пед. наук, доцент
Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э. Х., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:
Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Перевод на английский язык: Ю. С. Жолобовой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
www.http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 04.09.2026.
Выход в свет 10.09.2026.
Заказ № 392. Формат 60x90/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 32,4. Тираж 33 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2026

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (55) 2026

Editor-in-Chief:
Noskov O. S., Candidate of Science (Law) , Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief:
Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:
Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Pupysheva L. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:
Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Fedorov A. F., Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kiseleva M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Lukyanova A. A., Candidate of Science (Law)
Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. H., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sorokina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Suverov S. E., Candidate of Science (Law)
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:
Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

Translation into English: Yu. S. Zholobova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Adress of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovastr., 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
www. http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Publishing department.

Passed for printing 04.09.2026.
Issue date 10.09.2026.
Order 392. Format 60x90/8.
Conventional printed sheets 32,4.
Issue 33 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В. Исторический нарратив развития обеспечения правопорядка на транспорте 7
Зверев В. О., Фризен П. Д. Режим содержания в местах лишения свободы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) 15
Скипский Г. А. Социально-правовой статус полицейских чинов в Российской империи в первой половине XIX века на примере Екатеринбургской управы благочиния 22
Степанова Е. Е. Нормативные пределы оценки доказательств: законность, обоснованность, мотивированность как система требований к судейскому убеждению (теоретико-исторический анализ) 31
Третьяков И. Л., Кузнецов Д. Е. Созидательный потенциал теории права Л. И. Петражицкого в условиях формирования многополярной реальности XXI в. 39

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Абызова Ев. Р., Абызова Ел. Р. Цифровизация управления миграционными процессами в России ..51
Вечерникова Д. В., Завьялова Н. Ю., Сорокина А. Г. Профилактика правонарушений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними в цифровой среде 59
Галиев Р. С., Бондаренко А. А. Эволюция понятия «традиционные духовно-нравственные ценности»: от политической риторики к конституционной категории 66
Городилов Н. С. Решение таможенного органа как ненормативный правовой акт: онтологический анализ 74
Заудинов У. И., Москаленко С. А. Некоторые проблемы административно-правового регулирования допуска водителей к управлению транспортными средствами 81
Кабанова Ю. С. Проблемы правовой охраны исчезающих видов растений и животных в Российской Федерации 87
Каширский Д. Ю., Белевский Р. А., Каширский Д. Д. Государственно-правовое регулирование применения беспилотных воздушных судов, сферы их применения и перспективы развития в полиции 94
Коробов В. Б., Кобозев А. А. Состояние общественной безопасности в системе показателей социально-экономического развития регионов 102
Мягкова С. В., Хазов Е. Н. Особенности правового статуса и режима пребывания беженцев в ряде зарубежных государств 110
Нестеров Е. А. Юридическая архитектура риск-ориентированного контроля в транспортной сфере: вызовы дифференциации и категоризации 117
Пучнина М. Ю., Холодова А. М. Цифровые угрозы и риски распространения экстремистской идеологии в сети Интернет: интерпретация положений стратегии противодействия экстремизму ..123
Репьева А. М. Реализация принципов правоохранительной деятельности при обеспечении транспортной безопасности 131

Уголовно-правовые науки

Азарёнок Н. В., Смирнов С. А. Особенности формирования внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи 137
Архипова Н. А. Особенности проверки сообщения о мошенничестве, совершенном с участием курьера 145
Булгаков Н. В. Генезис признака «публичность» в отечественном уголовном законодательстве...152
Варданян А. В., Суверова А. А. Преступление, предусмотренное статьей 322 УК РФ: проблемы квалификации и совершенствование законодательной конструкции 159

Кругликова О. В., Точилкина А. А. Расчлененный труп: особенности осмотра места его обнаружения и назначения экспертиз 166
Крысина Т. Е. Использование цифровых следов в виртуальном пространстве при выявлении и раскрытии незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств 173
Латыпов В. С. Нотариальное содействие отправлению уголовного правосудия 179
Машовец А. О. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: квази-контроль, процессуальная форма, правосудие 186
Насонов С. А. К вопросу о запрете рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних (в контексте научных позиций В. В. Николюка)..... 197
Овечкин Е. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений в алкогольной сфере: от устойчивых признаков к модели доказывания 204
Пантюхин К. Ю. Концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел 212
Плигина А. И. Взаимосвязь материально-правовых и процессуальных норм при разрешении «сомнений и неясностей» в пенитенциарной практике 220
Севостьянова С. О., Самуйленко Л. В. Статус лица, привлеченного в качестве судебного эксперта, в уголовном процессе 226
Семенцов В. А. Научные подходы профессора В. В. Николюка к обеспечению взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности 233
Сологубов А. Ю., Недзелюк Т. Г. Правовая природа возражений в уголовном судопроизводстве ... 239
Янгаева М. О., Гулюк А. А. Роль автоматизированных ботов мессенджеров в совершении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий... 246

CONTENS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Akapyev V. L., Kovaleva E. G., Borisenko A. V. Historical Narrative of the Development of Law Enforcement in Transport 7
Zverev V. O., Friesen P. D. Regime of Detention in Places of Deprivation of Liberty in Western Siberia During the Great Patriotic War (Historical and Legal Aspect)....15
Skipsky G. A. Socio-Legal Status of Police Officers in the Russian Empire in the First Half of the XIXth Century: a Case Study of the Yekaterinburg Police Department....22
Stepanova E. E. Normative Limits of Evidence Evaluation: Legality, Validity, Reasoning as a System of Requirements for Judicial Conviction (Theoretical and Historical Analysis) 31
Tretyakov I. L., Kuznetsov D. E. Creative Potential of l. I. Petrazhytsky's Theory of Law in the Conditions of the Formation of the Multipolar Reality of the XXIth Century....39

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Abyzova Ev. R., Abyzova El. R. Digitalization of Migration Process Management in Russia....51
Vechernikova D. V., Zavyalova N. Yu., Sorokina A. G. Prevention of Extremist Offenses Committed by Minors in the Digital Environment....59
Galiev R. S., Bondarenko A. A. Evolution of the Concept of «Traditional Spiritual and Moral Values»: from Political Rhetoric to a Constitutional Category 66
Gorodilov N. S. Customs Authority's Decision as a Non-Regulatory Legal Act: Ontological Analysis ... 74
Zaudinov U. I., Moskalenko S. A. Some Issues of Administrative and Legal Regulation of Drivers' Access to Driving Vehicles 81
Kabanova Yu. S. Problems of Legal Protection of Endangered Species of Plants and Animals in the Russian Federation....87
Kashirsky D. Yu., Belevsky R. A., Kashirskiy D. D. State Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles, their Spheres of Application, and Development Prospects in the Police 94
Korobov V. B., Kobozev A. A. State of Public Safety in the System of Socio-Economic Indicators of Regional Development 102
Myagkova S. V., Khazov E. N. Features of the Legal Status of Refugees in a Number of Foreign Countries 110
Nesterov E. A. Legal Architecture of Risk-Based Control in the Transport Sector: Challenges of Differentiation and Categorization 117
Puchnina M. Yu., Kholodova A. M. Digital Threats and Risks of the Spread of Extremist Ideology on the Internet: Interpretation of the Provisions of the Countering Extremism Strategy 123
Repyeva A. M. Implementation of the Principles of Law Enforcement in Ensuring Transport Security 131

CRIMINAL LAW SCIENCES

Azarenok N. V., Smirnov S. A. Features of the Judge's Internal Conviction in Assessing Evidence in the Context of Digital Transformation of Criminal Proceedings Using Video Conferencing Systems....137
Arkhipova N. A. Features of Verifying Reports of Courier-Related Fraud....145
Bulgakov N. V. Genesis of the «Publicity» in Domestic Criminal Legislation 152
Vardanyan A.V., Suverova A. A. Crime under Article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Qualification and Improvement of the Legislative Structure....159
Kruglikova O. V., Tochilkina A. A. Dismembered Corpse: Features of Examination of the Place of its Discovery and Appointment of Examinations....166
Krysina T. E. Use of Digital Traces in Virtual Space to Detect and Uncover Illegal Cashing and Transfer of Money....173
Latypov V. S. Notarial Assistance to the Administration of Criminal Justice 179

Mashovets A. O. Judicial Proceedings in the Field of Operational-Search Activity: Quasi-Control, Procedural Form, Justice.....186
Nasonov S. A. On the Issue of Prohibiting the Consideration of Criminal Cases by a Court with the Participation of Jurors in Relation to Minors (in the Context of V. V. Nikolyuk's Scientific Positions).....197
Ovechkin E. V. Operational and Investigative Characteristics of Crimes in the Alcohol Sphere: from Stable Signs to a Model of Proof.....204
Pantyukhin K. Yu. Conceptual Foundations of the Operational Search Process in the Activities of Internal Affairs Bodies.....212
Pligina A. I. Relationship between Substantive and Procedural Rules in Resolving «Doubts and Ambiguities» in Penitentiary Practice.....220
Sevostyanova S. O., Samuilenko L. V. Status of a Person Involved as a Judicial Expert in a Criminal Proceeding.....226
Sementsov V. A. Scientific Approaches of Professor V. V. Nikolyuk to Ensuring Interaction Operational and Criminal Procedure Activities.....233
Sologubov A. Yu., Nedzelyuk T. G. Legal Nature of Objections in Criminal Proceedings.....239
Yangaeva M. O., Gulyuk A. A. Role of Automated Messenger Bots in the Commission of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies.....246

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 7–14.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 7–14.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 351.81

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ РАЗВИТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА НА ТРАНСПОРТЕ

Виктор Львович Акапьев[1], Екатерина Геннадьевна Ковалева[2], Александр Васильевич Борисенко[3]
[1, 2, 3] Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
[1] akapevv@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-0560-8117
[2] kovalevazchs@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7502-5163
[3] borisenko02.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2539-3096

Аннотация. *В статье рассматриваются основные вехи становления и развития обеспечения правопорядка на объектах транспорта в Российской Федерации. Авторами освещается изменение функциональных обязанностей и структуры транспортной полиции. Затрагиваются вопросы актуализации решений обеспечения безопасности на всех элементах транспортной инфраструктуры, в т. ч. в условиях проведения специальной военной операции.*

Ключевые слова: *транспортная инфраструктура, транспортная полиция, обеспечение безопасности на объектах транспорта, охрана общественного порядка*

Для цитирования: *Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В. Исторический нарратив развития обеспечения правопорядка на транспорте // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 7–14.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HISTORICAL NARRATIVE OF THE DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT IN TRANSPORT

Viktor L. Akapyev[1], Ekaterina G. Kovaleva[2], Alexander V. Borisenko[3]
[1, 2, 3] Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia
[1] akapevv@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-0560-8117
[2] kovalevazchs@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7502-5163
[3] borisenko02.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2539-3096

Abstract. *The article discusses the main milestones in the formation and development of law enforcement at transport facilities. The authors highlight the changing functional responsibilities of the transport police. The issues of updating security solutions for all elements of the transport infrastructure, including in the context of a special military operation, are discussed. The Russian Transport Police is an effective mechanism that, despite personnel and system difficulties, successfully copes with the tasks of ensuring security on the country's most important transport communications, promptly responding to new challenges such as sabotage threats and cybercrime.*

Keywords: *transport infrastructure, transport police, security at transport facilities, public order protection*

For citation: *Akapyev V. L., Kovaleva E. G., Borisenko A. V. Historical narrative of the development of law enforcement in transport. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:7–14 (In Russ.)*

© Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г., Борисенко А. В., 2026

В этом году заканчивается первый этап реализации транспортной Стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г., что актуализирует необходимость поддержания эффективности правоохранительной деятельности по обеспечению безопасности на транспорте на должном уровне.

Транспортная полиция России вошла во второе столетие своей истории, но как сегодня, так и в дореволюционный и советский периоды проблемы обеспечения правопорядка и общественной безопасности на транспорте продолжают занимать одно из ключевых мест в деятельности правоохранительных органов [1, с. 63]. В условиях санкционного давления отрасль не только адаптировалась, но и продолжает уверенно развиваться, формируя единую опорную сеть и демонстрируя устойчивость и рост, несмотря на глобальные вызовы.

Транспортная система России характеризуется развитой коммуникационной сетью, одной из наиболее обширных в мире и включающей в себя 87 тыс. км железных дорог, более 745 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием, свыше 600 тыс. км воздушных линий, 70 тыс. км магистральных нефте- и продуктопроводов, свыше 140 тыс. км магистральных газопроводов, 115 тыс. км речных судоходных путей и множество морских трасс. В ней занято свыше 3,2 млн человек, что составляет 4,6 % работающего населения [2, с. 226].

Объектами оперативного обслуживания ОВД на транспорте (далее — ОВДТ) на сегодняшний день являются: семнадцать железных дорог; более пятисот железнодорожных вокзалов; около двух тысяч железнодорожных мостов; полторы сотни тоннелей; более двухсот аэропортов; около трехсот путепроводов; в структуру входят 10 морских и 25 речных пароходств, 16 управлений государственного авиационного надзора, а также 62 морских и 119 речных портов. Контроль на водных бассейнах осуществляют 14 специализированных управлений государственного надзора; сеть гидротехнических сооружений и судоходная часть рек. Таким образом, нарастает необходимость усиления мер безопасности на пассажирском и грузовом транспорте как составной части национальной безопасности РФ [3, с. 99].

Многократно актуализируется необходимость обеспечения безопасности на всех элементах транспортной инфраструктуры в условиях проведения специальной военной операции. С ростом количества объектов транспортной инфраструктуры меняется структура и динамика преступности на транспорте, что требует выработки соответствующих мер со стороны правоохранительных органов. Но для этого необходимо обратиться к истории создания и становления органов внутренних дел на транспорте. Тем более что независимо от существующей в нашем государстве политической системы и изменения названий органов правопорядка на транспорте их сотрудники, безусловно, добросовестно и беззаветно служили своей стране и Закону.

А отсутствие специального исследования, посвященного деятельности транспортной полиции Российской империи в общем и железнодорожной жандармерии в частности, представляет собой существенный пропуск в историко-правовой науке, что делает беднее арсенал научного материала и не позволяет дать объективную оценку особенности развития российского государства XIX в. — начала XXI в.

Развитие обеспечения правопорядка на транспорте в России представляет собой сложный, многоуровневый процесс. Он эволюционировал от разрозненных правил для гужевого транспорта до современной системы, основанной на передовых цифровых технологиях и комплексных мерах антитеррористической защищенности, особенно актуальных в текущих геополитических условиях [4, с. 38].

Система правопорядка на транспорте формировалась постепенно, отражая развитие транспортных средств и усложнение дорожного движения. На смену сословно-представительной монархии во второй половине XVII в. приходит абсолютная, переход к которой завершился в XVIII в. Рождение абсолютной монархии связано с именем первого российского императора Петра I Великого [5, с. 9].

Характерная черта становления абсолютной монархии в России заключалась в том, что вся деятельность государственного аппарата может быть отнесена к полицейской. Осуществление подобного курса требует наличия разветвленной сети профильных государственных институтов, функционирующих на регулярной основе. Компетенция данных органов должна распространяться на ключевые направления внутренней политики государства. Успешная реализация данного политического вектора невозможна без учреждения системы постоянно действующих специализированных ведомств, чья деятельность охватывала бы весь спектр внутригосударственных отношений, которые и стали именоваться термином «полиция».

Под лозунгом обеспечения благоденствия российского народа император Петр I потребовал соз-

дать мощное промышленное производство и нацелился на развитие торговли. Решение поставленных задач было невозможно без коренного реформирования, имевшего ключевое значение для экономики страны, не только морского, но и речного судоходства.

Для покровительства торговле и с целью развития транспортной инфраструктуры им была учреждена Коммерц-коллегия — одно из центральных государственных учреждений в Российской империи [6, с. 200]. Именно реформаторская деятельность Петра I в конечном итоге и привела к созданию в структуре государственных органов речной полиции.

До 1782 г. контроль над водными путями осуществлялся преимущественно на местах. С воцарением Екатерины II государство пересмотрело значение внутренних водных сообщений, признав их стратегически важными для ряда губерний. В фокусе внимания правительства оказались Санкт-Петербургская, Новгородская и Тверская губернии, чьи водные коммуникации требовали централизованного управления. В связи с этим в 1783 г. Я. Е. Сиверс был назначен Главным директором водных путей указанных территорий [7, с. 109–110].

Павел I, сменивший на престоле Екатерину II, подтвердил своим Указом от 27 февраля 1797 г. назначение на эту должность Я. Е. Сиверса, которым был разработан и представлен на высочайшее утверждение проект образования Департамента водяных коммуникаций. В результате Павел I своим Указом от 28 февраля 1798 г. положил начало существования государственного ведомства путей сообщения в России [8, с. 243–248].

Новая структура системы центрального государственного управления была определена уже Александром I в 1802 г. на основании манифеста «Об учреждении Министерств» [9, с. 424–428]. Для реализации положений, изложенных в этом манифесте, и проведения соответствующих преобразований необходимо было создать централизованную транспортную инфраструктуру.

С 1809 г. такой структурой в аппарате управления Российской империи стала «Дирекция водных и сухопутных коммуникаций» [10, с. 1305], включавшая 10 округов под руководством директоров, в состав которых входили и полицейские команды [10, с. 1306–1339].

К сожалению, несмотря на приведенную выше хронологию, в настоящее время среди ученых нет единого подхода к отправной точке создания речной полиции. До сих пор в научной среде существует мнение, в соответствии с которым момент создания речной полиции относят к реформам Петра I. Основанием для этого считают функции полицейского аппарата Санкт-Петербурга, который «обязывался вести наблюдение за тем, чтобы берега рек и протоков были хорошо укреплены; чтобы шаланды у мостов близко не ставили; за чистотой мостов» [11].

Вряд ли такое решение можно брать за точку отсчета создания речной полиции, т. к. здесь рассматривается лишь расширение функций уже существующей столичной полиции по обеспечению строительства и эксплуатации каналов и рек [12, с. 31].

Настоящим катализатором эволюции транспортной безопасности стало строительство железных дорог. Отправной точкой можно считать утверждение 22 марта 1836 г. Устава Царскосельской железной дороги — первого в стране. Знаковым событием того же года стало создание Отдельного корпуса жандармов, в чьи задачи изначально включили надзор за безопасностью на путях сообщения, особенно на рельсовых магистралях.

К началу второй половины XIX в. сеть железных дорог страны продолжала активно расширяться, что было непосредственно связано с необходимостью привлечения значительного количества людей. По русской традиции такие грандиозные стройки в обязательном порядке сопровождались коррупцией, казнокрадством и чрезмерной эксплуатацией рабочих. Ответной реакцией стало повышение криминальной активности задействованных на строительстве рабочих [13, с. 12].

Для оперативного разрешения нарастающих проблем было принято решение о создании профильных отрядов железнодорожных жандармов, которым непосредственно вменялись обязанности по обеспечению правопорядка на железных дорогах. Территориально распределенный и протяженный характер строительства, прокладка магистралей по нескольким губерниям и уездам не позволяли задействовать местную полицию для решения данной задачи [14, с. 4].

Так же, как и в случае с проблематикой определения даты создания водной полиции, продолжаются дебаты о времени создания железнодорожной полиции. Так, А. В. Булыжкин увязывает время создания железнодорожной полиции с изданием 16 марта 1867 г. императором Александром II «Порядка учреждения жандармского надзора на вновь проводимых железных дорогах» [15, с. 194].

Данное утверждение представляется спорным, поскольку первые специализированные подразде-

ления появились гораздо раньше — более чем за два десятилетия до указанной даты, а именно на этапе зарождения железнодорожного строительства. Нам представляется, что позиция В. В. Мыцыкова и Н. Д. Литвинова о том, что «полицейскй надзор на железных дорогах России существовал с 40-х годов XIX века» [16, с. 155], находится ближе к истине.

Исходя из необходимости устранения влияния негативных факторов, оказывающих сдерживающее влияние на эффективность правоохранительной деятельности транспортной полиции, начиная с 31 декабря 1866 г. железнодорожные жандармские полицейские управления вышли из подчинения Министерству путей сообщения и перешли в ведение Отдельного корпуса жандармов. Тем самым устранялась финансовая зависимость от Министерства путей сообщения [17, с. 2].

Нельзя не принять во внимание и другие факторы, снижающие эффективность деятельности жандармских полицейских управлений, в частности несвоевременное извещение судебных властей о случаях крушения поездов, низкую раскрываемость преступлений, совершаемых на железных дорогах и станциях, и ряд других.

Анализ документов того времени показывает, что жандармы и железнодорожники действовали не как противоборствующие стороны, а как единый слаженный механизм. Их объединяла общая цель — обеспечение правопорядка и бесперебойная работа железных дорог [18, с. 7].

Существование и принципы переформирования правоохранительной системы на транспорте теснейшим образом связаны с событиями февраля — октября 1917 г. В первую очередь, они определялись крайне поспешным и непродуманным решением Временного правительства 4 марта 1917 г. «упразднить... железнодорожную полицию» [19, с. 133].

Результат скоропалительной ликвидации жандармской полиции не заставил себя долго ждать и вылился в лавинообразный рост преступности на объектах железнодорожного транспорта, а также выразился в резком ухудшении криминогенной обстановки. Оставшиеся безнадзорными объекты транспортной инфраструктуры превратились в рассадники всевозможных преступлений как против личности, так и против элементов транспорта и перевозимых грузов.

После Октябрьской революции в условиях глубочайшего кризиса государственности на фоне разрухи народного хозяйства, необходимости борьбы с интервенцией и преодоления вооруженного сопротивления противников власти внутри страны новая власть стала придавать транспорту исключительно важное значение. Уже 28 октября (10 ноября) принимается «Постановление НКВД РСФСР о рабочей милиции» [20, ст. 210], в котором формулируются задачи по организации управления транспортом и охране общественного порядка на его коммуникациях. Как видим, в первые годы советской власти охрана общественного порядка на железнодорожном и водном транспорте была ведомственной и не входила в функции общегосударственного органа охраны общественного порядка — советской милиции [6, с. 37].

В тяжелейших условиях военного времени, иностранной интервенции, разрухи и гражданской войны подразделениями железнодорожной милиции была продемонстрирована высокая жизнестойкость и эффективность работы по охране правопорядка на объектах транспорта. Именно поэтому в тяжелейший начальный период Великой Отечественной войны вспомнили об этой практике и отработанную тактику вновь применили при организации работы железнодорожных войск и милиции [21].

Датой основания транспортной полиции считается 18 февраля. В этот день в 1919 г. были приняты сразу три знаковых документа: декрет ВЦИК «Об организации межведомственной комиссии по охране железных дорог», а также положения «О железнодорожной охране» и «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции». Именно поэтому профессиональный праздник отмечается 18 февраля, однако такое положение с датировкой отсчета времени представляется спорным. С нашей точки зрения, за отправную точку отсчета момента создания штатных органов охраны правопорядка на железнодорожном транспорте необходимо брать Декрет от 26 марта 1918 г. № 395 «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности»[1].

В период Великой Отечественной войны для охраны железнодорожных магистралей от бандитизма и спекуляции были сформированы оперативные подвижные группы, сопровождавшие поезда. Одна из таких групп, обеспечивавшая безопасность на маршруте Москва — Тамбов, состояла из двадцати сотрудников и почти безотлучно находилась в пути, следуя с товарно-пассажирскими составами (в каждом из которых было 10–12 пассажирских и около тридцати грузовых

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917–1924. Отд. 1. № 30. С. 407–408.

вагонов). Возглавлял эту группу В. А. Христосенко, впоследствии работавший в линейном отделе внутренних дел на станции Брянск [22].

На плечи транспортной милиции легла не только борьба с криминалом, но и колоссальная нагрузка по поддержанию порядка в местах скопления эвакуированных — на вокзалах, в поездах и на прилегающих объектах. В этих условиях служебный день сотрудников нередко растягивался до 18–20 часов, требуя от них полной самоотдачи и предельного напряжения сил [6, с. 49].

После окончания войны перед транспортной милицией были поставлены новые ответственные задачи. «Страна поднималась из разрухи, и становым хребтом народного хозяйства была железная дорога, работавшая в напряженном ритме. Острейший дефицит пассажирских поездов вынуждал использовать "пятьсот веселые" — товарные вагоны, приспособленные для перевозки людей с минимальными удобствами в виде нар. Обстановка на вокзалах напоминала муравейник: они были перенаселены, а возле касс круглосуточно стояли длинющие хвосты очередей» [23, с. 327].

Оперативная обстановка оставалась сложной. На состояние преступности негативно влияли такие факторы, как наличие у населения сохранившегося после победы оружия, враждебность не разоблаченных пособников фашистов, люди жили в нищете, продовольствие отпускалось по карточкам, а по железным и шоссейным дорогам непрерывным потоком двигались демобилизованные фронтовики, бывшие узники, репатрианты и те, кто возвращался домой из эвакуации.

Упразднение союзного МВД на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от января 1960 г. (с 1 мая того же года)[1] и передача его полномочий республиканским министерствам (впоследствии преобразованным в МООП) привели к ликвидации вертикали управления. Утрата единой вертикали власти в системе органов внутренних дел на транспорте крайне негативно сказалась на способности противостоять преступности и обеспечивать безопасность пассажиров и грузов.

В 1973 г. был издан приказ министра «Об организации работы базовых органов внутренних дел по передовому опыту», было утверждено положение о базовом органе. Это помогло создать в транспортной милиции систему изучения и распространения положительного опыта.

К середине семидесятых годов статус транспортной милиции несколько повысился. Кроме того, с 1971 г. в ее состав включились вновь созданные подразделения в системе Аэрофлота. Организационный уровень милиции стал более адекватен объемам работы подразделений и высокой ответственности за положение дел в важнейшей хозяйственной и социальной сферах государства: на железных дорогах, в авиационных перевозках и на водных бассейнах.

С распадом СССР произошли серьезные трансформации как в структуре правоохранительных органов на транспорте, так и в их задачах. В наше время значительное внимание в деятельности органов внутренних дел на транспорте сосредоточено на разработке и реализации мероприятий по выявлению и пресечению каналов незаконной транспортировки оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также пресечению внутреннего и международного наркотрафика [24, с. 176].

После распада СССР система охраны правопорядка на транспорте, центральным звеном которой было Главное управление внутренних дел на транспорте МВД СССР, столкнулась с необходимостью перестройки в новых государственных границах. В 1992 г. было образовано МВД России и в его структуру вошло Главное управление внутренних дел на транспорте, унаследовавшее функции и территориальные линейные управления.

Важным шагом в этот период стало создание милиции общественной безопасности. 12 февраля 1993 г. Указом Президента РФ было утверждено «Положение о милиции общественной безопасности (местной милиции)», что укрепило статус и задачи подразделений, отвечающих за порядок на транспортных магистралях. Закон РСФСР «О милиции» от 18 апреля 1991 г. закреплял новые принципы деятельности органов внутренних дел, в т. ч. и на транспорте.

Параллельно с реорганизацией транспортной милиции происходило реформирование Госавтоинспекции. В 1998 г. Указом Президента РФ № 711 ГАИ была переименована в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения (ГИБДД) МВД России. Этот шаг отражал стремление сместить акцент с сугубо контрольных функций на обеспечение безопасности дорожного движения [25, с. 81].

Самый драматичный этап в новейшей истории транспортной полиции связан с реформой МВД, инициированной президентом Д. А. Медведевым. В 2010 г. начался процесс, который должен был по-

[1] Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1287.htm (дата обращения: 22.03.2026).

высить эффективность работы и улучшить имидж ведомства, однако реформа могла привести к ликвидации транспортной полиции как отдельной службы.

На современном этапе оперативно-служебной деятельности ГУТ МВД России и ОВДТ решается первостепенная государственная задача — повышение уровня защищенности граждан на объектах транспорта, реализация поручений Президента и Правительства Российской Федерации по вопросам транспортной безопасности.

Работа транспортной полиции в последние годы характеризуется высокой эффективностью и устойчивым снижением преступности на всех видах транспорта. За последние пять лет наблюдается плавное сокращение преступности на объектах транспорта. В 2025 г. было зарегистрировано около 30 тысяч преступлений, что на 2,5 % меньше, чем в предыдущем году [26].

Однако можно выделить ряд проблем и вызовов, среди которых необходимо отметить острый некомплект личного состава, критическое недофинансирование безопасности владельцами транспортных объектов и запаздывание принятия решений на законодательном уровне.

История обеспечения правопорядка на транспорте в современной России — это путь от системы Российской империи к новой правовой реальности, отмеченный масштабными реформами, попытками реорганизации и адаптацией к новым угрозам, прежде всего террористическим. Этот период вместил в себя как драматические моменты упразднения и возрождения целых структур, так и фундаментальные изменения в законодательстве и технологиях.

В целом современная транспортная полиция России представляет собой динамично развивающуюся структуру, которая адаптируется к новым вызовам, диктуемым проведением СВО, внедряет передовые технологии и демонстрирует высокую эффективность в борьбе с преступностью, несмотря на имеющиеся кадровые и системные проблемы.

Список источников

1. Долженко И. В. Современное состояние, проблемы и перспективы развития правоохранительных органов на транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 1. С. 61–66.

2. Рудакова Т. А., Рудакова О. Ю. Транспортная система цифрового общества: проблемы и решения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2024. Т. 15. № 3. С. 226–236.

3. Зайкова С. Н. Развитие научной мысли о совершенствовании правовой политики в области обеспечения безопасности на транспорте // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 4. С. 96–103.

4. Черников В. В. Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере транспорта: теоретические и организационно-правовые вопросы // Административное право и процесс. 2025. № 04. С. 38–43.

5. Амельчаков И. Ф., Александров А. Н., Дергилева С. Ю. Становление и развитие транспортной полиции России в XVIII — начале XX веков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 8–16.

6. На службе отечеству: история организации и обеспечения правопорядка на транспорте России / под общ. ред. Н. А. Овчинникова. М.: ИЦ «Содействие», 2009. Том I.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. XXV. № 18403. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026).

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 1. Т. XXVII. № 20406. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026).

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 1. Т XXVII. № 20466. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 2. Т XXX. № 23996. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026).

11. Вестник полиции. 1909. № 16. С. 320–322.

12. Путятин В. Д. Становление и развитие органов внутренних дел на транспорте в дореволюционной России // Транспортное право. 2007. № 4. С. 31.

13. Очерки истории транспортной милиции России. К 200-летию МВД России / под ред. В. В. Захаренкова. М., 2002.

14. Литвинов Н. Д. Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: сб. документов и материалов. М.: Голос, 1999.

15. Булыжкин А. В. Организация орловской милиции в период с 1917 по 1928 годы. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2004. 130 с.

16. Мыцыков В. В. Из истории организации деятельности железнодорожной полиции в России. М., 1999.

17. Тимофеев Л. А. Обязанности жандармской железнодорожной полиции по жандармско-полицейской части. Изд. 2-е. СПб., 1912.

18. Гетман Н. И., Степаненко Ю. В. Организация борьбы с преступлениями на пассажирском железнодорожном транспорте: практическое пособие. М.: Экзамен, 2003. 127 с.

19. На службе отечеству: история организации и обеспечения правопорядка на транспорте России / под общ. ред. Н. А. Овчинникова. М.: ИЦ «Содействие», 2009. Том II.

20. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917–1924. Отд. 1. № 22.

21. Воронова В., Степанова А. Органы госбезопасности на транспорте. 1918–1924 гг. // Цейхгауз. 2007. № 24. С. 32–33.

22. Потапенкова И. В. Роль полиции в обеспечении транспортной безопасности Российской Федерации как одного из элементов системы национальной безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 182–185.

23. Время: люди и магистрали. М.: Голос-Пресс, 2014.

24. Приходько Н. Ю., Кураков Д. В. Роль органов внутренних дел в деятельности по профилактике преступлений на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1 (98). С. 174–181.

25. Пушкарев Е. А., Швец А. А. История органов внутренних дел: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. 94 с.

26. Транспорт России — официальный печатный орган Министерства транспорта РФ. URL: https://transportrussia.ru/razdely/bezopasnost/14811-okhrana-poryadka-v-puti.html (дата обращения: 22.03.2026).

References

1. Dolzhenko I. V. Sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya pravoohranitel'nyh organov na transporte // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2024. № 1. S. 61–66.

2. Rudakova T. A., Rudakova O. Yu. Transportnaya sistema cifrovogo obshchestva: problemy i resheniya // Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment. 2024. T. 15. № 3. S. 226–236.

3. Zajkova S. N. Razvitie nauchnoj mysli o sovershenstvovanii pravovoj politiki v oblasti obespecheniya bezopasnosti na transporte // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2025. № 4. S. 96–103.

4. Chernikov V. V. Federal'nyj gosudarstvennyj kontrol' (nadzor) v sfere transporta: teoreticheskie i organizacionno-pravovye voprosy // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 04. S. 38–43.

5. Amel'chakov I. F., Aleksandrov A. N., Dergileva S. Yu. Stanovlenie i razvitie transportnoj policii Rossii v XVIII — nachale XX vekov // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2016. № 3. S. 8–16.

6. Na sluzhbe otechestvu: istoriya organizacii i obespecheniya pravoporyadka na transporte Rossii / pod obshch. red. N. A. Ovchinnikova. M.: IC «Sodejstvie», 2009. Tom I.

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. T. 1–45. SPb., 1830. T. XXV. № 18403. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 22.03.2026).

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. T. 1–45. SPb., 1830. T. 1. T. XXVII. № 20406. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 22.03.2026).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. T. 1–45. SPb., 1830. T. 1. T XXVII. № 20466. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 22.03.2026).

10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. T. 1–45. SPb., 1830. T. 2. T XXX. № 23996. URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 22.03.2026).

11. Vestnik policii. 1909. № 16. S. 320–322.

12. Putyatin V. D. Stanovlenie i razvitie organov vnutrennih del na transporte v dorevolyucionnoj Rossii // Transportnoe pravo. 2007. № 4. S. 31.

13. Ocherki istorii transportnoj milicii Rossii. K 200-letiyu MVD Rossii / pod red. V. V. Zaharenkova. M., 2002.

14. Litvinov N. D. Protivodejstvie antigosudarstvennomu terroru na zheleznyh dorogah Rossijskoj imperii: cb. dokumentov i materialov. M.: Golos, 1999.

15. Bulyzhkin A. V. Organizaciya Orlovskoj milicii v period s 1917 po 1928 gody. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2004. 130 c.

16. Mycykov V. V. Iz istorii organizacii deyatel'nosti zheleznodorozhnoj policii v Rossii. M., 1999.

17. Timofeev L. A. Obyazannosti zhandarmskoj zheleznodorozhnoj policii po zhandarmsko-policejskoj chasti. Izd. 2-e. SPb., 1912.

18. Getman N. I., Stepanenko Yu. V. Organizaciya bor'by s prestupleniyami na passazhirskom zheleznodorozhnom transporte: prakticheskoe posobie. M.: Ekzamen, 2003. 127 s.

19. Na sluzhbe otechestvu: istoriya organizacii i obespecheniya pravoporyadka na transporte Rossii / pod obshch. red. N. A. Ovchinnikova. M.: IC «Sodejstvie», 2009. Tom II.

20. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. M., 1917–1924. Otd. 1. № 22.

21. Voronova V., Stepanova A. Organy gosbezopasnosti na transporte. 1918–1924 gg. // Cejhgauz. 2007. № 24. S. 32–33.

22. Potapenkova I. V. Rol' policii v obespechenii transportnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii kak odnogo iz elementov sistemy nacional'noj bezopasnosti strany // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 12. S. 182–185.

23. Vremya: lyudi i magistrali. M.: Golos-Press, 2014.

24. Prihod'ko N. Yu., Kurakov D. V. Rol' organov vnutrennih del v deyatel'nosti po profilaktike prestuplenij na ob"ektah transporta i transportnoj infrastruktury // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2024. № 1 (98). S. 174–181.

25. Pushkarev E. A., Shvec A. A. Istoriya organov vnutrennih del: uchebnoe posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2023. 94 s.

26. Transport Rossii — oficial'nyj pechatnyj organ Ministerstva transporta RF. URL: https://transportrussia.ru/razdely/bezopasnost/14811-okhrana-poryadka-v-puti.html (data obrashcheniya: 22.03.2026).

Информация об авторах

В. Л. Акапьев — кандидат педагогических наук.

Е. Г. Ковалева — кандидат технических наук.

А. В. Борисенко — кандидат физико-математических наук.

Information about the authors

V. L. Akapyev — Candidate of Science (Pedagogic).

E. G. Kovaleva — Candidate of Science (Engineering).

A. V. Borisenko — Candidate of Science (Physics and Mathematics).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.03.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 22.03.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 15–21.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 15–21.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34:343.81(571.1)

РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Вадим Олегович Зверев[1], Петр Дмитриевич Фризен[2]
[1] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, zverevoma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5179-8599
[2] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, frizenpd@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-5655-3750

Аннотация. *Исправительно-трудовая система играла важную роль в советской экономической системе, в т. ч. в области военной промышленности. С началом боевых действий в июне 1941 г. в советской пенитенциарной системе происходят существенные изменения: усиливается изоляция осужденных, ужесточается цензура, расширяется агентурная сеть, проводится комплекс мероприятий, направленных на усиление режима в исправительно-трудовых учреждениях. Особое внимание уделяется раскрытию фактов хищений материальных ценностей, в особенности продовольствия. В связи с призывом на военную службу значительного числа сотрудников правоохранительных органов для решения поставленных задач требовалось принятие оперативных и неординарных мер.*

Ключевые слова: *режим содержания, заключенные, Западная Сибирь, производство, побеги, исправительно-трудовые учреждения, НКВД СССР*

Для цитирования: *Зверев В. О., Фризен П. Д. Режим содержания в местах лишения свободы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 15–21.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

REGIME OF DETENTION IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Vadim O. Zverev[1], Peter D. Friesen[2]
[1] Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, zverevoma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5179-8599
[2] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, frizenpd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5655-3750

Abstract. *The correctional labor system played an important role in the Soviet economic system, including in the field of military industry. Since the outbreak of hostilities in June 1941, significant changes have been taking place in the Soviet penitentiary system: the isolation of convicts is increasing, censorship is tightening, the agent network is expanding, and a set of measures is being taken to strengthen the regime in correctional labor institutions. Special attention is paid to uncovering the facts of theft of material assets, especially food. Due to the conscription of a significant number of law enforcement officers, it was necessary to take prompt and extraordinary measures to solve the tasks set.*

Keywords: *regime of detention, prisoners, Western Siberia, escapes, correctional labor institutions, NKVD of the USSR*

For citation: *Zverev V. O., Friesen P. D. Regime of detention in places of deprivation of liberty in Western Siberia during the Great Patriotic War (historical and legal aspect). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:15–21 (In Russ.)*

© Зверев В. О., Фризен П. Д., 2026

Места лишения свободы в Западной Сибири состояли из тюрем, исправительно-трудовых колоний, исправительно-трудовых лагерей и пересыльных пунктов, которые в общем именовались исправительно-трудовыми учреждениями (далее — ИТУ), где была организована принудительная трудовая деятельность заключенных на промышленных предприятиях, шахтах, а также объектах аграрного сектора.

Задачами советской пенитенциарной системы являлись выполнение государственного производственного плана и перевоспитание осужденных, прежде всего, путем трудовой деятельности лиц, совершивших преступления. Для полноценного функционирования всей пенитенциарной структуры необходимо было создать такие условия отбывания наказания, при которых строго соблюдается режим исправительно-трудового учреждения. Содержание принятого в 1933 г. Исправительно-трудового кодекса РСФСР позволяет сделать вывод о том, что в числе приоритетных целей отбывания лицами уголовных наказаний выделяются перевоспитание осужденных и подготовка их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели и организации этого труда на началах постоянного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе исправления и ударничества. Основным типом ИТУ являлись трудовые колонии различных типов [1, с. 29].

Согласно ст. 3 Исправительно-трудового кодекса РСФСР выбор исправительно-трудовой колонии, в которую направлялся осужденный, основывался на трудовых навыках, классовой принадлежности и социальной «опасности», возраста, положения в обществе и успешности исправления[1]. При этом законодательство четко выделяло конкретные виды исправительно-трудовых колоний: фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные. Первые два типа исправительно-трудовых колоний выделялись по специфике производственной деятельности, в которой должны были принимать участие лица, отбывающие наказание, тогда как последние два определялись общественной опасностью совершенного лицом преступления или качествами его личности, которые свидетельствовали о стойком отрицании норм социалистического общежития. В частности, в штрафные колонии направлялись лица, которые ранее систематически не подчинялись установленному режиму или трудовой дисциплине в иных колониях.

Центральным звеном всей пенитенциарной системы являлось строгое и неукоснительное соблюдение режима отбывания наказания, что выражалось в значительном блоке внутреннего распорядка: предоставление свиданий и прогулок осужденному, получение им передач, ведение переписок, приобретение товаров личного потребления и пр. Одновременно с установлением правового статуса осужденного не меньшее значение придавалось дисциплинарным мерам воздействия, которые могли применяться к лицу, нарушающему внутренний распорядок и трудовую дисциплину.

Значение советских ИТУ в экономической системе усилилось в военное время, когда лица, отбывающие наказания, выпускали необходимую для оборонного комплекса страны продукцию. По состоянию на 1 августа 1943 г. в учреждениях НКВД СССР содержалось 1 млн 256 тыс. заключенных. На предприятиях, где они трудились, расширялось военное производство, в короткие сроки было организовано производство унифицированных запалов для ручных гранат. В целом по сравнению с 1942 г. производство боеприпасов увеличилось на 40 % [2, с. 149]. По мнению исследователей, уровень интенсификации производства в ИТУ СССР в годы Великой Отечественной войны возрос. Это было обусловлено переходом всей хозяйственной деятельности государства на военный лад, результатом чего стало выполнение производственного плана в 1943 г. на 104 % (относительно 1942 г. производительность труда увеличилась на 8 %) [3, с. 25–26].

Хозяйственная деятельность Главного управления исправительно-трудовых лагерей (далее — ГУЛАГ) НКВД СССР была направлена на 17 отраслей промышленности, сельское хозяйство, заготовку древесины и строительство. При этом за годы войны значительная часть заключенных ГУЛАГа пополнила ряды Красной армии (около 420 тыс. человек) [4, с. 47–49], что вызвало нехватку рабочих рук в местах лишения свободы.

Экономика ГУЛАГа НКВД СССР была полностью подчинена нуждам оборонного ведомства, только во втором полугодии перепрофилировали 40 предприятий, на 14 предприятиях был организован выпуск осколочных и противотанковых мин и гранат. В первой половине 1942 г. предприятиями НКВД СССР был освоен выпуск 82-мм осколочных мин, 120-мм осколочно-фугасных мин, химических авиабомб ХАБ-100 и ХАБ-500, авиа-

[1] Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 01.08.1933. URL: https://ru.wikisource.org (дата обращения: 01.03.2026).

ционных бомб АО-10 и АО-2,5, реактивных снарядов для боевой машины реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша», противопехотной осколочной мины заграждения ПОМЗ-2. В исправительно-трудовых учреждениях было организовано производство средств инженерного сооружения: грейдеров, катков, снегоочистителей, автобензоприцепов. Из заготовленной древесины заключенные изготавливали: авиафанеры, авиасосны, авиабруски, ружейные болванки, ствольные накладки. Швейные предприятия осуществляли пошив военной формы для бойцов Красной армии. На предприятиях ГУЛАГа НКВД СССР было налажено производство кузовов для автомобилей, черенков для лопат, тракторных саней, банок для сухого спирта, топорищ и пр. [5, с. 270–271].

Также заключенных направляли на работу на предприятия других наркоматов для производства боеприпасов, танков, самолетов, выполнения работ в металлургической, угольной, нефтяной и лесной промышленности.

В годы Великой Отечественной войны с помощью заключенных возводились промышленные предприятия, несмотря на все существовавшие трудности в людских ресурсах. В частности, в этих целях был создан отдельный Алтайский исправительный лагерь, которым осуществлялось строительство Михайловского содового комбината и железной дороги Кулунда — Михайловское. В сжатые сроки (1943–1944 гг.) силами осужденных были построены объекты по производству кальцинированной соды, активно применяемой в военной промышленности.

Так, 24 ноября 1943 г. были закреплены на строительство Содокомбината колонны № 41, 43 и 44. Колонна (отряд) № 41 осуществляла строительство тепловой электростанции, каменных сооружений и водоснабжения. Колонна (отряд) № 43 осуществляла работы по возведению деревянного здания Содокомбината, а колонна (отряд) № 44, которая именовалась «земляная», — отсыпку полотна [6].

После оглашения приговоров осужденных направляли этапами в пересыльный пункт Сибирского ИТЛ в г. Мариинске или непосредственно в различные исправительно-трудовые учреждения, расположенные по всему Советскому Союзу. Через крупные населенные пункты заключенных обычно конвоировали в ночное время, дабы минимизировать контакты с местным населением. На дальние расстояния их перевозили железной дорогой и под усиленной охраной. В соответствии с приказом НКВД СССР от 2 сентября 1942 г. об укомплектовании рабочей силой оборонных объектов происходила «разгрузка» тюрем Новосибирской области.

Для реализации поставленной задачи были направлены этапы: из тюрьмы № 1 Новосибирской области 1100 человек в комбинат № 179 (Кривощеково); из тюрьмы № 6 Новосибирской области 236 человек на комбинат № 179; из тюрьмы № 7 Новосибирской области 243 человека на комбинат № 179; из тюрьмы № 1 Новосибирской области 500 человек на завод № 65 г. Новосибирска; из тюрьмы № 1 Новосибирской области 400 человек на завод № 356 г. Новосибирска; из тюрьмы № 5 Новосибирской области 350 человек на кузнецкий металлургический комбинат г. Сталинска; из тюрьмы № 8 Новосибирской области 300 человек на завод № 605 г. Киселевска; из тюрьмы № 4 Новосибирской области 200 человек на завод № 208 г. Новосибирска; из тюрьмы № 3 Новосибирской области 200 человек в г. Томск [7].

В годы Великой Отечественной войны режим содержания заключенных ужесточился. Основные требования к нахождению заключенных в местах лишения свободы были закреплены в приказе НКВД СССР от 2 августа 1939 г. № 00889 с объявлением «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», где были прописаны меры по надежной изоляции преступного элемента [8].

Согласно Директиве НКВД СССР и Прокурора СССР от 22 июня 1941 г. № 221 охрана тюрем, колоний, лагерей переводилась на военное положение, запрещалась любая переписка заключенных. Ужесточался режим содержания во время проведения следственных действий и оперативных мероприятий. Лица, отбывающие наказание, должны были всегда находиться под наблюдением, пресекались любые попытки нападения на сотрудников ИТУ или бегства осужденных. Запрещалось иметь в камерах и бараках массивные письменные приборы, режущие предметы, газеты. Под запретом была любая связь между сотрудниками пенитенциарных учреждений и заключенными. Нарушения режима содержания фиксировались в официальных документах. Так, в Тюменской области в мае 1945 г. было установлено 28 случаев отказа от работы, 22 случая картежной игры, 22 случая хранения запрещенных предметов. Повреждение или хищение государственного имущества строго наказывались. Злостных нарушителей режима направляли в штрафные лагерные пункты. Значимой и нерешенной на тот момент проблемой являлось совместное нахождение в ИТУ осужденных разных полов. Женщины трудились в качестве прачек,

иногда их назначали дневальными в мужских бараках [9, с. 93–95].

Нарушение режима содержания в местах лишения свободы прежде всего было связано с незаконным оборотом запрещенных предметов. Заключенным нельзя было играть в карты и другие азартные игры, распивать спиртные напитки и употреблять наркотические средства, хранить и пользоваться рядом предметов (ножи, бритвы, инструмент, наличные деньги и пр.), приобретать у других лиц товары и продукты. Пресекались факты, когда представители бандитско-воровского элемента из состава заключенных употребляли алкоголь, наркотические вещества и настой крепкого чая — так называемый чифир [10, с. 56–57].

При совершении побегов осужденные использовали в том числе казенные транспортные средства. Например, 5 августа 1943 г. в с. Михайловка с колонны № 37 бывшего 3-го отделения был совершен групповой побег на автомобиле ЗИС. Заключенный Морозов, ремонтируя этот автомобиль, самовольно перекрасил кузов, изменил номер транспортного средства, незаконно получил топливо и скрылся на автомобиле в неизвестном направлении [6].

При задержании осужденных, сбежавших из ИТУ, активно использовались служебно-розыскные собаки. Например, в ночь с 15 на 16 июля 1942 г. заключенные 5-го отделения Омского ИТЛ Мантиллер А. Х., 1908 г. р., и Губанов А. Г., 1923 г. р., осужденные сроком на 10 лет лишения свободы, пользуясь плохим освещением периметра лагеря, оторвали доску забора и совершили побег. Сотрудник ИТУ Шишкин С. И., будучи в патруле, совместно с часовым Ч. применили оружие, в результате чего заключенный Мантиллер А. Х. был убит, а заключенный Губанов А. Г. скрылся. Для ликвидации побега была вызвана служебно-розыскная собака с проводником Курочкиным Г. И. [11].

Сотрудниками НКВД СССР также подавлялись беспорядки в местах лишения свободы. В частности, в 1942 г. в тюрьме № 5 Новосибирской области заключенные, находящиеся в камере, подожгли вату и через окно бросили ее на ограду тюрьмы, намереваясь сжечь тюремный корпус [7].

Кроме того, существенно усилились мероприятия по предотвращению хищений в советской пенитенциарной системе. В ноябре 1942 г. в тюрьме № 1 Новосибирской области была задержана преступная группа расхитителей социалистической собственности, в которую входил старший повар Креталов П. Д., начальник хозяйственной части Тихонов И. А., старший делопроизводитель Карташова К. С., шоферы внутренней тюрьмы К. и Я., заведующий складом Ч. Данные лица только в 1942 г. похитили 188 кг сахара, 263 кг мяса, 640 кг рыбы, 689 кг манной крупы, 9 кг сливочного масла. Эти продукты питания предназначались заключенным данной тюрьмы. Было установлено, что медицинские работники в обмен на пайки заключенных передавали им спирт, а в тюрьме было организовано незаконное изготовление браги из казенного сахара. Более того, начальник тюрьмы Р. присваивал себе продукты питания, предназначенные для лиц, отбывающих наказание [7].

Усиление режима содержания выражалось еще и в мобилизации добровольных организаций — помощников НКВД СССР, формировавшихся из числа неравнодушных местных жителей. Их эффективность иллюстрирует следующий пример: из-под конвоя с копки могил в Мариинском отделении Сибирского ИТЛ 5 сентября 1942 г. сбежал заключенный Паскаев Д. Е., 1918 г. р., ранее осужденный к 7 годам лишения свободы. Он был задержан 8 сентября 1942 г. в 3 часа ночи членами бригады содействия милиции: путевым обходчиком Кутиминым Г. П. при содействии стрелка разъезда Харченко А. Ф., когда он вышел на железнодорожный путь. Всем причастным к поимке беглеца была объявлена благодарность и выдана премия в размере 150 рублей [12].

На транспортных узлах была организована система оперативных зон по поимке беглых заключенных. Например, в Омской области в 1942 г. были созданы: застава № 1 на правом берегу Иртыша в составе оперзаслона № 1, оперзаслона № 2 и оперзаслона № 3; застава № 2 на левом берегу Иртыша в составе оперзаслона № 1, оперзаслона № 2 и опрезаслона № 3. Для лучшей связи заслонов с группами содействия были выделены 4 верховые лошади [11].

В 1943 г. в Сибирском исправительно-трудовом лагере была образована маневренная группа в составе 54 бойцов, которую использовали для поддержания режима содержания заключенных. Для этого было выделено казарменное помещение при Мариинском дивизионе [12].

Военизированная охрана (далее — ВОХР) обеспечивала подавление восстаний, саботажа и диверсии со стороны заключенных [2, с. 155]. Нередко к заключенным со стороны ВОХРа применялись меры физического воздействия. В частности, такие случаи были зафиксированы в 1942 г. в Омском исправительно-трудовом лагере [9].

Затруднял полноценный контроль над заключенными некомплект сотрудников НКВД СССР

в связи с их отправкой на фронт, что на территории Западной Сибири являлось серьезной проблемой. Только в 1941–1942 гг. свыше 1500 сотрудников было направлено в Красную армию. В связи с этим для охраны ИТУ создавались отряды ВОХРа из числа вольнонаемных лиц, на которых возлагалась ответственность за соблюдение режима охраны в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири [13, с. 40]. Заметим, что проблема кадрового дефицита сотрудников ИТУ распространялась на территории всего СССР, поскольку в ряды Красной армии было мобилизовано большое количество личного состава уголовно-исправительной системы страны. Это обусловило потребность привлечения на службу лиц, не имеющих необходимого опыта работы, непригодных для призыва на военную службу в силу здоровья или возраста, что негативно сказалось на качестве сотрудников, на которых были возложены очень серьезные задачи [14, с. 78]. Положительным образом на решении этой проблемы сказался подход к освобождению из мест лишения свободы осужденных сотрудников, которых можно было направлять на фронт или привлекать для несения службы в исправительно-трудовых учреждениях.

Проведение тщательных личных досмотров заключенных и помещений, в которых они проживали, давало возможность сотрудникам НКВД СССР изымать запрещенные предметы, срывать побеги или нападения на надзирательский состав и охрану ИТУ. Согласно приказу начальника УНКВД по Кемеровской области в ночь с 29 на 30 апреля 1944 г. был произведен повальный досмотр всех заключенных, содержащихся в тюрьме № 1 г. Кемерово. В итоге было обнаружено: перочинный нож, шило, иглы. Изъято 1260 руб., зашитых в одежде одного из заключенных, из допроса которого было установлено, что для передачи предметов из одной камеры в другую использовали уборную тюрьмы. Заключенные женщины также содержали в камерах иглы. Было установлено, что не выполнялось распоряжение тюремного управления о необходимости изготовления козырьков к окнам всех камер [15].

В зимнее время из-за плохого питания, недостаточного медицинского обслуживания, тяжелых условий производственной деятельности и низкого санитарно-бытового уровня происходило массовое заболевание осужденных цингой. В качестве профилактических мер в местах лишения свободы раздавался настой хвои и лука [6], правда, это действовало не всегда эффективно.

Бытовая неустроенность, переполненность бараков и тюремных камер, отсутствие элементарных удобств, антисанитария, низкое качество медицинского обслуживания служили детерминантами побегов из ИТУ [16, с. 363] и неподчинения требованиям сотрудников НКВД СССР.

На качестве соблюдения правил содержания в исправительных учреждениях негативно сказывалось ухудшение материального содержания заключенных, качества оказываемой медицинской помощи, что приводило к многочисленным заболеваниям и высокой смертности.

Таким образом, усиление режима содержания в местах лишения свободы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. было вынужденной мерой, примененной советским руководством в связи со сложной внутренней обстановкой и направлением больших людских ресурсов на фронт. Необходимо было наладить и увеличить производство военной продукции, а реализацию этой цели осложнял дефицит кадров как в среде заключенных, так и среди сотрудников НКВД СССР.

На особом контроле у руководства НКВД СССР стояло недопущение фактов саботажа, побегов, нападений на сотрудников ИТУ и невыполнения их требований. В исправительно-трудовых учреждениях предпринимались меры по нейтрализации фактов нарушений режима содержания и их усиленной изоляции. В своей совокупности используемые ограничительные подходы позволили сохранить стабильность в пенитенциарных учреждениях, не допустить срыва производственных и хозяйственных планов, перестроить исправительно-трудовую систему согласно внутригосударственной обстановке воюющего государства.

Список источников

1. Упоров И. В. Исправительно-трудовое законодательство СССР в 1930–1950 годы: основные тенденции развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2–1. С. 28–33.

2. Путь к Победе. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: монография. М.: Академия управления МВД России, 2025. Т. 2. 464 с.

3. Исаков В. М. Ограничения прав заключенных в местах лишения свободы в период 1940–1945 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 23–28.

4. Бородкин Л. И. ГУЛАГ в годы войны: мобилизационная экономика в экстремальном режиме // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 46–54.

5. Путь к Победе. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: монография. М.: Академия управления МВД России, 2025. Т. 1. 416 с.

6. Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 383.

7. Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 297.

8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 12. Д. 316.

9. Суверов Е. В., Суверов С. Е. Исправительно-трудовые учреждения Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2024. 220 с.

10. Трухин М. А. Противодействие теневым экономическим отношениям сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы: на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. 144 с.

11. Архив ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 40.

12. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6.

13. Михеенков Е. Г. Сиблаг в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 35–41.

14. Яковлева О. Н. Особенности функционирования уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2. С. 76–86.

15. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.

16. Суверов Е. В. К вопросу о побегах заключенных в Западной Сибири (1930–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 2 (82). С. 362–369.

References

1. Uporov I. V. Ispravitel’no-trudovoe zakonodatel’stvo SSSR v 1930–1950 gody: osnovnye tendencii razvitiya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2025. № 2–1. S. 28–33.

2. Put’ k Pobede. Organy i vojska NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. T. 2. 464 s.

3. Isakov V. M. Ogranicheniya prav zaklyuchennyh v mestah lisheniya svobody v period 1940–1945 gg. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 23–28.

4. Borodkin L. I. GULAG v gody vojny: mobilizacionnaya ekonomika v ekstremal’nom rezhime // Ural’skij istoricheskij vestnik. 2018. № 4. S. 46–54.

5. Put’ k Pobede. Organy i vojska NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. T. 1. 416 s.

6. Arhiv IC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu. F. 12. Op. 1. D. 383.

7. Arhiv IC GU MVD Rossii po Novosibirskoj oblasti. F. 4. Op. 1. D. 297.

8. GARF. F. 9414. Op. 12. D. 316.

9. Suverov E. V., Suverov S. E. Ispravitel’no-trudovye uchrezhdeniya Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriko-pravovoj aspekt): monografiya. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2024. 220 s.

10. Truhin M. A. Protivodejstvie tenevym ekonomicheskim otnosheniyam sotrudnikami pravoohranitel’nyh organov v mestah lisheniya svobody: na primere Zapadnoj Sibiri v 30–50-e gg. XX v.: monografiya. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2024. 144 s.

11. Arhiv IC UMVD Rossii po Omskoj oblasti. F. 10. Op. 1. D. 40.

12. Arhiv IC GU MVD Rossii po Kemerovskoj oblasti. F. 11. Op. 1. D. 6.

13. Miheenkov E. G. Siblag v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2011. № 2 (5). S. 35–41.

14. Yakovleva O. N. Osobennosti funkcionirovaniya ugolovno-ispolnitel’noj sistemy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 2. S. 76–86.

15. Arhiv IC GU MVD Rossii po Kemerovskoj oblasti. F. 1. Op. 1. D. 5.

16. Suverov E. V. K voprosu o pobegah zaklyuchennyh v Zapadnoj Sibiri (1930–1945 gg.) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 2 (82). S. 362–369.

Информация об авторах

В. О. Зверев — доктор исторических наук, доцент.

П. Д. Фризен — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. O. Zverev — Doctor of Science (History), Associate Professor.

P. D. Friesen — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 22–30.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 22–30.
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
Научная статья
УДК 94:34(470.5)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛИЦЕЙСКИХ ЧИНОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ

Георгий Александрович Скипский
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, skipsky.georgy@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена исследованию социального и правового статуса чинов екатеринбургской городской полиции в период первой половины XIX в. В статье особое внимание уделено специфике организации и прохождения службы полиции в городе Екатеринбурге, который тогда являлся административным центром управления горнозаводской промышленностью Урала, находящейся в ведении Военного министерства и Департамента горных и соляных дел Министерства финансов.*

В статье дан анализ кадровой политики по комплектованию и прохождению службы рядового и начальствующего состава управы благочиния города Екатеринбурга в период нарастания кризиса крепостного права.

Ключевые слова: *управа благочиния, полицмейстер, квартальный надзиратель, унтер-офицер, бутошник, Главная контора управления Екатеринбургских заводов*

Для цитирования: *Скипский Г. А. Социально-правовой статус полицейских чинов в Российской империи в первой половине XIX века на примере Екатеринбургской управы благочиния // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 22–30.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES
Original article

SOCIO-LEGAL STATUS OF POLICE OFFICERS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY: A CASE STUDY OF THE YEKATERINBURG POLICE DEPARTMENT

Georgy A. Skipsky
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, skipsky.georgy@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of the social and legal status of the officials of the Yekaterinburg city police in the first half of the XIXth century. The article pays special attention to the specifics of the organization and service of the police in Yekaterinburg, which was then the administrative center of the management of the mining industry of the Urals, which was under the jurisdiction of the Ministry of War, and the Department of Mining and Salt Affairs of the Ministry of Finance. The article provides an analysis of the personnel policy for recruiting and serving the rank-and-file and senior officers of the Yekaterinburg City Police Department during the growing crisis of serfdom.*

Keywords: *Police Chief, District Inspector, Non-Commissioned Officer, Watchman*

For citation: *Skipsky G. A. Socio-legal status of police officers in the russian empire in the first half of the XIXth century: a case study of the Yekaterinburg police department. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:22–30 (In Russ.)*

© Скипский Г. А., 2026

Актуальность исследуемой проблемы заключается в изучении противоречивого исторического опыта реформ отечественной правоохранительной системы с целью выявления разнообразных субъективных и объективных причин их незавершенности, а также поиска позитивных примеров деятельности чинов дореволюционной российской полиции, что будет способствовать совершенствованию воспитательной работы в территориальных органах и образовательных организациях МВД России.

Выбранные для данного историко-правового исследования хронологические рамки были обусловлены прежде всего реформой полиции в XIX в., начавшейся в связи с созданием Министерства внутренних дел Российской империи. Данные преобразования получили достаточно мощный импульс для дальнейшей модернизации правоохранительной системы Российской империи, которая завершилась вместе с окончанием эпохи правления императора Николая I, после смерти которого начались очередные преобразования, связанные с подготовкой реформы по отмене крепостного права.

В условиях высокой текучести кадров в органах внутренних дел Российской Федерации, о которой заявил министр В. А. Колокольцев на коллегии МВД России 4 марта 2026 г. [1], обращение к историческому опыту комплектования чинов полиции в первой половине XIX в. становится не только актуальным, но и во многом поучительным. В исследуемый период численность полиции Российской империи была весьма незначительна. Например, согласно штатному расписанию полиции Нижнего Новгорода — одного из крупных губернских центров Российской империи, в 1829 г. в нем насчитывалось 3 частных пристава, 12 квартальных надзирателей, 12 унтер-офицеров и 116 рядовых [2, с. 98]. При этом население Нижнего Новгорода тогда не превышало 14 тыс. человек [3, с. 48]. Таким образом, в губернском центре Нижегородской губернии соотношение полицейских чинов к городскому населению составляло примерно 1:94. Но это Нижний Новгород — достаточно крупный торгово-ремесленный центр Российской империи, обладавший существенными материальными, финансовыми и людскими ресурсами. А вот в Екатеринбурге в этот же период социальная ситуация складывалась не в пример скромнее.

В течение первой половины XIX в., а если точнее, то с 1807 г. (с момента образования управы благочиния в Екатеринбурге) до 1857 г. (дата проведения очередной ревизии Главной конторой управления заводов), население города Екатеринбурга росло крайне неравномерно. Если в 1807 г. оно составляло 10 023 человек, то в 1857 г. оно увеличилось всего до 13 026 человек. При этом в 1820 г. население Екатеринбурга составляло 16 858 человек, что являлось абсолютным максимумом в течение всей первой половины XIX в. [4].

Столь низкие темпы прироста населения в Екатеринбурге объяснялись очень высокой смертностью населения, средняя продолжительность жизни, даже по данным переписи населения 1897 г., у мужчин не превышала 27 лет, а у женщин — 28 лет [4]. Низкие демографические показатели определялись крайне тяжелыми условиями труда заводских рабочих, составлявших абсолютное большинство населения, а также потребительским отношением горного начальства к людским ресурсам, которые постоянно пополнялись за счет новых приписных крестьян, а также сосланных на Урал преступников, обреченных на каторжные работы по вырубке лесов и заготовке древесного угля, добыче вручную железной и медной руды из шурфов и шахт, рытью новых водохранилищ, ремонту речных плотин и т. д.

Свою негативную роль в сложившейся демографической ситуации сыграл также климатический фактор, который проявлялся в длительных и морозных зимах, частом возвращении заморозков весной и ранних заморозков в конце лета и осенью. Все это сказывалось на здоровье горожан, а особенно рабочих горных заводов. К этому следует добавить весьма высокий уровень цен на продукты питания и фураж для лошадей, обусловленный тем, что Урал всегда находился и находится до сих пор в зоне рискованного земледелия.

Но главную роль в низком социальном положении горожан все же сыграло межведомственное противостояние между Главной конторой горных заводов и городской думой Екатеринбурга. При этом в данном противостоянии заложником оказалась управа благочиния, которая была одновременно подчинена горному начальству в лице Главной конторы управления Екатеринбургских заводов и городской думе Екатеринбурга.

Система управления горнозаводской промышленностью Урала со времен реформ Петра I была основана на предоставлении фактической монополии в руки горного начальства, которая была установлена в качестве условной платы за выполнение государственного заказа на производство оборонной продукции. В первое десятилетие XIX в. до 80 % изделий из железа, которые получало Воен-

ное министерство, было произведено на Урале [5, с. 46]. Именно монополизм горного начальства на Урале делал его полновластным хозяином в крае, а следовательно, практически единственным распорядителем материальных, финансовых и людских ресурсов, в которых, как показывает отечественная многовековая история органов внутренних дел, они испытывали хронический дефицит.

Штатная численность управы благочиния в Екатеринбурге была установлена в 1807 г. Горным уставом, принятым согласно указанию министра финансов А. И. Васильева. При этом министр финансов (а не министр внутренних дел — авт. Г. С.) настаивал, чтобы это была именно горная полиция, которая прежде всего была обязана обеспечивать общественный порядок на заводах, а только потом уже в самом городе Екатеринбурге [6, с. 437–438]. Таким образом, городская полиция Екатеринбурга оказалась в полной материальной и финансовой зависимости от горного начальства, которое тогда особо не церемонилось с людскими ресурсами, будучи полностью уверенным в поступлении необходимого количества людей для их нужд.

Согласно штатному расписанию управы благочиния города Екатеринбурга она включала в себя 1 полицмейстера — начальника управы, 3 частных приставов — по количеству районов (частей) Екатеринбурга, соответственно 3 старших и 3 младших квартальных надзирателей, 1 секретаря и 4 приказнослужителей [7, л. 16–16 об.]. Кроме того, для несения караульной службы в ночное и в дневной время было введено в штат управы благочиния 24 бутошника — по 8 на каждую полицейскую часть, а также казачья полицейская команда в составе 1 унтер-офицера и 14 казаков [7, л. 34–34 об.]. Таким образом, если учесть специфику несения службы по охране общественного порядка в городе Екатеринбурге с населением около 10 тыс. человек, было выделено всего 45 человек рядового и начальствующего состава, что можно вывести в примерное соотношение как 1:225.

В условиях высокой текучести населения, а оно в большей степени (в силу высокой детской смертности) обновлялось за счет присылки новых крепостных и каторжных из европейской части Российской империи, криминогенная обстановка должна была оставаться весьма напряженной. Поэтому, опять же по распоряжению горного начальства, екатеринбургская управа благочиния получила в качестве оперативного резерва горную роту, укомплектованную из солдат Екатеринбургского мушкетерского полка, который в 1811 г. получил новое наименование — 37-й пехотный полк [8].

Горная рота регулярно после ежегодных строевых смотров пополнялась за счет солдат и унтер-офицеров, признанных ограниченно годными к несению строевой службы (они назывались тогда инвалиды — авт. Г. С.). Ее численность не была постоянной, поскольку многое зависело от военно-политической обстановки, а она в первой половине XIX в. оставалась весьма напряженной, что требовало постоянной переброски воинских контингентов с Урала то на западные границы Российской империи, то на Кавказ. Поэтому в постоянном составе горной роты в Екатеринбурге оставались самые небоеспособные солдаты и унтер-офицеры. Об их деловых и профессиональных качествах весьма нелестно отзывался полицмейстер Александр Николаевич Коренев.

В период с 1807 по 1857 г. в Екатеринбургской управе благочиния сменилось 10 полицмейстеров, среди которых относительно длительный срок на должности прослужили И. П. Данилов (1807–1813 гг.) [9, л. 61 об. – 65], А. Н. Коренев (1813–1815 гг. и 1816–1819 гг.) [10, л. 5 об. – 7; 11, л. 11 об. – 13], А. П. Волков (1834–1838 гг.) [12, л. 511–512], В. С. Солонинин (1839–1844 гг.) [13, л. 903–906], А. С. Абабков (1849–1857 гг.) [14, л. 23 об. – 24 об.].

Полицмейстер Отто Адамович Ирман в течение нескольких месяцев 1815 г. и начала 1816 г. оставался в роли исполняющего обязанности после временной отставки А. Н. Коренева, обусловленной конфликтом с начальством Главной конторы Екатеринбургских заводов из-за отказа в выплате компенсаций полицейским чинам на пошив нового форменного обмундирования и заготовку дров [15, л. 107 об. – 109].

В среднем екатеринбургские полицмейстеры служили около 3 лет, например В. И. Васнецов (1819–1821 гг.), И. А. Козин (1821–1824 гг.), А. М. Шилинцов (1824–1826 гг.), П. М. Нечаев (1826–1829 гг.) [16, л. 207–210], А. Г. Коуров (1829–1832 гг.) [17, л. 280–287]. Следует особо отметить, что полицмейстер В. И. Васнецов по совместительству выполнял обязанности горного исправника Екатеринбургских заводов, а следовательно, уделял больше внимания защите интересов их хозяев, нежели вопросам охраны общественного порядка в городе.

Полицмейстер Солонинин занимал эту должность при совмещении обязанностей маркшейдера, соответствовавшего чину по Табели о рангах 9 класса, отвечавшего за разметку шахт и шурфов,

организацию строительных работ внутри них, а также измерял размеры рудничных полей и курировал разметку поверхности земли перед разработкой новых месторождений руды.

Еще одним примером ведомственного вмешательства горного начальства в управление полицией стал тот факт, что обер-бергмейстер Волков исполнял обязанности начальника управы благочиния Екатеринбурга в 1834–1836 гг. [12, л. 511–512]. Столь интересная (но не единственная в этом роде на Урале) карьера горного чиновника Волкова была вызвана тем, что в 1834 г. был создан корпус горных инженеров, прохождение службы в котором приравнивалось к военной службе, а сам чин обер-бергмейстера соответствовал согласно Табели о рангах 7 классу, или воинскому званию подполковника [18]. Можно, безусловно, не сомневаться в компетентности Волкова, занимавшего должность, требовавшую контроля над работами в шахтах и шурфах по добыче полезных ископаемых. Но эти же компетенции не всегда могли быть с успехом применены для руководства городской полицией. Но тогда, до начала реформ по отмене крепостного права, кадровые вопросы решало именно горное начальство, отчитывавшееся перед Министерством финансов, а не перед Министерством внутренних дел.

Весьма существенно горное начальство Екатеринбурга повлияло на карьеру полицмейстера майора Нечаева, на чью ответственность легло расследование громкого преступления, связанного с двойным убийством и ограблением на огромную сумму денег. 19 апреля 1829 г. в доме английского горнопромышленника Осипа Меджера, главного механика Главной конторы управления Екатеринбургских заводов, контролировавшего в том числе золотые прииски в пригороде Екатеринбурга — заимке Малый исток, территорию которого Осип Меджер получил безвозмездно в 1812 г., было найдено его тело со следами рубленых ран, нанесенных топором. В доме также было обнаружено тело его охранника, также зарубленного топором.

В 1824 г. на территории заимки были найдены самородки золота очень высокой пробы (из 96 золотников — 1 фунт — выплавлялось до 93 золотников золота), и Осип Меджер, занимавший должность бергауптмана 6-го класса (начальника горного производства), организовал добычу золота на своем участке. По сведениям, поступившим из рапорта полицмейстера майора Нечаева, из дома Меджера были похищены самородки золота весом около 2 пудов (около 32 кг), что тогда по стоимости составило около 80 тыс. рублей [19, л. 21–22 об.].

Следует отметить, что городская полиция Екатеринбурга отреагировала достаточно оперативно. Уже 6 мая 1829 г. было составлено обвинительное заключение в отношении купца Василия Верходанова [20, л. 321–321 об.]. Согласно ему в организации преступления был обвинен купец Петр Дмитриев, который был оперативно задержан, но купцу Василию Верходанову удалось скрыться с похищенным золотом. Преступник был задержан только в 1831 г. в Санкт-Петербурге, о чем было сообщено в рапорте полицмейстера Коурова в Екатеринбургский городской магистрат об обстоятельствах ограбления и убийства бергауптмана 6-го класса Меджера, датированном 22 сентября 1831 г. [19, л. 21–22 об.].

Следует отметить, что это громкое преступление, несмотря на быстрый арест его организатора, вскоре привело к отставке полицмейстера майора Нечаева, которого сменил на посту начальника управы благочиния новый полицмейстер Коуров, занимавший чин 7-го класса по Табели о рангах, что соответствовало воинскому званию подполковника.

Если сравнить масштабы украденных у государства ценностей, которые Меджер накопил всего за три года, то на строительство каменных зданий для всех трех полицейских частей (съезжих дворов), 30 деревянных будок для караульных помещений, четырех деревянных помещений кордегардии (караульных помещений для солдат, охранявших крепостные ворота, а также служивших в качестве гауптвахты для провинившихся солдат гарнизона), двух каменных караульных помещений при соляном и хлебном магазинах в 1828 г. архитектором Малаховым была составлена смета, согласно которой для возведения данных зданий и строений предполагалось потратить из городской казны Екатеринбурга 38 тыс. 109 рублей и 15 копеек [21].

Исходя из содержания рапорта полицмейстера 7-го класса подполковника А. Н. Коренева (до 1811 г. был в должности командира 37-го пехотного полка) от 19 января 1815 г., он был обязан согласовывать сметы на содержание городской полиции Екатеринбурга вместе с обер-бергмейстером Тетюевым и маркшейдером Мунтом. При этом решение о выделении денежных средств для нужд полиции утверждалось с участием бургомистра, членов городской думы [22, л. 36, 38].

Из этого обстоятельства следует, что городское начальство и Главная контора Екатеринбургских заводов стремились переложить друг на друга максимально возможное количество средств и од-

новременно проявляли солидарность в вопросах повышения как размеров денежного жалования полицейским чинам, так и штатной численности городской полиции.

В рапорте от 9 февраля 1815 г. полицмейстер А. Н. Коренев указывал на срочную необходимость обновления зимнего обмундирования 7 казаков и 1 унтер-офицера, откомандированных в город Казань для конвоирования очередной партии каторжников, направлявшихся в распоряжение Главной конторы Екатеринбургских заводов [22, л. 51–52 об.]. В ответном рапорте, составленном только 19 августа 1815 г. (поразительная оперативность в делопроизводстве — авт. Г. С.) в магистрат Екатеринбургской городской думы письмоводителем Янушевым, было указано, что дополнительных денежных средств для нужд откомандированных казаков, так же как и для всех чинов Екатеринбургской управы благочиния, нет, причем чиновник ссылался на Указ императора Павла I от 14 мая 1799 г., в котором было предписано формирование городской полиции за счет воинских инвалидных команд, а следовательно, денежные средства изыскивать из бюджета Военного министерства [22, л. 96–98 об.].

Абсурдность данной ситуации была ясна и понятна всем заинтересованным сторонам. Согласно Горному уставу, принятому в 1807 г. уже при императоре Александре I, Екатеринбургская управа благочиния переходила в полное ведение Министерства финансов, а значит, за ее содержание (в т. ч. финансирование и материальное обеспечение полицейских чинов) отвечала Главная контора Екатеринбургских заводов, этому ведомству непосредственно подчинявшаяся. Но поскольку екатеринбургские городские власти сами были в полном подчинении у горного начальства, они не могли рекомендовать полицмейстеру А. Н. Кореневу обратиться к обер-бергмейстеру Тетюеву с вопросом о выплате дополнительных денежных средств. С другой стороны, сам А. Н. Коренев был заложником системы управления, сложившейся в 1802 г., которая предполагала перекладывание вопросов денежного и материального обеспечения полиции на плечи органов городского самоуправления.

Сам Александр Николаевич Коренев был весьма авторитетным командиром и начальником, поэтому постоянно требовал от городских и горных властей Екатеринбурга дополнительных средств. В частности, в упомянутом выше рапорте от 21 января 1815 г. он обосновал сумму в размере 8944 рублей и 62 копеек, необходимую на полноценное содержание полиции Екатеринбурга в 1815 г. [22, л. 41]. Напомним, что по «доброте душевной» горного начальства английский коммерсант получил безвозмездно золотые слитки на сумму в 80 тыс. рублей, т. е. в 9 раз больше, чем весь годовой бюджет екатеринбургской полиции. При этом еще в 1812 г. подданный Британской империи О. Меджер обязался построить за свой счет завод в Екатеринбурге и обучить мастеров для работы на оборудовании, выписанном из Англии. Но данных обещаний горный инженер О. Меджер не выполнил, зато получал из бюджета Министерства финансов существенное денежное жалование, которое в год его смерти составляло 1200 рублей.

Можно констатировать факт, что за 17 лет Главная контора Екатеринбургских заводов потратила на содержание иностранного специалиста, не выполнившего своих обязательств в полном объеме, около 11 400 рублей, что соответствовало выплате денежного жалования всему личному составу Екатеринбургской управы благочиния (всего 3497 рублей) [22, л. 39,40] в примерном соотношении как 1:3,26 в пользу подданного Британской империи.

В ту романтическую эпоху, как правило, русские офицеры проявляли постоянную заботу о своих подчиненных, с которыми им приходилось делить все тяготы службы. Настойчивость А. Н. Кореневa завершилась тем, что в сентябре 1815 г. он был снят с должности полицмейстера решением начальника Главной конторы управления Екатеринбургских заводов обер-бергмейстера Тетюева. При этом данное решение поддержал и пермский губернатор Модерах [11, л. 11 об. – 13]. Стоит ли уточнять, решен ли был вопрос, поднятый полицмейстером о выплате компенсации казакам, отправленным в Казань в суровую зиму 1815 г. в изношенном обмундировании и приобретавшим фураж для лошадей в течение всей командировки за свой счет, а затем встретившим самую холодную в первой половине XIX в. зиму 1816 г.

Обратимся к насущному вопросу о размерах денежного жалования полицейских чинов управы благочиния города Екатеринбурга в первой половине XIX в. Следует заметить, что в 1829 г. в связи с растущей инфляцией денежное жалование, положенное классным чинам согласно Табели о рангах, было увеличено в два раза.

В 1815 г., согласно штатному расписанию Екатеринбургской управы благочиния, предложенному полицмейстером А. Н. Кореневым и согласованному обер-бергмейстером Тетюевым и маркшейдером Мунтом, а также чиновниками Екатеринбургской городской думы, были установлены

следующие размеры годового денежного жалования:

– полицмейстер — 750 рублей;

– частный пристав — 250 рублей;

– старший квартальный надзиратель — 175 рублей;

– младший квартальный надзиратель — 100 рублей;

– приказнослужитель — 100 рублей;

– письмоводитель — 68 рублей;

– унтер-офицер — 36 рублей;

– казак — 18 рублей;

– бутошник — 18 рублей;

– сторож при управе — 20 рублей [22, л. 39–40].

Дополнительно стоит указать, что казакам также полагались выплаты на приобретение фуража для лошадей.

Следует отметить, что по расчетам исследователя быта российских чиновников Л. Ф. Писарьковой, в первой половине XIX в. одинокому чиновнику при размерах годового жалования в 140 рублей 29 копеек были доступны такие блага, как съем небольшой квартиры, оплата доставки и заготовки дров, 30 фунтов (примерно 1230 гр.) говядины в месяц, 30 хлебов в месяц (караваев хлеба, весом около 2 фунтов), крупы, свечи, затраты на стирку белья, чистку обуви, приобретение посуды, одежды, лекарств. При этом бюджет чиновника был составлен без приобретения чая, сала, масла, сахара, а также оплаты услуг по приготовлению пищи, что, по мнению исследователя, требовало дополнительных расходов в размере не менее 3 рублей в год [23]. Данные исследования были проведены в основном на материалах провинциальных городов европейской части Российской империи.

Если учесть, что за Уралом стоимость многих продуктов питания, фуража и дров была еще выше (в силу сложной логистики и зависимости от ввоза значительной части продуктов питания), то социальное положение чинов екатеринбургской полиции, начиная с младшего квартального надзирателя, было еще более удручающим. Выход из положения они находили в выполнении каких-либо дополнительных работ по найму (заготовка сена, дров, ремонт обуви, одежды — прерогатива рядового состава городской полиции, в основном из мещан и казаков) либо в написании деловых писем, жалоб, исков в суды (приказнослужители и письмоводители), либо в оказании частных охранных услуг, неизбежно производившихся в ущерб огромному кругу должностных обязанностей (унтер-офицеры, младшие и старшие квартальные надзиратели).

Екатеринбургский исследователь истории уральской полиции, ветеран свердловского ОБХСС О. И. Логинов выявил своеобразную статистику текучести кадров чинов управы благочиния в первой половине XIX в. По его мнению, частные приставы в Екатеринбурге особо не держались за эту, казалось бы, высокую должность. Они в среднем служили в данной должности всего 2,5–3 года. Только один частный пристав прослужил 10 лет [21]. Причина была очень простая — семейному человеку необходимо было поддерживать достойный образ жизни себе, супруге и многочисленным детям (в среднем тогда в семьях горожан было 5–7 детей), обреченному на открытость своей личной жизни в глазах городского общества, не подобало содержать свою жену и детей в явной нищете, поскольку размеры его жалования не позволяли их содержать в соответствии с имеющимся официальным статусом представителя государственной власти. Особо следует отметить большие расходы на пошив форменного мундира.

Текучесть кадров в екатеринбургской управе благочиния составляла в среднем 10–20 % [21]. И если классные чины увольнялись в связи с карьерными соображениями, то рядовые полицейские чины (бутошники, сторожа) увольнялись либо по состоянию здоровья, либо в связи с необходимостью содержания своих семей. Исключение составляли казаки и унтер-офицеры, которые были обязаны отслужить весь положенный срок — 25 лет.

На должность частного пристава, соответствовавшую чину 10-го класса, как правило, претендовали чиновники более низших классов по Табели о рангах — коллежские регистраторы — чиновники самого низшего 14-го ранга, а также офицеры из дворян, у кого не получилось построить военную карьеру и стремившиеся получить звание классного чина, соответствовавшее чину армейского штабс-капитана. Большинство из претендентов на должность частного пристава тогда рассматривали службу в городской полиции в качестве кратковременного этапа в последующей карьере.

Дольше всех канцелярию Екатеринбургской управы благочиния возглавлял ее первый секретарь Н. И. Комаров (1807–1814 гг., 1815–1829 гг.). Свою карьеру он начал в 11 лет копиистом Красноуфимского земского суда (в 1797 г.). За 21 год службы в Екатеринбургской управе благочиния в полиции Н. И. Комаров дослужился с должности письмоводителя (12 ранг — коллежский секретарь) до титулярного советника — классного чина, соответствующего 9-му рангу [21]. Своеобразный ре-

корд по выслуге лет в управе благочиния поставил А. И. Медведев, который начал службу в 1834 г., а спустя 33 года вышел в отставку с выплатой пенсиона от Главной конторы Екатеринбургских заводов за безупречную службу [21].

При анализе деловой переписки Екатеринбургского магистрата, ведущейся его секретарем Янушевым, было выяснено, что вакантные должности квартальных надзирателей стремятся занимать унтер-офицеры из горных рот екатеринбургского гарнизона, у которых денежное жалование составляло 110 рублей в год, а должность квартального надзирателя оплачивалась на 10 рублей больше, что «положенное по штату полицейскому жалование в 120 рублей почесть может для нихъ весьма достаточным» [22, л. 99]. Городские власти Екатеринбурга были вынуждены с этим явлением мириться, но постоянно высказывали недовольство низким качеством несения службы такими полицейскими чинами. Знания и опыт унтер-офицеров, поступавших на службу в управу благочиния из горных рот, были в целом недостаточными в силу специфики функций горных рот, в основном использовавшихся для конвоирования каторжников и поимки беглых крепостных. Для охраны общественного порядка в городе такой специфический унтер-офицер из горных рот явно не подходил.

Несмотря на ряд негативных моментов, связанных с низким уровнем подготовки и служебной дисциплины, следует указать и на заслуги ряда представителей управы благочиния, которые они имели перед Отечеством и Государем императором. Например, три екатеринбургских полицмейстера участвовали в Отечественной войне 1812 г. За боевые заслуги орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 4-й степени был награжден Иван Козин. За победу при Чашниках орден Св. Владимира получил и Петр Нечаев. Но особенно необходимо отметить шестого екатеринбургского полицмейстера капитана Андрея Шилинцова. Он был родом из солдатской семьи и в 1806 г. поступил на военную службу рядовым в Рыльский пехотный полк. В 1808–1812 гг. участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. и в Отечественной войне 1812 г., вскоре дослужившись до звания фельдфебеля. Во время обороны Смоленска в августе 1812 г. фельдфебель А. М. Шилинцов в ходе контратаки захватил в плен 5 офицеров противника. При этом сам был «ранен в сгибе плеча и под оным вторично пулями на вылет с повреждением сухожилия и кости в лоб саблею и в бороду железною сечкою с повреждением нижней челюсти и потерею одного зуба, а также в левую щеку около носа дробью». За свой подвиг Андрей Михайлович Шилинцов был произведен в офицеры и получил звание подпоручика. Принимали участие в Отечественной войне 1812 г. также квартальный надзиратель Г. И. Сушинский и частный пристав И. И. Кодырев [21].

Полицмейстер А. Н. Коренев, будучи весьма требовательным к своим подчиненным, одобрительно отзывался о выполнении служебных обязанностей квартального надзирателя О. С. Жиганова: «По особенной расторопности и самому усерднейшему служению достоин, и повышения чином, и к прибавке жалованья». Полицмейстер Ф. С. Солонинин был удостоен знака ордена Св. Станислава 3-й степени «за неутомимую деятельность, особенное усердие и отличную распорядительность», проявленные им при тушении крупных пожаров в Екатеринбурге, происходивших 27 сентября, 6 и 20 октября 1839 г. [13, л. 903].

К середине XIX в. деятельность управы благочиния по организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в городе Екатеринбурге позволила обеспечить достаточный уровень «спокойствия и благочиния». После успешного расследования убийства английского коммерсанта О. Меджера в 1829 г. тяжких преступлений в городе больше не совершалось. Основу полицейской статистики в 1840-х гг. составляли сведения о мелких кражах, бродяжничестве и нахождении грудных младенцев, подкинутых к дверям домов богатых горожан или у церквей.

Данная ситуация сохранялась недолго. Вскоре начались преобразования Александра II по подготовке и отмене крепостного права, которые неизбежно затронули организацию службы городской полиции на Урале — регионе, в котором в течение полутора столетий заводы процветали за счет принудительного труда крепостных и ссыльных, а городская полиция весьма скудно пополнялась откомандированными из воинских гарнизонов солдатами и унтер-офицерами, а также рядовыми казаками.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что социально-правовой статус чинов городской полиции Екатеринбурга в течение всей первой половины XIX в. был обусловлен двойным подчинением Министерству внутренних дел и Министерству финансов. Полновластным представителем последнего на Урале выступала Главная контора Екатеринбургских заводов, в полной мере использовавшая свою удаленность от столицы для полного подчинения полиции своим ведомственным интересам. При этом она систематически иг-

норировала острые проблемы финансового и материального обеспечения защитников правопорядка, произвольно решала кадровые вопросы, выдвигая на должность полицмейстера наиболее лояльных чиновников.

Монопольное положение Главной конторы позволяло ей принуждать городские власти Екатеринбурга к несению большей части расходов на содержание управы благочиния, а поскольку городская казна была хронически пустой, то полицейские чины были вынуждены решать вопросы обеспечения обмундированием, продовольствием, топливом, фуражом, канцелярскими принадлежностями, строительными материалами своими силами и часто за свой счет либо за счет принуждения екатеринбургских мещан. Поэтому в управе благочиния Екатеринбурга неудивительным явлением была хроническая текучесть кадров, низкая дисциплина и недостаточный профессионализм как у рядовых, так и значительной части представителей полицейского начальства.

Список источников

1. Колокольцев: Текучесть кадров огромная, личный состав обновился наполовину. URL: https://rg.ru/2026/03/04/kolokolcev-tekuchest-kadrov-ogromnaia-lichnyj-sostav-obnovilsia-napolovinu.html (дата обращения: 20.03.2026).

2. Галай Ю. Г., Беляков А. В. Нижегородская полиция в XVIII — начале XX века. Н. Новгород, 2012. 247 с.

3. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. СПб.: Паровая скоропечатня М. М. Гутзац, 1896. Вып. I. 188 с.

4. Кузьмин А. И. Историко-демографический портрет Екатеринбурга. URL: https://www.km.ru/referats/73C1B691CD2345C 8886260544752E22A (дата обращения: 20.03.2026).

5. Новиков И. А. Реформа управления горнозаводской промышленности Урала в начале XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 1998. № 1. С. 45–50.

6. ПСЗ-1. Т. 29. № 22208.

7. Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2089. Л. 16–16 об.

8. Екатеринбургский 37-й пехотный полк // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1832. Л. 61 об. – 65.

10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1839. Л. 5 об. – 7.

11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1844. Л. 11 об. – 13.

12. ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 154. Л. 511–512.

13. ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 154. Л. 903–906.

14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2180. Л. 23 об. – 24 об.

15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1851. Л. 107 об. – 109.

16. ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 154. Л. 207–210.

17. ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 154. Л. 280–287.

18. Словарь золотого промысла Российской империи. URL: https://gold_mining.academic.ru/635/Обербергмейстер (дата обращения: 20.03.2026).

19. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1023. Л. 21–22 об.

20. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1089. Л. 321–321 об.

21 Логинов О. И. 220 лет МВД России. Часть 1. История Российской полиции. Глава 5. История уральской полиции. URL: https://crimerecords.info/2022/06/28/mvd-part-5-history-of-the-ural-police (дата обращения: 20.03.2026).

22. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1548. Л. 36–38,39, 40, 41, 51–52 об., 96–98 об., 99.

23. О жизни российских чиновников в XIX веке. URL: https://llesina.livejournal.com/4149.html (дата обращения: 20.03.2026).

References

1. Kolokol’cev: Tekuchest’ kadrov ogromnaya, lichnyj sostav obnovilsya napolovinu. URL: https://rg.ru/2026/03/04/kolokolcev-tekuchest-kadrov-ogromnaia-lichnyj-sostav-obnovilsia-napolovinu.html (data obrashcheniya: 20.03.2026).

2. Galaj Yu. G., Belyakov A. V. Nizhegorodskaya policiya v XVIII — nachale XX veka. N. Novgorod, 2012. 247 s.

3. Nizhegorodskaya guberniya po issledovaniyam gubernskogo zemstva. SPb.: Parovaya skoropechatnya M. M. Gutzac, 1896. Vyp. I. 188 s.

4. Kuz'min A. I. Istoriko-demograficheskij portret Ekaterinburga. URL: https://www.km.ru/referats/73C1B691CD2345C 8886260544752E22A (data obrashcheniya: 20.03.2026).

5. Novikov I. A. Reforma upravleniya gornozavodskoj promyshlennosti Urala v nachale XIX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 1. S. 45–50.

6. PSZ-1. T. 29. № 22208.

7. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (dalee — GASO). F. 25. Op. 1. D. 2089. L. 16–16 ob.

8. Ekaterinburgskij 37-j pekhotnyj polk // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907.

9. GASO. F. 24. Op. 12. D. 1832. L. 61 ob. – 65.

10. GASO. F. 24. Op. 12. D. 1839. L. 5 ob. – 7.

11. GASO. F. 24. Op. 12. D. 1844. L. 11 ob. – 13.

12. GASO. F. 35. Op. 1. D. 154. L. 511–512.

13. GASO. F. 35. Op. 1. D. 154. L. 903–906.

14. GASO. F. 24. Op. 12. D. 2180. L. 23 ob. – 24 ob.

15. GASO. F. 24. Op. 12. D. 1851. L. 107 ob. – 109.

16. GASO. F. 35. Op. 1. D. 154. L. 207–210.

17. GASO. F. 35. Op. 1. D. 154. L. 280–287.

18. Slovar' zolotogo promysla Rossijskoj imperii. URL: https://gold_mining.academic.ru/635/Oberbergmejster (data obrashcheniya: 20.03.2026).

19. GASO. F. 12. Op. 1. D. 1023. L. 21–22 ob.

20. GASO. F. 12. Op. 1. D. 1089. L. 321–321 ob.

21. Loginov O. I. 220 let MVD Rossii. Chast' 1. Istoriya Rossijskoj policii. Glava 5. Istoriya ural'skoj policii. URL: https://crimerecords.info/2022/06/28/mvd-part-5-history-of-the-ural-police (data obrashcheniya: 20.03.2026).

22. GASO. F. 25. Op. 1. D. 1548. L. 36–38,39, 40, 41, 51–52 ob., 96–98 ob., 99.

23. O zhizni rossijskih chinovnikov v XIX veke. URL: https://llesina.livejournal.com/4149.html (data obrashcheniya: 20.03.2026).

Информация об авторе

Г. А. Скипский — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

G. A. Skipsky — Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 10.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 10.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 31–38.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 31–38.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340:343

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ЗАКОННОСТЬ, ОБОСНОВАННОСТЬ, МОТИВИРОВАННОСТЬ КАК СИСТЕМА ТРЕБОВАНИЙ К СУДЕЙСКОМУ УБЕЖДЕНИЮ (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Елена Евгеньевна Степанова
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия, kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053

***Аннотация**. Статья посвящена теоретико-историческому анализу нормативных пределов оценки доказательств в праве. Автор рассматривает три взаимосвязанных требования как систему ограничений судейского усмотрения, исторически сложившуюся в ответ на недостатки как формальной, так и свободной моделей оценки доказательств. На основе анализа дореволюционного, советского и современного российского законодательства, а также правовых позиций Конституционного и Верховного судов Российской Федерации обосновывается тезис о том, что эволюция нормативных пределов оценки доказательств движется в направлении усиления требований к мотивированности судебных актов. Концепция рефлексивного контроля рассматривается как теоретическое обобщение этой эволюции. Автор приходит к выводу, что мотивированность выступает сущностной характеристикой правосудного решения, обеспечивающей его легитимность и проверяемость.*

***Ключевые слова:** оценка доказательств, законность, обоснованность, мотивированность, внутреннее убеждение, рефлексивный контроль, судейское усмотрение, теоретико-историческое правоведение*

***Для цитирования:** Степанова Е. Е. Нормативные пределы оценки доказательств: законность, обоснованность, мотивированность как система требований к судейскому убеждению (теоретико-исторический анализ) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3. С. 31–38.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

NORMATIVE LIMITS OF EVIDENCE EVALUATION: LEGALITY, VALIDITY, REASONING AS A SYSTEM OF REQUIREMENTS FOR JUDICIAL CONVICTION (THEORETICAL AND HISTORICAL ANALYSIS)

Elena E. Stepanova
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053

***Abstract.** The article is devoted to the theoretical and historical analysis of normative limits of evidence evaluation in law. The author examines three interrelated requirements — legality, validity, and reasoning — as a system of restrictions on judicial discretion that historically developed in response to the shortcomings of both formal and free models of evidence evaluation. Based on the analysis of pre-revolutionary, Soviet, and modern Russian legislation, as well as legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the thesis is substantiated that the evolution of normative limits of evidence evaluation is moving towards strengthening the requirements for reasoning of judicial acts. The concept of reflexive control is considered as a theoretical generalization of this evolution, proposing explication of rules of inference and value premises of evidence evaluation as a necessary element of reasoning. The author concludes that reasoning is not a technical requirement for the execution of a judicial act, but an essential characteristic of a just decision, ensuring its legitimacy and verifiability.*

***Keywords:** evidence evaluation, legality, validity, reasoning, judicial discretion, theoretical and historical legal studies*

***For citation:** Stepanova E. E. Normative limits of evidence evaluation: legality, validity, and motivation as a system of requirements for judicial conviction (theoretical and historical analysis). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:31–38 (In Russ.).*

© Степанова Е. Е., 2026

Любая система оценки доказательств в праве неизбежно сталкивается с фундаментальным противоречием. С одной стороны, судья нуждается в дискреционных полномочиях, позволяющих учитывать неповторимые обстоятельства каждого конкретного дела и выносить решение, соответствующее критериям истинности и справедливости. С другой — судейская свобода не может быть абсолютной, поскольку ее безграничность неизбежно оборачивается произволом, разрушающим правовую определенность и подрывающим общественное доверие к отправлению правосудия. Нормативные пределы оценки доказательств представляют собой юридические инструменты, призванные снять это напряжение: они ограничивают судейское усмотрение, одновременно направляя его в рациональное русло.

Действующее российское процессуальное законодательство фиксирует три взаимосвязанных требования, выступающих в качестве такого рода пределов: законность, обоснованность и мотивированность судебных актов. Вместе с тем теоретическая проработка данных категорий именно в контексте оценочной деятельности юриста остается неполной. Соотношение законности и обоснованности, конкретное содержание требования мотивированности применительно к мыслительным операциям судьи, исторический генезис данной системы ограничений — все это нуждается в специальном теоретико-историческом исследовании.

Особую актуальность проблема нормативных пределов обретает на современном этапе эволюции правовой системы. Усложнение судебных дел, внедрение новых видов доказательств (цифровые следы, результаты оперативно-розыскной деятельности, электронные документы) ведут к расширению судейского усмотрения, что, в свою очередь, требует выработки четких ориентиров для оценочной работы. Отсутствие таких ориентиров порождает разнобой в правоприменительной практике, ставя участников судопроизводства в положение неопределенности. В силу этого обращение к теоретико-историческим основаниям законности, обоснованности и мотивированности приобретает не сугубо академический, а непосредственно практический характер.

С теоретико-методологической точки зрения рассматриваемое противоречие между необходимостью судейской свободы и ее нормативными ограничениями относится к разряду «вечных проблем» юриспруденции, ибо оно затрагивает саму природу судебной власти. Подчинение судьи исключительно закону предполагает существенную степень автономии при установлении фактических обстоятельств дела. В то же время принцип правовой определенности настаивает на том, чтобы данная автономия имела измеримые и подконтрольные границы. Теоретический интерес к нормативным пределам оценки доказательств обусловлен, таким образом, не только запросами судебной практики, но и внутренней логикой развития правовой доктрины, которая на разных исторических этапах предлагала различные способы разрешения данного противоречия — от тотальной формальной регламентации до апелляции к непроверяемым критериям. Выявление закономерностей этого исторического движения составляет основную теоретическую задачу настоящего исследования.

Методологическую основу исследования составляет единство исторического и теоретического подходов, характерное для теоретико-исторического правоведения. Исторический анализ позволяет реконструировать смену типов нормативного регулирования оценки доказательств. Теоретический анализ — выявить инвариантные характеристики каждого типа, независимые от конкретного исторического контекста. Логика исследования построена как движение от эмпирического описания правовых форм (легальная система, свободная оценка, советские кодексы, современное законодательство) к их теоретической реконструкции в категориях «экстенсивная/интенсивная модель» и «формальная/процедурная определенность». Завершающим этапом выступает нормативно-теоретическое конструирование — предложение концепции рефлексивного контроля как способа разрешения выявленных противоречий.

Для понимания современной системы нормативных пределов необходимо обратиться к истории — к тому, как различные правопорядки решали проблему ограничения судейской свободы в оценке доказательств.

В системе формальных (легальных) доказательств, господствовавшей в римском праве, средневековой Европе и отчасти в России до судебной реформы 1864 г., проблема нормативных пределов решалась радикально: закон сам устанавливал, какие доказательства являются достаточными для установления факта, а какие — нет [1]. Как отмечал И. Я. Фойницкий, судья не мог признать факт доказанным, если не было предусмотренного законом числа свидетелей или совершенного признания, даже если внутренне был убежден в истине; и наоборот, он был обязан признать факт доказанным при наличии формальных условий, даже если внутренне сомневался [2].

В таких условиях требования законности, обоснованности и мотивированности практически совпадали. Законность означала неукоснительное соблюдение предписанных правил о доказательствах. Обоснованность отождествлялась с формальной достаточностью: если закон требовал двух свидетелей, а суд их получил, решение обоснованно. Мотивированность сводилась к указанию на выполнение формальных требований («имеются показания двух свидетелей, что соответствует ст. ... закона»).

Однако именно эта механистичность стала главным недостатком формальной системы. Судья не мог учесть индивидуальные особенности доказательств (например, что один свидетель явно заинтересован в исходе дела, а другой — нет). Это вело к судебным ошибкам, причем ошибки были «легальными» — формально правильными, но по существу несправедливыми [3].

Судебная реформа 1864 г. в России, как и революционное законодательство во Франции конца XVIII в., совершила переход к системе свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. Судья больше не был связан формальными предписаниями о силе доказательств; он оценивал каждое доказательство самостоятельно, руководствуясь «внутренним убеждением, основанным на совокупности обстоятельств дела»[1].

Однако этот переход не означал отмены нормативных пределов как таковых. Напротив, возникла необходимость в новых пределах, поскольку старые (формальные предписания) были отменены. Судебные уставы 1864 г. впервые законодательно закрепили обязанность суда мотивировать приговор. Согласно ст. 800 Устава уголовного судопроизводства суд должен был привести «основания, по которым он признал доказательства достаточными или недостаточными». Данное нововведение носило принципиальный характер: от судьи требовалось не просто сослаться на формальное предписание закона, а изложить собственную логику, продемонстрировать интеллектуальный переход от имеющихся доказательств к итоговому выводу.

В плоскости эволюции правовых форм закрепление требования мотивированности знаменовало собой сдвиг от экстенсивной модели нормативной регламентации оценочной деятельности к интенсивной. Экстенсивная модель (легальная система доказательств) стремилась нормативно охватить все мыслимые процессуальные ситуации, приписывая каждому виду доказательств заранее установленную юридическую силу. Интенсивная модель, напротив, не предрешает содержательного результата оценки, но задает параметры процедуры его достижения и публичной презентации. Иными словами, фокус нормативного регулирования смещается: предметом регламентации становится не столько сам итог оценочных действий («какой факт считать установленным»), сколько логико-методологический способ его обоснования («как именно должен быть выстроен переход от доказательств к выводу и как этот переход следует объяснить»). Это принципиальное различие между двумя типами правового регулирования впоследствии будет воспроизведено на всех последующих этапах развития процессуального законодательства, включая советский и постсоветский периоды.

Однако теоретическое осмысление новых пределов оценки доказательств долгое время отставало от законодательного закрепления. Дореволюционные процессуалисты (В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий, Д. Г. Тальберг) писали о внутреннем убеждении, но редко анализировали системно категории законности, обоснованности и мотивированности как пределы этого убеждения [4].

Советская теория доказательств: от классового подхода к формальной определенности.

Советский период — это сложный и противоречивый этап эволюции нормативных пределов оценки доказательств в истории российского права.

1917–1930-е гг.: отрицание формальных пределов.

В первые послереволюционные годы господствовало «революционное правосознание» как критерий оценки доказательств. Декрет о суде № 1 (1917 г.)[2] разрешал судам руководствоваться «социалистическим правосознанием» в отсутствие писаного закона.

В этот ранний период требования законности (в смысле соблюдения процессуальных норм) были минимальными, обоснованность понималась прежде всего идеологически, а мотивированность на практике часто сводилась к ритуальным фразам о «контрреволюционном характере преступления».

Однако по мере укрепления советской государственности и принятия кодифицированных норма-

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 года = Судебные уставы двадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года. Б.м., [1864]. 455 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003545250/ (дата обращения: 23.04.2026).

[2] Декрет о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

тивных актов в конце 1920-х — 1930-е гг. вектор развития начинает меняться: формальные процессуальные требования, включая обязанность мотивировки приговора, постепенно восстанавливаются в своем значении. Вместе с тем идеологическая компонента продолжает существенно влиять на правоприменительную практику, особенно в отношении дел, рассматривавшихся в особом (внепроцессуальном) порядке.

1930–1950-е гг.: реставрация формальной определенности.

В 1930-е гг. на фоне дальнейшего укрепления государственных институтов и завершения кодификационных работ начинается процесс, обратный раннему постреволюционному периоду, — возвращение к формальной определенности в сфере оценки доказательств. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. и в еще большей степени УПК РСФСР 1960 г. закрепляли развернутую систему правил о доказательствах, включая нормы о допустимости и требования к содержанию мотивировочной части приговора.

Теоретическое осмысление проблемы нормативных пределов в этот период связано, в частности, с именем А. Я. Вышинского. Несмотря на неоднозначность политической репутации этого деятеля, его вклад в разработку учения о пределах судейского усмотрения не может быть игнорирован. Вышинский последовательно отстаивал тезис, согласно которому внутреннее убеждение судьи не может быть произвольным: оно должно опираться на закон и на доказательства, проверенные в ходе судебного заседания [5]. Однако в сталинский период данное требование нередко оставалось лишь декларацией, игнорируясь на практике.

В послевоенный период советская процессуальная наука разработала учение о законности и обоснованности приговора как двух самостоятельных, но взаимосвязанных требований. Законность понималась как соблюдение судом норм процессуального и материального права при рассмотрении дела. Обоснованность — как соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным на основе проверенных в судебном заседании доказательств [6].

Однако, как справедливо отмечал В. М. Савицкий, требование обоснованности остается декларативным, если не дополнено требованием мотивированности — указанием в приговоре того, почему суд признал одни доказательства достоверными, а другие нет [7].

Советское процессуальное законодательство формально требовало мотивировки приговора (ст. 314 УПК РСФСР 1960 г.: в приговоре должны быть указаны доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства). Характерной чертой этого этапа стало противоречие между декларируемой свободой внутреннего убеждения и реальными механизмами контроля за судьями. С одной стороны, закон прямо закреплял, что судья руководствуется только законом и совестью. С другой стороны, существовала практика: ориентирующие разъяснения вышестоящих судов, негласные инструкции, а в отдельные периоды — внепроцессуальное влияние на судей. Это порождало феномен «двойной мотивировки»: формальная для протокола и реальная, остававшаяся за рамками текста приговора. В таких условиях требование обоснованности фактически утрачивало свою регулятивную функцию, превращаясь в ритуал. На практике, как показывали криминологические исследования 1970–1980-х гг., мотивировка часто была формальной и шаблонной [8].

Причина этого, по мнению И. Л. Петрухина, заключалась в отсутствии теоретической модели того, как именно должна быть устроена мотивировка оценочной деятельности. Судья знал, что он должен перечислить доказательства и сказать, верит он им или нет. Но закон не объяснял, как он должен обосновать, почему он верит одним и не верит другим, особенно когда речь идет о противоречивых доказательствах [8].

Это наблюдение чрезвычайно важно для понимания генезиса концепции рефлексивного контроля. Проблема советской (и, как будет показано, постсоветской) теории доказательств заключалась не в отсутствии требований законности, обоснованности и мотивированности, а в отсутствии методологии их реализации применительно к оценочной деятельности. Требование мотивированности существовало, но его содержание оставалось нераскрытым.

В современном российском процессуальном законодательстве требования законности, обоснованности и мотивированности закреплены в качестве фундаментальных принципов правосудия. Однако их содержание применительно к оценке доказательств продолжает оставаться предметом доктринальных дискуссий и судебного толкования.

Законность как предел оценки доказательств.

Требование законности при оценке доказательств означает, что судья обязан соблюдать установленные процессуальным законом правила: о допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ,

ст. 55 ГПК РФ, ст. 68 АПК РФ), о порядке исследования доказательств, о распределении бремени доказывания (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ, ст. 14 УПК РФ), о презумпциях [9].

Обоснованность как содержательный предел.

Требование обоснованности выходит за рамки формальной законности. Оно требует, чтобы выводы суда соответствовали фактическим обстоятельствам дела, установленным на основе доказательств. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» разъяснил, что приговор признается обоснованным, если в нем отражены обстоятельства, подлежащие доказыванию, и содержатся мотивы, по которым суд пришел к выводам о доказанности или недоказанности этих обстоятельств[1].

Связь между обоснованностью и мотивированностью здесь очевидна: обоснованность — это свойство решения (его соответствие действительности), а мотивированность — это способ демонстрации данного свойства.

В цивилистическом процессе аналогичные разъяснения содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»: «Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»[2].

Анализ законодательства и правовых позиций высших судов показывает, что именно мотивированность становится центральным требованием, вокруг которого группируются иные нормативные пределы оценки доказательств.

Проведенный теоретико-исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция нормативных пределов оценки доказательств движется в направлении, которое может быть теоретически обобщено в концепции рефлексивного контроля.

Три этапа эволюции: от формы к содержанию и процедуре.

Первый этап — формальная определенность (легальная система доказательств). Пределы оценки задавались извне, законом, который предписывал, какие доказательства считать достаточными. Судья был освобожден от необходимости рефлексии — правила вывода были заданы a priori. Платой за это была механистичность и неспособность учесть индивидуальные особенности дела.

Второй этап — свободная оценка (система внутреннего убеждения). Формальные пределы были отменены, но вместо них возникли требования обоснованности и мотивированности. Судья был вынужден рефлексировать, но его рефлексия оставалась «внутренней», не обязательно эксплицированной. Платой за это стали неопределенность и разнобой в практике.

Третий этап — рефлексивный контроль (современный этап эволюции). Формальная определенность отброшена как чрезмерно жесткая, свободная оценка признана недостаточной с точки зрения определенности и проверяемости. Требуется не просто «внутренняя» рефлексия судьи, но эксплицированная, зафиксированная в судебном акте рефлексия. Судья должен не просто прийти к убеждению, но и показать путь к этому убеждению, объяснить правила вывода, эксплицировать разрешение сомнений.

Обобщая представленную периодизацию, можно выделить два различных типа правовой определенности, которые сменяют друг друга в исторической эволюции нормативных пределов. Первый тип — формальная (или результативная) определенность. Он господствует на этапе легальной системы доказательств. Его суть: закон заранее, до рассмотрения конкретного дела, устанавливает, какой результат оценки должен быть получен при наличии определенных доказательств. Платой за эту определенность является неспособность учесть уникальные обстоятельства конкретного дела. Второй тип — процедурная определенность. Он начинает доминировать на современном этапе эволюции и находит свое теоретическое выражение в концепции рефлексивного контроля. Его суть: закон не предрешает результат оценки (какой вывод должен быть сделан), но жестко регламентирует процедуру прихода к этому результату и его публичного обоснования. Платой за этот тип определенности является большая сложность контроля (проверяющий должен реконструировать логику

[1] О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8528/ (дата обращения: 23.04.2026).

[2] О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. URL: https://base.garant.ru/12133638/ (дата обращения: 23.04.2026).

судьи, а не просто сличить факты с нормой). Однако именно процедурная определенность оказывается единственно возможной в условиях сложных, многокритериальных дел, где формальные решения заведомо непригодны. Рефлексивный контроль, таким образом, есть механизм производства процедурной определенности в условиях фактической неопределенности.

Концепция рефлексивного контроля предлагает конкретное наполнение требования мотивированности применительно к оценке доказательств. Рефлексивный контроль — это не просто требование «мотивировать решение», а требование эксплицировать процедуру оценивания как последовательность логических шагов.

В терминах нормативных пределов это означает, что мотивировочная часть судебного акта должна содержать:

1) перечень доказательств с указанием их источников и процессуального статуса (выполнение требования законности);

2) оценку каждого доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности (реализация требования законности и обоснованности);

3) логическую обработку — сопоставление доказательств между собой, выявление согласованности и противоречий (основа обоснованности);

4) экспликацию правил вывода — указание на то, какие логические законы, правовые презумпции, стандарты доказывания применялись при переходе от доказательств к выводу (ключевой элемент рефлексивного контроля);

5) разрешение сомнений — если сомнения остаются, судья должен объяснить, почему они не препятствуют выводу (или, напротив, почему они приводят к оправдательному/отказному решению) [10].

Почему рефлексивный контроль необходим? Потому что только эксплицированная, проверяемая процедура оценки доказательств может легитимировать судебное решение в условиях, когда абсолютная истина недостижима.

Рефлексивный контроль — это и есть такая процедура. Он не гарантирует, что решение будет истинным (в метафизическом смысле), но он гарантирует, что решение будет рационально обоснованным, а значит, проверяемым, контролируемым и в этом смысле легитимным.

Проведенный теоретико-исторический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Требования законности, обоснованности и мотивированности не являются изолированными; они образуют систему нормативных пределов оценки доказательств, в которой каждый элемент выполняет самостоятельную функцию. Законность задает негативные границы судейского усмотрения, определяя, какие доказательства и в каком порядке могут быть использованы. Обоснованность задает позитивный ориентир, требуя соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Мотивированность выполняет служебную по отношению к первым двум функцию: она делает контроль за соблюдением законности и достижением обоснованности практически возможным, превращая внутренний акт судейского убеждения в публичную, проверяемую процедуру.

Выявленная в ходе исследования закономерность исторической эволюции нормативных пределов такова: движение идет от формальной законности, воплощенной в легальной системе доказательств, к содержательной обоснованности, присущей свободной оценке по внутреннему убеждению, и в конечном счете к мотивированности, понимаемой как экспликация самой процедуры оценивания. Каждая последующая стадия не упраздняет достижения предыдущей, но привносит дополнительный параметр контроля. На первой стадии объектом контроля выступает соблюдение внешних, формально заданных правил. На второй — соответствие судейского вывода объективной действительности. На третьей — рациональность интеллектуального перехода от совокупности доказательств к итоговому выводу.

Концепция рефлексивного контроля представляет собой теоретическое обобщение данной эволюционной линии. Она не упраздняет требований законности и обоснованности, а конкретизирует их применительно к специфике оценочной деятельности судьи, предлагая трактовать мотивированность как экспликацию правил вывода, т. е. тех логических законов, правовых презумпций и стандартов доказывания, которые были задействованы при переходе от доказательственного материала к финальному выводу.

Полученные результаты имеют не только процессуально-правовое, но и общетеоретическое значение. Различение формальной (результативной) и процедурной определенности, выявленное на материале эволюции нормативных пределов, может быть экстраполировано на иные области правового регулирования. Оно соответствует двум различным стратегиям правового воздействия: стратегии, предписывающей заранее определенный результат, и стратегии, предписывающей процедуру его достижения. Фик-

тивность требования мотивированности, обнаруженная на советском этапе, представляет собой частный случай более общего феномена расхождения между нормативным долженствованием и правоприменительной реальностью — одного из центральных предметов теоретико-правового анализа.

В современном российском праве правовые позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации движутся в направлении, которое может быть описано как имплицитное признание необходимости рефлексивного контроля. Однако для полной реализации этого подхода требуется не только его теоретическое осмысление, но и институциональное обеспечение: включение соответствующих требований в процессуальные кодексы, а также изменение критериев оценки качества судебных актов и подходов к судейскому образованию.

Рефлексивный контроль не является внешним ограничением свободы судьи. Напротив, он выступает условием реальной свободы, поскольку освобождает судью от необходимости полагаться на неконтролируемую интуицию и позволяет ему рационально обосновывать свои решения. В этом смысле нормативные пределы и свобода оценки доказательств не противостоят, а дополняют друг друга. Перспективы дальнейшего исследования связаны с эмпирической верификацией предложенной модели — анализом конкретных судебных актов на предмет соответствия требованиям рефлексивного контроля.

Список источников

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 829 с.

2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1899. Т. 2 / 24. 608 с.

3. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям ординарного профессора Императорскаго университета Св. Владимира, доктора уголовного права Д. Г. Тальберга: в 2 т. Киев: Товарищество печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киевское Отделение, 1889–1891.

4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство — судопроизводство / [Соч.] В. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоведения, чл. консультации М. Ю., и. д. тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. XIV, 670 с.

5. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 308 с.

6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1968–1970, 1970. 516 с.

7. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1975. 383 с.

8. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК «Велби», 2005. Ч. 2. 192 с.

9. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 416 с.

10. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

References

1. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2000. 829 s.

2. Fojnickij I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Sankt-Peterburg, 1899. T. 2 / 24. 608 s.

3. Tal’berg D. G. Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lekciyam ordinarnogo professora Imperatorskago universiteta Sv. Vladimira, doktora ugolovnogo prava D. G. Tal’berga: v 2 t. Kiev: Tovarishchestvo pech. dela i torg. I. N. Kushnerev i K° v Moskve, Kievskoe Otdelenie, 1889–1891.

4. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa: Sudoustrojstvo — sudoproizvodstvo / [Soch.] V. Sluchevskogo, prep. ugolov. sudoproizvodstva v Uch-shche pravovedeniya, chl. konsul’tacii M. Yu., i. d. tov. ober-prokurora Ugolov. kass. dep. Senata. 4-e izd., dop. i ispr. Sankt-Peterburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. XIV, 670 s.

5. Vyshinskij A. Ya. Teoriya sudebnyh dokazatel’stv v sovetskom prave. 3-e izd., dop. M.: Gos. izd-vo yurid. lit-ry, 1950. 308 s.

6. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: v 2 t. Poryadok proizvodstva po ugolovnym delam po sovetskomu ugolovno-processual'nomu pravu. M.: Nauka, 1968–1970, 1970. 516 s.

7. Savickij V. M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora v ugolovnom sudoproizvodstve / AN SSSR, In-t gosudarstva i prava. M.: Nauka, 1975. 383 s.

8. Petruhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo processa v Rossii. M.: TK «Velbi», 2005. Ch. 2. 192 s.

9. Reshetnikova I. V. Dokazyvanie v grazhdanskom processe: uchebno-prakticheskoe posobie dlya vuzov. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2025. 416 s.

10. Effektivnost' pravovyh norm / V. N. Kudryavcev, V. I. Nikitinskij, I. S. Samoshchenko, V. V. Glazyrin. M.: Yurid. lit., 1980. 280 s.

Информация об авторе

Е. Е. Степанова — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. E. Stepanova — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 27.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 39–50.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 39–50.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.1:001

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ XXI В.

Иван Львович Третьяков[1], Денис Евгеньевич Кузнецов[2]
[1] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, tretyakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1720-4187
[2] Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, goodjobman@inbox.ru, https://orcid.org/0009-0002-7528-1823

Аннотация. *В статье предпринята попытка комплексного анализа и критической переоценки научного наследия профессора Л. И. Петражицкого на современном этапе развития российской государственности, права и общественного сознания. Учение об атрибутивной стороне психики может оказаться чрезвычайно востребованным в сфере воспитания молодежи, а также в процессе формирования патриотически ориентированного контента, нацеленного на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, противодействие дезинформации, враждебной идеологии. Отдельные положения теории Л. И. Петражицкого уже сегодня демонстрируют высокую значимость в условиях формирования многополярного мира и расширяющегося сотрудничества стран — членов БРИКС.*

Ключевые слова: *правовые эмоции, мотивы, нравственность, интуитивное право, интегративный подход, личность, сотрудничество, единство, страны БРИКС*

Для цитирования: *Третьяков И. Л., Кузнецов Д. Е. Созидательный потенциал теории права Л. И. Петражицкого в условиях формирования многополярной реальности XXI в. // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 39–50.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CREATIVE POTENTIAL OF L. I. PETRAZHYTSKY'S THEORY OF LAW IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF THE MULTIPOLAR REALITY OF THE XXITH CENTURY

Ivan L. Tretyakov[1], Denis E. Kuznetsov[2]
[1] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia, tretyakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1720-4187
[2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia, goodjobman@inbox.ru, https://orcid.org/0009-0002-7528-1823

Abstract. *This article attempts a comprehensive analysis and critical reassessment of Professor L. I. Petrazycki's scholarly legacy at the current stage of development of the Russian statehood, law, and public consciousness. The doctrine of the attributive aspect of the psyche may prove extremely relevant in the field of youth education, as well as in the development of patriotic content aimed at preserving and strengthening traditional spiritual and moral values and countering disinformation and hostile ideology. Certain provisions of L. I. Petrazycki's theory are already demonstrating significant relevance in the context of the emerging multipolar world and the expanding cooperation of the BRICS member countries.*

Keywords: *legal emotions, morality, intuitive law, integrative approach, personality, cooperation, unity*

For citation: *Tretyakov I. L., Kuznetsov D. E. Creative potential of L. I. Petrazhytsky's theory of law in the conditions of the formation of the multipolar reality of the XXIth century. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:39–50 (In Russ.)*

© Третьяков И. Л., Кузнецов Д. Е., 2026

Политические, экономические, социальные и духовные процессы последних десятилетий убедительно продемонстрировали, что «западноцентричной» картины мира больше не существует. На смену данной парадигме пришла более сложная и диверсифицированная система отношений. С каждым днем поступает все больше подтверждений тому, что Президент Российской Федерации В. В. Путин, лидеры стран Глобального Юга и Востока сосредоточились на формировании иных, адекватных вызовам времени, правовых основ развития государства, общества, личности [1, с. 13; 2, с. 14–21; 3, с. 5].

Сегодня США нацелены на материальную выгоду и нисколько не стремятся закамуфлировать очередной передел зон влияния. Главным приоритетом становится соблюдение исключительно внутриамериканских интересов, которые для них заведомо важнее всех остальных [4, с. 2, 7].

Показательно, что еще за пять лет до начала специальной военной операции Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Дмитриевич Зорькин призвал мировых лидеров осознать всю серьезность момента, т. к. характер глобальных вызовов достиг своего апогея, став не только очевидным для каждого здравомыслящего человека, но и объективно угрожающим дальнейшему развитию человеческой цивилизации. В этих условиях право все чаще и чаще теряет опору в своих морально-нравственных основах. К сожалению, констатировал В. Д. Зорькин, не будет преувеличением заявление о том, что сегодня право уже не способно справляться с лавинообразным ростом деструктивных факторов, внешних и внутренних опасностей, природа которых системна. По выражению ученого, зарубежные правоведы, дорожащие своей репутацией и осознающие ответственность за происходящее, вынуждены в буквальном смысле скользить по лезвию бритвы, избегая как узкопрофессиональной «зашоренности», так и популизма (дилетантизма, безответственности). Эта тактика обусловлена чрезвычайной «хрупкостью правовых механизмов», поддерживающих то немногое, что еще называется мировым порядком. В странах так называемого «золотого миллиарда» право уже не воспринимается как «искусство добра и справедливости». Оно как бы оторвалось от своих корней и пустилось в автономное плавание. Правовым институтам, находящимся под жестким контролем глобалистов, мало кто доверяет, т. к. они утратили свой авторитет и надежность. «Тайна беззакония» (термин, предложенный В. Д. Зорькиным и означающий тотальный распад всех сфер жизнедеятельности) стала явью, именно она привела к «энтропийности» международных отношений, двойным стандартам, принятию непрозрачных, «избирательных» решений. Повсеместные нигилистические настроения либеральных «младореформаторов» в буквальном смысле зашкаливают, временами приобретая угрожающий характер. Однако данную ситуацию еще можно исправить, комплексно осмыслив причины происходящего (в т. ч. рассмотрев их сквозь призму гуманитарных и естественных знаний) [5, с. 6–7].

Жизненно важно сориентировать национальные, интеллектуальные и политически активные слои населения Запада на поиск компромиссов. В. Д. Зорькин считает, что в первую очередь следует преодолеть разрыв между естественными запросами подавляющего социального большинства и навязанного ему законодательного нормативного «гнета», в основе которого лежит отрицание базовых ценностей [5, с. 27].

Взяв на вооружение рекомендации В. Д. Зорькина, обратимся к российским реалиям. Так, первым шагом на этом благородном, опасном и ответственном пути может стать обращение наших государственников к работам классиков отечественного правоведения. При этом, конечно же, следует учитывать, что за сто с лишним лет право претерпело значительные изменения. Фактически каждый новый этап поступательного движения общества становился очередной ступенью его развития. Но в том-то и состоит прозорливость гениев, что их работы всегда актуальны. Традиционно одной из приоритетных задач ученых-правоведов является поиск ответов на вопросы, связанные с исследованием гносеологических оснований восприятия человеком права. Иными словами, величайшие умы прошлого стремились выяснить, как индивид может познать правовую субстанцию, а также каким образом приобретенные знания, например о сущем и должном, влияют на мотивацию, обуславливают характер эмоционально-волевой активности, формируют направленность интересов [6, с. 187–192; 7, с. 42–44; 8, с. 33–38].

Одним из таких уникальных мыслителей, философов-правоведов был профессор Санкт-Петербургского университета, депутат I-й Государственной Думы Л. И. Петражицкий, которого некоторые авторы рассматривают в качестве «предтечи» современной интегральной юриспруденции [9, с. 504–505; 10, с. 8–13; 11; 12, с. 10–13]. Этот подход в значительной мере оправдан, тем более что в течение всей своей профессиональной деятельности

Л. И. Петражицкий активно пропагандировал идею о теоретико-методологическом синтезе различных знаний, напрямую или косвенно связанных с правом, в науку, способную преодолевать любой кризис благодаря созданию оптимальных условий для решения стоящих перед обществом и государством задач [13, с. 170–183; 14, с. 157–167].

Проект интегральной юриспруденции воспринимается отечественными учеными далеко неоднозначно. Сторонники данного проекта считают, что он сводится не только к новой трактовке права, но и к использованию в процессе изучения правовой действительности системной, логичной, гибкой и максимально прозрачной методологии. Например, в диссертационном исследовании О. Н. Болдырева довольно убедительно аргументируется тезис о том, что сфокусированный на психологии подход к праву позволил Л. И. Петражицкому произвести «синтез правоведения» и принять активное участие в создании сразу нескольких дисциплин. Особенно наглядно, по мнению исследователя, «новизна» проявлялась в политике права, дисциплине, ориентированной на решение прикладных задач правового регулирования общественных отношений, управления этическим процессом и т. п. О. Н. Болдырев абсолютно верно указал, что в работах ученого расширенное толкование права являлось как средством решения теоретических и прикладных проблем, так и целью, достижение которой способствовало реализации проекта синтеза [15].

Стремление обосновать интегративное правопонимание имело место в работах таких известных ученых, как Б. А. Кистяковский, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, В. Г. Графский, Н. О. Лосский, Г. Д. Гурвич. Перечисленные авторы предпринимали попытки построить целостную методологическую концепцию, применимую к анализу всех сторон социальной действительности. В чем-то их работы оказались успешными, но добиться конечной цели — полного синтеза права и «объединения» его с новейшими достижениями науки — им не удалось. Хотя, безусловно, интегративный подход привлек внимание правоведов. Многих заинтересовало философское представление об интуитивном праве, «доступном и понятном», вселяющем оптимизм, потому что оно является неотъемлемой частью психической жизни, той силой, которая упорядочивает мысли, чувства, желания, расширяет горизонты индивидуального и общественного сознания. Родоначальники советской правовой науки искренне считали, что идеи Л. И. Петражицкого способны изменить жизнь к лучшему, ускорить социальный прогресс и приблизить светлое будущее [16, с. 20–29].

В свою очередь, противники объективной интеграции заявляют, что невозможно добиться слияния абсолютно разноплановых в своей теоретико-методологической основе подходов к пониманию права, в т. ч. естественно-правовой доктрины, правового реализма и позитивизма. Постмодернистский уклон интегративной юриспруденции, получивший распространение на Западе, многие десятилетия находился под патронажем глобалистов, сторонников либерального плюрализма, таким образом, наиболее значимую роль в его формировании играли идеологические установки лидеров стран — членов трансатлантического альянса. Важно уточнить, что плюрализм и толерантность никоим образом не касались оппонентов — традиционалистов, сторонников защиты национального суверенитета. Постепенно в общественном сознании укоренились такие понятия, как постправда, постдемократия, постправо. Концепция постправды привела к возникновению фейкового мышления. Нарратив о постдемократии позволил оправдывать любой «рукотворный хаос», выгодный политикам. Начали даже высказываться тезисы о том, что право исчерпало себя.

В данном контексте внимание следует концентрировать на ряде аспектов. Во-первых, согласно традиционному гуманистическому подходу единственным ориентиром для правоприменителей и субъектов права являются жизненно важные интересы всех участников общественных отношений. Во-вторых, природа права не терпит пустоты, неопределенности и аморфности, отсутствия единообразия в понимании содержания его норм. В-третьих, право, как указывал в своем учебнике «Философия права» 1997 г. академик В. С. Нерсесянц, — это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях, это формальное равенство и справедливость. Именно в праве, а также посредством его создаются условия, необходимые для всестороннего развития личности, происходит формирование особого правового взгляда на окружающую действительность, выстраиваются наиболее эффективные и адекватные способы коммуникации.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что, с одной стороны, назрела необходимость формирования целостной научной картины «западного» постправового менталитета, в котором значимость общечеловеческих ценностей сведена к минимуму, а с другой — в выработке механизмов, способных повысить уровень правовой

культуры россиян и органично структурировать важнейшие элементы их национального правосознания. Определенные надежды следует возложить на теорию Льва Иосифовича Петражицкого, являющуюся неотъемлемой частью золотого фонда правовой мысли России. Дело еще и в том, что психологическая концепция права по-прежнему остается недостаточно исследованной на междисциплинарном уровне, в связи с чем ее созидательный потенциал остается невостребованным.

Еще со времен античности было известно, что эмоции не только отражают внутренний настрой человека, его отношение к окружающему миру, но и обуславливают функционирование мыслительной и познавательной деятельности. Особое место в мировой науке занимает Гиппократ, описавший четыре типа нервной системы и соответствующие каждому конкретному типу способы эмоционального реагирования. Самые ранние указания на биосоциальную природу эмоций можно найти в работах Р. Декарта и Б. Спинозы. Позднее Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Р. Бирлинг пришли к выводу о том, что эмоции лежат в основе практически всех видов психической активности. То есть с учетом эмоциональных предпочтений человек может стремиться к гармонии, к правовым идеалам, к личностному росту, а может — к нарушению этико-правовых норм, к духовно-нравственной деградации.

Однако вопрос о том, что же конкретно является регулятором человеческого поведения и что способно удерживать индивида в рамках сущего и должного, оставался открытым. Ответить на него пытались многие правоведы, в т. ч. и профессор Санкт-Петербургского университета Лев Иосифович Петражицкий, который выдвинул идею о существовании особых эмоций: положительно-притязательных, отрицательно-притязательных и управомочивающих. Причем атрибутивные и управомочивающие свойства эмоций, по мнению Л. И. Петражицкого, составляют суть права. То есть право нужно рассматривать не в качестве законодательных норм и правовых отношений, а как специфический вид «психических переживаний».

Ретроспективный взгляд на публикации либеральных русских правоведов конца XIX — начала XX в. позволяет убедиться, что многие их теоретические модели имели вид «самодавлеющих» конструкций, находящихся вне зоны охвата причинных закономерностей. Абсолютно иное впечатление производит теория права Льва Иосифовича Петражицкого, которая выглядит продуманной, аргументированной, логичной и последовательной. Более того, не будет преувеличением заявление о том, что психологическая теория никогда не утратит своей актуальности. Даже в современных условиях она продолжает демонстрировать высокую эффективность в самых различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Особенно, если это касается укрепления системы правовых ценностей и воспитания гармоничной личности [17, с. 4–5; 18, с. 121–127].

Напомним, что интерес к психологии со стороны дореволюционной интеллигенции, в т. ч. и юристов, на рубеже веков был огромен. Психологизация жизни, политики и общественной мысли не снижала своей интенсивности вплоть до прихода к власти большевиков. Идеи Зигмунда Фрейда и Чезаре Ломброзо нашли благодатную почву в изобразительном искусстве, художественной литературе, драматургии, в зарождающемся кинематографе. К сожалению, имели место и негативные моменты. Так, недостоверные сведения о «глубинах подсознания», о врожденных и приобретенных качествах тиражировались в огромном количестве и «уводили» неокрепшие умы в дебри метафизики. Однако серьезная, вдумчивая публика проявляла интерес не только к сенсациям, но и к результатам экспериментальных исследований, полученным в лабораториях В. Вундта, В. М. Бехтерева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова. Многие психологические, психофизиологические и психолого-правовые знания еще не были систематизированы и подвергались достаточно вольный интерпретации широкого круга лиц. Как абсолютно верно указывают современные авторы, формирование устойчивых и объективных взглядов отечественных ученых сопровождалось острым противоборством. В результате сложились оригинальные направления, позволяющие использовать психологию в педагогике, юриспруденции, экономике [19, с. 177–186; 20, с. 6–8; 21, с. 106–109].

Академик И. П. Павлов, современник Л. И. Петражицкого, писал о слабости и незрелости методологических основ психологии, обилии нелепых фантазий и ничем не подкрепленных суждений. «Мне представляется безнадежной со строго научной точки зрения позиция психологии о наших субъективных состояниях. Конечно, эти состояния есть для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обусловливают прогресс человеческого общежития. Но одно дело — жить по субъективным состояниям и другое — истинно научно анализировать их механизм» [22, с. 244]. Несмотря на объективную критику в свой адрес, психология не просто всту-

пила в эпоху бурного развития, но и приступила к созданию собственного естественно-научного базиса. Стало очевидно, что овладение даже малой толикой знаний по психологии расширяло спектр качественных и количественных возможностей человека.

Посредством психологии юристы стали изучать психические особенности процесса установления объективного через субъективное, через восприятие и мышление, познавая природу эмоций. Чуть позднее В. И. Ленин, который, как известно, имел юридическое образование и даже короткое время работал адвокатом, также подтвердил, что «без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины» [23, с. 112]. А. Н. Радищев предлагал детально описывать именно субъективные переживания сограждан — «доводы сердца», поскольку, как он считал, основной импульс мысли — эмоциональный [24, с. 300, 381–383].

«Подлинное» право, согласно Л. И. Петражицкому, существует исключительно в психике каждого индивида, оно определяет характер отношений между людьми и закрепляет за ними определенные блага, границы его «господства» и волеизъявления. Смысл права, писал Л. И. Петражицкий, заключается не только в утверждении своей свободы, но и в уважении свободы окружающих. Право — это способ существования и сосуществования. Человек как «носитель» правовых эмоций, как субъект права в течение жизни создает и совершенствует самого себя, свой внутренний правовой мир, свое правопонимание, свое отношение к праву, свою правовую индивидуальность. Если же мы говорим об объективности права, то, согласно Л. И. Петражицкому, очевидно, что это свойство «производно» от человека как субъекта права. Оно существует лишь постольку, поскольку создается и поддерживается людьми, их эмоциями, волей, интеллектом. Это реальность, которая не способна существовать вне нашего разума [25, с. 50].

По справедливому выражению Л. Ю. Корнилаева, психологическая теория Л. И. Петражицкого не может рассматриваться как сугубо индивидуалистическая, хотя ее автор и выстраивает свои смысловые «конструкции» исходя из анализа «субъективных переживаний» человека, его жизненного, юридического опыта, феноменов «замкнутой» психической деятельности. Все это лишь видимая часть айсберга. Наследие петербургского профессора позволяет провести связь от частного к общему. Оно демонстрирует наличие мощного «объяснительного» потенциала, необходимого для исследования состояния нравов и «юридического бытия» целой эпохи, а кроме того, способно скорректировать многие внутри и внешнеполитические решения, оптимизировать процесс гуманизации уголовного и пенитенциарного законодательства [26, с. 513–523].

Воплощая в жизнь конкретные «правовые сценарии», человек либо обретает, либо теряет подлинную свободу. Многое также зависит от его способности «проникнуться» правовыми свойствами психики, сформировать правовую устремленность, правовую мотивацию. Важно помнить, что через правовое отношение к другому лицу индивид постигает и создает самого себя, систему ценностных установок. Согласно эмоциональной психологии Л. И. Петражицкого, право не может выступать в качестве инструмента подавления или усреднения личности, своеобразного «катка», посредством которого унифицируются правовые качества, свойства личности. Право — это сфера самоопределения индивида, его правового самосозидания [27, с. 13–24; 28; 29].

Еще одним краеугольным камнем психологической теории профессора Л. И. Петражицкого следует считать концепцию интуитивного права, которое формируется постепенно, веками, в рамках социального и культурного развития целого народа. Интуитивное право не подвержено фиксированию и не зависит от чьей-либо воли или произвола, именно оно в значительной мере способствует адаптации населения к новым жизненным ситуациям. В его недрах «оттачиваются» образцы правопослушного поведения. Но и это еще не все. Так, на уровне гражданских инициатив оно побуждает органы власти к гармонизации позитивного права.

К позитивному праву Л. И. Петражицкий относил право «зажиточных слоев», мещанское право, крестьянское, пролетарское. Позитивные правовые эмоции, считал ученый, воспринимаются людьми как обязательные и основополагающие в силу авторитетных велений (Бога, монарха, правительства и т. д.) или в силу иных внешних авторитетно-нормативных фактов и обычаев. Однако ничего подобного не встречается в области интуитивных нравственных и правовых убеждений. Таким образом, Л. И. Петражицкий готовил почву для того, чтобы можно было отличить правовые нормы от моральных и иных социальных, поскольку все они обладают выраженной императивностью. При этом сторонники юридического позитивизма рассматривали правовую норму как норму, санкционированную государством. В этом заключалось

ее главное отличие от норм морали, социального и социально-психологического измерений. Однако такой подход не приемлем для Л. И. Петражицкого. Он проводит четкую разграничительную линию между нормами морали и права, ориентируясь на новую, качественно перестроенную теорию познания.

Выполняя функцию одного из регуляторов человеческого поведения, устраняя конфликты, противоречия и т. д., интуитивное право, считал Л. И. Петражицкий, подводит человека к неукоснительному исполнению прав и обязанностей без использования каких-либо способов принуждения. Интуитивное право ученый рассматривал как «первичный», наиболее древний вид права, своего рода массовое психическое приспособление, «расположившееся» на бессознательном уровне и обусловливающее зависимость людей друг от друга, постоянство, устойчивость и преемственность традиций. Интуитивные механизмы используются для «проникновения» в историческое прошлое, детального истолкования настоящего и прогноза будущего [30, с. 5–10; 31, с. 17–24].

Видное место в психологической концепции Л. И. Петражицкого занимает вопрос, связанный с системным взаимоотношением правовых и нравственных категорий. Ученый подробно рассматривает индивидуальную нравственность, однако вслед за Г. В. Ф. Гегелем признает безусловный приоритет коллективного восприятия доминирующих ценностей. По мнению Л. И. Петражицкого, нравственные ориентиры, тесно переплетаясь с правовыми установками и дополняя их, формируют поведенческие стереотипы, имеющие большей частью субъективный характер, но подчиняющиеся интегрированной формуле добра, справедливости, всеобщего благоденствия и т. п. С учетом указанных обстоятельств общество конструктивно воспринимает процесс естественного развития императивных положений групповой нравственности. В интегральном измерении близость права и нравственности детерминируется их общей эмоциональной природой. Более того, автор психологической теории настаивал на том, что правовые и нравственные эмоции нужно рассматривать как разновидность интеллектуально-эмоциональной мотивации, обязательной частью которой, в отличие от чувственно-эмоциональной мотивации, являются познавательные процессы [32, с. 41–48; 33, с. 153–159; 34, с. 185–188; 35, с. 26–31].

Между тем Л. И. Петражицкий описал и различия, свойственные данным явлениям. Во-первых, он вполне обоснованно указал на то, что право обладает «стремлением» и реальными возможностями достичь определенного результата независимо от мотивов, желаний и установок людей. Во-вторых, важнейшей тенденцией правовой психики является ее одиозно-репрессивный характер, в то время как должное в сфере нравственности внеинституционально, стихийно и не имеет сослагательного наклонения. В-третьих, право, в отличие от нравственности, обладает широчайшими регуляторными возможностями [36, с. 58; 37, с. 179]. Из изложенного следует, что Л. И. Петражицкий «сузил» рамки нравственности, снова предложив сосредоточиться на правовых эмоциях.

Разумеется, с подобной трактовкой трудно согласиться. Тем более что в системе исторически обусловленных потребностей нравственность является ведущим социальным мотивом, который способен подчинить волю индивида определенным нормам и ценностям. Стержневым элементом нравственности традиционно считается осознание зависимости от социального целого, добровольное подчинение его воли как необходимое условие гармоничного развития. Нравственность формируется в процессе оценочного взаимодействия с другими людьми и заявляет о себе как стремление человека соотносить, соизмерять свое поведение с общепризнанными критериями духовности, нравственности, морали. Потребность в положительной нравственной оценке становится внутренним стимулятором и регулятором поступков. К тому же в условиях оценочного взаимодействия вырабатываются такие качества, как самооценка и самоуважение. В широком смысле нравственность обеспечивает ментальную устойчивость личности, причем это не результат навыков и умений человека, а результат функционирования целой системы мотивов и потребностей. При этом формирование нравственности неотделимо от выработки эмоционального отношения личности к праву, от непосредственного переживания необходимости поступать сообразно с его принципами.

Своеобразие и оригинальность Л. И. Петражицкого проявились в его воззрениях на природу государственной власти. Так, тезис исторической школы «о единой воле и силе» рассматривается автором в привязке к «биологической среде». При этом природа государственной власти связывается с психическими эмоциями: народная правовая психика «наделяет» специальными полномочиями «должностных лиц». Право создает государство, а уже затем государство защищает право, способствует его развитию и совершенствованию.

Диапазон использования научных идей Л. И. Петражицкого очень широк. Остановимся лишь на некоторых направлениях. Прежде всего следует обратить внимание на воспитательные практики, технологии и т. д., эффективность которых во многом зависит от той морально-эмоциональной обстановки, в которой происходит формирование личности. Зрелая личность — это продукт совокупности общественных отношений, результат взаимодействия человека и социума. То есть по большому счету речь идет о деятельности, «одобренной» и «пропитанной» правовыми эмоциями. Чувствительность или восприимчивость к правовому воспитанию находится в прямой зависимости от интеллектуального и общекультурного уровня развития ученика, авторитета педагога, воздействующего на личность, от настроений, доминирующих в коллективе, а также от стиля общения и такта родителей. Важно помнить, что порог чувствительности к правовому воспитанию можно повысить. Для этого необходимо сформировать у человека соответствующие правовые потребности, интересы, запросы, представления и понятия.

С учетом указанных обстоятельств педагоги используют «притягательную силу» правовых эмоций. Опираясь на положительные примеры и стремления своих подопечных, они успешно решают воспитательные задачи, предъявляя высокие требования к самодисциплине, к соблюдению норм права и этики. Во главу угла ставится принцип «требовательности и уважения», предполагающий такой стиль воспитания, при котором педагоги и наставники не злоупотребляют поощрениями или наказаниями, а естественным образом активизируют развитие правовых черт личности, правовую мотивацию, ориентируясь на тот нравственный стержень, который составляет основу его личности. Когнитивные функции позволяют молодым людям в специфическом отношении отражать объективный мир. Познание начинается с живого созерцания, затем переходит к абстрактному мышлению, а от него — к практике. Такое аналитическое «расчленение» предпринимается в целях более детального изучения психолого-правовых явлений [38]. При этом следует иметь в виду, что в действительности, эти процессы всегда протекают в единстве, как целостное явление, где один и тот же процесс может являться и интеллектуальным, и эмоциональным, и волевым. Познавательные и волевые процессы, являясь отражением бытия, вносят свой вклад в регуляцию человеческого поведения. Таким образом, психические процессы превращаются в сознательно реализуемые действия, которые личность направляет на решение конкретных жизненных задач. Однако для осуществления всестороннего, правового развития человека требуется его собственная активность, целенаправленная деятельность по саморазвитию, предполагающая выработку жизненной позиции и осознания своего места в обществе. Находясь под мощным влиянием конкретных исторических условий, социального окружения и т. д., психологическая и правовая организация развивающейся личности выступает как преобразовательная форма той реальности, тех отношений, в системе которых осуществляется ее функционирование.

Актуальность данного направления обусловлена тем, что теория интуитивного права в доработанном и максимально приближенном к запросам постиндустриального общества виде может быть востребована в сфере внутренней и внешней политики. В первом случае речь идет об укреплении «института гражданских инициатив», совершенствовании механизмов народовластия. Одним из примеров следует считать сбор предложений в Народную программу «Единой России». Любой гражданин нашей страны может направить свои пожелания, предложения и жалобы на сайт «есть результат.рф». За прошедшие пять лет, начиная с 2021 г., Народная программа показала себя как действенный способ решения многих злободневных проблем граждан, защиты их интересов. Благодаря совместной работе общественных активистов, депутатов и органов исполнительной власти удалось практически полностью реализовать те задачи, которые перед собой ставили народные избранники. Подтверждением этому служат материалы специальных форумов, посвященных развитию частного предпринимательства, ЖКХ, медицины, борьбе с безработицей, охране материнства и детства, поддержке ветеранов СВО и наиболее социально уязвимых слоев населения. В частности, участники форума по развитию промышленного производства выработали свои предложения и сформулировали следующие рекомендации: 1) локализовать производство жизненно важных лекарственных препаратов исключительно в Российской Федерации; 2) в приоритетном порядке выкладывать в торговых сетях и на маркетплейсах отечественные товары; 3) использовать возможности искусственного интеллекта на портале «Работа России»; 4) создавать федеральные и региональные центры повышения квалификации, в т. ч. на базе промышленных предприятий, инновационные центры инженерных разработок и робототехники; 5) создавать новые материалы для энергети-

ки и транспорта. Эти инициативы дошли до председателя Правительства Российской Федерации. В данном случае, как нам представляется, прослеживается описанная Л. И. Петражицким активация атрибутивной стороны права в виде стремления россиян к единству, к упорядочению «психосоциального бытия», экономики и т. д.

Начиная рассуждать о позитивных тенденциях в международной политике, сразу же приходит на ум конструктивная и созидательная деятельность глав стран — членов БРИКС. Важно уточнить, что входящие в эту организацию страны не работают в замкнутом формате. Объединение открыто для всех, кто разделяет ценности многополярного мира. Члены БРИКС работают над поиском совместных решений без диктата извне. В плане обеспечения глобальной безопасности страны БРИКС максимально используют возможности Совета министров иностранных дел своего блока и прямые встречи высоких представителей дружественных государств, курирующих вопросы безопасности для координации усилий по международным и региональным проблемам, совместного реагирования на вызовы времени.

Все вышеописанное внушает оптимизм, т. к. в основе этого лежит гипотеза петербургского ученого о неизбежности социально-культурного приспособления множества акторов друг к другу в сфере политики и права. Как мы уже указывали, Л. И. Петражицкий сформулировал и обосновал тезис о том, что в процессе правового развития различных социумов, общностей, государств и т. д. рано или поздно начинает вырисовываться четкая тенденция к тождеству и совпадению правовых мнений. Им обозначено данное коммуникативное свойство права как унификационное качество, способное привести к точной определенности содержания правовых представлений, к единообразию норм, прозрачности и контролируемости принимаемых решений и т. д.

Затрагивая тему «народной дипломатии» стран — членов БРИКС, в первую очередь следует указать на высочайшую интенсивность сетевого взаимодействия. Обмен массивами данных осуществляется на уровне обычных пользователей, учащейся молодежи, профессиональных сообществ, научных и образовательных структур, культурных объединений. Характерной чертой данного сегмента является то, что в нем доминируют этические и правовые эмоции, описанные Л. И. Петражицким, а «собственное» информационное пространство надежно защищено от лжи и лицемерия постглобализма.

Хотелось бы отметить, что психологическая теория Л. И. Петражицкого никогда не ограничивалась рамками так называемого «отчужденного мира». Она всегда имела выраженную практическую направленность и демонстрировала свою способность к расширению опыта социального взаимодействия, к приобретению новых знаний и т. д. в самых различных областях жизнедеятельности, в т. ч. в науке, политике, образовании, сфере государственного управления. Любые попытки избирательного анализа теории Л. И. Петражицкого, стремление ограничиться отдельными фрагментами недопустимы, т. к. подобная деятельность существенно обедняет и даже искажает воззрения ученого, а также становится основной причиной их отрыва от правовой реальности. Важно понимать, что там, где имеют место искусственные конструкции, вольно трактующие основные положения психологической теории права, неминуемо возникают коллизии познавательной деятельности.

Психологическая концепция права выполняет многообразные функции. Как показала сама жизнь, правовые коммуникации Л. И. Петражицкого, выступающие под эгидой правовых эмоций, способны оказывать эвристическое воздействие на многие сферы жизнедеятельности, на процесс правотворчества, принятия политических решений, на гуманитарные науки, а в ряде случаев и вооружать их новой методологией.

Согласно Л. И. Петражицкому, правовые нормы, правоотношения, официально закрепленные права и обязанности людей ни в коей мере не являются исходными моментами, основаниями, объясняющими сущность права, поскольку лишь сама человеческая психика во всем многообразии своих проявлений есть объединяющее начало для всего правового. Именно в этом смысле она превращается в «материальную» силу, в составную часть правового и общественного сознания, обеспечивающую консолидацию граждан Российской Федерации.

Детерминирующая роль правовых эмоций реализуется через активную деятельность самого человека и опосредуется его субъективной позицией по отношению к нормам, принципам, идеалам, традициям. Необходимость в правовом совершенствовании осознается личностью как жизненно важная потребность и становится источником дальнейшего развития. В свою очередь, ощущение собственного «правового роста» неминуемо рождает чувство удовлетворения. Устойчивость правовых эмоций есть свидетельство достижения высокой степени самоорганизации, характеризу-

ющейся способностью человека контролировать и регулировать свое поведение исходя из принятых и превращенных во внутреннюю потребность норм и принципов.

Правовые и моральные эмоции отражают представления, убеждения, настроения и надежды людей относительно социальной справедливости, правовой основы общественной жизни, приоритетов во внутренней и внешней политике. Данные эмоции выступают в качестве стержневых элементов правосознания и обусловливают понимание человеком необходимости строгого выполнения требований правовых законов, «активируют» механизмы правового мышления, пробуждают интерес к юридическим знаниям. Кроме того, при их непосредственном участии происходит усиление институтов гражданского общества и правового государства.

Важнейшее место в теории Л. И. Петражицкого отводится концепции интуитивного права и его влиянию на оздоровление «народной психики». В основе интуитивного права, по мнению ученого, лежат субъективные этико-правовые установки: нормы, правила, заповеди, императивно-атрибутивные переживания и т. д., которые образуют систему ценностных координат, позволяющую человеку оптимизировать процессы самоконтроля и саморегулирования поведения. Интуитивное право претерпевает существенные изменения в течение всей жизни конкретных людей.

В заключение отметим, что современное российское правоведение переживает взлет фундаментальной теоретической мысли. Этот взлет обусловлен не только появлением новых политико-правовых концепций, востребованных обществом и государством, но и возрождением интереса к идеям, сформулированным более ста лет назад одним из основателей петербургской школы философии и социологии права — Львом Иосифовичем Петражицким.

Список источников

1. Александров И. Государство и право: сто лет вместе // Российская газета. 2025.14 марта. № 56 (9595). С. 13.

2. Гришин О. М. Переход к многополярному мироустройству как ключевой фактор трансформации российской правовой системы // Право и управление. XXI век. 2025. № 21 (1). С. 14–21.

3. Лукьянов Ф. Парад. Послесловие // Российская газета. 2025. 13 мая. № 102 (9641). С. 5.

4. Лукьянов Ф. Разбой // Российская газета. 2026. 12 января. № 1 (9837) –2 (9838). С. 2, 7.

5. Зорькин В. Д. Суть права. Лекция для участников VII Петербургского международного юридического форума (18 мая 2017 г.) // Правоведение. 2017. № 3 (332). С. 4–27.

6. Васильева С. В., Федоскин Н. Н. К вопросу о правовом сознании личности // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 187–192.

7. Мазитов Ш. А. Правосознание и правовая реальность: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 42–44.

8. Фролова Е. А. Наука теории государства и права в России: история и современность // Российско-Азиатский правовой журнал. 2023. № 2. С. 33–38.

9. Панченко В. Ю., Макарчук И. Ю. Об актуальном исследовании научного наследия Л. И. Петражицкого (рецензия на кандидатскую диссертацию О. Н. Болдырева «Психологическая школа права Л. И. Петражицкого в истории политико-правовой мысли», Грозный, 2019) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 504–505.

10. Беджаше Р. М. Особенности психологической теории права // Вестник экономики и права. 2025. № 103. С. 8–13.

11. Тимошина Е. В. Петербургская школа философии права: реконструкция традиции // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 6–14.

12. Измайлов М. В., Юрчук В. С. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого, ее сущность и значение для современной юридической науки // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. 2017. № 2 (11). С. 10–13.

13. Станек Ю. Новаторство методологического подхода Л. Петражицкого и его учеников // Правоведение. 2017. № 6 (335). С. 170–183.

14. Тимошина Е. В. Критерий «синтетической» правовой теории в философско-правовом дискурсе Л. И. Петражицкого // Современная юридическая наука и ее проблематизация. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 157–167.

15. Болдырев О. Н. Психологическая школа права Л. И. Петражицкого в истории политико-правовой мысли: дис. … канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 221 с.

16. Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29.

17. Философия права в России / Э. Ф. Кузнецов. М.: Юридическая литература, 1989.

18. Лойко А. И., Лойко Л. Е. Эволюция психологической теории права: Спасович и Петражицкий // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: мат-лы VII Всероссийской научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2025. С. 121–127.

19. Бакин А. А., Гусева В. Ю. Психологические концепции российских либеральных правоведов конца XIX — начала XX века // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 177–186.

20. Бидова Б. Б., Халифаева А. К., Агаджанян А. В. Формирование психологии права в начале XX в. // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 6–8.

21. Палеха Р. Р., Бокова А. О. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого: эволюция идей и их основное содержание // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80. Ч. 4. С. 106–109.

22. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1951. Т. 3. Кн. 1. 392 с.

23. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 25. 646 с.

24. Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952. 674 с.

25. Петражицкий Л. И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб., 1909–1910. Т. 1. 318 с.

26. Корнилаев Л. Ю. Индивидуальное и социальное в философии права Л. И. Петражицкого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 3. С. 513–523.

27. Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 13–24.

28. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки её суверенности: монография. СПб.: Фонд «Университет», 2025. 552 с.

29. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьёв, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр.и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с.

30. Авакян А. С. Концепция теории права Л. И. Петражицкого // Современные проблемы науки и образования: мат-лы IX ежегодной международной научно-практ. конф-ции. Ессентуки, 2023. С. 5–10.

31. Куркин Б. А. Портреты российских ученых-юристов: Л. И. Петражицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 17–24.

32. Бакин А. А., Гусева В. Ю. Воззрения отечественных ученых-юристов начала XX века на социально-правовую природу эмоций (на примере работ А. Ф. Кони и Л. И. Петражицкого) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 41–48.

33. Кравец К. В. Соотношение права и нравственности в концепции Л. И. Петражицкого // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 153–159.

34. Савенков Д. А. Психологическая концепция права Л. И. Петражицкого // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 185–188.

35. Жуковская Н. Ю. Личность, общество и государство в политико-правовых воззрениях Л. И. Петражицкого // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 7. С. 26–31.

36. Петражицкий Л. И. Новое учение о праве и нравственности и критика проф. В. И. Сергеевича. СПб.: Сенат. тип., 1910. 134 с.

37. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. Т. 1. 308 с.

38. Кузнецов Д. Е. Научная дискуссия с одним из основателей военной педагогики Росгвардии (к 100-летнему юбилею Слепова Владимира Яковлевича и в честь 80-летия победы в Великой Отечественной войне): монография. СПб.: Изд-во Академии войск национальной гвардии, 2025. 160 с.

References

1. Aleksandrov I. Gosudarstvo i pravo: sto let vmeste // Rossijskaya gazeta. 2025.14 marta. № 56 (9595). S. 13.

2. Grishin O. M. Perekhod k mnogopolyarnomu miroustrojstvu kak klyuchevoj faktor transformacii rossijskoj pravovoj sistemy // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2025. № 21 (1). S. 14–21.

3. Luk'yanov F. Parad. Posleslovie // Rossijskaya gazeta. 2025. 13 maya. № 102 (9641). S. 5.

4. Luk'yanov F. Razboj // Rossijskaya gazeta. 2026. 12 yanvarya. № 1 (9837) –2 (9838). S. 2, 7.

5. Zor'kin V. D. Sut' prava. Lekciya dlya uchastnikov VII Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (18 maya 2017 g.) // Pravovedenie. 2017. № 3 (332). S. 4–27.

6. Vasil'eva S. V., Fedoskin N. N. K voprosu o pravovom soznanii lichnosti // Rossijskij nauchnyj vestnik. 2025. № 10. S. 187–192.

7. Mazitov Sh. A. Pravosoznanie i pravovaya real'nost': obshcheteoreticheskie aspekty // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 8 (236). S. 42–44.

8. Frolova E. A. Nauka teorii gosudarstva i prava v Rossii: istoriya i sovremennost' // Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal. 2023. № 2. S. 33–38.

9. Panchenko V. Yu., Makarchuk I. Yu. Ob aktual'nom issledovanii nauchnogo naslediya L. I. Petrazhickogo (recenziya na kandidatskuyu dissertaciyu O. N. Boldyreva «Psihologicheskaya shkola prava L. I. Petrazhickogo v istorii politiko-pravovoj mysli», Groznyj, 2019) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 2 (141). S. 504–505.

10. Bedzhashe R. M. Osobennosti psihologicheskoj teorii prava // Vestnik ekonomiki i prava. 2025. № 103. S. 8–13.

11. Timoshina E. V. Peterburgskaya shkola filosofii prava: rekonstrukciya tradicii // Rossijskaya yusticiya. 2025. № 5. S. 6–14.

12. Izmajlov M. V., Yurchuk V. S. Psihologicheskaya teoriya prava L. I. Petrazhickogo, ee sushchnost' i znachenie dlya sovremennoj yuridicheskoj nauki // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. 2017. № 2 (11). S. 10–13.

13. Stanek Yu. Novatorstvo metodologicheskogo podhoda L. Petrazhickogo i ego uchenikov // Pravovedenie. 2017. № 6 (335). S. 170–183.

14. Timoshina E. V. Kriterij «sinteticheskoj» pravovoj teorii v filosofsko-pravovom diskurse L. I. Petrazhickogo // Sovremennaya yuridicheskaya nauka i ee problematizaciya. SPb.: SPbGU, 2010. S. 157–167.

15. Boldyrev O. N. Psihologicheskaya shkola prava L. I. Petrazhickogo v istorii politiko-pravovoj mysli: dis. … kand. yurid. nauk. Groznyj, 2019. 221 s.

16. Lazarev V. V. Integrativnoe vospriyatie prava // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2017. № 2. S. 20–29.

17. Filosofiya prava v Rossii / E. F. Kuznecov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1989.

18. Lojko A. I., Lojko L. E. Evolyuciya psihologicheskoj teorii prava: Spasovich i Petrazhickij // Social'nye instituty v pravovom izmerenii: teoriya i praktika: mat-ly VII Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. Irkutsk, 2025. S. 121–127.

19. Bakin A. A., Guseva V. Yu. Psihologicheskie koncepcii rossijskih liberal'nyh pravovedov konca HIH — nachala HH veka // Mir politiki i sociologii. 2019. № 4. S. 177–186.

20. Bidova B. B., Halifaeva A. K., Agadzhanyan A. V. Formirovanie psihologii prava v nachale XX v. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 4 (220). S. 6–8.

21. Palekha R. R., Bokova A. O. Psihologicheskaya teoriya prava L. I. Petrazhickogo: evolyuciya idej i ih osnovnoe soderzhanie // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 80. Ch. 4. S. 106–109.

22. Pavlov I. P. Polnoe sobranie sochinenij. M.–L., 1951. T. 3. Kn. 1. 392 s.

23. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij: 55 t. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1969. T. 25. 646 s.

24. Radishchev A. N. Izbrannye filosofskie i obshchestvenno-politicheskie proizvedeniya. M.: Gospolitizdat, 1952. 674 s.

25. Petrazhickij L. I. Teoriya gosudarstva i prava v svyazi s teoriej nravstvennosti: v 2 t. SPb., 1909–1910. T. 1. 318 s.

26. Kornilaev L. Yu. Individual'noe i social'noe v filosofii prava L. I. Petrazhickogo // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. 2021. T. 25. № 3. S. 513–523.

27. Arhipov S. I. Sub”ekt prava v centre pravovoj sistemy // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 7. S. 13–24.

28. Ismagilov R. F., Sal’nikov V. P. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskie i duhovnye predposylki eyo suverennosti: monografiya. SPb.: Fond «Universitet», 2025. 552 s.

29. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual’nye problemy: monografiya / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob’yov, M. Yu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. V. P. Sal’nikova. 2-e izd., ispr.i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s.

30. Avakyan A. S. Koncepciya teorii prava L. I. Petrazhickogo // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya: mat-ly IX ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Essentuki, 2023. S. 5–10.

31. Kurkin B. A. Portrety rossijskih uchenyh-yuristov: L. I. Petrazhickij // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2008. № 1. S. 17–24.

32. Bakin A. A., Guseva V. Yu. Vozzreniya otechestvennyh uchenyh-yuristov nachala XX veka na social’no-pravovuyu prirodu emocij (na primere rabot A. F. Koni i L. I. Petrazhickogo) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost’. 2019. № 3. S. 41–48.

33. Kravec K. V. Sootnoshenie prava i nravstvennosti v koncepcii L. I. Petrazhickogo // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (57). S. 153–159.

34. Savenkov D. A. Psihologicheskaya koncepciya prava L. I. Petrazhickogo // Gumanitarnye, social’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. № 2. S. 185–188.

35. Zhukovskaya N. Yu. Lichnost’, obshchestvo i gosudarstvo v politiko-pravovyh vozzreniyah L. I. Petrazhickogo // Probely v rossijskom zakonodatel’stve. 2020. T. 13. № 7. S. 26–31.

36. Petrazhickij L. I. Novoe uchenie o prave i nravstvennosti i kritika prof. V. I. Sergeevicha. SPb.: Senat. tip., 1910. 134 s.

37. Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nravstvennosti. SPb.: Slovo, 1907. T. 1. 308 s.

38. Kuznecov D. E. Nauchnaya diskussiya s odnim iz osnovatelej voennoj pedagogiki Rosgvardii (k 100-letnemu yubileyu Slepova Vladimira Yakovlevicha i v chest’ 80-letiya pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): monografiya. SPb.: Izd-vo Akademii vojsk nacional’noj gvardii, 2025. 160 s.

Информация об авторах

И. Л. Третьяков — доктор юридических наук, доцент.

Д. Е. Кузнецов — кандидат исторических наук.

Information about the authors

I. L. Tretyakov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

D. E. Kuznetsov — Candidate of Science (History).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 02.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 02.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 51–58.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 51–58.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 314.7:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИИ

Евгения Равильевна Абызова[1], Елена Равильевна Абызова[2]
[1] Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, janeer@yandex.ru
[2] Арбитражный суд г. Москвы, Москва, Россия, Barnaul2525@mail.ru

Аннотация. *Актуальность исследуемой проблемы обусловлена внедрением цифровых технологий в сферу миграции, ставшим ключевым аспектом реформирования миграционной политики в России. В связи с тем, что цифровая составляющая миграции пока что используется в недостаточной степени, авторы обратили внимание на вопросы оптимизации государственного управления миграционными процессами в части усиления механизмов контроля, гармонизации миграционного законодательства, обеспечения равного доступа мигрантов к государственным сервисам.*

Рассмотрены проблемы перехода государственных сервисов по предоставлению миграционных услуг на цифровые платформы и мобильные приложения. Это позволит сочетать цифровой миграционный контроль с гибким квотированием и действующей патентной системой, программы культурной адаптации мигрантов и рационального распределения трудовых ресурсов с международным сотрудничеством заинтересованных государств.

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, миграционная политика, миграционный контроль, государственное управление, цифровизация, цифровая платформа, международное сотрудничество*

Для цитирования: *Абызова Ев. Р., Абызова Ел. Р. Цифровизация управления миграционными процессами в России // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 51–58.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

DIGITALIZATION OF MIGRATION PROCESS MANAGEMENT IN RUSSIA

Evgenia R. Abyzova[1], Elena R. Abyzova[2]
[1] Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, janeer@yandex.ru
[2] Moscow City Arbitration Court, Moscow, Russia, Barnaul2525@mail.ru

Abstract. *The relevance of the problem under investigation is driven today by the introduction of digital technologies into the sphere of migration, which has become a key aspect of reforming migration policy in Russia. Given that the digital component of migration is currently underutilized, the authors have focused on issues of optimizing state management of migration processes, strengthening control mechanisms, harmonizing migration legislation, and ensuring equal access for migrants to state services.*

The problems of transitioning state services for providing migration services to digital platforms and mobile applications are considered. This transition will allow combining digital migration control with flexible quota and patent systems, migrant cultural adaptation programs, and rational distribution of labor resources with international cooperation of interested states.

Keywords: *migration, migration processes, migration policy, migration control, public administration, digitalization, digital platform*

For citation: *Abyzova Ev. R., Abyzova El. R. Digitalization of migration process management in Russia. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:51–58 (In Russ.)*

© Абызова Ев. Р., Абызова Ел. Р., 2026

Развития глобализации и влияния ее на миграционные процессы всех стран мира сегодня никто не оспаривает. Современная цивилизация погрузилась в огромное информационное пространство с развитой высокой технологией. Наблюдается значительное усиление роли цифровых технологий и интернета во всех сферах человеческой деятельности, что позволяет говорить о наступлении этапа цифрового общества [1, с. 349]. Цифровизация как феномен проявляется в миграции социальных практик и взаимодействий в цифровую среду, в аккумуляции больших объемов данных о социуме, а также в алгоритмизированном управлении социальными процессами [2]. При этом наряду с позитивными отмечаются и негативные аспекты: возникновение неравенства при усилении зависимости государств от транснациональных корпораций, нарушение конфиденциальности с ограничением фундаментальных прав и свобод личности.

В связи с отмеченным государство стало ориентировать миграционную политику на активное внедрение и использование цифровых технологий и управленческих инструментов. Цифровые решения проникают во все аспекты миграционных процессов: от пограничного контроля до мониторинга со стороны госорганов. Сами мигранты активно используют смартфоны, различные платформы и приложения для поддержания связи, получения информации и доступа к различным сервисам, включая финансовые переводы.

Сегодня внедрение цифровых технологий в сферу миграции является ключевым аспектом реформирования миграционной политики в России. Следует констатировать, что пока цифровая составляющая этой политики используется лишь в незначительной степени. Текущие усилия сосредоточены главным образом на усилении контроля за миграционными потоками и на противодействии нелегальной миграции. При этом вопросы адаптации мигрантов и развитие цифровых инструментов коммуникации рассматриваются изолированно.

Трансформация миграционной сферы посредством цифровизации потребовала от системы государственного управления и науки переосмысления существующих подходов. Для обеспечения целостности и комплексности миграционной политики критически важна разработка системы стратегического планирования. Основные цели цифровизации в этой области, с точки зрения А. Яник, включают: а) оптимизацию государственного управления миграционными потоками и усиление механизмов контроля; б) гармонизацию миграционного законодательства и обеспечение равного доступа мигрантов к государственным сервисам; в) снижение рисков, связанных с нелегальной и теневой временной трудовой миграцией [3].

Д. Вольвач определяет цифровизацию миграционных услуг как полный переход государственных сервисов в этой области на цифровые платформы и мобильные приложения. «Это позволит увеличить информированность мигрантов о предоставляемых им льготах и возможностях в России, а также о действующих законодательных нормах и ограничениях», — отметил он. Предлагается использовать имеющиеся внутренние базы данных для создания детализированных и точных цифровых профилей иностранных граждан [4]. Такой подход, по его мнению, облегчит управление миграционными процессами, улучшит аналитические возможности и позволит глубже понять влияние миграции на российскую экономику и рынок труда.

Сегодня цифровизация миграционных процессов стала приоритетным направлением совершенствования миграционной политики, включающей в себя Единую цифровую платформу, электронные визы, квоты и патенты. Обозначенные выше проблемы, полагает Л. В. Зинич, должны решаться с помощью современных методов, сочетающих в себе: цифровой миграционный контроль с гибким квотированием и патентной системой; интеграционные программы культурной адаптации мигрантов с международным сотрудничеством; поддержку внутренней миграции с рациональным распределением трудовых ресурсов [5, с. 317–328].

Вместе с тем, согласно Ф. Ш. Акрамову, в России существуют определенные препятствия, замедляющие прогресс в области цифровизации управления миграцией и смежных сфер. К ним он относит: а) отсутствие единообразного понимания концепции цифровой трансформации в миграционной сфере, а также межведомственную конкуренцию; б) сложности, связанные с объединением уже существующих сервисов и баз данных; в) особый «цифровой профиль» мигранта, отличающийся от профиля гражданина России [1]. Кроме того, на текущем этапе автор выделяет некоторые особенности применения цифровых технологий трудовыми мигрантами, сочетающих в себе увеличение разнообразия и частоты использования цифровых инструментов и технологий с низким уровнем владения ими цифровыми технологиями, в силу чего при взаимодействии с государственными органами применение цифровых инструментов значительно сокращается.

Отмеченное указывает на недостаточно развитую цифровую грамотность трудовых мигрантов, прибывающих из стран Центральной Азии, особенно из Таджикистана. Опыт непосредственного общения с мигрантами показывает, что большинство из них предпочитают обращаться за помощью к разбирающемуся в этих вопросах соплеменнику либо специалисту, чем самостоятельно осваивать премудрости мобильных приложений. Для формирования необходимых навыков работы мигрантов с цифровыми инструментами следует создать структуру, способную обеспечить консультационную и информационную поддержку в целях освоения ими технологических сервисов.

Глобальная сеть предоставляет мигрантам возможность использовать социальные платформы, а также находить и усваивать сведения, которые помогают им осознавать потенциальные риски. В свете технологических инноваций в последнее время мигранты стали приобретать всё большую независимость от организаторов нелегальной переброски людей. Сложившееся положение способствовало усилению самостоятельности мигрантов и минимизировало их уязвимость от злоупотреблений «организаторов» миграции. Подобным образом современные технологии, включая цифровые удостоверения личности, способствуют расширению доступа к финансовым сервисам, в т. ч. для тех мигрантов, у которых отсутствует полный пакет личных документов[1].

Цифровизация миграционных процессов, успешно внедренная в ряде развитых государств, является мощным инструментом для обеспечения порядка. Эти электронные платформы позволяют систематически отслеживать перемещения иностранных граждан, регистрируя их въезд и выезд, и автоматически генерируют оповещения при обнаружении лиц, находящихся на территории страны без законных оснований. Большинство государственных услуг в части миграционного регулирования уже переведено в цифровую форму. Так, в 2023 г. предоставлено почти 1,5 млн государственных услуг иностранным гражданам только по постановке на миграционный учет и т. д. [6, с. 35–38].

Современные интернет-ресурсы предоставляют ценные, ранее недоступные источники информации для изучения демографических процессов и миграции. Так, данные из социальных сетей открывают возможности для анализа намерений людей относительно переездов, фактических перемещений, структуры социальных связей и новых форм мобильности. Путем анализа поисковых запросов, связанных с миграционной тематикой, таких как «миграция», «эмигрант», «гражданство», «разрешение на проживание», «соотечественники», «высылка» [7], через поисковые системы Яндекса можно определить региональные предпочтения населения в планировании миграции.

Классическая демография, занимающаяся вопросами рождаемости, смертности и общего движения населения, должна быть дополнена цифровой демографией, применяющей передовые технологии для анализа демографических явлений. Тем не менее, как отмечает С. М. Попова, существующая терминология в этой области еще несовершенна, а методы исследования находятся в стадии активной разработки и требуют дальнейшего теоретического осмысления [8]. Подчеркиваются специфические трудности цифровизации миграционной сферы, включая: а) разрозненность ведомственных подходов и соперничество между ними; б) технические сложности в объединении различных сервисов и их информационных баз; в) особую природу мигранта как цифрового объекта, чьи цифровые следы отличаются от таковых у граждан Российской Федерации.

Цифровая демография для исследования эволюции народонаселения с помощью виртуальных сообществ в цифровом пространстве использует новейшие инструменты анализа данных. Как старые, так и новые источники информации не конкурируют, а, напротив, синергетически обогащают друг друга. Несмотря на имеющиеся ограничения больших данных в качестве инструмента изучения миграционных потоков, их познавательный потенциал чрезвычайно высок. Благодаря своей масштабности и скорости генерации цифровые данные предоставляют возможность для более оперативного мониторинга изменений в миграционных трендах и точного прогнозирования их будущей интенсивности.

В пункте 13 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации отмечается, что для повышения эффективности административных процедур в сфере миграции, а также для профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, применения мер административного воздействия в этой сфере всё большее значение приобретает использование современных цифровых технологий и информационно-технических средств. Далее в п. 29 говорится: «…расширение использования современных циф-

[1] Отчет ФАТФ «Риски отмывания денег и финансирования терроризма, связанные с незаконным перемещением мигрантов». 2022 г. Март.

ровых технологий предполагается в целях: изучения, оценки и прогнозирования изменений миграционной ситуации; использования биометрической информации при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере миграции»[1].

Цифровизация миграционных процессов в России — одно из главных нововведений концепции миграционной политики на 2026–2030 гг. Ожидается, что биометрическая идентификация, искусственный интеллект для обработки больших данных и электронные механизмы уведомлений о въезде позволят повысить эффективность контроля на границах и внутри страны по такому правилу, как «контролируемое прибытие, контролируемый срок пребывания, контролируемое убытие из страны», которое можно будет реализовать путем создания единой биометрической системы, доступной даже за пределами России через специализированные приложения. Документ, с точки зрения Д. Баева, предусматривает ужесточение контроля за потоками иностранных граждан за счет внедрения биометрических систем и целевого привлечения специалистов. Указанная Концепция представляет собой значительный сдвиг от предыдущей модели, которая делала ставку на демографическое пополнение и привлечение трудовых ресурсов в экономических целях [9]. Теперь миграция рассматривается прежде всего как потенциальный источник угроз национальной безопасности, требующий жесткого регулирования.

В соответствии с инициативами Министерства цифрового развития Российской Федерации планируется создание единой цифровой платформы для управления миграцией и трудовыми ресурсами. Эта платформа, согласно предложениям, будет включать в себя не только личные данные иностранных граждан, включая биометрическую информацию, но и сведения о законности их статуса, местах трудоустройства и проживания, доступа к государственным сервисам, основания заключения трудовых соглашений с работодателями и другие опции. Данные разработки способствуют формированию сетевых сообществ мигрантов в виртуальном пространстве, созданию так называемых «цифровых диаспор», в которых происходит процесс адаптации мигрантов и формирование их виртуальной идентичности.

Развитие виртуального рынка труда дает возможность сегодня работать удаленно, в силу чего «виртуальная трудовая миграция» стала характерной чертой современного этапа глобализации, когда цифровые технологии облегчают пересечение границ для поиска работы и выполнения трудовых обязанностей. Следует подчеркнуть, что этот вид миграции не заменяет физическое перемещение работников, а интегрируется в общую систему трудовой миграции в рамках мировой экономики. Исходя из этого, Ф. Ш. Акрамов выделяет три основные модели трудоустройства в условиях виртуальной миграции: а) работа с использованием цифровой платформы (Airbnb, Etsy и др.) в части продажи товаров или для аренды активов в сфере малого бизнеса; б) работа с приложениями (Deliveroo, Foodora, Uber и др.), ориентирующими работников на оказание местных услуг (транспортных, доставки еды, ремонта дома); в) краудворкинг (Amazon, Fiver и др.), обеспечивающий поиск рабочих самых разных уровней квалификации цифрового труда, удаленно решая задачи, работая из любого места [1, с. 9].

Цифровой переход управления потоками трудовых мигрантов является ключевым для усовершенствования бюрократических операций, сокращения расходов на организацию и финансы, уменьшения вероятности коррупции, а также для более точного предвидения и мониторинга миграционных трендов. Особое значение для разработки приложения «Мигрант» имеет формирование новых, соответствующих баз данных. Однако одной из преград на пути цифровизации является состояние текущей государственной системы регистрации мигрантов. Эта система, являющаяся частью единого комплекса «Мир», наряду с паспортно-визовой службой, требует обновления и представляет собой совокупность разрозненных ведомственных частей, используемых различными федеральными исполнительными органами.

В свете этого предложения Министерства внутренних дел России заслуживают пристального внимания: а) интеграция цифрового профиля мигранта с мобильным приложением; б) внедрение для мигрантов системы «рейтинга социального доверия» и «соглашения о лояльности»; в) обязательная привязка миграционного учета к адресу (месту) проживания; г) регистрация трудовых мигрантов и их работодателей в электронных реестрах, а также создание новых баз данных [3]. Кроме того, на платформах международного взаимодействия существуют различные проекты, предлагающие решение многих практических вопросов по дилеммам передвижения. Так, М. Б. Сафарова отмечает, что с середины 2021 г. в странах Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС)

[1] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738.

стал функционировать общий цифровой проект «Работа без границ», поисковая система которого содержит всю информацию о незамещенных рабочих местах и соискателях вакансий, которая есть в национальных информационных системах стран — членов ЕАЭС [10].

В начале 2021 г. в Таджикистане запустили мобильный софт «Путеводитель мигрантов по передвижению и социальной занятости народонаселения страны», разработкой которого занималось Министерство труда, предназначенный для людей, которые ездят на заработки в Россию. В свою очередь, Агентство по внешней трудовой миграции Узбекистана ввело в эксплуатацию телеграм-бот @mibuzbot, позволяющий гражданам в онлайн-режиме получать информацию, необходимую для выезда за пределы страны, включая наличие задолженностей и статус разрешения на пересечение государственной границы [1, с. 14–15]. Разработчики прогнозируют, что совокупность этих цифровых инструментов значительно упростит процедуру выезда граждан Узбекистана за рубеж.

Процессы цифровизации оказывают фундаментальное воздействие на миграционные тенденции, особенно в части мобильности населения и влияния на рынок труда. Сегодня, по мнению А. В. Смирнова, тренд сместился на обязательную цифровизацию, биометрический контроль и целевой организованный набор работников, что минимизирует спонтанные потоки [7]. Особую значимость, считает автор, получила идеологическая селективность, согласно которой приоритет будет отдаваться мигрантам, разделяющим «традиционные ценности» России. Предполагается, что это может стать не только инструментом интеграции, но и способом укрепления внутреннего единства общества.

Одновременно кардинально меняется подход к трудовой миграции через переход к целевому организованному набору. Эта система, предусматривающая работу у конкретного работодателя на фиксированный срок, призвана минимизировать стихийные потоки и снизить нагрузку на социальную инфраструктуру, в т. ч. за счет ограничений для неработающих членов семей мигрантов. Качество жизни в России, начиная от правопорядка и до развития инфраструктуры, объявлено определяющим фактором для миграционных потоков.

Заместитель председателя комитета Госдумы по региональной политике и местному самоуправлению М. Матвеев считает, что дешевая рабочая сила в России может быть замещена роботами как альтернативой миграции. По его мнению, решение заключается в ускоренной роботизации и модернизации отечественного производства. Именно благодаря роботизации Китаю удается сохранять рост промышленного производства и экономики на фоне сокращения численности населения. «Это насущная проблема России не только в связи с миграционными явлениями, но и с точки зрения технологического развития, глобальной конкуренции. Поэтому России нужно увеличивать расходы на роботизацию и автоматизацию». Отдельно М. Матвеев остановился на проблеме этнических анклавов, задача борьбы с которыми была закреплена в миграционной концепции еще год назад президентом России В. Путиным. С учетом того, что практических результатов, по его оценке, пока нет, он предлагает наделить глав регионов правом запрещать продажу и аренду недвижимости иностранным гражданам на территории отдельных муниципалитетов, что предотвратит компактное поселение выходцев из одних регионов.

Для эффективного управления миграционными процессами в России создана единая электронная система, формирующая цифровые профили въезжающих лиц. Эти профили содержат полный спектр информации: от личных и биометрических данных до сведений о трудовой деятельности, финансовых операциях, медицинском состоянии и контактах, а также истории пересечения границы. Цифровой профиль мигранта станет инструментом для проведения проверок на предмет судимостей и связей с экстремистскими организациями. Это позволит государству осуществлять детальный мониторинг перемещений, сроков пребывания и занятости иностранных граждан, а также оперативно выявлять и пресекать нарушения, такие как просроченные визы, фиктивная регистрация и нелегальная трудовая деятельность.

Со второй половины 2025 г. в столичном регионе Московской области начался пилотный проект, направленный на усиление надзора за иностранными гражданами, въехавшими в страну без визы. Этот эксперимент предусматривает использование ряда новых инструментов, среди которых: а) обязательная регистрация прибывших мигрантов по адресу специального центра — миграционного центра «Сахарово»; б) использование мобильного приложения «Амина» для отслеживания местоположения мигрантов, которое они обязаны подключать для информирования о своем текущем нахождении; в) систематический мониторинг геолокации, гарантирующий непрерывное наблюдение за перемещениями иностранцев. Такой комплексный подход, включая технологический контроль через приложение, предоставляет правоохранительным

органам эффективный способ отслеживать реальные передвижения лиц, прибывших по безвизовому режиму. Это, в свою очередь, призвано способствовать более надежному обеспечению общественной безопасности и правопорядка.

До конца первого полугодия 2026 г. в ключевых пограничных пунктах въезда в Россию, в частности в аэропортах столичного авиаузла, проходил пилотный проект, подразумевающий обязательное снятие отпечатков пальцев и фотосъемку прибывающих иностранцев. Это нововведение призвано обеспечивать надежное установление подлинной личности приезжих и верификацию их миграционного прошлого, опираясь на современные биометрические технологии. Ранее И. Ю. Самохвалов, В. Ю. Леденева и В. В. Ярошенко уже озвучивали идеи о целесообразности внедрения систем электронного сканирования пальцев или радужной оболочки глаза мигрантов. Реализация таких систем, по их мнению, позволила бы оперативно выявлять и пресекать въезд в страну лиц, уже имеющих проблемы с миграционным законодательством [11, с. 49]. Такой подход призван укрепить государственную безопасность и служить барьером для проникновения лиц, причастных к криминальным действиям.

В рамках Петербургского международного экономического форума (далее — ПМЭФ) 2021 г. был представлен проект по внедрению электронной карты для трудовых мигрантов (далее — ЭКТМ). Пилотное применение подобных карт в Санкт-Петербурге, по мнению В. И. Сургутского, уже показало свою эффективность [12]. Новая электронная идентификационная карта (далее — Ю-карта) существенно облегчит процедуру доступа к информации о мигранте. В этом документе будут сосредоточены все ключевые сведения об иностранном гражданине. Благодаря считыванию специального чипа сотрудники МВД смогут оперативно получать данные о владельце, включая информацию о патенте и актуальный статус документа. Срок действия унифицированной карты составит десять лет, однако это не освободит мигранта от ежегодных обязательных процедур, таких как медицинский осмотр. Реализация этой меры планируется в ходе массового перехода на электронные Ю-карты личности для мигрантов.

Эти данные наглядно демонстрируют интенсивность работы Московской иммиграционной службы в новых условиях. К концу 2025 г. было проведено в общей сложности порядка 7,5 тысяч проверок соблюдения иммиграционного законодательства, в ходе которых было выявлено более 15 000 случаев нарушений правил проживания иностранцев; предотвращено свыше 3,5 тысяч случаев ложной регистрации иностранцев; передано в суды около 2,5 тысяч уголовных дел, связанных с незаконной легализацией иммигрантов.

Имеющиеся сведения и внесенные изменения указывают на всесторонний подход Министерства внутренних дел Российской Федерации к регулированию миграционной деятельности. Особое внимание уделено формированию четких и доступных норм для легальных мигрантов, а также внедрению надежных препятствий для лиц, нарушающих закон. Как отметил начальник пресс-службы московской полиции полковник В. Васенин, «сегодня соблюдать правила безопаснее и логичнее, чем пытаться их обойти. Применение современных технологий — например, учётного регистра подозреваемых и специального мобильного приложения — позволяет перенести большую часть проверок в цифровое пространство, что повышает точность и эффективность контрольно-пропускной системы».

В целях оптимизации управления миграционными процессами К. В. Корсаков предлагает комплексный подход к изучению миграции, включающий анализ: а) количественных и пространственных характеристик внешней миграции, в т. ч. ее ареалы и зоны расселения; б) специфики трудовой деятельности мигрантов, их мотивационных факторов и уровня конкурентоспособности на различных сегментах рынка труда; в) структурных характеристик внешних трудовых мигрантов по социально-демографическим, квалификационным, профессиональным и этноконфессиональным признакам; г) механизмов адаптации и интеграции мигрантов, их установок в отношении принимающего общества, характера взаимоотношений с коренным населением и особенностей межкультурной коммуникации [13, с. 7].

Информационно-телекоммуникационные сети, ранее применявшиеся организованными преступными группами и структурами для совершения правонарушений, в ближайшей перспективе станут всё более востребованными в контексте нелегальной миграции благодаря широкому внедрению цифровых, коммуникативных и киберрешений. Современные технологии также находят применение при изготовлении фальшивых паспортов и других документов, подтверждающих личность, что облегчает перемещение мигрантов вне законных рамок. Производство поддельных документов, включая их модификацию или копирование, согласно Отчету ФАТФ[1], осуществляется с помощью разнообразных устройств; в отдельных случаях применялось

[1] Отчет ФАТФ «Риски отмывания денег и финансирования терроризма, связанные с незаконным перемещением мигрантов». 2022 г. Март.

передовое техническое оснащение для создания образцов, почти неотличимых от оригиналов.

Бурный прогресс в сфере мобильных технологий способен повлиять на взаимоотношения между мигрантами и теми, кто организует их незаконное перемещение. На платформе Facebook функционирует ряд сообществ, где мигранты обсуждают надежность отдельных лиц, участвующих в контрабандном пересечении границ, и делятся опытом выбора конкретных контактов. Подобная структура получила название «иерархии доверия». Организаторы нелегальной транспортировки мигрантов используют современные каналы связи — соцсети, защищенные мессенджеры с шифрованием и приложения для одноразовых устройств, позволяющих генерировать временные номера телефонов. Объем цифровой преступности выходит за рамки воображаемого, по словам экспертов, и продолжает расти.

Таким образом, цифровизация, затронувшая социально-экономическую, организационно-правовую, демографическую и другие сферы российского общества, стала повсеместным глобальным трендом, переориентировавшим миграционную политику на внедрение цифровых методов, технологий и управленческих инструментов.

Внедрение цифровых технологий в сферу миграции сегодня стало ключевым аспектом реформирования миграционной политики в России. Хотя ее цифровая составляющая, на наш взгляд, пока что используется в недостаточной степени, текущие усилия следует сосредоточить на усилении контроля за миграционными потоками и на противодействии незаконной миграции.

Обеспечение целостности и комплексности миграционной политики требует новейших разработок в области систем стратегического планирования. Основными целями цифровизации в данной сфере должны стать: а) оптимизация государственного управления миграционными потоками и усиление механизмов контроля; б) гармонизация миграционного законодательства и обеспечение равного доступа мигрантов к государственным сервисам; в) снижение рисков, связанных с нелегальной и теневой временной трудовой миграцией.

В решении обозначенных проблем необходимо своевременное выявление, мониторинг, прогнозирование и устранение препятствий, замедляющих прогресс в области цифровизации управления миграцией: разрозненность ведомственных подходов и соперничество между ними; технические сложности в объединении различных сервисов и их информационных баз; особая природа мигранта как цифрового объекта, чьи цифровые следы отличаются от таковых у граждан Российской Федерации.

Обозначенные выше проблемы должны решаться на базе единой цифровой платформы, обеспечивающей управление миграцией и трудовыми ресурсами с помощью современных методов и механизмов регулирования миграционных потоков: цифровизации миграционного контроля и внедрения гибкого квотирования и патентной системы; внедрения программ культурной адаптации мигрантов с интеграцией их цифрового профиля с мобильным приложением; регистрации трудовых мигрантов и их работодателей в электронных реестрах с созданием новых баз данных; включения мигрантов в системы «рейтинга социального доверия» и «соглашения о лояльности»; международного сотрудничества, региональной координации в части перераспределения трудовых ресурсов.

Список источников

1. Акрамов Ф. Ш. Совершенствование системы управления трудовой миграцией в условиях цифровизации (на примере Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Душанбе, 2025.

2. Katzenbach C., Ulbricht L. Algorithmic Governance // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4.

3. Яник А. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы. URL: https://испи.рф/wp-content/uploads/2021/05/Яник_27-05-21_финал.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

4. Вольвач Д. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/ (дата обращения: 23.04.2026).

5. Зинич Л. В. Современные подходы к регулированию миграции в России: цифровизация, интеграция и международное сотрудничество // Экономика и социум: современные модели развития. 2024. Т. 14. № 4.

6. Маранди Д. В. Цифровизация современных миграционных процессов в Российской Федерации (проблемы нормативно-правового регулирования) // Юридический мир. 2024. № 11. С. 35–38.

7. Смирнов А. В. Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 1. С. 133–145.

8. Попова С. М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. 2021. № 9. С. 118–132.

9. Баева Д. В фокусе Mail // Российская газета. 2025. 16 окт.

10. Сафарова М. Б. Внедрение цифровых технологий в регулирование миграционных процессов // Цивилизационная стратегия лидерства в XXI веке: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции. Душанбе, 2024. С. 326–332.

11. Криминология. Общая и Особенная части: учебник / Г. Н. Горшенков, И. В. Пикин, А. Е. Михайлов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Н. Горшенкова. М.: ИНФРА-М, 2023.

12. Сургутсков В. И. Административная деятельность органов внутренних дел (полиции): учебник. Омск, 2023.

13. Корсаков К. В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 217–225.

References

1. Akramov F. Sh. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya trudovoj migraciej v usloviyah cifrovizacii (na primere Rossijskoj Federacii): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Dushanbe, 2025.

2. Katzenbach C., Ulbricht L. Algorithmic Governance // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4.

3. Yanik A. Cifrovizaciya migracionnoj sfery v Rossii: sostoyanie i perspektivy. URL: https://ispi.rf/wp-content/uploads/2021/05/Yanik_27-05-21_final.pdf (data obrashcheniya: 23.04.2026).

4. Vol'vach D. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. URL: https://www.economy.gov.ru/ (data obrashcheniya: 23.04.2026).

5. Zinich L. V. Sovremennye podhody k regulirovaniyu migracii v Rossii: cifrovizaciya, integraciya i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo // Ekonomika i socium: sovremennye modeli razvitiya. 2024. T. 14. № 4.

6. Marandi D. V. Cifrovizaciya sovremennyh migracionnyh processov v Rossijskoj Federacii (problemy normativno-pravovogo regulirovaniya) // Yuridicheskij mir. 2024. № 11. S. 35–38.

7. Smirnov A. V. Prognozirovanie migracionnyh processov metodami cifrovoj demografii // Ekonomika regiona. 2022. T. 18. Vyp. 1. S. 133–145.

8. Popova S. M. Cifrovizaciya migracionnoj sfery v Rossii: sostoyanie i perspektivy // Pravo i politika. 2021. № 9. S. 118–132.

9. Baeva D. V fokuse Mail // Rossijskaya gazeta. 2025. 16 okt.

10. Safarova M. B. Vnedrenie cifrovyh tekhnologij v regulirovanie migracionnyh processov // Civilizacionnaya strategiya liderstva v HHI veke: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Dushanbe, 2024. S. 326–332.

11. Kriminologiya. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik / G. N. Gorshenkov, I. V. Pikin, A. E. Mihajlov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. G. N. Gorshenkova. M.: INFRA-M, 2023.

12. Surgutskov V. I. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del (policii): uchebnik. Omsk, 2023.

13. Korsakov K. V. Novaya koncepciya upravleniya processami v sfere vneshnej trudovoj migracii v sisteme obespecheniya kriminologicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 489. S. 217–225.

Информация об авторах

Абызова Ев. Р. — кандидат юридических наук, доцент.
Абызова Ел. Р. — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Abyzova Ev. R. — Candidate of Science (Law), Associate Professor.
Abyzova El. R. — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 59–65.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 59–65.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 343.851.5:004

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Дина Васильевна Вечерникова[1], Наталья Юрьевна Завьялова[2], Антонина Геннадьевна Сорокина[3]
[1, 2] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
[1] dinvech2@yahoo.com
[2] zavyalovan1@rambler.ru
[3] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, sorokinaag@buimvd.ru

Аннотация. *Вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность осуществляется в том числе с использованием информационных технологий, что представляет серьезную угрозу общественной безопасности и стабильности в обществе. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена такими ключевыми факторами, как устойчивый рост числа преступлений экстремистской направленности и усложнение контроля за распространением радикальных идей в сети Интернет, где анонимность и трансграничность коммуникаций создают благоприятные условия для пропаганды деструктивных идей. В работе авторами анализируются причины вовлеченности несовершеннолетних в экстремистскую среду, включая социально-психологические факторы, пробелы в воспитании и влияние маргинальных онлайн-сообществ.*

Ключевые слова: *экстремизм, молодежная среда, цифровая среда, деструктивное влияние, манипулятивные технологии, цифровая грамотность, информационная безопасность, противодействие радикальным проявлениям*

Для цитирования: *Вечерникова Д. В., Завьялова Н. Ю., Сорокина А. Г. Профилактика правонарушений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними в цифровой среде // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 59–65.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PREVENTION OF EXTREMIST OFFENSES COMMITTED BY MINORS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Diana V. Vechernikova[1], Natalya Yu. Zavyalova[2], Antonina G. Sorokina[3]
[1, 2] Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia
[1] dinvech2@yahoo.com
[2] zavyalovan1@rambler.ru
[3] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, sorokinaag@buimvd.ru

Abstract. *The involvement of young people in extremist activities is carried out, among other things, using information technologies, which poses a serious threat to public safety and stability in society. Of particular concern is the fact that minors are often targeted by manipulative propaganda techniques employed by psychologists from countries that are hostile to Russia. However, the mechanisms for age verification and content filtering do not always keep up with the pace of digitalization. In this article, the authors analyze the reasons for the involvement of minors in extremist environments, including socio-psychological factors, gaps in education, and the influence of marginal online communities.*

Keywords: *extremism, youth environment, digital environment, destructive influence, manipulative technologies, digital literacy, information security, countering radical manifestations*

For citation: *Vechernikova D. V., Zavyalova N. Yu., Sorokina A. G. Prevention of extremist offenses committed by minors in the digital environment. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:59–65 (In Russ.)*

© Вечерникова Д. В., Завьялова Н. Ю., Сорокина А. Г., 2026

Статистические данные о преступлениях несовершеннолетних за 2025 год, представленные Следственным комитетом России (далее — СКР), свидетельствуют о росте количества противоправных деяний, совершаемых молодыми людьми, стоящими на пороге взрослой жизни. По итогам работы Комитета за 2025 год его председатель, Александр Иванович Бастрыкин, указал на тревожные тенденции: за отчетный период на 8 % произошел рост преступлений, совершенных лицами, едва достигшими возраста уголовной ответственности, в цифровом выражении это составило 14 тыс. российских подростков. Криминологический анализ показывает наличие устойчивой динамики роста совершения преступлений несовершеннолетними в составе организованной группы или преступного сообщества и увеличение на 13 % деяний против жизни и здоровья (1,5 тыс. человек).

Обоснованно вызывает тревогу число лиц, совершивших преступные деяния, но не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности [1]. Подростковая преступность «питает» взрослую, детская — подростковую, что чревато формированием устойчивой системы социально-негативных общественных отношений преемственности криминальных поколений и представляет реальную угрозу правовому порядку России.

Согласимся с выводами относительно особенностей и тенденций преступности несовершеннолетних в России А. А. Величко и Р. А. Левиной, представленными в их совместной статье, опубликованной в журнале «Правовой порядок и правовые ценности» [2], и дополним предположением относительно обязательности учета уровня развития информационно-коммуникационных технологий и их влияния на криминологическую преступность указанной категории лиц.

Развитие IT-технологий непосредственно влияет на все сферы жизнедеятельности общества, чем больше в конкретных сферах информации, тем быстрее они подвергаются цифровой трансформации. Правила и модели поведения, закрепленные в нормативных правовых актах, представляют собой определенный вид информации (правовой), в связи с чем правовая сфера общества особенно подвержена цифровому воздействию. Массив правовой информации, в отличие от других ее видов, основывается на идеологических концепциях, отраженных в конституционных ценностях, закрепленных в основах конституционного строя Российской Федерации. Таким образом, экстремистские проявления с точки зрения IT-технологий представляют собой «войну идеологий» в сети Интернет, в которой, как в любой войне, не всегда используются корректные приемы и средства, не обращаются к формальной логике, не опираются на теорию аргументации и не подвергают лозунги критическому анализу. Между тем правовая идеология составляет большую часть правового сознания индивида, которое, в свою очередь, определяет его правовое поведение. Присутствие в ней норм, не соответствующих конституционным ценностям, неизбежно ведет к совершению правонарушений.

Предположим, что несовершеннолетние граждане России в силу своего возраста находятся на завершающей стадии формирования правового сознания, когда окончательно складывается и «цементируется» их система знаний о правовых ценностях российского общества, общеобязательных моделях и правилах поведения. Логично предположить, что именно в это время подростки максимально подвержены деструктивному влиянию экстремистской идеологии, восприятие которой на уровне индивидуального правового сознания с большой вероятностью приведет их к совершению правонарушений экстремистской направленности. Не претендуя на высокий уровень обобщения, в рамках настоящей статьи поставим перед собой цель исследовать вопросы профилактики правонарушений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними непосредственно в цифровой среде, их отдельные аспекты, а также возможные меры предотвращения.

В настоящее время несовершеннолетние — это «цифровые аборигены», поколение, которое родилось после цифровой революции, и самым привычным источником любой информации для них является всемирная паутина. Однако содержание и распространение контента в интернете минимально регулируется при помощи правовых норм, информация, в т. ч. и экстремистской направленности, вполне доступна для любого пользователя сети. Психологическая уязвимость подростков, наряду с распространением деструктивного контента, создает благоприятные условия для вовлечения несовершеннолетних в экстремистские сообщества. Комплексное противодействие данной угрозе требует разработки превентивных образовательных программ и внедрения системных защитных механизмов, минимизирующих риски радикализации молодежи в виртуальном пространстве.

Изучение большого количества материалов судебной практики позволяет нам констатировать, что в большинстве случаев интернет-сообщества используются в механизме вербовки несовершен-

нолетних в качестве потенциальных исполнителей правонарушений экстремистской направленности. Масштабное распространение экстремистской идеологии среди молодежи реализуется через целенаправленное установление эмоциональной связи с подростками под видом дружеского общения. Радикальные элементы методично выстраивают коммуникацию, начиная с нейтральных тем и планомерно внедряя деструктивные идеи в сознание несовершеннолетних. Акторы не только ведут обработку тех несовершеннолетних, с которыми непосредственно общаются, но и стремятся с помощью манипулятивных практик убедить их в безобидности экстремистских материалов и необходимости дальнейшего их распространения среди своих друзей и знакомых [3]. Целенаправленное психологическое воздействие радикального сообщества приводит к активному распространению подростками экстремистских материалов среди сверстников посредством социальных сетей.

Современные способы пропаганды экстремизма активно используют привлекательные для подростков форматы развлекательного контента — мемы, музыку, игровые механики. Подобная геймификация радикальных идей существенно снижает способность молодых людей критически оценивать получаемую информацию, постепенно формируя толерантное отношение к проявлениям агрессии и дискриминации.

Вынесенные судебные вердикты установили отсутствие у несовершеннолетних полного понимания противоправности совершенных действий вследствие систематического манипулятивного влияния экстремистской среды. Несовершеннолетние обвиняемые, вступившие в радикальные сообщества через Telegram, активно создавали и распространяли экстремистские видеоматериалы без осознания противоправности своих действий. Отсутствие должного контроля со стороны родителей и педагогов позволило подростку глубоко погрузиться в деструктивную деятельность. Назначенные судом обязательные работы совместно с психолого-педагогической коррекцией обозначили острую необходимость формирования эффективных механизмов предупреждения вовлечения молодых людей в экстремистскую деятельность посредством цифровых платформ [3].

Трансграничная природа глобальной сети создает существенные препятствия для эффективного противодействия экстремистской деятельности в цифровом пространстве. Размещение радикального контента на серверах вне российской юрисдикции значительно ограничивает возможности правоохранительных структур по блокированию противоправных материалов.

Международное сообщество демонстрирует разрозненность подходов к регулированию экстремистской активности в сетевом пространстве, а действующие международные соглашения по кибербезопасности не обеспечивают должного уровня защиты. Экстремистские группы успешно обходят установленные ограничения путем миграции между юрисдикциями разных государств и применения средств криптографической защиты информации.

Глобальный характер сетевого пространства, проблемы идентификации пользователей и недостаточный уровень цифровой компетентности населения существенно усложняют борьбу с экстремистскими проявлениями в виртуальной среде. Межведомственная координация усилий, укрепление международных связей в правоохранительной сфере и формирование комплексных образовательных инициатив по повышению правовой грамотности молодого поколения выступают ключевыми направлениями преодоления данных вызовов.

Следует отметить, что конкретные общественные процессы, происходящие внутри государства и на межгосударственном уровне, как того и требует подлинная цифровизация, происходят одновременно и в виртуальном пространстве. С начала проведения специальной военной операции отмечается совершение подростками большого количества тяжких преступлений, организованных украинскими спецслужбами, в т. ч.: поджоги военкоматов, объектов железнодорожной инфраструктуры, передача вражеским агентам сведений об особо охраняемых объектах инфраструктуры и др. В зависимости от обстоятельств данные деяния квалифицируются либо как террористический акт, либо как диверсия, либо как содействие террористической деятельности. Анализ обстоятельств совершенных деяний свидетельствует об активизации идеологов недружественных стран, которые деструктивно влияют и вербуют несовершеннолетних для совершения действий экстремистской направленности за вознаграждение.

Характерным примером является уголовное дело, расследованное Следственным управлением по Волгоградской области, по факту совершения поджогов базовых станций сотовой связи группой несовершеннолетних по предварительному сговору. Данное деяние совершалось под непосредственным контролем куратора, который давал указания по алгоритму действий через чат-бот. Восточным межрегиональным следственным управлением на

транспорте в рамках расследования уголовного дела по ч. 2 ст. 281 УК РФ (диверсия)[1] была получена информация об использовании этой же интернет-площадки для попытки совершения поджога релейных шкафов на железнодорожном перегоне в Ачинском районе Красноярского края 24 марта 2024 г. двумя подростками. В ходе допроса один из несовершеннолетних показал, что в поисках работы оставил свои персональные данные на этой интернет-платформе. В ответ на это ему пришло сообщение с заданием поджечь релейные шкафы, их координаты, инструкция по осуществлению поджога и что для этого необходимо приобрести. Оплата за совершенное деяние должна была осуществиться в криптовалюте после предоставления видео, подтверждающего выполнение задания. В качестве мотива преступления подростки назвали материальную заинтересованность [3]. Как показывает судебная практика, среди подростков, совершающих преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, также распространены мотивы национальной ненависти, поддержки террористической и экстремистской идеологии.

Таким образом, решение вопросов профилактики правонарушений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними в цифровой среде, возможно при условии целенаправленного процесса правового образования подростков, сочетающего в себе в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» элементы воспитания и обучения[2].

Профилактическая деятельность по предупреждению экстремистских проявлений среди представителей молодого поколения, равно как формирование развитого, позитивно направленного правового сознания, требует от российского государства разработки многоуровневой стратегии, направленной на вырабатывание резистентности к радикальным идеологиям в правовой психологии и правовой идеологии индивида. Следует отметить, что специфика правовой информации и цифровые навыки (в первую очередь навыки цифровой гигиены) из всех субъектов образовательных отношений, участвующих в формировании правового сознания несовершеннолетнего, на первое место, помимо самого подростка, выдвигают образовательные организации.

В данном случае образовательные организации, располагающие специалистами в области общественных, в т. ч. правовых, наук, достоверной информацией, реализующие конституционное право на образование в механизме российского государства, выступают ключевыми площадками реализации превентивных программ, способствующих развитию правосознания и аналитического мышления учащихся. Модернизированные педагогические методики, включающие углубленное изучение прав человека, принципов межнационального согласия и ненасильственного разрешения конфликтов, создадут надежный фундамент противодействия деструктивным тенденциям, а системная работа по культивированию толерантности и навыков межкультурной коммуникации позволит минимизировать риски вовлечения подростков в экстремистскую деятельность [4].

Формирование цифровой грамотности среди несовершеннолетних требует комплексного подхода к обеспечению их информационной безопасности. Внедрение образовательных модулей по кибергигиене в учебных заведениях позволит выработать у подрастающего поколения навыки распознавания манипулятивных техник и противодействия экстремистской пропаганде. Систематическое обучение основам критического анализа сетевого контента будет способствовать развитию психологической устойчивости учащихся перед деструктивным влиянием радикальных организаций в виртуальном пространстве.

Регулярное проведение образовательных мероприятий сможет существенно повысить компетентность педагогического состава и родителей или иных законных представителей в вопросах профилактики экстремизма среди молодежи. Квалифицированные специалисты на таких мероприятиях должны обучать взрослых методикам выявления деструктивных изменений в поведении подростков. Только комплексный подход к просвещению через семинары и практикумы позволит сформировать у законных представителей навыки своевременного распознавания признаков вовлеченности несовершеннолетних в радикальные группировки. Профессиональная подготовка поможет старшему поколению вовремя распознать тревожные сигналы — социальную замкнутость, агрессивное поведение, увлечение экстремистскими идеологиями и резкую смену социального окружения ребенка [5].

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Комплексная система межведомственной координации будет выступать фундаментальным звеном превентивных мероприятий по обеспечению безопасности. Многоуровневое сотрудничество силовых структур, образовательного сектора, подразделений социального обеспечения совместно с технологическими корпорациями сможет сформировать действенный механизм противодействия радикальным проявлениям, в свою очередь, автоматизированные системы мониторинга цифрового пространства, осуществляющие непрерывное наблюдение за деятельностью экстремистских объединений, помогут своевременно обнаружить уязвимые категории населения и моментально блокировать доступ к противоправным материалам. Считаем, что введение передовых методик обработки массивов информации на базе нейросетевых технологий существенно повысит эффективность выявления деструктивного контента и участников радикальных сообществ на ранних стадиях.

Позитивные онлайн-платформы для молодежи также будут являться действенным инструментом профилактики и противодействия радикальным идеологиям через вовлечение подростков в созидательную деятельность. Современные цифровые пространства, адаптированные под запросы нового поколения, предоставят широкие возможности для самореализации в волонтерских проектах, спортивных мероприятиях и творческих инициативах. Мультимедийный формат подачи материала, элементы геймификации и интерактивные механики смогут обеспечить максимальную вовлеченность молодых пользователей в конструктивные социальные практики.

Современные меры противодействия экстремистским проявлениям среди подростков требуют развития превентивных технологий, существенно превосходящих методы радикальных объединений по эффективности воздействия на молодежную среду, а многоуровневая система профилактики, включающая образовательные программы, правовое воспитание и инновационные технологические решения, будет способствовать формированию устойчивой информационной культуры подрастающего поколения и минимизации рисков вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность.

Введение более эффективных систем мониторинга активности несовершеннолетних в соцсетях позволит выявлять начальные признаки радикализации и осуществлять профилактику распространения экстремистских идей. Система мониторинга может включать в себя использование специализированного программного обеспечения для анализа контента и выявления подозрительных паттернов поведения.

Программы поддержки и реабилитации молодых людей, вовлеченных в экстремистские организации, также будут являться важным шагом для их реинтеграции и социализации. Такие программы должны включать в себя психологическую помощь и юридическую поддержку, содействие в трудоустройстве, что позволит снизить риск деструктивного рецидива.

Изложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1) современные вызовы в борьбе с экстремизмом в интернете связаны с анонимностью пользователей, сложностью международного регулирования и недостаточной цифровой грамотностью как среди молодежи, так и среди взрослых;

2) эффективное противодействие требует комплексного подхода, включающего профилактическую работу, развитие цифровой и правовой грамотности, активное взаимодействие между государственными структурами, образовательными учреждениями и IT-компаниями. Важным направлением является создание альтернативных молодежных онлайн-платформ, пропагандирующих конструктивные ценности и позитивные формы самореализации;

3) только системные меры, направленные на формирование критического мышления, повышение осведомленности родителей и педагогов, а также использование современных технологий мониторинга и анализа цифровой среды могут обеспечить снижение рисков вовлечения подростков в экстремистские сообщества.

В условиях стремительного развития информационных технологий необходимо непрерывно адаптировать методы профилактики и реагирования, чтобы защитить несовершеннолетних от деструктивного влияния и укрепить устойчивость общества перед новыми вызовами, в т. ч. применять следующие профилактические меры:

1) обучение родителей основам кибербезопасности (пользование родительским контролем на девайсах, функцией фильтрации контента), установление дополнительных приложений для фильтрации контента;

2) проведение специальных тренингов на родительских собраниях;

3) формирование навыков эмоционального самоконтроля позитивных мировоззренческих и со-

циально-психологических установок средствами просвещения и воспитания, на уроках по основам безопасности жизнедеятельности;

4) обучение несовершеннолетних блокировкам незнакомых контактов, а также формирование навыков не переходить на подозрительные ссылки и сайты;

5) внесение изменений в законодательную базу, где все разрешенные ресурсные базы в интернете буду регистрироваться, а переход на незарегистрированный сайт будет считаться нарушением законодательства;

6) проведение через средства массовой информации профилактических мероприятий, в ходе которых будут разъясняться нормы закона и новеллы законодательства в сфере противодействия экстремизму, примеры привлечения к уголовной или административной ответственности за совершение преступлений и правонарушений экстремистской направленности;

7) применение искусственного интеллекта, способного сделать борьбу с экстремистскими элементами эффективной, в т. ч. использование искусственного интеллекта для поиска экстремистской символики на сайтах, в т. ч. по поиску ключевых слов;

8) проведение личных бесед с учащимися, наиболее подверженными влиянию экстремистских идей (дети из неблагополучных семей; выходцы из семей террористов и пособников, осужденных или уничтоженных в ходе проведения специальных операций, и другие учащиеся с выраженным изменением социального поведения, религиозного мировоззрения). Определение круга таких лиц, полагаем, целесообразно проводить с учетом консультаций специалистов-психологов, социологов;

9) создание различных программ (в игровом формате), позволяющих обучать молодежь кибербезопастности.

Список источников

1. Следственный комитет России (СКР) по итогам оперативного совещания, проведенного главой ведомства Александром Бастрыкиным: более 14 тыс. подростков совершили преступления в 2025 году. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139948 (дата обращения: 20.12.2025).

2. Величко А. А., Левина Р. А. Особенности и тенденции преступности несовершеннолетних: анализ и меры профилактики // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 3 (4). С. 63–71.

3. Подборка судебных решений: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/?vsrftxt=совершение+несовершеннолетними+действий+экстремистской+направленности&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=#searchResult (дата обращения: 16.02.2026).

4. Быков Е. П. Методы и формы административно-правового противодействия экстремистской деятельности в информационной сфере: понятие и виды // Современное право. 2024. № 10. С. 53–58.

5. Перепелова Е. А. Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 67–70.

References

1. Sledstvennyj komitet Rossii (SKR) po itogam operativnogo soveshchaniya, provedennogo glavoj vedomstva Aleksandrom Bastrykinym: bolee 14 tys. podrostkov sovershili prestupleniya v 2025 godu. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139948 (data obrashcheniya: 20.12.2025).

2. Velichko A. A., Levina R. A. Osobennosti i tendencii prestupnosti nesovershennoletnih: analiz i mery profilaktiki // Pravovoj poryadok i pravovye cennosti. 2025. № 3 (4). S. 63–71.

3. Podborka sudebnyh reshenij: Federal’nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel’nosti». URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/?vsrftxt=sovershenie+nesovershennoletnimi+dejstvij+ekstremistskoj+napravlennosti&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=#searchResult (data obrashcheniya: 16.02.2026).

4. Bykov E. P. Metody i formy administrativno-pravovogo protivodejstviya ekstremistskoj deyatel’nosti v informacionnoj sfere: ponyatie i vidy // Sovremennoe pravo. 2024. № 10. S. 53–58.

5. Perepelova E. A. Destruktivnye subkul’turnye soobshchestva nesovershennoletnih kak ugroza nacional’noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 5. S. 67–70.

Информация об авторах

Д. В. Вечерникова — кандидат юридических наук.
Н. Ю. Завьялова — кандидат юридических наук.
А. Г. Сорокина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

D. V. Vechernikova — Candidate of Science (Law).
N. Yu. Zavyalova — Candidate of Science (Law).
A. G. Sorokina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 25.06.2026; одобрена после рецензирования 29.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 25.06.2026; approved after reviewing 29.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 66–73.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 66–73.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ»: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ К КОНСТИТУЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ

Рустам Салимжанович Галиев[1], Александр Александрович Бондаренко[2]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, galievrs@buimvd.ru
[2] Администрация Первомайского района Алтайского края, Новоалтайск, Россия, albondarenkob@gmail.com

Аннотация. *В статье проведен анализ эволюции категории «традиционные духовно-нравственные ценности» от ее появления в политическом дискурсе до закрепления в качестве конституционно значимой категории в Конституции, документах стратегического планирования и иных нормативных актах. Авторами на основе анализа позиций отечественных ученых, действующего законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации установлена неопределенность в широте содержания исследуемой категории и обоснована позиция о том, что в настоящее время традиционные духовно-нравственные ценности представляют собой конгломерат иных конституционных ценностей, коррелирующих с духом Конституции и отражающих конституционную идентичность российского государства.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, конституционные категории, эволюция правовых категорий*

Для цитирования: *Галиев Р. С., Бондаренко А. А. Эволюция понятия «традиционные духовно-нравственные ценности»: от политической риторики к конституционной категории // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 66–73.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES»: FROM POLITICAL RHETORIC TO A CONSTITUTIONAL CATEGORY

Rustam S. Galiev[1], Alexandr A. Bondarenko[2]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, galievrs@buimvd.ru
[2] Administration of the Pervomaysky District of the Altai Territory, Novoaltaysk, Russia, albondarenkob@gmail.com

Abstract. *This article analyzes the evolution of the category "traditional spiritual and moral values" from its emergence in political discourse to its enshrinement as a constitutionally significant category in the Constitution itself, strategic planning documents, and other regulatory acts. Based on an analysis of the positions of Russian scholars, current legislation, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors establish uncertainty in the breadth of the category's content and substantiate the position that traditional spiritual and moral values currently represent a conglomerate of other constitutional values that correlate with the spirit of the Constitution and reflect the constitutional identity of the Russian state.*

Keywords: *traditional values, spiritual and moral values, constitutional categories, evolution of legal categories*

For citation: *Galiev R. S., Bondarenko A. A. Evolution of the concept of «traditional spiritual and moral values»: from political rhetoric to a constitutional category. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:66–73 (In Russ.).*

© Галиев Р. С., Бондаренко А. А., 2026

В настоящее время политика российского государства строится на основе традиционных и конституционных ценностей: первых в силу индивидуальности, вторых в силу правового характера государства. В преамбуле Основного Закона указывается, что многонациональный народ Российской Федерации, принимая Конституцию, утверждает права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняет исторически сложившееся государственное единство, чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, что и является традиционными ценностями и указывает на взаимную связь рассматриваемых категорий.

Индивидуализация российского правопорядка реализуется посредством ценностного подхода, однако он дополнен новой аксиологической категорией, именуемой «традиционные духовно-нравственные ценности», которая неоднократно встречалась в документах стратегического планирования Российского государства, а также в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Указанная категория в ее современном содержании является составным элементом отечественной конституционной идентичности, очерчивая отличительные особенности российского правопорядка.

В указе Президента Российской Федерации к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В современной науке конституционного права многие авторы, предметом исследования которых становится категория традиционных духовно-нравственных ценностей, сходятся во мнении, что их развитие и становление на современном этапе обусловлены враждебной политикой иностранных государств, а также экстраординарными внешнеполитическими вызовами, стоящими перед Российской Федерацией [1, с. 15; 2, с. 8]. Оттого категория традиционных духовно-нравственных ценностей противопоставляется ценностям либерально-демократического характера [3, с. 80].

Другие авторы, рассматривающие традиционные духовно-нравственные ценности в отрыве от юридического контекста, находят отправную точку указанной категории в XIX в., когда по итогам преобразований эпохи Петра I было образовано два течения: западничество и славянофильство [4, с. 27; 5, с. 33–38].

О. Н. Хужина отмечает, что с позиции современной системы традиционных ценностей, обозначенной отечественным законодателем, обращает на себя внимание петровская идея служения Отечеству, которую справедливо рассматривать прототипом таких современных ценностей, находящихся в разряде традиционных духовно-нравственных, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений. В Своде законов Российской империи оформляется брачно-семейное право, и с позиции ценности «крепкая семья» правовая регламентация брачно-семейных отношений в Российской империи имеет особое значение [5, с. 35, 36].

По мнению О. С. Гильязовой, именно противопоставляемые западноевропейским ценностям постулаты именуются «традиционными ценностями». Содержание данной категории строилось на триаде графа С. С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». Далее автор отмечает, что славянофилам не был присущ этатизм и консерватизм, они также отстаивали народные права и свободы [4, с. 34].

Действительно, в работах именитых славянофилов можно усмотреть, как они противопоставляли «славянский мир» как особый культурно-исторический тип западной цивилизации и призывали к отказу от подражания Западу, видя в «европейничанье» угрозу национальной самобытности [6, с. 315–323].

Закрепленное за главой Российского государства полномочие по определению основных направлений внутренней и внешней политики государства реализовалось в ряде документов: от посланий Президента Федеральному Собранию Российской Федерации до принятия указа, утверждающего основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Установить с точностью период, когда понятие традиционных духовно-нравственных ценностей вошло в обиход отечественного политического дискурса, не представляется возможным, однако можно выдвинуть определенную гипотезу на основании проанализированных обращений Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Из данного анализа следует, что сама категория «ценности» употреблялась ни единожды и в различных контекстах: ценности российской демократии (2000, 2004, 2009 гг.), общенациональные ценности (2004 г.), наиболее часто встречаемая категория — «традиционные ценности». Впервые она встречается в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2014 г. и далее в 2016, 2017 и 2021 гг.

Выдвигаемая гипотеза относительно возникновения указанной категории в общественно-политическом дискурсе начиная с 2014 г. основывается на следующих обстоятельствах.

В 2012 г. Законодательное Собрание Новосибирской области внесло в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект № 44554-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»[1]. Данным законопроектом в числе прочего предлагалось дополнить Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) статьей 6.21, предусматривающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, он преследует цель защиты ценностей семьи, материнства и детства в их традиционном, воспринятом от предков понимании.

В 2014 г. положения статьи 6.21 КоАП РФ становятся предметом конституционного нормоконтроля по жалобе граждан Алексеева Н. А., Евтушенко Я. Н. и Исакова Д. А. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации формализована в Постановлении от 23.09.2014 № 24-П[2].

В абзаце четвертом пункта 2.2 мотивировочной части вышеуказанного постановления суд оперирует категорией «конституционно значимые нравственные ценности, предопределенные историческими, культурными и иными традициями многонационального народа Российской Федерации». Ранее указанная категория в практике Конституционного Суда Российской Федерации не встречалась.

В 2017 г. Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) вынес постановление по делу «Баев и другие против Российской Федерации»[3]. Заявители утверждали, что предусмотренный законом запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних привел к нарушению их права на свободу выражения своего мнения и являлся дискриминационным. Указанное постановление интересно параграфами 46–48, в которых изложены аргументы Российской Федерации в рамках рассматриваемого дела. Они привлекают внимание, т. к. позиция Российской Федерации обосновывалась тем, что вводимая административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений преследует защиту «традиционных семейных ценностей».

Отсюда можно выдвинуть предположение, что отправной точкой в эволюции категории традиционных духовно-нравственных ценностей и ее актуализации в период с 2014 г. стал именно вопрос традиционного восприятия ценности семьи, которое отличается в интерпретации наднациональных юридических институтов. Например, интерпретация ЕСПЧ, который указывает на гендерную нейтральность категории «семья»[4], а нарушение прав однополых пар расценивает с точки зрения «защиты семейной жизни»[5]. Тем самым хоть ЕСПЧ и не утверждает, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод накладывает на государства — участников Конвенции позитивное

[1] Паспорт законопроекта № 44554–6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗ). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/44554-6 (дата обращения: 16.06.2026).

[2] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 40, ст. 5489.

[3] Дело «Баев и другие против Российской Федерации»: жалобы № 67667/09, 44092/12, 56717/12: постановление ЕСПЧ от 20.06.2017 // Европейский суд по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174422 (дата обращения: 16.06.2026).

[4] Дело «Мацате против Литвы»: жалоба № 61435/19: постановление ЕСПЧ от 23.01.2023 // Европейский суд по правам человека. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-222072 (дата обращения: 16.06.2026).

[5] Дело «Валлианатос и другие против Греции»: жалобы № 29381/09 и 32684/09: постановление ЕСПЧ от 12.11.2024 // Европейский суд по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-239998 (дата обращения: 16.06.2026).

обязательство по обеспечению доступа к браку однополым парам[1], понимание семьи в его практике постепенно размывается.

Конституционный Суд Российской Федерации посредством своей интерпретационной деятельности, основанной в том числе на традиционном взгляде на ценность семьи, сформулировал более общую категорию «конституционно значимых нравственных ценностей». Поскольку они предопределены историческими и культурными традициями, указанные ценности можно было именовать как «конституционно значимые традиционные нравственные ценности».

Иная встречаемая категория — «традиционные семейные ценности» — имеет ограниченное применение, характеризуя исключительно исторически сложившиеся нормы взаимоотношений внутри семьи.

Традиционные духовно-нравственные ценности нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации после принятия наиболее масштабных за всю историю Основного Закона поправок. Статья 67.1 имеет самый большой интерпретационный потенциал из всех поправок в Конституцию в 2020 г., закрепляя положения, которые непосредственно корреспондируют традиционным духовно-нравственным ценностям. При соотношении указанной нормы Конституции Российской Федерации с перечнем традиционных духовно-нравственных ценностей можно отметить, что она направлена на конституционализацию ценности исторической памяти и преемственность поколений.

Изменениям также подверглась статья 68 Конституции, где теперь упоминается русский язык как язык государствообразующего народа, а также позитивные обязательства государства по поддержанию и охране культуры. Предполагается, что действующая редакция статьи 68 конституционализировала ценности приоритета духовного над материальным, делая акцент на обязательствах государства перед культурой, а также ценность исторической памяти и преемственности поколений.

Традиционные духовно-нравственные ценности в виде созидательного труда, справедливости, коллективизма и взаимоуважения можно усмотреть в статье 75.1, которая также стала нововведением конституционной реформы 2020 г.

Обращают на себя внимание и изменения в части 1 статьи 72 Конституции РФ, а именно ее дополнение пунктом «ж. 1» следующего содержания: «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях».

Категория «традиционные ценности» находит свое отражение в том числе в документах стратегического планирования, например в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400[2].

Однако, оперируя категорией «традиционные духовно-нравственные ценности» и производными от нее понятиями (конституционно значимые нравственные ценности, традиционные семейные ценности), ее содержание зачастую определяется ad hoc, что, в свою очередь, способствует культивированию неопределенности. Такая неопределенность может привести к ее произвольному толкованию и применению. Указанное создает предпосылки для субъективного усмотрения при оценке действий и решений с точки зрения соответствия этим ценностям.

Более того, неопределенность категории «традиционные духовно-нравственные ценности» порождает негативные тенденции, о которых в своей работе предостерегает Л. Ю. Полянскова, указывая, что «традиционные ценности не должны использоваться как вольно понимаемое рамочное понятие, под видом которого выступает агрессивная демагогия, разрушающая созидательные смыслы, заложенные в универсалии традиционных ценностей» [7, с. 101].

Возникшую неопределенность призваны устранить Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809[3]. Пункт 4 указанных

[1] Дело «Карнер против Австрии»: жалоба № 40016/98: постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 // Европейский суд по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61261 (дата обращения: 16.06.2026); Дело «Шальк и Копф против Австрии»: жалоба № 30141/04: постановление ЕСПЧ от 24.06.2010 // Европейский суд по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99605 (дата обращения: 16.06.2026).

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ст. 5351.

[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7975.

Основ дает следующее толкование понятию традиционные ценности: «это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

Пункт 5 дает содержательную характеристику традиционных ценностей, относя к ним жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России.

Формализация содержания традиционных духовно-нравственных ценностей, безусловно, позитивно сказывается на их научном осмыслении и практике их имплементации в нормативное правовое пространство, однако представленное виденье на их содержание создает и определенного рода проблемы, обусловленные широтой их нормативного понимания. Если до издания указанного акта под традиционными духовно-нравственными ценностями понималась преимущественно собирательная категория, отражающая привычные и устоявшиеся взгляды российского общества на вопросы семьи, брака, а также социального устройства (узкое понимание традиционных ценностей), то после официального закрепления в указанную категорию были включены, помимо прочего, права и свободы человека и гражданина (широкое понимание ценностей). Подобное расширение содержательного наполнения привело к тому, что исследуемая категория приобрела чрезвычайно широкий характер, что порождает сложности как в доктринальном осмыслении, так и в оценке правовых и институциональных механизмов их защиты. Также указанное является следствием становления узкого и широкого понимания традиционных духовно-нравственных ценностей.

Из оценки вышеуказанных положений можно сделать вывод, что упоминание достоинства, прав и свобод человека и гражданина не противопоставляет категорию «традиционные духовно-нравственные ценности» либерально-демократическим ценностям, составляющим основу российского конституционного строя. Наоборот, традиционные духовно-нравственные ценности — это конгломерат иных, в т. ч. и конституционных, ценностей либерально-демократического характера, отражающих конституционную идентичность российского государства. Учитывая тот факт, что традиционные духовно-нравственные ценности включают в себя права и свободы человека, можно говорить, что они, как и конституционные ценности, образуют определенную иерархию. Именно права и свободы находятся на вершине этой иерархии, что совершенно не противопоставляет их нижестоящим ценностям, не умаляет их. Без признания и надлежащей правовой защиты прав и свобод становится невозможна реализация иных традиционных духовно-нравственных ценностей.

Указанный вывод находит поддержку в науке конституционного права. Например, в уже упомянутой работе Л. Ю. Полянсковой отмечается, что в средствах массовой информации (далее — СМИ) происходит жонглирование понятиями и их противопоставление в оппозицию друг другу. Автор полагает, что «оспаривать постулированное в Основном Законе в угоду конфронтационному противостоянию с западными державами — значит лишать себя достижений человеческой мысли, эффективных механизмов общественного развития, над осмыслением, содержательным приращением и эффективным претворением в жизнь которых трудились сотни представителей научной, политической, культурной общественности нашей страны» [7, с. 103].

Подобное противопоставление можно усмотреть не только в риторике СМИ, но и в содержании курса «Основы российской государственности», включенного в учебные программы всех образовательных организаций высшего образования вне зависимости от направлений подготовки, где утверждается, что с точки зрения либеральных моделей феномен традиционных ценностей может быть воспринят только критически, а сам либерализм приобрел форму, в рамках которой «неограниченная свобода личности и ее права приобрели абсолютную ценность, а главной обязанностью перед другими людьми и обществом стало считаться навязывание ультралиберальной идеологии всему миру, всем народам, государствам и цивилизациям» [8, с. 287].

В современной научной дискурсивной практике либеральная интерпретация традиционных духовно-нравственных ценностей нередко подвергается стигматизации. Основанием для такой критики служит присущая данному подходу человекоцентристская парадигма, постулирующая верховенство человека, его прав и свобод в качестве

высшей ценности. Однако, учитывая конституционно-правовой ракурс настоящего исследования, следует признать, что именно положения статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации выступают ключевыми нормативными маркерами либерально-демократической основы отечественного конституционного строя. Указанные положения, по мнению В. Д. Зорькина, свидетельствуют о человекоцентрическом характере идеологии, положенной в основу российской Конституции [9, с. 75].

Авторы вышеупомянутого курса противопоставляют либеральной парадигме так называемый цивилизационный подход. В его рамках базовые ценности предлагается рассматривать исключительно сквозь призму консервативного духовно-политического мировоззрения, где коллективная идентичность и культурная традиция превалируют над индивидуальным началом.

С подобным противопоставлением согласиться невозможно. Интерпретация конституционных прав и свобод как элементов традиционных ценностей должна осуществляться не в отрыве от базовых принципов Основного Закона, а в их системной взаимосвязи. Ключевым ориентиром здесь выступает «дух Конституции», который содержит в себе человекоцентристскую установку из положений статьи 2 Конституции Российской Федерации и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, восходящей к кантовскому категорическому императиву[1]. Эта установка рассматривает личность не как пассивный объект государственной опеки, а как автономный субъект, обладающий достоинством и неотчуждаемыми правами.

Анализ содержания традиционных духовно-нравственных ценностей в контексте конституционного права позволяет говорить об их динамичном, а не статичном характере. Об этом могут свидетельствовать изменения в содержании прав и свобод. Например, развитие прав четвертого поколения, к которым некоторые авторы относят информационные и соматические права [10, с. 74].

Из общего представления о категории традиционных духовно-нравственных ценностей их можно отнести к одному из так называемых «пределов уступчивости», о которых писал председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин в 2010 г., отмечая, что «пределом нашей уступчивости является защита нашего суверенитета, наших национальных институтов и наших национальных интересов» [11]. К их числу можно уверенно отнести рассмотренные ценности, поскольку их содержание определяется национальным законодателем с учетом общественного интереса. Их видоизменение и «размывание» посредством интерпретационной деятельности наднациональных юридических институтов повлечет конфликт в правоприменении.

Также посредством указанной категории возможно оппонировать процессу универсализации конституционных ценностей, о котором в своей работе пишет В. В. Невинский. По его мнению, развитие конституционных ценностей находится на историческом перекрестке между универсализацией и стремлением государств сохранить свою идентичность [12, с. 110]. Традиционные духовно-нравственные ценности могут выступать тем, что В. В. Невинский в своей работе называет «пределами универсализации», покушение на которые, как он отмечает, может превратить рассматриваемый им процесс из блага в угрозу утраты идентичности и суверенитета.

Категория «традиционные ценности» как таковая не являлась конституционной, однако интерпретация положений преамбулы и глав первой и второй Конституции Российской Федерации 1993 г. позволяет говорить о наличии самого содержания исследуемой категории в тексте Основного Закона. В качестве цели государственной политики данной категорией неоднократно оперировал Президент Российской Федерации в посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации с 2014 г., и именно данный период мы воспринимаем как момент возникновения в политическом дискурсе рассматриваемой категории. Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 г., содержали в том числе нормы, непосредственно корреспондирующие к традиционным ценностям. Закрепление дефиниции и конкретного перечня традиционных духовно-нравственных ценностей в указе президента Российской Федерации является ожидаемой и необходимой мерой в рамках государственной политики современного Российского государства. Анализ содержания данного указа позволяет сделать вывод, что традиционные духовно-нравственные ценности — это конгломерат иных конституционных ценностей, которые могут и должны быть интерпретированы сквозь призму либерально-демократической интенции Конституции 1993 г.

[1] По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.05.1995 № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Митин А. Н. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве // Современное право. 2024. № 9. С. 15–22.
2. Мохов А. А. От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 8–13.
3. Дробязко С. Р. Образ жизни: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 200 с.
4. Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 27–45.
5. Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте правового наследия Российской империи // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 33–38.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и комментарий Ю. А. Белова; отв. ред. Н. Страхова. СПб.: Институт русской цивилизации, 2008. 578 с.
7. Полянскова Л. Ю. Соотношение понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» и основ конституционного строя Российской Федерации как смыслообразующий вопрос о российской государственности для общественного дискурса // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 6 (211). С. 100–113.
8. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т. В. Евгеньева, И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев [и др.]; под ред. С. В. Перевезенцева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
9. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. 353 с.
10. Дудко И. А., Кряжкова О. Н. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: учебное пособие. М.: РГУП, 2020. 158 с.
11. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/Press–srv/smi/20784/ (дата обращения: 16.06.2026).
12. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 106–121.

References

1. Mitin A. N. Duhovno-nravstvennye cennosti v pravovyh dokumentah Rossii: otrazhenie v informacionnom prostranstve // Sovremennoe pravo. 2024. № 9. S. 15–22.
2. Mohov A. A. Ot Ukaza Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» k odnoimennomu federal'nomu zakonu? // Sovremennoe pravo. 2024. № 8. S. 8–13.
3. Drobyazko S. R. Obraz zhizni: konstitucionno-pravovye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 200 s.
4. Gilyazova O. S. Tradicionnye rossijskie cennosti: ponyatiya, naznachenie, dostoinstva i ogranicheniya // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2024. № 2 (23). S. 27–45.
5. Huzhina O. N. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste pravovogo naslediya Rossijskoj imperii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 1 (49). S. 33–38.
6. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa / sost. i kommentarij Yu. A. Belova; otv. red. N. Strahova. SPb.: Institut russkoj civilizacii, 2008. 578 s.
7. Polyanskova L. Yu. Sootnoshenie ponyatiya «tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti» i osnov konstitucionnogo stroya Rossijskoj Federacii kak smysloobrazuyushchij vopros o rossijskoj gosudarstvennosti dlya obshchestvennogo diskursa // Lex Russica. 2024. T. 77. № 6 (211). S. 100–113.
8. Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov, izuchayushchih sociogumanitarnye nauki / T. V. Evgen'eva, I. I. Kuznecov, S. V. Perevezencev [i dr.]; pod red. S. V. Perevezenceva. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2023. 550 s.
9. Zor'kin V. D. Lekcii o prave i gosudarstve. SPb.: Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii, 2024. 353 s.
10. Dudko I. A., Kryazhkova O. N. Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. M.: RGUP, 2020. 158 s.

11. Zor'kin V. D. Predel ustupchivosti // Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: https://www.ksrf.ru/Press–srv/smi/20784 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

12. Nevinskij V. V. Sushchnost' i universalizaciya konstitucionnyh cennostej v sovremennom obshchestve // Lex Russica. 2018. № 11 (144). S. 106–121.

Информация об авторе

Р. С. Галиев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. S. Galiev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 17.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 17.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 74–80.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 74–80.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9:339.543

РЕШЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО ОРГАНА КАК НЕНОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***Никита Сергеевич Городилов*[1, 2]**
[1] Адвокатское бюро г. Москвы «Александр Курьянов и Партнеры», Москва, Россия, gorodilovw@gmail.com
[2] Московский инновационный университет, Москва, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа решения таможенного органа как ненормативного правового акта, способного выступать самостоятельным предметом судебного и административного обжалования. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что оно является одним из первых исследований, направленных на сущностный анализ ненормативных правовых актов таможенных органов и выявление критериев, позволяющих разграничивать правоприменительные акты, могущие быть предметом самостоятельного оспаривания, и промежуточные акты таможенного правоприменения. Сделан вывод о том, что в качестве самостоятельного предмета оспаривания может признаваться акт, непосредственно влияющий на возникновение, изменение или прекращение таможенного правоотношения, тогда как предшествующие его принятию властные действия таможенного органа могут оцениваться судом в рамках судебного контроля итогового решения.*

Ключевые слова: *ненормативный правовой акт, таможенный орган, отказ в выпуске товаров, таможенное декларирование, таможенный контроль, требование о внесении изменений, глава 24 АПК РФ*

Для цитирования: *Городилов Н. С. Решение таможенного органа как ненормативный правовой акт: онтологический анализ // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 74–80.*

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CUSTOMS AUTHORITY'S DECISION AS A NON-REGULATORY LEGAL ACT: ONTOLOGICAL ANALYSIS

***Nikita S. Gorodilov*[1, 2]**
[1] Alexander Kuryanov and Partners Law Office, Moscow, Russia, gorodilovw@gmail.com
[2] Moscow Innovation University, Moscow, Russia

Abstract. *The article examines the legal nature of a customs authority's decision as a non-regulatory legal act capable of serving as an independent subject of judicial and administrative challenge. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is one of the first attempts to conduct an essential analysis of non-regulatory legal acts issued by customs authorities and to identify criteria for distinguishing law-enforcement acts that may be challenged independently from intermediate acts of customs law enforcement. The author concludes that only an act directly affecting the emergence, modification or termination of a customs legal relationship may be recognized as an independent subject of challenge, whereas preceding authoritative actions of the customs authority may be assessed by the court within the judicial review of the final decision.*

Keywords: *non-regulatory legal act, customs authority, refusal to release goods, customs declaration, customs control, requirement to amend a declaration, Chapter 24 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation*

For citation: *Gorodilov N. S. Customs authority's decision as a non-regulatory legal act: ontological analysis. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:74–80 (In Russ.)*

© Городилов Н. С., 2026

В сфере таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности таможенные органы обладают широким объемом публично-властных полномочий, реализация которых осуществляется посредством принятия индивидуальных правоприменительных актов в форме решений или фактических действий, направленных на решение задач в области таможенного дела и государственной политики в данной сфере. Такие решения затрагивают различные аспекты перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза: от определения классификационных признаков товара до решения вопроса о его выпуске, от оценки соблюдения запретов и ограничений до применения специальных таможенных процедур и мер контроля.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) предусматривает различные виды решений, которые принимают таможенные органы в рамках использования своих публичных полномочий: решения, связанные с классификацией товаров, включая предварительные решения и решения в отношении товаров, перемещаемых в несобранном или разобранном виде (ст. 20, 21, 26 ТК ЕАЭС); решения, связанные с происхождением товаров (ст. 32, 33, 36 ТК ЕАЭС); решения по вопросам применения методов определения таможенной стоимости и уплаты таможенных платежей (ст. 38, 59 ТК ЕАЭС); решения в процедуре декларирования и изменения сведений, заявленных в декларации на товары (ст. 112 ТК ЕАЭС); решения, связанные с выпуском товаров, приостановлением срока выпуска, отказом в выпуске, а также применением отдельных мер таможенного контроля (ст. 118, 119, 124, 125 ТК ЕАЭС); решения в сфере таможенной экспертизы (ст. 389 ТК ЕАЭС); решения, связанные с включением лиц в реестры в сфере таможенного дела, отказом во включении, приостановлением действия свидетельств и исключением из соответствующих реестров (ст. 434, 435 ТК ЕАЭС). Приведенный перечень решений, объединенных в группы по правовым институтам таможенного права, с которыми они связаны, не является исчерпывающим, однако уже он показывает значительное многообразие индивидуальных правовых актов, принимаемых таможенными органами.

Наряду с принятием решений таможенные органы направляют запросы документов и сведений в адрес участников внешнеэкономической деятельности и иных лиц, предъявляют требования о внесении изменений или дополнений в сведения, заявленные в таможенной декларации, принимают меры по обеспечению таможенного контроля, совершают действия по выпуску либо невыпуску товаров, а также реализуют иные властные полномочия в отношении субъектов частного права, перемещающих через таможенную границу ЕАЭС товары и транспортные средства. Такие формы публично-властного воздействия также способны влиять на правовое положение декларанта, перевозчика, владельца товара или иного заинтересованного лица.

При этом запросы, требования и иные действия таможенного органа, осуществляемые в отношении декларантов, как правило, входят в единую последовательность действий, совершаемых в рамках конкретной таможенной процедуры или формы таможенного контроля. Например, при проверке таможенной стоимости товаров таможенный орган вправе запросить у декларанта письменные пояснения о факторах, влияющих на формирование цены товаров, а также об иных обстоятельствах, имеющих отношение к перемещаемым товарам (п. 2 ст. 313 ТК ЕАЭС). Если представленные документы и сведения не подтверждают достоверность и полноту проверяемых сведений либо не устраняют оснований для проверки, таможенный орган вправе запросить дополнительные документы и сведения, а по результатам проверки — направить требование об изменении или дополнении сведений, заявленных в декларации на товары, до выпуска товаров (ст. 112, п. 4, 11, 15 ст. 325 ТК ЕАЭС). Неисполнение такого требования до выпуска товаров может послужить основанием для принятия решения об отказе в выпуске товаров (подп. 2 п. 1 ст. 125 ТК ЕАЭС). Если же проверка завершается после выпуска товаров, в т. ч. при выпуске товаров под обеспечение, и представленные документы либо объяснения декларанта не подтверждают достоверность проверяемых сведений или не устраняют оснований для проверки, таможенный орган на основании имеющейся у него информации принимает решение о внесении изменений или дополнений в сведения, заявленные в таможенной декларации (п. 17, 18 ст. 325 ТК ЕАЭС).

То есть в рамках одной таможенной процедуры могут последовательно применяться запрос документов, требование о внесении изменений, решение об отказе в выпуске товаров либо последующее решение о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации. Однако ТК ЕАЭС не уточняет, какие из перечисленных документов и действий являются самостоятельными ненормативными правовыми актами, способными быть предметом самостоятельного оспаривания, а какие

лишь входят в состав юридических фактов, необходимых для принятия последующего решения.

С учетом этого возникает закономерный вопрос о соотношении запросов, требований и иных действий таможенного органа, адресованных декларанту, с индивидуальными правоприменительными актами, принимаемыми таможней в форме решений. Любое ли решение, требование, запрос или действие таможенного органа должно рассматриваться как самостоятельный ненормативный правовой акт, подлежащий оспариванию по правилам главы 24 АПК РФ или главы 51 Федерального закона Российской Федерации от 03.08.2018 № 289-ФЗ, либо только отдельные акты правоприменения в области таможенного дела обладают теми признаками, которые придают им значение самостоятельного предмета судебного или административного контроля.

Данный вопрос не является схоластическим. От его разрешения зависят вполне конкретные практические выводы в сфере обжалования решений, действий и бездействия таможенных органов: обязан ли участник внешнеэкономической деятельности оспаривать каждый документ, исходящий от таможенного органа, либо он вправе избрать предметом судебного контроля итоговый акт, которым прекращается соответствующая процедура и непосредственно определяется правовой режим его имущества. Кроме того, данный вопрос имеет и прямое экономическое значение для участников внешнеэкономической деятельности. В соответствии с подп. 7 п. 1 ст. 333.21 НК РФ при подаче организацией заявления о признании ненормативного правового акта недействительным, а также о признании решений и действий (бездействия) государственных органов незаконными размер государственной пошлины составляет 50 000 руб. Следовательно, если исходить из необходимости самостоятельного оспаривания каждого запроса, требования, решения или иного правоприменительного акта таможенного органа, судебная защита фактически многократно удорожается. Такое финансовое бремя возлагается на участника внешнеэкономической деятельности, который и без того несет расходы, связанные с хранением товара, простоем, повторным декларированием, юридическим сопровождением спора и риском невозможности возмещения судебных издержек при неблагоприятном исходе дела.

Поводом для обращения к исследованию правовой природы ненормативного правового акта таможенного органа, подлежащего оспариванию, послужило дело № А63-22116/2024. В рамках указанного дела решением Арбитражного суда Ставропольского края требования общества были удовлетворены, суд признал недействительным решение таможенного органа от 06.10.2024 об отказе в выпуске товаров за невыполнение требования таможенного органа об изменении или дополнении сведений, заявленных в декларации на товары. Таможенный орган, не согласившись с указанным судебным актом, обжаловал его в апелляционном порядке. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая новый судебный акт, исходил из того, что по результатам проверки документов таможенный орган с учетом установления признаков недостоверности таможенной стоимости 05.10.2024 направил декларанту требование о внесении изменений в декларацию на товары, и с учетом поступления отказа от совершения запрашиваемых действий 06.10.2024 таможенный орган принял решение об отказе в выпуске товаров за невыполнение требования об изменении или дополнении сведений, заявленных в декларации. Дополнительно апелляционный суд указал, что решение таможенного органа от 05.10.2024 о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации на товары, незаконным не признано, поскольку заявитель, уточнив требования в порядке статьи 49 АПК РФ, отказался от оспаривания акта от 05.10.2024 и просил признать незаконным именно решение от 06.10.2024 об отказе в выпуске[1].

С указанным подходом не согласился суд кассационной инстанции. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа обратил внимание, что выводы апелляционного суда являются внутренне противоречивыми. Как отмечено в постановлении суда кассационной инстанции, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд, с одной стороны, сослался на то, что решение таможенного органа от 05.10.2024 о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации на товары, незаконным не признано, а с другой стороны, указал, что решение о внесении изменений фактически не принималось, корректировка таможенной стоимости не производилась и таможенные платежи обществу не доначислялись. При этом сам таможенный орган указывал, что решение от 05.10.2024 о внесении изменений не принималось, а потому общество не могло его оспорить по причине отсутствия такого акта. В связи с этим суд кассационной ин-

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2026 по делу № А63-22116/2024 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

станции, направляя дело на новое рассмотрение, пришел к выводу, что нижестоящему суду следовало проверить основания, по которым таможенный орган отказал в выпуске товара для внутреннего потребления[1].

Конкретные фактические обстоятельства указанного дела имеют значение только для этого спора. Для целей настоящего исследования важнее иной, более общий вопрос о правовой природе и признаках ненормативного акта таможенного органа, обладающего способностью к самостоятельному обжалованию.

В учебной литературе по арбитражному процессу понятие «ненормативный правовой акт» раскрывается прежде всего через его индивидуализированный и властно-распорядительный характер. Так, в учебнике «Арбитражный процесс» под редакцией В. В. Яркова решения и действия публичных органов характеризуются как «форма реализации их полномочий» [1, с. 241]; при этом указывается, что они адресованы конкретному лицу, имеют разрешительный, запретительный, предостерегающий или принудительный характер и обязательны для исполнения в отношении лица, которому адресованы либо в отношении которого совершены соответствующие действия [1, с. 241].

Сходный подход представлен в учебнике «Арбитражный процесс» под редакцией М. К. Треушникова. В нем ненормативные правовые акты описываются как акты, которые «не содержат норм права, а содержат лишь предписания индивидуального характера», «обращены к строго определенным лицам или кругу лиц и издаются по вполне определенному поводу», а также «рассчитаны на строго определенный вид общественных отношений» [2, с. 470]. Обобщая данные признаки, авторы указывают, что ненормативные правовые акты являются правовыми актами индивидуального характера, т. е. актами, устанавливающими, изменяющими или отменяющими права и обязанности конкретных лиц [2, с. 470].

Указанные процессуальные характеристики согласуются с общетеоретическим пониманием акта применения права. В учебнике Л. П. Рассказова правоприменительный акт рассматривается как разновидность индивидуального правового акта, содержащего индивидуально-властное предписание. Особое значение для настоящего исследования имеет вывод автора о том, что «акты применения норм права — это официальные документы, влекущие возникновение, изменение и прекращение правоотношений» [3, с. 406]. При этом документы, которые имеют юридическое значение, но непосредственно не влияют на видоизменение правоотношений, не обладают качеством самостоятельного акта применения права.

Данный теоретический вывод корреспондирует с позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21, в котором разъяснено следующее: «При рассмотрении вопроса о том, может ли документ быть оспорен в судебном порядке, судам следует анализировать его содержание. О принятии решения, порождающего правовые последствия для граждан и (или) организаций, могут свидетельствовать, в частности, установление запрета определенного поведения или установление определенного порядка действий, предоставление (отказ в предоставлении) права, возможность привлечения к юридической ответственности в случае неисполнения содержащихся в документе требований»[2].

Заслуживает внимания и следующая позиция, изложенная в п. 6 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: акты налоговых и таможенных проверок, а также акты контрольного мероприятия не могут выступать предметом самостоятельного оспаривания в качестве решений, поскольку являются лишь средством фиксации выявленных нарушений. При этом заинтересованное лицо вправе оспорить уже решение, основанное на соответствующем акте проверки, т. е. итоговый правоприменительный акт, принятый по результатам контрольной процедуры[3].

Приведенные теоретические выводы авторитетных авторов и разъяснения высшей судебной инстанции позволяют концептуально рассмотреть правовую проблему, выявленную в деле № А63-22116/2024.

Подавая декларацию на товары, декларант заявлял помещение товара под определенную таможенную процедуру и тем самым инициировал комплекс таможенных правоотношений: право-

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2026 по делу № А63-22116/2024 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

[2] О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

отношения в рамках процедуры выпуска для внутреннего потребления и правоотношения, складывающиеся при осуществлении таможенного контроля заявленных сведений о таможенной стоимости товара (ст. 104, 310 ТК ЕАЭС). После регистрации декларации таможенный орган в пределах избранной декларантом процедуры осуществлял проверку документов и сведений, в т. ч. сведений о таможенной стоимости. Таможенный орган счел, что у него имеются основания для направления декларанту запроса о представлении документов и сведений, обосновывающих применение первого метода определения таможенной стоимости. Проанализировав полученные от общества сведения и документы и установив нарушения актов в сфере таможенного регулирования, таможенный орган в порядке ст. 112 и 325 ТК ЕАЭС направил требования о внесении изменений в декларацию.

Однако данное требование не завершало таможенный контроль и не определяло правовой режим товара. Такое требование являлось промежуточным элементом проверки документов и сведений, начатой до выпуска товаров. После направления указанного требования правоотношения в рамках таможенного контроля продолжались, поскольку дальнейшее их развитие зависело от действий декларанта. Если бы декларант исполнил требование, таможенный орган должен был бы продолжить рассмотрение вопроса о выпуске товаров с учетом измененных сведений и при соблюдении условий выпуска произвел бы выпуск товаров (п. 1 ст. 118 ТК ЕАЭС). С учетом отказа декларанта исполнить требование такое неисполнение было положено таможенным органом в основание решения об отказе в выпуске товаров (подп. 2 п. 1 ст. 125 ТК ЕАЭС). Именно указанное решение завершило процедуру рассмотрения конкретной декларации и разрешения вопроса о выпуске товара для внутреннего потребления; поскольку товар не был выпущен, он сохранил статус иностранного товара, а правоотношение по рассмотрению данной декларации и решению вопроса о выпуске товара было завершено неблагоприятным для декларанта результатом.

Следовательно, требование о внесении изменений выступало лишь промежуточным юридическим фактом, входящим в состав юридических фактов для последующего решения, и потому правомерность требования должна оцениваться при проверке законности итогового решения таможенного органа по спорной декларации.

Указанные теоретические выводы подтверждаются судебной практикой по конкретным делам, где предметом спора, определенным заявителем, было только одно требование о признании недействительным решения таможенного органа об отказе в выпуске товара и самостоятельного оспаривания требования таможни о внесении изменений в декларацию не осуществлялось.

Показательным в этом смысле является дело № А40-266261/2024. В нем ООО «Автоцентр "Гольфстрим"» обратилось в арбитражный суд с требованием о признании незаконным решения Центральной акцизной таможни об отказе в выпуске товаров. До принятия отказа таможенный орган направил декларанту требование о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации, указав на необходимость представления одобрения типа транспортного средства. Поскольку такое требование исполнено не было, 06.08.2024 таможенный орган отказал в выпуске товаров. Арбитражные суды не ограничились формальным признанием законности решения об отказе через констатацию неисполнения декларантом требования о внесении изменений, а проверили все действия таможенного органа на соответствие нормам материального права и пришли к выводу, что ввозимые автомобили являлись единичными транспортными средствами, включенными в перечень Минпромторга России, вследствие чего представление одобрения типа транспортного средства не требовалось. Решение об отказе в выпуске было признано незаконным; выводы суда первой инстанции были поддержаны Девятым арбитражным апелляционным судом и Арбитражным судом Московского округа[1].

Спор со схожим предметом рассмотрения наблюдается в деле № А51-21483/2019. Общество оспаривало решение Владивостокской таможни по жалобе и решение должностного лица таможенного поста, выраженное в отказе в выпуске товаров, при этом исключив из предмета иска требование о признании недействительным требования о внесении изменений. До принятия указанного отказа таможенный орган после проведения досмотра установил расхождение заявленного веса товара с фактическим и направил декларанту требование о внесении изменений в сведения, заявленные в ДТ. В тот же день таможенный орган отказал в выпуске товаров, сославшись на невыполнение декларантом указанного требования. Суды признали отказ незаконным, поскольку он был принят

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2025 по делу № А40-266261/2024 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

до истечения срока, предоставленного декларанту для совершения соответствующих действий: решение о внесении изменений было направлено без указания конкретного времени, тогда как отказ был оформлен до окончания рабочего времени отдела таможенного оформления и таможенного контроля. Решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда об удовлетворении требований были оставлены без изменения Арбитражным судом Дальневосточного округа[1].

В качестве еще одного примера можно привести дело № А52-4725/2020, в рамках которого предприниматель оспаривал действие Псковской таможни, выразившееся в отказе в выпуске товара, а также принятое таможенным органом решение об отказе в выпуске товаров. Из содержания текстов судебных актов следует, что по результатам таможенного досмотра таможенный орган направил декларанту требование о внесении изменений или дополнений в сведения, заявленные в ДТ, предложив по некоторым товарам указать наименование, цвет, состав материала, торговую марку, страну происхождения и вес нетто. Декларант требование не исполнил, после чего таможенный орган сформировал электронный отказ в выпуске товара на основании подп. 2 п. 1 ст. 125 ТК ЕАЭС. Арбитражные суды признали такой отказ в выпуске неправомерным, указав, что перечень сведений, подлежащих указанию в ДТ, ограничен сведениями, необходимыми для целей таможенного регулирования, а из содержания требования таможенного органа не следовало, что декларантом были нарушены положения нормативных правовых актов в сфере таможенного регулирования. Решение суда первой инстанции об удовлетворении требований было оставлено без изменения Четырнадцатым арбитражным апелляционным судом[2].

Также подтверждением того, что правомерность отказа в выпуске оценивается судом в совокупности с предшествующим требованием о внесении изменений в ДТ вне зависимости от включения последнего в предмет иска, может рассматриваться дело № А46-619/2020. В рамках этого дела общество оспаривало решение Омской таможни об отказе в выпуске товара. По обстоятельствам дела таможенный орган после проведения досмотра пришел к выводу о необходимости изменения сведений, заявленных в ДТ, а после отказа декларанта от внесения соответствующих изменений принял решение об отказе в выпуске. Арбитражные суды установили, что таможенным органом была нарушена сама процедура выпуска: требование о необходимости внесения изменений в сведения, заявленные в ДТ, не было надлежащим образом сформировано и направлено декларанту в пределах срока выпуска товаров. По этой причине решение об отказе в выпуске было признано недействительным как не отвечающее принципу формальной определенности и нарушающее права участника внешнеэкономической деятельности, невзирая на то, что требование о внесении изменений в декларацию формально не было самостоятельным предметом спора. Соответствующие выводы нижестоящих судов были поддержаны в полном объеме Арбитражным судом Западно-Сибирского округа[3].

Таким образом, в качестве ненормативного правового акта таможенного органа, обладающего свойством самостоятельного предмета обжалования, может выступать не любой запрос, требование или иное действие таможенного органа, а только такое решение либо действие, которое имеет индивидуальный, публично-властный характер и которое оказывает непосредственное влияние на развитие таможенного правоотношения. Такой акт правоприменения определяет правовое положение конкретного лица и правовой режим товара, возлагает на лицо обязанность, ограничивает право лица, отказывает в предоставлении права либо создает самостоятельное препятствие для его реализации.

Применительно к таможенным правоотношениям для целей главы 24 АПК РФ ненормативный правовой акт таможенного органа может быть определен как индивидуальный акт правоприменения, выраженный в форме решения, действия либо бездействия таможенного органа, принятый или совершенный в пределах публичных полномочий в сфере таможенного регулирования, адресованный конкретному лицу и непосредственно порождающий, изменяющий, прекращающий либо ограничивающий права и обязанности участника таможенного правоотношения.

К признакам такого акта могут быть отнесены следующие: индивидуальный характер, т. е. направленность на конкретного участника таможен-

[1] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.08.2020 № Ф03-3221/2020 по делу № А51-21483/2019 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

[2] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2021 по делу № А52-4725/2020 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

[3] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.12.2021 по делу № А46-619/2020 // Доступ из картотеки арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.04.2026).

ных правоотношений; публично-властная природа, выражающаяся в принятии акта таможенным органом при реализации предоставленных ему полномочий в сфере таможенного регулирования; связь с конкретным таможенным правоотношением, таможенной процедурой, формой таможенного контроля; наличие непосредственных правовых последствий для адресата, выражающихся в возникновении, изменении, прекращении или ограничении его прав и обязанностей; итоговое значение, позволяющее отличить такой акт от промежуточных требований, запросов и иных действий, входящих в состав юридических фактов для принятия последующего решения.

Список источников

1. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.

2. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. М. К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М.: Издательский дом «Городец», 2020.

3. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.

References

1. Arbitrazhnyj process: uchebnik / otv. red. V. V. Yarkov. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2017.

2. Arbitrazhnyj process: uchebnik dlya studentov yuridicheskih vuzov i fakul’tetov / pod red. M. K. Treushnikova. 7-e izd., pererab. M.: Izdatel’skij dom «Gorodec», 2020.

3. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyj kurs: uchebnik. M.: RIOR: INFRA-M, 2015.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 81–86.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 81–86.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.81

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПУСКА ВОДИТЕЛЕЙ К УПРАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Усман Исаевич Заудинов[1], Станислав Александрович Москаленко[2]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, usman.90@mail.ru
[2] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, qwerty22dj8@yandex.ru

Аннотация. *В статье исследуются проблемы административно-правового регулирования допуска водителей к управлению транспортными средствами при наличии медицинских показаний, в частности, связанных с коррекцией зрения. Обосновывается актуальность темы в контексте обеспечения национальной безопасности и достижения национальных целей развития Российской Федерации. Подробно рассматривается нормативно-правовая база, регламентирующая порядок допуска к управлению транспортными средствами. Особое внимание уделяется понятию «медицинские показания» и практике внесения в водительское удостоверение специальных отметок об условиях допуска к управлению, в частности кодированной отметки GCL, обязывающей водителя использовать очки или контактные линзы. Формулируются предложения по совершенствованию административно-правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения, в т. ч. с использованием зарубежного опыта.*

Ключевые слова: *безопасность дорожного движения, контрольно-надзорные функции в сфере дорожного движения, специальное право, водительское удостоверение*

Для цитирования: *Заудинов У. И., Москаленко С. А. Некоторые проблемы административно-правового регулирования допуска водителей к управлению транспортными средствами // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 81–86.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF DRIVERS' ACCESS TO DRIVING VEHICLES

Usman I. Zaudinov[1], Stanislav A. Moskalenko[2]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, usman.90@mail.ru
[2] Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, qwerty22dj8@yandex.ru

Abstract. *This article examines the administrative and legal regulation of permitting drivers to drive vehicles for medical reasons, particularly those related to vision correction. The relevance of this topic in the context of ensuring national security and achieving the national development goals of the Russian Federation is substantiated. The legal framework governing permitting drivers to drive vehicles is examined in detail. Particular attention is paid to the concept of "medical indications" and the practice of adding special marks to driver's licenses regarding driving permit conditions, in particular the coded mark GCL, which requires the driver to wear glasses or contact lenses. Proposals for improving road safety regulations are formulated, including drawing on international experience.*

Keywords: *road safety, special rights, driver's license*

For citation: *Zaudinov U. I., Moskalenko S. A. Some issues of administrative and legal regulation of drivers' access to driving vehicles. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:81–86 (In Russ.).*

© Заудинов У. И., Москаленко С. А., 2026

Обеспечение безопасности на дорогах выступает одним из ключевых факторов национальной безопасности и социально-экономического прогресса России. Эта задача напрямую связана с достижением стратегических целей государства: сбережение населения, укрепление здоровья граждан, повышение уровня жизни и создание безопасных условий для проживания. Проблема аварийности сохраняет высокую актуальность: дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП) по-прежнему лидируют в списке внешних причин смертности среди несовершеннолетних и граждан трудоспособного возраста, сдерживая рост продолжительности жизни[1]. В 2025 г. на территории Российской Федерации зафиксировано 128 793 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 13 943 человека и 159 889 ранено [1]. Усугубляет ситуацию технологический прогресс, порождающий новые факторы отвлечения внимания участников движения. Тревожной тенденцией последних лет стал рост числа аварий с участием водителей, не имеющих законного права на управление транспортным средством (далее — ТС) (в 2024 г. — свыше 10 % от общего количества происшествий). Среди ключевых факторов риска — пренебрежение установленными правилами допуска к участию в дорожном движении. В особую группу риска входят люди с инвалидностью и лица, страдающие заболеваниями, которые могут сделать управление транспортом небезопасным. В связи с этим повышение защищенности участников дорожного движения требует постоянного пересмотра и уточнения перечня медицинских противопоказаний и ограничений, а также поиска новых подходов к их применению и отмене.

Юридическим фактом, легитимирующим участие лица в дорожном движении в качестве водителя, выступает наличие соответствующего водительского удостоверения[2]. Регламентация процедур допуска граждан к управлению ТС (включая экзаменационные процессы, техническое оснащение и правила выдачи прав) делегирована законодателем Правительству Российской Федерации. Во исполнение данных полномочий Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.10.2014 № 1097 были введены в действие Правила проведения экзаменов и выдачи удостоверений. Данный нормативный акт детализирует порядок получения специального права для каждой категории ТС, а также устанавливает правила оборота национальных и международных удостоверений. Ключевым условием допуска является состояние здоровья гражданина. Согласно п. 2 ст. 23.1 ФЗ № 196 под медицинскими показаниями понимаются состояния, при которых управление разрешено исключительно при использовании вспомогательного оборудования, специальных приспособлений или медицинских изделий. В развитие этой нормы п. 37 Правил предписывает внесение в удостоверения соответствующих отметок, определяющих условия управления для таких лиц[3]. Правовой основой для установления соответствующих ограничений выступает Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 892-р, которым утверждены актуальные перечни противопоказаний и ограничений[4]. Сама процедура медицинского освидетельствования дифференцирована: она обязательна для кандидатов в водители; для лиц, меняющих водительское удостоверение по истечении срока действия или возвращающих их после лишения; а также для водителей, у которых в ходе периодических осмотров выявлены симптомы, указывающие на наличие ранее не диагностированных ограничений. По итогам освидетельствования медицинской организацией оформляется заключение, фиксирующее наличие или отсутствие препятствий к управлению ТС (включая необходимость коррекции зрения). Особый порядок предусмотрен для случаев выявления заболе-

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2025 № 841. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О допуске к управлению транспортными средствами (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2014 № 1097. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении порядка проведения обязательного медицинского освидетельствования водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств), порядка выдачи и формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) у водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) медицинских противопоказаний, медицинских показаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами, а также о признании утратившими силу отдельных приказов Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 24.11.2021 № 1092н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ваний в ходе периодических медосмотров. При подозрении на наличие противопоказаний водитель направляется на углубленное обследование. На период проверки действие предыдущего медицинского заключения приостанавливается. В случае верификации диагноза, влекущего противопоказания или новые ограничения, заключение аннулируется.

В пункте 2 ст. 23.1 установлено, что медицинскими показаниями к управлению транспортным средством являются заболевания (состояния), при которых управление транспортным средством допускается при использовании водителем транспортного средства медицинских изделий[1].

К медицинским показаниям к управлению транспортным средством с использованием водителем медицинских изделий для коррекции зрения относят аномалию рефракции, снижающую остроту зрения ниже разрешенной, при условии повышения остроты зрения в очках или контактных линзах до разрешенного уровня[2].

Общие ограничения в действии водительского удостоверения, являющиеся медицинскими показаниями к управлению транспортным средством, в разделе 14 указываются в кодированном виде: GCL (must wear glasses or contact lenses) — медицинские показания к управлению транспортным средством с использованием водителем транспортного средства медицинских изделий для коррекции зрения.

В разделе 14 указываются общие ограничения в действии удостоверения в отношении всех категорий и подкатегорий транспортных средств, информация о стаже управления транспортными средствами (указывается год наиболее ранней даты получения права на управление транспортными средствами), а также информация, касающаяся владельца удостоверения[3]. В столбце раздела 12 — ограничения права на управление транспортными средствами соответствующей категории, подкатегории транспортных средств[4]. В графе водительского удостоверения «Особые отметки» проставляются разрешающие отметки, подтверждающие право на управление трамваем, троллейбусом, а также заносятся другие необходимые записи (стаж, группа крови, ручное управление и пр.).

Вместе с тем отдельного внимания заслуживает вопрос административной ответственности, образует ли состав правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды)». Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, выражается в управлении транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством.

Лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, является лицо, которое на момент совершения административного правонарушения не получало такое право в установленном законом порядке, лицо, срок действия соответствующего удостоверения которого истек, а также лицо, действие права управления транспортными средствами которого прекращено судом в связи с наличием медицинских противопоказаний или медицинских ограничений[5].

Пункт 2.1.1 гласит, что водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки водительское удостоверение на право управления транспортным средством соответствующей категории или подкатегории[6]. В положениях п. 1 ст. 28 основания прекращения дей-

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 № 892-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О введении в действие водительского удостоверения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13.05.2009 № 365. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20.02.2021 № 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствия права на управление транспортными средствами как неисполнения водителем особых отметок, указанных в водительском удостоверении, не имеется[1]. Пункт 35 содержит исчерпывающий перечень случаев, когда водительское удостоверение считается недействительным и подлежит аннулированию, и также не содержит такого основания[2]. В соответствии с п. 11 ст. 25 в случае, если в водительском удостоверении указаны ограничения допуска к управлению транспортными средствами, данное водительское удостоверение признается действительным при условии соблюдения указанных в нем ограничений[3].

Анализ положений Венской конвенции о дорожном движении позволяет выделить два ключевых критерия допуска водителя к участию в дорожном движении. Во-первых, это наличие у лица необходимых психофизиологических качеств, обеспечивающих безопасное управление (п. 3 ст. 8). Во-вторых, соответствие его актуального состояния установленным медицинским требованиям. Применительно к практике внесения особых отметок в водительское удостоверение (например, GCL) принципиальное значение имеет диспозиция подп. «а» п. 3 ст. 41 Конвенции. Согласно данной норме, если действие удостоверения поставлено в зависимость от соблюдения специального условия, то документ признается действительным исключительно при выполнении этого условия. Таким образом, несоблюдение предписания (управление без очков или линз) влечет за собой временную утрату документом его легитимизирующей функции.

Сотрудник Госавтоинспекции МВД России не вправе требовать от водителя снятия контактных линз для проверки, т. к. это может навредить здоровью человека. Однако факт управления без средств коррекции устанавливается на основе объяснений водителя, показаний свидетелей, а также визуальной фиксации (например, если водитель надевает очки только после остановки). В случае возникновения спора действует презумпция невиновности, однако бремя доказывания наличия линз на момент движения может лежать на водителе, что создает определенные правовые риски.

Согласно официальному разъяснению прокурора Брянской области, в случае управления транспортным средством без соблюдения ограничений лицо, управляющее данным средством, считается не имеющим права на управление им [2]. Согласно разъяснению сотрудников Госавстоинспекции МУ МВД России «Орское» по Оренбургской области, если водитель управляет транспортным средством без очков или линз, о необходимости ношения которых указывает отметка в водительском удостоверении, подобное нарушение приравнивается к вождению без права управления и предусматривает административную ответственность по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ [3].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что специальных полномочий и предусмотренного порядка определения факта наличия управления в контактных линзах или без них не имеется. Таким образом, указанные деяния образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ. Как справедливо отмечает Н. В. Витрук, «административная ответственность есть механизм государственного принуждения и правоприменения, направленный на восстановление нарушенного порядка и предупреждение дальнейших правонарушений» [4].

В целях оптимизации установления юридической ответственности за данное административное правонарушение предлагаем дополнить статью 12.7 КоАП РФ частью 1.1, изложив ее в следующей редакции: «несоблюдение особых отметок в водительском удостоверении, являющихся медицинскими показаниями к управлению транспортным средством, влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей». Примечание к статье: «Лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное частью 1.1 настоящей статьи, освобождается от административной ответственности в случае, если на момент факта управления не знало об ухудшении физического состояния, препятствующего управлению транспортным средством».

К правам полиции относится возможность получать от медицинских организаций сведения о гражданах, имеющих медицинские противопоказания или ограничения к водительской деятель-

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О допуске к управлению транспортными средствами (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2014 № 1097. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

ности, однако в настоящее время указанное право не реализуется в надлежащей мере[1].

В настоящее время одной из существенных проблем в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является отсутствие эффективного информационного обмена между системой здравоохранения и органами внутренних дел. Разобщенность ведомственных баз данных приводит к тому, что водители, у которых диагностированы заболевания, входящие в перечень медицинских противопоказаний (или впервые выявленные ограничения), сохраняют возможность законного управления транспортными средствами вплоть до окончания срока действия их водительских удостоверений. Для устранения данного правового пробела предлагается использовать ресурсы единой системы межведомственного электронного взаимодействия (далее — СМЭВ). В рамках такого взаимодействия планируется наладить двусторонний обмен информацией ведомств: из реестров Минздрава в распоряжение МВД России должны поступать данные об оформленных или аннулированных медицинских заключениях, а также о фактах, требующих проведения внеочередного освидетельствования. Со своей стороны, МВД России будет предоставлять сведения о выданных водительских удостоверениях. Ключевым элементом предлагаемого механизма выступает автоматизированное направление уведомлений. Во-первых, сам водитель должен быть проинформирован о необходимости пройти внеочередное медицинское обследование. Во-вторых, соответствующие сведения направляются в подразделения МВД России для принятия мер реагирования. Информационной основой для данного обмена служат электронные медицинские заключения, размещаемые в федеральном реестре документов системы здравоохранения[2].

Одним из возможных вариантов является заимствование зарубежного опыта. Так, например, в Республике Беларусь представление сведений о лицах, признанных негодными к управлению ТС, осуществляется посредством ежемесячного направления списка данных лиц организациями здравоохранения в подразделения Госавтоинспекции [5].

Например, в Великобритании водители, носящие очки по рецепту, могут быть оштрафованы на сумму до 1000 фунтов стерлингов и получить три штрафных балла, если их поймают за рулем без них. Кроме того, водители рискуют потерять страховой полис, если попадут в аварию, которая впоследствии будет признана их виной, и при этом не будут носить необходимые очки по рецепту. В начале практического экзамена по вождению кандидаты в водители должны правильно прочитать номерной знак на припаркованном автомобиле с расстояния 20 метров. Невыполнение этого требования приведет к провалу экзамена, и экзамен не будет продолжен. В соответствии с «Законом Кэсси» полиция может немедленно аннулировать водительское удостоверение на месте происшествия, если водитель не пройдет проверку зрения. Кроме того, водительское удостоверение может быть аннулировано, если водитель попал в аварию и было установлено, что он не носил необходимые очки [6]. К примеру, в Нью-Гэмпшире заявителю, который не может пройти проверку остроты зрения без использования корректирующих линз, выдается ограниченное водительское удостоверение с запретом на вождение без корректирующих линз только лишь в дневное время [7].

Целесообразным представляется возможность облегчения процедуры замены водительского удостоверения в связи с улучшением медицинского состояния, коррекции зрения и прочее через Единый портал государственных услуг с предоставлением подтверждающих документов. Впоследствии в действующее водительское удостоверение вносится соответствующая отметка в графу особые отметки, а также в информационные базы МВД России. Так, например, в Федеративной Республике Германия компетентный орган (Fahrerlaubnisbehörde) отвечает за обновление или снятие ограничения при изменении зрения водителя (например, после операции на глазах). Водитель должен подать официальное заявление вместе с медицинской справкой от офтальмолога, подтверждающей, что требуемая острота зрения может быть достигнута без корректирующих линз [8].

[1] О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и статью 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.07.2025 № 200-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 24.03.2026).
2. Обеспечение безопасности дорожного движения: сборник документов и разъяснений // Прокуратура Брянской области. – 2022. URL: https://ryabchi.my1.ru/news/pisma_prokuratury/2022-06-28-506#comments (дата обращения: 24.03.2026).
3. Сотрудники Госавтоинспекции напоминают про своевременную замену водительского удостоверения // Официальный сайт ГИБДД МВД России по Оренбургской области. URL: https://xn--j1ahge.56.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/37220780# (дата обращения: 24.03.2026).
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
5. Баканов К. С., Ляхов П. В. Совершенствование медицинского допуска к управлению транспортными средствами в целях повышения безопасности дорожного движения // Психология и право. 2025. Т. 15. № 1. С. 75–87.
6. Все правила Агентства по лицензированию водителей и транспортных средств, которые должны знать водители, носящие очки. URL: https://www.mirror.co.uk/lifestyle/motoring/dvla-rules-drivers-who-wear-35879592 (дата обращения: 24.03.2026).
7. Кодекс административных правил штата Нью-Гэмпшир. URL: https://regulations.justia.com/states/new-hampshire/saf/subtitle-saf-c/chapter-saf-c-1000/part-saf-c-1008/section-saf-c-1008-03 (дата обращения: 24.03.2026).
8. Сервисный портал Бремена. URL: https://www.service.bremen.de/dienstleistungen/fahrerlaubnis-mit-beschraenkungen-auflagen-sehhilfen-167945?lang=en (дата обращения: 24.03.2026).

References

1. Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Oficial’nyj sajt GIBDD MVD Rossii. URL: http://stat.gibdd.ru (data obrashcheniya: 24.03.2026).
2. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sbornik dokumentov i raz»yasnenij // Prokuratura Bryanskoj oblasti. – 2022. URL: https://ryabchi.my1.ru/news/pisma_prokuratury/2022-06-28-506#comments (data obrashcheniya: 24.03.2026).
3. Sotrudniki Gosavtoinspekcii napominayut pro svoevremennuyu zamenu voditel’skogo udostovereniya // Oficial’nyj sajt GIBDD MVD Rossii po Orenburgskoj oblasti. URL: https://xn--j1ahge.56.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/37220780# (data obrashcheniya: 24.03.2026).
4. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoj otvetstvennosti. 2-e izd., ispr. i dop. M.: NORMA, 2009. 432 s.
5. Bakanov K. S., Lyahov P. V. Sovershenstvovanie medicinskogo dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami v celyah povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Psihologiya i pravo. 2025. T. 15. № 1. S. 75–87.
6. Vse pravila Agentstva po licenzirovaniyu voditelej i transportnyh sredstv, kotorye dolzhny znat’ voditeli, nosyashchie ochki. URL: https://www.mirror.co.uk/lifestyle/motoring/dvla-rules-drivers-who-wear-35879592 (data obrashcheniya: 24.03.2026).
7. Kodeks administrativnyh pravil shtata N’yu-Gempshir. URL: https://regulations.justia.com/states/new-hampshire/saf/subtitle-saf-c/chapter-saf-c-1000/part-saf-c-1008/section-saf-c-1008-03 (data obrashcheniya: 24.03.2026).
8. Servisnyj portal Bremena. URL: https://www.service.bremen.de/dienstleistungen/fahrerlaubnis-mit-beschraenkungen-auflagen-sehhilfen-167945?lang=en (data obrashcheniya: 24.03.2026).

Статья поступила в редакцию 24.03.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 24.03.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 87–93.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 87–93.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Сергеевна Кабанова
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, jul-555@mail.ru

Аннотация. *В статье поднимаются вопросы охраны биоразнообразия России. Особый акцент автор делает на сохранении популяции редких и находящихся под угрозой исчезновения растений и животных, поднимая вопросы антропогенного воздействия на окружающую среду и неэффективности современных механизмов охраны биоразнообразия России. Автором анализируется законодательство России в указанной сфере. В работе также рассматриваются программы по реинтродукции редких видов и созданию особо охраняемых природных территорий. При этом подчеркивается, что за последнее время данные программы показывают стабильные положительные результаты, однако масштабирование таких инициатив сдерживается нехваткой квалифицированных кадров, слабой вовлеченностью населения в реализацию таких программ. Отдельное внимание уделено региональным особенностям реализации природоохранных мер. Автором подчеркивается, что в некоторых субъектах РФ действуют региональные программы и проекты, направленные на восстановление численности отдельных видов растений и животных, отмечая недостаточность их финансирования.*

Ключевые слова: *правовая охрана, исчезающие виды растений и животных, Красная книга РФ, красные книги субъектов РФ, правовое регулирование*

Для цитирования: *Кабанова Ю. С. Проблемы правовой охраны исчезающих видов растений и животных в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 87–93.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF ENDANGERED SPECIES OF PLANTS AND ANIMALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yulia S. Kabanova
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, jul-555@mail.ru

Abstract. *The article raises issues of protecting Russia's biodiversity. The author places special emphasis on the conservation of populations of rare and endangered plants and animals, raising issues of anthropogenic impact on the environment and the inefficiency of modern mechanisms for protecting Russian biodiversity. The author analyzes the legislation of Russia in this area, in particular the federal laws "On Environmental Protection" and "On Wildlife", resolutions of the Government of the Russian Federation, strategies for the conservation of individual populations of animals and plants. The paper considers examples of the implementation of programs for the reintroduction of rare species and the creation of specially protected natural areas. At the same time, it is emphasized that these programs have recently shown stable positive results, however, the scaling of such initiatives is hampered by a shortage of qualified personnel and weak involvement of the population in the implementation of such programs. Special attention is paid to the regional specifics of the implementation of environmental protection measures.*

Keywords: *legal protection, endangered species of plants and animals, Red Book of the Russian Federation, red books of subjects of the Russian Federation, legal regulation*

For citation: *Kabanova Yu. S. Problems of legal protection of endangered species of plants and animals in the Russian Federation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:87–93 (In Russ.).*

© Кабанова Ю. С., 2026

На данный момент в мире отмечается нарастание проблем в сфере охраны окружающей среды. За последние годы антропогенное влияние на окружающую среду выросло в несколько раз, среди причин можно выделить: ведение разного рода боевых действий, разработку новых видов технологий и вооружений, урбанизацию общества, появление новых вирусов и бактерий, увеличение численности населения, бесконтрольное и нерациональное использование природных ресурсов. Всё вышеперечисленное причиняет существенный вред окружающей природной среде и свойственно большинству стран мира, включая Российскую Федерацию.

Наиболее острой проблемой на данный момент является сокращение видов растений и животных, в т. ч. их полное исчезновение. По данным экологов с 2010 г. в мире полностью исчезли 467 видов животных. Межправительственная научно-политическая платформа ООН по биоразнообразию и экосистемным услугам сообщает, что около 1 млн ныне существующих видов находятся под угрозой исчезновения [1]. Исчезающими являются млекопитающие, птицы, рептилии, кораллы, растения и грибы [2]. Международный союз охраны природы, осуществляющий мониторинг в данной сфере, утверждает, что не может со 100 % уверенностью сообщить, когда и какие виды исчезли навсегда, т. к. особенностью выявления исчезнувших и исчезающих видов животных и растений является то, что ученые не могут с точностью определить время полного исчезновения вида. Причина такого положения дел кроется в отсутствии постоянного контроля за популяциями со стороны международных специалистов, а также внутригосударственных структур [3].

Ученые отмечают, что у каждого вида существует свой биологический срок исчезновения. Этот срок обычно зависит от множества факторов, основным из которых выступает естественная среда обитания растений и животных. Однако за последние годы происходит сокращение биологических сроков исчезновения животных и растений по причине влияния человека на окружающую среду. Так, стандартный биологический срок исчезновения животных составляет один вид в год на 10 млн видов, сокращенный с учетом антропогенного фактора — 100 видов в год. Таким образом, если антропогенная деятельность человека будет оставаться на прежнем уровне или увеличиваться, для восполнения потерянных видов необходимо будет 3–7 млн лет.

Вымирание отдельных популяций приводит к потере биологического разнообразия планеты, нарушению природного баланса, распространению инвазивных видов растений и животных. Стоит отметить, что инвазивные виды достаточно сильно влияют на экологическую обстановку и способны уничтожить или навредить тем видам растений и животных, которые исконно находились на данных территориях. Так, исчезновение с острова Норфолк улиток вида Advena campbellii, которые очищали деревья от грибка, поспособствовало вспышке нового патогена, уничтожающего островные деревья; распространение в 2024 г. в Пермском крае жука-полиграфа привело к карантину 190 тыс. га леса [4]; находка в 2025 г. в Сибири нового смертельного гриба, стойкого к холодным температурам, вызвала вспышку заболевания хвойных деревьев [5]; нашествие в 2025 г. в центральной части России слизней Arion vulgaris повлекло уничтожение урожая и распространение нематод [6].

Потеря растений и животных приводит к утрате уникальных генетических ресурсов и биологического разнообразия. Например, водяной орех, именующийся «рогульник плавающий», или «чилим», является реликтовым водным цветковым растением, появившимся на Земле еще до человека. Чилим, имевший широкий ареал распространения в прошлом, сейчас встречается лишь отрывочными островками, которые продолжают повсеместно сокращаться [7]. Чилим находится на грани полного исчезновения, поэтому во многих субъектах РФ его внесли в красные книги субъектов РФ, однако тенденция последних лет такова, что его постепенно начали исключать из-под охраны, что приводит к его полному исчезновению в ряде субъектов РФ. Такая ситуация свойственна многим видам растений, что негативно влияет на сохранение их популяций в определенных субъектах Российской Федерации и в России в целом.

Среди последствий исчезновения видов растений и животных можно выделить сокращение кормовой базы хищников из-за гибели травоядных животных, и, наоборот, из-за увеличения популяции травоядных животных происходит истощение растительных ресурсов. Исчезновение растительных ресурсов способствует изменению состава атмосферного воздуха и климата. Их уничтожение приводит к увеличению уровня углекислого газа, снижению уровня кислорода в атмосфере, прекращению планомерного и постоянного восполнения атмосферного воздуха кислородом. Опустынивание и нарушение процесса транспирации — еще одно последствие исчезновения растений. Корни растений удерживают почву, предотвращая ее

размывание водой и развеивание ветром, поэтому влияние на процесс транспирации сокращает количество пресной воды в мире из-за снижения количества осадков и уровня воды. Так, учеными из Южного федерального университета в 2024 г. были представлены результаты по изменению биоклиматических зон на юге, из которых видно, что пустыни и полупустыни захватывают территории России по 550 квадратных км в год. По данным ЮНЕСКО, к 2050 г. 90 % поверхности земли может столкнуться с опустыниванием, что повлияет на разные сферы: экосистемы, климат, сельское хозяйство.

Не стоит забывать и о нехватке ресурсов в мировом масштабе, что может привести как к социально-экономическим последствиям, например нарушению продовольственной безопасности из-за потери пищевых растений и животных, так и к конфликтам между странами по аналогии с ситуацией в мире из-за энергоносителей и удобрений.

Обратимся к российской статистике. Так, по подсчетам Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 11 объектов животного мира в России считаются, вероятно, исчезнувшими, при этом только за последние 400 лет с территории России исчезло девять видов и подвидов животных, еще 443 объекта животного мира и 676 видов растений включены в Красную книгу РФ [8].

Анализ Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2024 году», разработанного Министерством природных ресурсов и экологии РФ, показывает, что государством предпринимаются меры по охране исчезающих видов растений и животных. К ним относятся издание нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере, создание особоохраняемых природных территорий и объектов (далее — ООПТ), разработка и реализация программ защиты и увеличения численности исчезающих видов животных, мероприятия в рамках заключенных с юридическими лицами соглашений, направленных на сохранение биологического разнообразия. Однако до сих пор не находят решения проблемы уничтожения естественных мест обитания животных и растений из-за масштабного хозяйственного освоения территорий, развития инфраструктуры, сельского хозяйства и промышленности, браконьерства и нелегального оборота редких видов растений и животных.

Так, по данным прокуратуры, в десятках ООПТ России были выявлены масштабные нарушения природоохранного законодательства. Наиболее распространенными из них являются: организация незаконных охотничьих угодий, массовая и точечная вырубка лесных насаждений, организация коммерческой застройки и отсутствие защиты краснокнижных растений и животных [9]. При этом вопрос о необходимости решения комплекса системных проблем заповедников уже поднимался на уровне Правительства Российской Федерации, но меры так и не были приняты.

Стоит отметить, что на территории России действует разветвленная система нормативных правовых актов, регулирующих вопросы охраны и восстановления исчезающих видов животных.

Во-первых, федеральные законы, такие как «Об охране окружающей среды», «О животном мире», Лесной кодекс Российской Федерации, Водный кодекс Российской Федерации и т. д. Отметим, что каждый компонент окружающей среды имеет свой закон, регламентирующий его охрану и защиту.

Во-вторых, планирующие документы, содержащие цели и задачи защиты компонентов окружающей среды в долгосрочной перспективе. Среди них можно выделить «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г., «Экологическую доктрину Российской Федерации», утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р, «Стратегию сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г.», утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 г. № 212-р.

В-третьих, реализуются разного рода стратегии, такие как «Стратегия сохранения сахалинской кабарги в России» (утверждена распоряжением Минприроды России от 24.03.2008 № 9-р), «Стратегия сохранения зубра в Российской Федерации» (утверждена распоряжением Минприроды России от 31.05.2021 № 17-р), «Стратегия сохранения сайгака в Российской Федерации» (утверждена распоряжением Минприроды России от 11.08.2021 № 30-р) и др., а также программы восстановления (реинтродукции) различных видов животных, которые за последние несколько лет показали стабильные положительные результаты.

Проекты по реинтродукции действуют не только на федеральном, но и на региональном уровне. В Алтайском крае и Республике Алтай по инициативе специалистов из «Союза охраны птиц Рос-

сии», питомников «Алтай-Фалькон», «Тайгун» и Алтайского государственного университета было заключено соглашение о восстановлении популяции сокола-балобана. Однако масштабирование таких инициатив сдерживается нехваткой квалифицированных кадров, слабой вовлеченностью населения в реализацию таких программ, браконьерством. Так, в сентябре 2023 г. сотрудниками Пограничного управления ФСБ России по Республике Алтай в одном из частных домов были обнаружены три сокола-балобана, орудия лова — сети и приманки. В октябре 2025 г. сотрудниками Пограничного управления ФСБ России по Алтайскому краю были задержаны трое жителей ближнего зарубежья, обвиняемых в приготовлении к контрабанде соколов-балобанов за пределы границы Российской Федерации.

Особая роль в правовом регулировании сохранения биоразнообразия в России отводится Красной книге Российской Федерации и красным книгам субъектов РФ. Данные документы представляют собой свод информации о существующих редких видах животных, растений и грибов, обитающих (произрастающих) на территории (акватории) РФ, континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ[1].

Не реже одного раза в десять лет происходит издание нового тома Красной книги Российской Федерации и красных книг субъектов РФ для актуализации информации о состоянии охраны животных и растений, находящихся на грани исчезновения, при этом исключение объектов животного и растительного мира носит несистемный характер. Внесение, изменение и исключение объектов животного и растительного мира происходит после рассмотрения Минприроды России предложений от органов государственной власти, организаций и граждан и направления указанных предложений для экспертных заключений в Российскую академию наук и при необходимости в иные научные организации. Такая ситуация приводит к увеличению сроков внесения изменений в Красную книгу Российской Федерации, что неблаготворно сказывается на популяциях животных и растений.

Отдельно стоит отметить, акты субъектов Российской Федерации, которые регулируют вопросы охраны исчезающих видов на своих территориях. Например, Закон Алтайского края от 01.02.2007 № 3-ЗС «Об охране окружающей среды в Алтайском крае» учреждает Красную книгу Алтайского края, а в ст. 17 прямо предусматривает охрану редких и исчезающих видов растений и животных. В Красноярском крае действует Закон Красноярского края от 20.09.2013 № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае», в котором охране объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу края, посвящена целая глава. В Иркутской области действует Закон Иркутской области от 24.06.2008 № 30-ОЗ «О Красной книге Иркутской области», при этом в регионе дополнительно действует закон об административной ответственности за уничтожение видов, занесенных в Красную книгу Иркутской области. Однако в ряде регионов отмечается несогласованность федеральных и региональных нормативных актов, что создает правовые пробелы и затрудняет реализацию мер охраны объектов животного и растительного мира.

Таким образом, несмотря на разветвленную систему нормативных правовых актов, регламентирующих охрану исчезающих видов, в России до сих пор нет отдельных актов, в т. ч. стратегий, регламентирующих меры охраны растительного мира, остается проблема слабой интеграции вопросов сохранения редких видов в законодательство, регулирующее деятельность хозяйствующих субъектов, а также проблемы с правоприменением в отношении видов, обитающих только на определенных территориях, что оставляет их без должной защиты.

В соответствии со ст. 5 федерального закона «Об охране окружающей среды» в России с 2003 г. ведется государственный экологический мониторинг. На данный момент Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 2024 г. № 300 «Об утверждении Положения о государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды)» утверждено положение о ведении государственного экологического мониторинга. Отметим, что 30 июня 2021 г. Минприроды России в соответствии с частью 4 ст. 15 и частью 4 ст. 15.1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» разработало и утвердило Приказ Минприроды России № 456 «Об утверждении Порядка ведения государственного мониторинга и государственного кадастра объектов животного мира», включающий сбор информации о распространении, численности, физическом состоянии

[1] Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации: приказ Минприроды России от 23.05.2016 № 306. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202695/cc0b54b2e86060d68e47bc93c768af11f37339a7/?ysclid=mq4zjmjq6z212313723 (дата обращения: 16.06.2026).

объектов, их использовании, а также о структуре, качестве и площади среды их обитания. Для актуализации информации о лесах на основании Приказа Минприроды России от 13 июня 2023 г. № 359 «Об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга воспроизводства лесов» ведется государственный мониторинг воспроизводства лесов, включающий оценку изменения площади земель, занятых лесами, выявление лесов, требующих воспроизводства, анализ качественных и количественных характеристик лесных насаждений, оценку эффективности воспроизводства лесов.

Осуществление отдельного мониторинга растительного мира в целом в России не производится, что является существенным недостатком такой системы. Также существуют проблемы неэффективности деятельности региональных властей в сфере мониторинга окружающей среды, слабого межведомственного взаимодействия, дефицита кадров и ресурсов, проблемы с координацией действий государственных органов, ответственных за охрану природы. Так, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 04.07.2023 № 1788-р, утвердившем «Стратегию сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия Российской Федерации на период до 2036 года», говорится, что «без регулярного сбора и системного анализа информации о животном и растительном мире выстроить эффективную политику сохранения биоразнообразия и обеспечить устойчивое использование его компонентов невозможно». Однако до сих пор встречаются сбои в учете животных в ООПТ (Оренбургская область) до искажения данных в интересах хозяйствующих субъектов (Кемеровская область).

Еще одним инструментом влияния на сохранение объектов растительного и животного мира, находящихся на грани исчезновения, является привлечение нарушителей к юридической ответственности. В рассматриваемой сфере установлена уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность. Однако анализ нормативных правовых актов показывает наличие пробелов в правовом регулировании института ответственности за правонарушения в области охраны биоразнообразия России, включая сложности с исчислением экологического ущерба и недостаточную строгость наказаний, сложность привлечения к ответственности браконьеров, а также несовершенство механизмов выявления и пресечения нарушений. Так, на данный момент в России невозможно привлечение к уголовной ответственности за уничтожение растений, занесенных в красную книгу субъектов РФ, т. к. такие растения не закреплены в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1].

Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля дел об экологических преступлениях (глава 26, статьи 246–262 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды в 2024 г., составила 1,3 %. За 2024 год за преступления, предусмотренные статьями 226.1, 258.1, 260.1 УК РФ, было осуждено 839 лиц, из них по ст. 226.1 УК РФ — 416 лиц, по ст. 258.1 УК РФ — 410 лиц, по ст. 260.1 УК РФ — 13 лиц [10]. В 2025 г. зарегистрировано 11,4 тыс. экологических преступлений, что на 16,1 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [11]. Таким образом, анализ статистических данных показывает, что по ст. 226.1, 258.1, 260.1 УК РФ привлечение к ответственности происходит достаточно редко и носит эпизодический характер.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о наличии системных проблем в России в сфере охраны исчезающих видов животных и растений. Для решения указанных проблем необходимо совершенствование правового регулирования охраны биоразнообразия в России. Главным подходом в совершенствовании правового регулирования должен стать комплексный подход, включающий гармонизацию законодательства, развитие научно-методической базы, повышение прозрачности правоприменения и активизацию международного сотрудничества.

Таким образом, для решения обозначенных проблем необходимо:

1. Усовершенствовать механизм государственного мониторинга объектов растительного

[1] Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2013 № 978. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мира, создав отдельную стратегию сохранения растительного мира, т. к. на данный момент растительный мир охраняется в рамках законодательства, регламентирующего охрану животного мира (федеральные законы Российской Федерации от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Приказ Минприроды Российской Федерации от 30.06.2021 № 456).

2. Проработать вопрос привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда растениям и животным, занесенным в красные книги субъектов РФ, доработав ст. 260.1 УК РФ и ст. 258.1 УК РФ.

3. Наладить механизм взаимодействия государственных органов по вопросу сохранения биоразнообразия России, разработав и утвердив на уровне Правительства Российской Федерации или профильных министерств регламенты обмена информацией между федеральным и региональным уровнями власти, с созданием на базе Минприроды России координационных структур, призванных согласовывать действия разных ведомств и оперативно решать возникающие вопросы.

Список источников

1. Официальный сайт Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам (МПБЭУ). URL: http://www.igce.ru/ipbes/ (дата обращения: 16.06.2026).

2. #пронауку: сколько животных вымерли за последние 10 лет. URL: https://style.rbc.ru/life/5f214ae29a79473d20391cf5?ysclid=mmbfpyfkt427871473 (дата обращения: 16.06.2026).

3. Официальный сайт Международного союза охраны природы. URL: https://iucn.org/news/202602/ipbes-business-and-biodiversity-report-highlights-collaboration-needed-contribute (дата обращения: 16.06.2026).

4. Карантин не спасёт? На 190 тыс. га леса ввели ограничения из-за полиграфа. URL: https://perm.aif.ru/society/karantin-ne-spasyot-na-190-tys-ga-lesa-vveli-ogranicheniya-iz-za-poligrafa (дата обращения: 16.06.2026).

5. В Красноярске нашли смертельный гриб — разрушитель хвойных деревьев. Ранее в Сибири этот патоген не регистрировали. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6780f7aa9a7947cdea385d31 (дата обращения: 16.06.2026).

6. В Москве и Нижнем Новгороде появились испанские слизни. URL: https://ria.ru/20260603/slizni-2096358576.html (дата обращения: 16.06.2026).

7. Чилим: как растение-спаситель тысяч жизней оказалось на грани исчезновения. URL: https://dzen.ru/a/aQwed7bYsFJjouY2 (дата обращения: 16.06.2026).

8. В России 11 видов животных признали вероятно исчезнувшими. URL: https://www.rbc.ru/society/02/09/2021/61304aad9a7947049fe0c8d8 (дата обращения: 16.06.2026).

9. ООПТом дороже: масштабные нарушения выявлены в десятках природных заповедников. URL: https://iz.ru/2028725/evgeniia-shmeleva/ooptom-dorozhe-masshtabnye-narusheniya-vyyavleny-v-desyatkah-prirodnyh-zapovednikov (дата обращения: 16.06.2026).

10. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid= mq7koircco339407163 (дата обращения: 16.06.2026).

11. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182 (дата обращения: 16.06.2026).

References

1. Oficial’nyj sajt Mezhpravitel’stvennoj nauchno-politicheskoj platformy po bioraznoobraziyu i ekosistemnym uslugam (MPBEU). URL: http://www.igce.ru/ipbes/ (data obrashcheniya: 16.06.2026).

2. #pronauku: skol’ko zhivotnyh vymerli za poslednie 10 let. URL: https://style.rbc.ru/life/5f214ae29a79473d20391cf5?ysclid=mmbfpyfkt427871473 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

3. Oficial’nyj sajt Mezhdunarodnogo soyuza ohrany prirody. URL: https://iucn.org/news/202602/ipbes-business-and-biodiversity-report-highlights-collaboration-needed-contribute (data obrashcheniya: 16.06.2026).

4. Karantin ne spasyot? Na 190 tys. ga lesa vveli ogranicheniya iz-za poligrafa. URL: https://perm.aif.ru/society/karantin-ne-spasyot-na-190-tys-ga-lesa-vveli-ogranicheniya-iz-za-poligrafa (data obrashcheniya: 16.06.2026).

5. V Krasnoyarske nashli smertel'nyj grib — razrushitel' hvojnyh derev'ev. Ranee v Sibiri etot patogen ne registrirovali. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6780f7aa9a7947cdea385d31 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

6. V Moskve i Nizhnem Novgorode poyavilis' ispanskie slizni. URL: https://ria.ru/20260603/slizni-2096358576.html (data obrashcheniya: 16.06.2026).

7. Chilim: kak rastenie-spasitel' tysyach zhiznej okazalos' na grani ischeznoveniya. URL: https://dzen.ru/a/aQwed7bYsFJjouY2 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

8. V Rossii 11 vidov zhivotnyh priznali veroyatno ischeznuvshimi. URL: https://www.rbc.ru/society/02/09/2021/61304aad9a7947049fe0c8d8 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

9. OOPTom dorozhe: masshtabnye narusheniya vyyavleny v desyatkah prirodnyh zapovednikov. URL: https://iz.ru/2028725/evgeniia-shmeleva/ooptom-dorozhe-masshtabnye-narusheniya-vyyavleny-v-desyatkah-prirodnyh-zapovednikov (data obrashcheniya: 16.06.2026).

10. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Dannye o naznachennom nakazanii po stat'yam UK RF. URL: https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17?ysclid= mq7koircco339407163 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

11. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — dekabr' 2025 goda. URL: https://mvd.rf/reports/item/77848182 (data obrashcheniya: 16.06.2026).

Информация об авторе

Ю. С. Кабанова — кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu. S. Kabanova — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 17.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 17.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 94–101.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 94–101.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.74:004.8

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ, СФЕРЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ПОЛИЦИИ

Дмитрий Юрьевич Каширский[1], Роман Александрович Белевский[2], Денис Дмитриевич Каширский[3]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kashirskiydu@buimvd.ru
[2] Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия, rbelevskii@mvd.ru
[3] Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Барнаул, Россия, denis_kash_06@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу применения беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности Российской Федерации. Исследуются правовые основы использования БВС, закрепленные в Воздушном кодексе Российской Федерации, федеральном законе Российской Федерации «О полиции», федеральных правилах использования воздушного пространства и международных нормах. Выявлены ключевые проблемы: отсутствие единого закона о БВС, пробелы в защите персональных данных, риски использования беспилотных воздушных судов в преступных целях. С опорой на прогноз предложены рекомендации об изменении законодательства, создание единого реестра полицейских БВС и внедрение систем распознавания «Свой–чужой».*

Ключевые слова: *беспилотные воздушные суда, беспилотные летательные аппараты, цифровизация, искусственный интеллект, машинное зрение, национальная безопасность, оперативно-розыскная деятельность, защита персональных данных, «Безопасный город»*

Для цитирования: *Каширский Д. Ю., Белевский Р. А., Каширский Д. Д. Государственно-правовое регулирование применения беспилотных воздушных судов, сферы их применения и перспективы развития в полиции // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 94–101.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

STATE LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES, THEIR SPHERES OF APPLICATION, AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE POLICE

Dmitry Yu. Kashirsky[1], Roman A. Belevsky[2], Denis D. Kashirskiy[3]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kashirskiydu@buimvd.ru
[2] Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia, rbelevskii@mvd.ru
[3] Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia, denis_kash_06@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) in law enforcement activities in the Russian Federation. The legal basis for the use of UAVs, as outlined in the Air Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Police", federal regulations on the use of airspace, and international norms, is examined. Key problems have been identified: the lack of a unified law on UAVs, gaps in the protection of personal data, and the risks of using drones for criminal purposes. Based on the forecast, recommendations have been proposed for changing legislation, creating a unified register of police UAVs, and implementing "friend or foe" recognition systems.*

Keywords: *unmanned aerial vehicles, unmanned aerial platforms, digitalization, artificial intelligence, machine vision, national security, personal data protection, legal framework, Safe City*

For citation: *Kashirsky D. Yu., Belevsky R. A., Kashirskiy D. D. State legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles, their spheres of application, and development prospects in the police. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:94–101 (In Russ.)*

© Каширский Д. Ю., Белевский Р. А., Каширский Д. Д., 2026

В эпоху цифровизации правоохранительная деятельность сталкивается с вызовами, требующими инновационных технологий. Беспилотные воздушные суда (далее — БВС) или беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА) становятся инструментом повышения эффективности деятельности полиции, осуществляя мониторинг, оперативный поиск и обеспечение общественной безопасности. По данным из доклада руководителя Федерального агентства воздушного транспорта Д. В. Ядрова, количество учтенных БВС за 2025 год выросло на 25 % и превысило 145 тысяч (из которых около 10 % применяются в правоохранительных целях), а число зарегистрированных «тяжелых» беспилотных воздушных судов составило 673 единицы.

Государственно-правовое регулирование БВС строится на принципах публичного права, сочетая воздушное законодательство с нормами о полиции. Цель статьи — выявить правовые основы применения БВС в полиции, их сферы и перспективы. В России нет единого закона, регулирующего вопросы применения БВС в деятельности полиции, в данный момент регулирование БВС закреплено:

– в Воздушном кодексе Российской Федерации (от 19.031997 № 60-ФЗ, ред. 2026 г.), определяющем БВС как «воздушное судно, управляемое дистанционно или автоматически» (статья 33 регламентирует государственную регистрацию и государственный учет воздушных судов, статья 34 регламентирует обозначения, наносимые на воздушные суда);

– Федеральных правилах использования воздушного пространства Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации от 11.03.2010 № 138) — устанавливают порядок получения разрешений на полеты;

– Федеральных авиационных правилах «Подготовка и выполнение полётов в гражданской авиации Российской Федерации» (приказ Минтранса РФ от 31.07.2009 № 128);

– Федеральном законе Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», где ст. 13 позволяет применение специальных средств, включая технические;

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 658 (ред. от 02.02.2026) «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» (требования указанных Правил не распространяются на беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, временно ввезенные иностранными гражданами на территорию Российской Федерации в целях участия в спортивных мероприятиях по авиамодельному спорту);

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 02.12.1999 № 1329 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации»;

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 30.07.2004 № 396 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве воздушного транспорта»;

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации»;

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 28.08.2015 № 901 «О Единой системе организации воздушного движения Российской Федерации»;

– Постановлении Правительства Российской Федерации от 12.04.2022 № 642 «Об утверждении Правил разработки и применения систем управления безопасностью полетов воздушных судов, а также сбора и анализа данных о факторах опасности и риска, создающих угрозу безопасности полетов гражданских воздушных судов, хранения этих данных и обмена ими в соответствии с международными стандартами Международной организации гражданской авиации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»;

– Распоряжении Правительства Российской Федерации от 05.10.2021 № 2806-р «Об утверждении Концепции интеграции беспилотных воздушных судов в единое воздушное пространство Российской Федерации и плана реализации Концепции в части развития технологий»;

– Распоряжении Правительства Российской Федерации от 25.07.2022 № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года»;

– Приказе МВД России от 29.12.2022 № 1111 «Об утверждении Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах»;

– Приказе МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

Международный контекст: Конвенция ИКАО (Чикаго, 1944 г., ратифицирована РФ) и стандарты JARUS (Joint Authorities for Rulemaking on Unmanned Systems) интегрированы в российское право через Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 035/2014.

Для популяризации беспилотной авиации в нашей стране регулярно проводятся соревнования в рамках Всероссийской лиги дрон-рейсинга (далее — RDR), в которой сражаются лучшие пилоты First Person View (далее — FPV) дронов. С 2023 г. гонки дронов стали официально признанным видом спорта, дрон-рейсинг занесли в классификацию авиамодельного спорта, в котором проводятся полноценные соревнования и на них можно получить спортивный разряд. Организаторы мероприятия в 2024 г. завершили восьмой по счету сезон лиги дронов, в рамках которого пилоты осуществляли полеты в Казани, Кирове, Иркутске и в других городах Российской Федерации. В рамках лиги были организованы полеты на время в одиночку, в парах и в формате команды из четверых пилотов. Помимо соревнований, в RDR организована «Школа-дронов», в рамках которой готовятся профессиональные операторы FPV дронов для участия в соревнованиях по дрон-рейсингу, съемок видео, полетов freestyle. Всё это указывает на актуальность и интерес к данной дисциплине и ее активное развитие в нашей стране.

Кроме вышеуказанной Лиги, развивает данное направление Министерство обороны Российской Федерации. Так, министерство является организатором чемпионата по дронбиатлону. В августе 2023 г. в конгрессно-выставочном центре «Патриот» состоялся восьмой чемпионат по дронбиатлону. Пилоты борются за звание чемпионов, а также демонстрируют свои навыки и умения в управлении БВС на предельных скоростях в ночных условиях, помимо этого, показывают слаженность командной работы при атаках воздушных целей. Помимо ночных условий, трассу усложняют большим количеством пиротехники и световым оборудованием, так что только максимальная внимательность и концентрация пилотов помогают им стать чемпионами данного соревнования. Для победы командам необходимо выполнить три задания: дрон-рейсинг — преодоление пяти кругов по гоночной трассе, поражение наземной цели — сброс муляжа гранаты Ф-1 по мишени, расположенной на земле и поражение воздушной цели — атака БВС типа «крыло». Программа мероприятия также включает в себя соревнования БВС разных классов, показательные выступления и фристайл. Всё вышеперечисленное показывает, что Министерство обороны обращает внимание на современные тенденции техники, а именно БВС. По нашему мнению, данные чемпионаты способствуют активному созданию резерва пилотов, которые в дальнейшем могут применить свои навыки и умения на реальном поле боя.

Решением руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации поддержано предложение Министерства промышленности и торговли Российской Федерации по развитию сотрудничества по вопросам организации отдельного направления «Кибердром.МВД» ежегодного Всероссийского конкурса «Кадры для цифровой промышленности; создание законченных проектно-конструкторских решений в режиме соревнований «Кибердром». Уже не первый год проводился конкурс «Кибердром.МВД». По названию конкурса понятно, что в нем принимают участие ведомственные вузы системы МВД России, целями конкурса являются проверка теоретических знаний в области БВС, умений и навыков управлять в автономном и ручном режиме БВС при выполнении различных задач, а также подготовка пилотов для МВД России. Основной задачей конкурса является выявление направления дальнейшего развития как самого конкурса, так и подготовки сотрудников ОВД. В первом финале данного конкурса (2025 год) победителем стала команда Волгоградской академии МВД России, второе место заняла команда Воронежского института МВД России, третье место у команды Барнаульского юридического института МВД России.

В эпоху стремительного технологического прогресса беспилотные воздушные суда становятся ключевым элементом цифровой трансформации различных отраслей. Актуальность исследования обусловлена расширением сфер гражданского применения БВС, возрастающей значимостью БВС в обеспечении национальной безопасности, а также необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы и подготовки специалистов. В настоящее время активно развиваются технологии, для гражданского населения все более доступны передовые достижения цифрового, технологического и научно-технического прогресса. В стране активно развивается направление, связанное с беспилотными воздушными судами. БВС активно внедряются в различные сферы граждан-

ской деятельности, такие как: фото- и видеосъёмка, картография [1], аэрофотосъёмка [2], геолого-геофизические исследования [3], логистика (доставка грузов и товаров), транспорт (в т. ч. перспективные разработки по транспортировке людей). Важно понимать, что при использовании БВС в гражданской сфере в соответствии с российским законодательством для БВС от 150 грамм до 30 кг требуется обязательная регистрация через портал «Госуслуги». Также требуется получение свидетельства внешнего пилота при управлении БВС весом более 30 кг и сертификата летной годности.

В военной сфере БВС показывают свою эффективность в условиях их применения в современных гибридных конфликтах и локальных войнах, в частности в разведке, корректировке артиллерийского огня, а также непосредственно используя БВС как ударные дроны. В зоне специальной военной операции (далее — СВО) БВС активно используются солдатами российской армии. Так, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин во время расширенного заседания коллегии Министерства обороны Российской Федерации обратил внимание на значимость и важность БВС: «Актуальная задача — совершенствование беспилотных летательных аппаратов, включая стратегические и разведывательно-ударные, а также способов их применения. Опыт специальной военной операции показал, что использование БВС стало практически повсеместным, и такой арсенал средств должен быть в боевых отделениях, во взводах, ротах, батальонах». БВС преимущественно используются подразделениями спецназа, разведки и артиллерии. Они позволяют получать информацию о расположении противника, при этом не рискуя личным составом. Также активно используются ударные беспилотники, которые позволяют дистанционно уничтожать силы противника. Новейшие дроны-камикадзе усовершенствованы таким образом, чтобы наносить максимальный ущерб объектам инфраструктуры противника.

В последнее время наблюдается тенденция внедрения научно-технических разработок в области БВС в систему правоохранительных органов Российской Федерации. Обуславливается это техническими достижениями, которые позволили применять данные устройства в органах внутренних дел. В частности, это создание воздушных судов микро- и мини-формата, т. к. их доступность и удобность эксплуатации можно направить на решение современных задач, стоящих перед МВД России. Например, при обеспечении охраны общественного порядка, проведении оперативно-розыскных и других мероприятий, где БВС обеспечили бы их максимальную реализацию.

Несмотря на все положительные стороны развития рассматриваемого направления, оно имеет и негативную сторону. Так, в настоящее время существует проблема промышленного шпионажа, наиболее распространенным способом является использование БВС, которые оснащены камерами, способными передавать и вести видеозапись в высоком разрешении. Криминальный элемент активно пользуется доступностью и простотой использования БВС. Актуальность вышеизложенному придает осложнение геополитической ситуации в стране. Иностранные шпионы под видом обычной съемки с квадрокоптера могут осуществлять наблюдение за ситуацией внутри страны. БВС также используют для доставки запрещенных к обороту веществ и предметов, в т. ч. в места лишения свободы. При помощи БВС перемещают запрещенные наркотические средства через государственные границы. Также, помимо вышеперечисленного, квадрокоптеры и другие БВС используются в террористических целях [4]. Террористы прикрепляют к БВС взрывное устройство и совершают террористические акты [5, с. 36]. Государство вынуждено реагировать на сложившуюся ситуацию и ищет способы эффективной борьбы с БВС, которые используются в преступных целях.

Так, для пресечения подобных деяний часть 1 статьи 13 ФЗ «О полиции» была дополнена пунктом 40: «пресекать функционирование беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий», а часть 3 статьи 23 «Применение огнестрельного оружия» дополнена пунктом 5: «для пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях, предусмотренных пунктом 40 части 1 статьи 13 настоящего федерального закона, если иными средствами прекратить их нахождение в воздушном пространстве не представляется возможным». В Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» внесено изменение от 27.10.2025 № 836, пункт 13 изложен теперь в следующей редакции: «при несении службы участковый уполномоченный полиции может

использовать принятые на снабжение органов внутренних дел Российской Федерации беспилотные воздушные, подводные и надводные суда и аппараты, беспилотные транспортные средства и иные автоматизированные беспилотные комплексы».

Указанные изменения нужны и важны, вместе с тем необходимо отметить, что пресекать нахождение беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве, используя табельное оружие, — сложная задача, особенно если БВС находится на достаточной высоте. В настоящий момент в Перечне образцов (комплексов, систем) специальной техники, состоящей на снабжении органов внутренних дел Российской Федерации, нет действенных средств, которые могли бы противодействовать БВС. Есть необходимость дополнить данный Перечень современными образцами, способными эффективно противодействовать БВС. Предлагаем внести изменения в ведомственные нормативно-правовые акты МВД России с описанием условий несения службы, при которых сотруднику полиции разрешается использовать карабин со специальным патроном двенадцатого калибра, стреляющим дробью для борьбы с БВС.

Из практики борьбы с БВС в зоне СВО известны и другие действенные тактические приемы, хотя здесь и не идет речь о противодействии, для обеспечения личной безопасности необходимо не стрелять в БВС, а, наоборот, прятать лицо (опустив голову) и прятать теплые ладони. БВС с видеоаналитикой и тепловизором не сможет распознать лицо человека (тепловую сигнатуру человека) и пролетит мимо сотрудника. Если же, наоборот, посмотреть на БВС, он распознает человека и на всех планшетах (терминалах), подключенных к Starlink, будет отображаться точка нахождения цели. Даже если удастся обезвредить один БВС, на его место прилетят другие.

В оперативно-розыскной деятельности БВС используются для скрытого наблюдения (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ). Как пример, в 2025 г. в Новосибирской области дроны DJI Mavic 3 помогли в поиске пропавших лиц, сократив время операции на 40 % (данные ГУ МВД по НСО).

А. Г. Гришаков в своей работе пишет об использовании БВС в МВД России для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Например, в местах массового скопления людей БВС при помощи машинного зрения или искусственного интеллекта может распознать правонарушение или разыскиваемого человека [6, с. 55].

В «Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.06.2023 № 1630-р, упоминается внедрение автономных беспилотных воздушных судов с системами искусственного интеллекта (далее — ИИ). Также в документе говорится о формировании системы обеспечения комплексной безопасности применения, учета и контроля беспилотных авиационных систем и их ключевых компонентов, включая системы ИИ.

Из отчета Министерства внутренних дел Российской Федерации в Москве при праздновании Нового года (2026 год) применялось 50 единиц БВС для обеспечения общественного порядка и мониторинга массовых мероприятий. БВС, оснащенные камерами высокого разрешения и ИИ для распознавания лиц, интегрированы в систему «Безопасный город», выявили 120 нарушений.

Развивая идею выявления противоправных деяний, можно обратить внимание на опыт зарубежных государств. Так, в Соединенных Штатах Америки с марта 2017 г. компанией «Spon» запущен сервис «Citizen» (Гражданин), при помощи которого гражданскому населению сообщается о правонарушениях, совершаемых неподалеку от пользователя. Приложение информирует пользователя путем уведомления на смартфон с адресом и описанием противоправного деяния, тем самым помогая человеку не стать случайной жертвой нового преступления. Данный сервис доступен только в некоторых районах Нью-Йорка, т. к. официального одобрения со стороны правоохранительных органов получено не было. Несмотря на это, по нашему мнению, данная программа является весьма удачной разработкой западных специалистов, которая действительно помогает своим пользователям. В наших реалиях можно создать аналог данного приложения, который бы внедрялся в систему «Безопасный город» и при помощи видеокамер, расположенных в городе, а также дронов данное приложение присылало бы уведомление пользователю о совершении противоправного деяния неподалеку от него, тем самым снизив число случайных жертв правонарушений и преступлений [7]. Также в США в составе подразделений полиции есть оператор БВС, который запускает свой квадрокоптер для приближения его к месту перестрелки с целью анализа существующих угроз для жизни правоохранителей и граждан. Это существенно снижает травматизм сотрудников в случае потенциальной опасности.

Помимо непосредственного применения БВС сотрудниками полиции, необходимо упомянуть о развитии направления по управлению воздушными судами и обучению IT-специалистов и инженеров в сфере БВС. Несмотря на то что в настоящее время организуются соревнования и обучаются профессиональные операторы БВС, государству следует продолжать развивать данное направление и активно финансировать различные мероприятия в данной отрасли. IT-специалисты и инженеры, которые развивают данную отрасль, при должной государственной поддержке могут реализовать свои проекты, которые в дальнейшем будут использоваться в военной сфере. Например, развивать БВС с зарядом взрывчатки, который будет находить свою цель при помощи оптической системы распознавания образов и уничтожать ее. Данная разработка при значительном количестве БВС является грозным и доступным для государства оружием, т. к. производство таких воздушных судов относительно недорогое. Так, направив «рой» таких БВС, можно нанести значительный ущерб силам противника без угрозы личному составу. Помимо уничтожения противника, такие БВС могут передавать информацию и выступать в роли воздушной разведки. Таким образом, развитие данной отрасли весьма актуально в настоящее время, и государству не стоит недооценивать данную сферу и ее потенциал в будущем.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. БВС становятся универсальным инструментом, трансформирующим: логистику (доставка грузов); правоохранительную деятельность (охрана порядка); военную сферу (ведение гибридных конфликтов).

2. Система подготовки кадров активно развивается: внедряются образовательные программы; проводятся соревнования различного уровня; совершенствуется нормативно-правовая база.

3. Для минимизации угроз необходимо: наращивать парк средств противодействия незаконным БВС; развивать технологии ИИ и машинного зрения; усиливать международное сотрудничество в сфере регулирования БВС.

4. Необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу использования БВС в правоохранительной деятельности.

Перспективы развития отрасли связаны: с увеличением доли автономных БВС; интеграцией БВС в единую систему безопасности; созданием высокотехнологичных кластеров для производства и обслуживания БВС. Считаем, что в гражданской сфере БВС изменят сферу доставки товаров, в значительной степени трансформируется принцип охраны общественного порядка. Всё активнее БВС будут использоваться в МЧС России [8], особенно при проведении аварийно-спасательных работ [9], для обеспечения пожарной безопасности на нефтегазовых объектах [10], также БВС планируется применять для радиолокационного поиска воздушных и морских судов, потерпевших аварию [11]. С точки зрения внешних угроз в современной геополитической ситуации нет оснований рассчитывать на спокойное состояние на границах нашей страны, в связи с чем все большее развитие в сфере беспилотной авиации получит их военное использование, а также развитие БВС в перспективных разработках активной защиты, против используемых противниками БВС для отражения террористических атак на Российскую Федерацию. Для достижения этих целей будет совершенствоваться подготовка внешних пилотов, обучение специалистов в сфере информационных технологий, программистов. Для технологического суверенитета необходимо модернизировать инфраструктуру и промышленность данного направления. Несмотря на прогресс в развитии самих БВС и их применении в практической деятельности, существуют и пробелы, связанные с отсутствием единого федерального закона о беспилотных воздушных судах, в котором необходимо четко прописать нормы о защите персональных данных при видеонаблюдении (для недопущения нарушения ФЗ № 152 «О персональных данных») с точки зрения этических аспектов.

Полагаем, что требуется дальнейшее развитие в правовой сфере, а именно:

1. Предлагается принятие ФЗ «О беспилотных воздушных судах» с главой о применении БВС правоохранительными органами. Необходимо прописать обязанность каждого собственника БВС оснащать его системой распознавания «свой — чужой» для идентификации. Создать единый реестр полицейских БВС под контролем МВД и Росавиации.

2. Дополнить Перечень образцов (комплексов, систем) специальной техники, состоящей на снабжении органов внутренних дел Российской Федерации современными образцами, способными эффективно противодействовать БВС.

3. Предлагается внести изменения в ведомственные нормативно-правовые акты МВД России с описанием условий несения службы, при которых сотруднику полиции разрешается использовать карабин со специальным патроном двенад-

цатого калибра, стреляющим дробью для борьбы с БВС.

4. В методических материалах по формированию умений и навыков действий в особых условиях для обеспечения личной безопасности описать порядок действий сотрудников полиции в случае появления БВС с учетом практики из зоны СВО, а именно, сотруднику полиции необходимо прятать лицо (опустив голову) и теплые ладони.

Государственно-правовое регулирование БВС в полиции Российской Федерации формирует эффективную модель публичной безопасности, но требует доработки для устранения пробелов. Перспективы связаны с цифровизацией и межведомственной координацией. Рекомендуется разработка комплексного закона для баланса инноваций и прав граждан.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что это действительно важные и нужные дополнения законодательства, которые действительно являются эффективными в борьбе с незаконно находящимися в воздушном пространстве БВС. Остается вопрос о массовом оснащении сотрудников МВД России эффективными устройствами, которые позволяют противодействовать этим воздушным судам.

Список источников

1. Курков В. М., Смирнов А. В., Кузнецов В. А. Обзор факторов и условий, влияющих на применение беспилотных воздушных судов, предназначенных для решения задач картографирования // Геоинформатика. 2019. № 3. С. 19–26.

2. Варфоломеев А. Ф., Коваленко А. К., Манухов В. Ф., Калашникова Л. Г. Особенности технологии аэрофотосъёмки с применением беспилотных воздушных судов // Геодезия и картография. 2020. Т. 81. № 8. С. 58–64. DOI 10.22389/0016-7126-2020-962-8-58-64.

3. Обзор применения легких беспилотных воздушных судов в геолого-геофизических исследованиях / И. М. Алешин, С. Д. Иванов, В. Н. Корягин [и др.] // Наука и технологические разработки. 2019. Т. 98. № 3. С. 5–19. DOI 10.21455/std2019.3-1.

4. Горелов В. И., Ковылов О. В. Актуальные вопросы противодействия применению беспилотных воздушных судов в противоправных целях // Инженерный вестник. 2016. № 8. С. 4.

5. Давыдов М. В. Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в международном праве // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 36–38.

6. Гришаков А. Г. Искусственный интеллект как инструмент правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 55–63.

7. Вечерникова Д. В., Марина А. А. Актуальные вопросы, связанные с применением беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2 (56). С. 67–72.

8. Степанов Р. А., Белкин Д. С., Перевалов А. С. Перспективы развития и применения беспилотных воздушных судов в МЧС России // Проблемы управления рисками в техносфере. 2017. № 2 (42). С. 36–43.

9. Карчевский Ю. С., Пупынин В. И., Волобуева Е. В. Опыт применения беспилотных воздушных судов МЧС России при проведении аварийно-спасательных работ // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2018. Т. 1. № 9. С. 338–340.

10. Вытовтов А. В. Методика применения беспилотных воздушных судов для обеспечения пожарной безопасности на нефтегазовых объектах: дис. ... канд. техн. наук. Воронеж, 2018. 117 с.

11. Баженов А. В., Гривенная Н. В., Исаев А. М., Мельников С. В. Применение беспилотных летательных аппаратов для радиолокационного поиска воздушных и морских судов, потерпевших аварию // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 2. С. 212–230.

References

1. Kurkov V. M., Smirnov A. V., Kuznecov V. A. Obzor faktorov i uslovij, vliyayushchih na primenenie bespilotnyh vozdushnyh sudov, prednaznachennyh dlya resheniya zadach kartografirovaniya // Geoinformatika. 2019. № 3. S. 19–26.

2. Varfolomeev A. F., Kovalenko A. K., Manuhov V. F., Kalashnikova L. G. Osobennosti tekhnologii aerofotos»yomki s primeneniem bespilotnyh vozdushnyh sudov // Geodeziya i kartografiya. 2020. T. 81. № 8. S. 58–64. DOI 10.22389/0016-7126-2020-962-8-58-64.

3. Obzor primeneniya legkih bespilotnyh vozdushnyh sudov v geologo-geofizicheskih issledovaniyah / I. M. Aleshin, S. D. Ivanov, V. N. Koryagin [i dr.] // Nauka i tekhnologicheskie razrabotki. 2019. T. 98. № 3. S. 5–19. DOI 10.21455/std2019.3-1.

4. Gorelov V. I., Kovylov O. V. Aktual'nye voprosy protivodejstviya primeneniyu bespilotnyh vozdushnyh sudov v protivopravnyh celyah // Inzhenernyj vestnik. 2016. № 8. S. 4.

5. Davydov M. V. Problemy primeneniya bespilotnyh letatel'nyh apparatov v mezhdunarodnom prave // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2014. № 3 (7). S. 36–38.

6. Grishakov A. G. Iskusstvennyj intellekt kak instrument pravoohranitel'noj deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 1 (49). S. 55–63.

7. Vechernikova D. V., Marina A. A. Aktual'nye voprosy, svyazannye s primeneniem bespilotnyh vozdushnyh sudov v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 2 (56). S. 67–72.

8. Stepanov R. A., Belkin D. S., Perevalov A. S. Perspektivy razvitiya i primeneniya bespilotnyh vozdushnyh sudov v MChS Rossii // Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere. 2017. № 2 (42). S. 36–43.

9. Karchevskij Yu. S., Pupynin V. I., Volobueva E. V. Opyt primeneniya bespilotnyh vozdushnyh sudov MChS Rossii pri provedenii avarijno-spasatel'nyh rabot // Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy. 2018. T. 1. № 9. S. 338–340.

10. Vytovtov A. V. Metodika primeneniya bespilotnyh vozdushnyh sudov dlya obespecheniya pozharnoj bezopasnosti na neftegazovyh ob»ektah: dis. ... kand. tekhn. nauk. Voronezh, 2018. 117 s.

11. Bazhenov A. V., Grivennaya N. V., Isaev A. M., Mel'nikov S. V. Primenenie bespilotnyh letatel'nyh apparatov dlya radiolokacionnogo poiska vozdushnyh i morskih sudov, poterpevshih avariyu // Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti. 2020. № 2. S. 212–230.

Сведения об авторах

Д. Ю. Каширский — кандидат технических наук, доцент.

Р. А. Белевский — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. Yu. Kashirskiy — Candidate of Science (Engineering), Associate Professor.

R. A. Belevskiy — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 17.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 27.05.2026; approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 102–109.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 102–109.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 343.34:33

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Виктор Борисович Коробов[1], Алексей Анатольевич Кобозев[2]
[1] Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, kvbdoc@yandex.ru
[2] Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия, aleksey-kobozev@mail.ru

Аннотация. *Статья обосновывает необходимость интеграции индикаторов общественной безопасности в систему оценки социально-экономического развития российских регионов. Мы исходим из того, что общественная безопасность является неотъемлемым компонентом качества жизни населения, сопоставимым по значимости с уровнем образования, доступностью медицинского обслуживания и состоянием окружающей среды. Анализ существующих методик оценки социально-экономического развития регионов показал необходимость включения показателя общественной безопасности в единую государственную методику расчета ключевых целей развития страны, утвержденную Правительством Российской Федерации.*

Ключевые слова: *безопасность, оценка, критерий, показатель, индикатор, методика расчета, регион, качество жизни, общественная безопасность, цели развития*

Для цитирования: *Коробов В. Б., Кобозев А. А. Состояние общественной безопасности в системе показателей социально-экономического развития регионов // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 102–109.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

STATE OF PUBLIC SAFETY IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF REGIONAL DEVELOPMENT

Viktor B. Korobov[1], Alexey A. Kobozev[2]
[1] All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kvbdoc@yandex.ru
[2] All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Domodedovo, Russia, aleksey-kobozev@mail.ru

Abstract. *The article substantiates the need to integrate public safety indicators into the system of assessing the socioeconomic development of Russian regions. We believe that public safety is an integral part of the quality of life, comparable in importance to education, access to healthcare, and the environment. An analysis of existing methods for assessing the socioeconomic development of regions has shown the need to include the indicator of public safety in the unified state methodology for calculating the country's key development goals, which was approved by the Government of the Russian Federation.*

Keywords: *safety, criterion, indicator, calculation method, region, quality of life, public safety, development aims*

For citation: *Korobov V. B., Kobozev A. A. State of public safety in the system of socio-economic indicators of regional development. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:102–109 (In Russ.).*

© Коробов В. Б., Кобозев А. А., 2026

В контексте современного государственного управления оценка уровня социально-экономического развития составляющих его единиц (таких как штаты, земли, области, республики, кантоны, автономные образования и др.) приобретает первостепенное значение. Результаты такой оценки являются фундаментом для разработки и последующей корректировки как стратегических, так и оперативных целей дальнейшего развития указанных субъектов. Кроме того, они служат основой для создания проектной, программной и планирующей документации, имеющей значение на общегосударственном и региональном уровнях.

Формирование релевантных критериев и соответствующих им показателей является фундаментальным условием для достижения целевых значений развития субъекта. Как отмечает С. Ю. Чистов, «система критериев (характеристик развития регионов) и показателей, которые измеряют эти критерии, выстраивается соответственно целям его развития. В качестве целей социально-экономического развития региона используются такие, как увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, снижение уровня нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы, обогащение культурной жизни» [1, с. 32–34]. Важно, чтобы сами цели (целевые установки) были ясными, достижимыми и измеримыми.

В международной практике для оценки уровня развития государств широко применяется «индекс развития человека». Организация Объединенных Наций (далее — ООН) разработала этот показатель в 1990 г., и с тех пор он ежегодно обновляется [2, с. 76–79].

С. Ю. Чистов обоснованно утверждает, что «система показателей развития региона — это комплексная количественная модель, характеризующая состояние региона и позволяющая судить об относительном уровне его развития. Поэтому такая модель должна либо быть построена на основе общих показателей, используемых для характеристик уровня развития региона либо государства» [1, с. 32].

Подчеркивая актуальность проблемы, Н. Ю. Чаусов и Д. А. Маухин отмечают, что «сегодня существует огромное множество методик оценки социально-экономического развития регионов» [3, с. 1]. В этом плане значительный интерес представляют труды С. А. Айвазяна, М. Ю. Афанасьева, К. А. Карташова, А. В. Кудрова, Н. В. Невейкиной, М. В. Прудниковой и других авторов [4, 5, 6].

Для всесторонней оценки социально-экономического развития региона большинство исследователей рекомендуют группировать показатели. Это обеспечивает более четкое представление о текущей ситуации. Основные группы показателей включают:

• экономический блок: объединяет индикаторы, характеризующие масштаб региональной экономики, уровень производительности труда и эффективность использования основных фондов;

• социальный блок: охватывает показатели демографической ситуации и уровня качества жизни населения.

Предлагаемый методологический подход представляется нам обоснованным, поскольку именно экономические и социальные индикаторы составляют фундамент региональных рейтингов. В качестве иллюстрации, согласно рейтингу, подготовленному РИА «Новости» в 2025 г., наиболее высокие темпы экономического роста продемонстрировали следующие субъекты Российской Федерации: «город Москва (интегральный балл 86,81), город Санкт-Петербург (85,00), Московская область (81,88), Республика Татарстан (78,16) и Свердловская область (70,64)» [7].

Анализ системы социальных показателей оценки развития регионов последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к интеграции понятий «безопасность», «общественная безопасность» и «безопасность личности». Данное явление объясняется возрастающим признанием качества жизни населения как ключевого фактора обеспечения национальной безопасности. При этом необходимо подчеркнуть, что категория безопасности включает в себя не только объективные условия жизнедеятельности граждан, но и субъективное восприятие этих условий. Негативное восприятие способно спровоцировать комплекс факторов, ведущих к росту социально-политической напряженности в регионах.

В связи с этим К. К. Колин обоснованно отмечает, что «общим и весьма существенным недостатком… является недооценка таких важных факторов, как социальное расслоение общества, уровень бедности, общественная безопасность, а также недостаточное внимание к информационным аспектам качества жизни в современном обществе, которые приобретают все большую значимость в условиях становления глобального информационного общества» [8, с. 92]. Ученый также указывает на «недостатки, характерные для ряда зарубежных систем оценки качества жизни», которые не включают «ни уровня образованности людей, ни безопасности жизни человека…» [8, с. 93].

Признавая необходимость объективности, нельзя не отметить, что система индикаторов

ООН, оценивающая качество жизни, не учитывает такой ключевой аспект, как безопасность населения. В результате этого пробела рейтинговые исследования все чаще опираются на национальные методики оценки.

И. Н. Панарин приводит показательный пример в этом плане: в 1967 г. Сенат США принял «Акт о возможностях, национальных целях и приоритетах». Данный документ предписывал ежегодную подготовку специального доклада президенту по социальным вопросам. Целью было систематическое наблюдение за всей сферой образа жизни для фиксации динамики взаимодействия социальных групп. Эти показатели были интегрированы в официальную общегосударственную систему «Социальные показатели». Примечательно, что блок «Общественная безопасность», включающий 23 показателя, являлся вторым по порядку в этой системе [9, с. 142].

Ранее, в 1993 г., аналогичная точка зрения была представлена авторами коллективной монографии «Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США» [10].

Общественная безопасность всё чаще признается ключевым индикатором социально-экономического развития регионов, отражая социальное благополучие и качество жизни населения. Это подтверждают данные опросов 2025 г.: безопасность занимает второе место (8,7 из 10) среди факторов, наиболее влияющих на субъективное восприятие качества жизни, уступая лишь доступности медицинских услуг (9,2). При этом респонденты особо отметили всеобъемлющее влияние безопасности на все аспекты их жизни [11].

Не случайно Е. И. Джеджелава указывает на то, «что обеспечение общественной безопасности всегда являлось приоритетом государственной политики. Являясь конституциональным правом человека, безопасность граждан является неотъемлемой частью общественных отношений, связанных с предотвращением или устранением угрозы для жизни и здоровья людей, личной безопасности и общественным порядком» [12, с. 1]. Вследствие этого «безопасность занимает основное место в правовой системе Российской Федерации, определяет смысл и содержание деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [12, с. 2].

Очевидно, что общественная безопасность является ключевой детерминантой социально-экономического развития региона. Этот тезис подтверждают и зарубежные исследования. Например, Д. Дж. Миллер, Т. Х. Пойстер, Д. М. Фиск и Г. П. Хаттри эмпирически установили прямую зависимость между уровнем общественной безопасности и важнейшими экономическими показателями, в частности инвестиционным климатом региона [13, 14, 15].

В рамках данных исследований инвестиционные риски оцениваются по ряду составляющих, включая:

• экономические риски: негативные тенденции в экономическом развитии региона;

• финансовые риски: несбалансированность регионального бюджета;

• социальные риски: социальная напряженность;

• экологические риски: загрязнение окружающей среды;

• управленческие риски: низкое качество управления бюджетом;

• криминальные риски: высокий уровень преступности.

Е. С. Шавачина и О. М. Лизина акцентируют внимание на деструктивных факторах, снижающих инвестиционную привлекательность региона. Среди них они выделяют: снижение уровня экономической безопасности, инфляцию, общественную безработицу, рост числа убыточных предприятий, увеличение доли населения с доходом ниже прожиточного минимума, рост экономической преступности и др. [16, с. 6–7].

Некоторые отечественные ученые, в т. ч. А. Р. Евстифеева, отмечают, что инвестиционные риски могут быть связаны с уровнем преступности. По мнению Евстифеевой, комплексная «положительная инвестиционная политика на уровне региона содействует формированию инвестиционного климата, создает предпосылки для привлечения социально ответственных инвестиций и обеспечения устойчивого социального развития региона» [17, с. 178]. Исходя из этого, можно утверждать, что наряду с экономическим потенциалом важным фактором инвестиционной привлекательности региона является социальная стабильность, подразумевающая общественную безопасность.

Сходную позицию занимают О. С. Сиваш и Н. З. Вельгош, которые «в числе показателей инвестиционной привлекательности региона на основе статистических данных выделяют инвестиционную безопасность, включающую экологическую безопасность и криминогенную ситуацию» [18, с. 73]. Данное мнение разделяют И. В. Князева, Е. В. Шевцова, В. М. Куриков, Ю. В. Ташланов и другие исследователи [19, 20].

На основании представленных данных можно с достаточной степенью уверенности утверждать о положительной корреляции между уровнем общественной безопасности и экономическим

развитием региона. Для иллюстрации данного тезиса целесообразно вновь обратиться к рейтингу социально-экономического положения регионов Российской Федерации, опубликованному РИА «Новости» в 2025 г. Согласно ранее приведенным сведениям, ведущие позиции по экономическим показателям занимают г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан и Свердловская область.

Анализ показателей общественной безопасности за 2025 год в указанных регионах выявил характерную динамику преступности, которая демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению числа зарегистрированных преступлений:

• Москва: 120 912 преступлений (-7,7 % к аналогичному показателю 2024 г.);

• Санкт-Петербург: 59 000 преступлений (-9,3 %);

• Московская область: 68 265 преступлений (-2,0 %);

• Республика Татарстан: 47 343 преступления (-17,7 %);

• Свердловская область: 44 719 преступлений (-7,8 %) [21, с. 58–60])[1].

Развивая предыдущие рассуждения, мы согласны с Е. И. Джеджелавой, которая убедительно показывает взаимозависимость и неразрывность общественной безопасности и качества жизни населения. Автор справедливо отмечает: «такие категории, как общественная безопасность и качество жизни населения, взаимосвязаны и неотделимы друг от друга» [12, с. 3].

Независимо от многообразия предлагаемых трактовок и интерпретаций обеспечение приемлемого уровня жизни населения является безусловной обязанностью государства. Эта функция реализуется через взаимодействие федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, муниципальных органов и институтов гражданского общества.

Примечательно, что в Конституции Российской Федерации отсутствует законодательное определение понятия «безопасность». Тем не менее в различных отраслях российского права, закрепленных в кодексах (уголовном, уголовно-процессуальном, об административных правонарушениях и др.), федеральных законах и иных нормативных правовых актах, понятия «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность» используются в разнообразных контекстах и формулировках.

Юридический энциклопедический словарь определяет общественную безопасность (в праве) как систему общественных отношений и юридических норм, регулирующих эти отношения с целью обеспечения общественного спокойствия, неприкосновенности жизни и здоровья населения, нормального функционирования труда и отдыха граждан, а также бесперебойной деятельности государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий [22, с. 204].

Согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400), общественная безопасность является неотъемлемым компонентом национальной безопасности. Она определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз»[2].

Основополагающим документом стратегического планирования в этой сфере выступает Концепция общественной безопасности Российской Федерации (утвержденная Президентом Российской Федерации 14.11.2013). В ней общественная безопасность трактуется как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[3].

В. С. Ковригин определяет общественную безопасность как «процесс формирования и поддержания условий, исключающих угрозы жизни, здоровью, имуществу граждан и организаций, а также общественному порядку, исходящие от криминальных элементов». Он подчеркивает, что «общественная безопасность — это критически

[1] Конечно, следует признать условность подобных сопоставлений. Для получения относительно надежных данных о влиянии общественного порядка на экономические показатели требуется проведение трендовых исследований. Такие исследования должны включать сбор и анализ как количественной (статистической), так и качественной (социологической) информации по широкому спектру показателей. Ввиду отсутствия подобных комплексных данных на текущем этапе мы вынуждены ограничиться доступной информацией.

[2] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351. Подпункт «1)» п. 5.

[3] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685, п. 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

важный элемент устойчивости Российской Федерации» [23, с. 87].

Далее В. С. Ковригин выделяет фундаментальную социальную значимость общественной безопасности, рассматривая ее как ключевое условие для нормальной жизнедеятельности общества и эффективного функционирования государства. Он также отмечает, что уровень общественной безопасности является индикатором социальной напряженности и стабильности в обществе [23, с. 89].

Вопросы определения и уточнения понятия общественной безопасности находят отражение в научных трудах А. П. Беликова, Р. Л. Габдрахманова, С. И. Гирько, И. Б. Кардашовой, В. С. Комиссаровой, С. В. Максимова, А. В. Наумова, А. В. Павлинова, С. Е. Пролетенковой, Н. Н. Рыбалкина и ряда других исследователей [24, 25, 26, 27, 28].

Следует подчеркнуть, что в последние годы Российское государство демонстрирует значительные успехи в обеспечении общественной безопасности. Так, в 2025 г. достигнуто существенное снижение уровня преступности: «общее количество зарегистрированных преступлений сократилось на 7,3 %. Особого внимания заслуживает уменьшение числа противоправных деяний против личности на 9,2 %. Наблюдается позитивная динамика и по другим видам преступлений: разбои снизились на 11,2 %, грабежи — на 18,3 %, кражи — на 9,3 %. В частности, квартирные кражи сократились на впечатляющие 27,1 %, а кражи автомобилей — на 23,7 %. Также зафиксировано снижение угонов автотранспорта на 11,6 % и мошенничеств всех видов на 7,6 %. Преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, уменьшились на 11,8 % по сравнению с предыдущим годом. На улицах и в общественных местах уровень преступности снизился на 15,1 %, включая значительное сокращение уличных разбоев (на 22 %), грабежей (на 32,2%) и краж (на 20,5 %)» [29].

Вместе с тем, соглашаясь с П. Н. Ишмуратовым, можно констатировать, что «состояние общественной безопасности в Российской Федерации характеризуется как нестабильное» [30, с. 211].

Так, «за январь — декабрь 2025 года было зарегистрировано 1771,2 тыс. преступлений. В результате этих деяний пострадали 26,5 тыс. чел., которым причинен тяжкий вред здоровью. Общий ущерб от преступлений составил 767,8 млрд рублей. При этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе зарегистрированных увеличился с 32,3 % в 2024 году до 35,5 %» [21, с. 2].

«Число преступлений экономической направленности выросло на 1,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., причинив материальный ущерб в размере 363,4 млрд рублей. В январе — декабре 2025 года выявлено 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4 % больше, чем годом ранее. Также зафиксировано 5920 преступлений террористического характера (+59,4 %) и 2241 преступление экстремистской направленности (+30,4 %)» [21, с. 3–4].

В этом плане крайне важно прорабатывать и постоянно совершенствовать организационно-правовые и иные меры, направленные на предотвращение угроз и рисков, способных дестабилизировать социально-экономическую, политическую и социокультурную целостность регионов.

При этом основой для определения показателей, позволяющих оценить состояние общественной безопасности в субъектах, может стать перечень мер ее обеспечения, изложенный в Концепции общественной безопасности Российской Федерации. В частности, это меры «по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности, преступлений, связанных с коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции, торговли людьми и т. д.»[1].

Эти показатели могут быть учтены в «Единой методике расчета значений показателей, характеризующих достижение ключевых целей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и федеральных округов, и оценки влияния реализации проектов субъектов Российской Федерации на них». Данная методика, утвержденная Председателем Правительства Российской Федерации 14 февраля 2022 г., используется для оперативного мониторинга динамики развития субъектов[2]. Такой подход повысит системность оценки реального состояния социально-экономического развития регионов.

[1] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685, подп. «а» п. 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Методика расчёта значений показателей, характеризующих достижение ключевых целей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и федеральных округов, и оценки влияния реализации проектов субъектов Российской Федерации на них, утв. Председателем Правительства Российской Федерации 14.02.2022 // Документы – Правительство России. URL: https://government.ru > docs/44559/ (дата обращения: 20.03.2026).

Список источников

1. Чистов С. Ю. Формирование системы показателей социально-экономического развития регионов РФ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (98). С. 32–36.

2. Карый А. В., Афиногенова И. Н. Индекс человеческого развития в системе показателей страны // Территория науки. 2015. № 4. С. 76–79.

3. Чаусов Н. Ю., Маухин Д. А. Социально-экономическое развитие региона и его оценка // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 4.

4. Айвазян С. А., Афанасьев А. В., Кудров А. В. Индикаторы основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2019. Т. 26. № 7. С. 47–60.

5. Карташов К. А., Прудникова М. В. Социально-экономическое развитие региональной системы// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S4. С. 40–44. URL: http://ekoncept.ru/2017/470059. htm pdf (дата обращения: 10.03.2026).

6. Невейкина Н. В. Индикаторы социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 23. С. 16–27.

7. Итоговый рейтинг регионов России — 2025 // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20251222/itogi-2062459561.html?ysclid=mn7onjj9wj357178587 (дата обращения: 18.03.2026).

8. Колин К. К. Качество жизни в стратегии обеспечения национальной и глобальной безопасности // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й Международной конференции (6–7 февраля 2020 г., Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2020. С. 91–102.

9. Панарин И. Н. Основы теории информационной и гибридной войны: курс лекций. М.: Горячая линия — Телеком, 2025. 616 с.

10. Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США / Л. Л. Любимов, В. А. Назаревский, Е. В. Яровая [и др.]; отв. ред. Л. Л. Любимов. М.: Фонд «За экон. грамотность», 1993. 317 с.

11. Рейтинги регионов России: от экономики до качества жизни. URL: http:// sky.pro/wiki/analytics/rejtingi-regionov-rossii-ot-ekonomiki-do-kachestva-zhizni/? ysclid=mn7t2ulosr542658063 (дата обращения: 18.03.2026).

12. Джеджелава И. Е. Обеспечение безопасности и улучшение качества жизни населения как основная задача государственной политики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2012. № 2. С. 1–11.

13. Миллер Д. Дж. Анализ по критерию «затраты-выгоды» // Эффективность государственного управления / пер. с англ.; общ. ред. С. А. Батчикова и С. Ю. Глазьева. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998. С. 333–373.

14. Пойстер Т. Х. Контроль производительности: системы, показатели, анализ // Эффективность государственного управления / пер. с англ.; общ. ред. С. А. Батчикова и С. Ю. Глазьева. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998. С. 221–263.

15. Хатри Г. П., Фиск Д. М. Измерение производительности в государственном секторе // Эффективность государственного управления / пер. с англ.; общ. ред. С. А. Батчикова и С. Ю. Глазьева. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998. С. 197–221.

16. Шавачина Е. С., Лизина О. М. Инвестиционные возможности и инвестиционные риски российских регионов // Контентус. Электронное периодическое издание. 2017. № 6 (59). С. 1–7.

17. Евстифеева А. Р. Факторы формирования инвестиционного климата региона // Вестник ПАГС. 2011. № 4. С. 174–178.

18. Сиваш О. С., Вельгош Н. З. Методические подходы к формированию и оценке рейтинга инвестиционной привлекательности региона // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 3. С. 70–81.

19. Князева И. В., Шевцова Е. В. Маркетинг территорий. Новосибирск: СибАГС, 2007. 200 с.

20. Куриков В. М., Ташланова В. М. Методология оценки инвестиционной привлекательности региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5–1. С. 99–103.

21. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2026. 64 с.

22. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.

23. Ковригин В. С. К вопросу о понятии общественной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 4 (76). С. 86–91.

24. Габдрахманов Р. Л. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие. М.: Моск. ун-т МВД России, 2003. 85 с.

25. Гирько С. И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 3–8.

26. Кардашова И. Б. Об общественной безопасности // Административное право и процесс. 2008. № 2. С. 27–30.

27. Максимов С. В., Павлинов А. В. Проект Модельного закона СНГ «Об общественной безопасности»: недостатки и предложения по доработке // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 12–17.

28. Пролетенкова С. Е., Беликов А. П. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 249–259.

29. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 15.03.2026).

30. Ишмуратов П. Н. Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 211–215.

References

1. Chistov S. Yu. Formirovanie sistemy pokazatelej social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov RF // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2011. № 6 (98). S. 32–36.

2. Karyj A. V., Afinogenova I. N. Indeks chelovecheskogo razvitiya v sisteme pokazatelej strany // Territoriya nauki. 2015. № 4. S. 76–79.

3. Chausov N. Yu., Mauhin D. A. Social'no-ekonomicheskoe razvitie regiona i ego ocenka // Rossijskij ekonomicheskij internet-zhurnal. 2022. № 4.

4. Ajvazyan S. A., Afanas'ev A. V., Kudrov A. V. Indikatory osnovnyh napravlenij social'no-ekonomicheskogo razvitiya sub"ektov RF // Analiz i modelirovanie ekonomicheskih i social'nyh processov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovanie. 2019. T. 26. № 7. S. 47–60.

5. Kartashov K. A., Prudnikova M. V. Social'no-ekonomicheskoe razvitie regional'noj sistemy // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. № S4. S. 40–44. URL: http://ekoncept.ru/ 2017/470059. htm pdf (data obrashcheniya: 10.03.2026).

6. Nevejkina N. V. Indikatory social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2013. № 23. S. 16–27.

7. Itogovyj rejting regionov Rossii — 2025 // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20251222/itogi-2062459561. html?ysclid=mn7onjj9wj357178587 (data obrashcheniya: 18.03.2026).

8. Kolin K. K. Kachestvo zhizni v strategii obespecheniya nacional'noj i global'noj bezopasnosti // Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti: trudy 3-j Mezhdunarodnoj konferencii (6–7 fevralya 2020 g., Moskva). M.: IPM im. M. V. Keldysha, 2020. S. 91–102.

9. Panarin I. N. Osnovy teorii informacionnoj i gibridnoj vojny: kurs lekcij. M.: Goryachaya liniya — Telekom, 2025. 616 s.

10. Civilizacionnyj process i social'nye itogi razvitiya SShA / L. L. Lyubimov, V. A. Nazarevskij, E. V. Yarovaya [i dr.]; otv. red. L. L. Lyubimov. M.: Fond «Za ekon. gramotnost'», 1993. 317 s.

11. Rejtingi regionov Rossii: ot ekonomiki do kachestva zhizni. URL: http:// sky.pro/wiki/analytics/rejtingi-regionov-rossii-ot-ekonomiki-do-kachestva-zhizni/? ysclid=mn7t2ulosr542658063 (data obrashcheniya: 18.03.2026).

12. Dzhedzhelava I. E. Obespechenie bezopasnosti i uluchshenie kachestva zhizni naseleniya kak osnovnaya zadacha gosudarstvennoj politiki // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2012. № 2. S. 1–11.

13. Miller D. Dzh. Analiz po kriteriyu «zatraty-vygody» // Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya / per. s angl.; obshch. red. S. A. Batchikova i S. Yu. Glaz'eva. M.: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'», 1998. S. 333–373.

14. Pojster T. H. Kontrol' proizvoditel'nosti: sistemy, pokazateli, analiz // Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya / per. s angl.; obshch. red. S. A. Batchikova i S. Yu. Glaz'eva. M.: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'», 1998. S. 221–263.

15. Hatri G. P., Fisk D. M. Izmerenie proizvoditel'nosti v gosudarstvennom sektore // Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya / per. s angl.; obshch. red. S. A. Batchikova i S. Yu. Glaz'eva. M.: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'», 1998. S. 197–221.

16. Shavachina E. S., Lizina O. M. Investicionnye vozmozhnosti i investicionnye riski rossijskih regionov // Kontentus. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. 2017. № 6 (59). S. 1–7.

17. Evstifeeva A. R. Faktory formirovaniya investicionnogo klimata regiona // Vestnik PAGS. 2011. № 4. S. 174–178.

18. Sivash O. S., Vel'gosh N. Z. Metodicheskie podhody k formirovaniyu i ocenke rejtinga investicionnoj privlekatel'nosti regiona // Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii. 2022. № 3. S. 70–81.

19. Knyazeva I. V., Shevcova E. V. Marketing territorij. Novosibirsk: SibAGS, 2007. 200 s.

20. Kurikov V. M., Tashlanova V. M. Metodologiya ocenki investicionnoj privlekatel'nosti regiona // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2019. № 5–1. S. 99–103.

21. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — dekabr' 2025 goda. M.: GIAC MVD Rossii, 2026. 64 s.

22. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. Ya. Suharev. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1984. 415 s.

23. Kovrigin V. S. K voprosu o ponyatii obshchestvennoj bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 4 (76). S. 86–91.

24. Gabdrahmanov R. L. Prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti: uchebnoe posobie. M.: Mosk. un-t MVD Rossii, 2003. 85 s.

25. Gir'ko S. I. Obshchestvennaya bezopasnost' Rossijskoj Federacii: sostoyanie i dal'nejshie shagi razvitiya // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 8. S. 3–8.

26. Kardashova I. B. Ob obshchestvennoj bezopasnosti // Administrativnoe pravo i process. 2008. № 2. S. 27–30.

27. Maksimov S. V., Pavlinov A. V. Proekt Model'nogo zakona SNG «Ob obshchestvennoj bezopasnosti»: nedostatki i predlozheniya po dorabotke // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2023. № 1. S. 12–17.

28. Proletenkova S. E., Belikov A. P. O konceptual'nyh osnovah obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1 (96). S. 249–259.

29. Kratkaya harakteristika prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — dekabr' 2025 goda. URL: https://mvd.rf/reports/item/77848182/ (data obrashcheniya: 15.03.2026).

30. Ishmuratov P. N. Aktual'nye voprosy obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v sovremennyh usloviyah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 11. S. 211–215.

Информация об авторах

В. Б. Коробов — доктор социологических наук, профессор.

А. А. Кобозев — доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. B. Korobov — Doctor of Science (Sociologic), Professor.

A. A. Kobozev — Doctor of Science (Law), Associate professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 16.04.2026; одобрена после рецензирования 16.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 16.04.2026; approved after reviewing 16.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 110–116.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 110–116.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342:314.7

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА И РЕЖИМА ПРЕБЫВАНИЯ БЕЖЕНЦЕВ В РЯДЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Светлана Владимировна Мягкова[1], Евгений Николаевич Хазов[2]
[1, 2] Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] myagkovas83@mail.ru
[2] evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы и особенности правового статуса беженцев в ряде зарубежных государств. Анализируются правовые механизмы по обеспечению конституционных прав и свобод беженцев. Предлагаются варианты решения проблем, связанных с совершенствованием правового положения беженцев в современной России, основываясь на положительном опыте зарубежных стран.*

Ключевые слова: *правовой статус беженцев, конституционные права и свободы, иностранные граждане, лица без гражданства, конституционные гарантии, обеспечение прав и свобод беженцев*

Для цитирования: *Мягкова С. В., Хазов Е. Н. Особенности правового статуса и режима пребывания беженцев в ряде зарубежных государств // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 110–116.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF REFUGEES IN A NUMBER OF FOREIGN COUNTRIES

Svetlana V. Myagkova[1], Evgeny N. Khazov[2]
[1, 2] Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia
[1] myagkovas83@mail.ru
[2] evg.hazow@yandex.ru

Abstract. *The article discusses the current issues and features of the legal status of refugees in a number of foreign countries. Legal mechanisms for ensuring the constitutional rights and freedoms of refugees are analyzed. Solutions to problems related to improving the legal status of refugees in modern Russia are proposed based on the positive experience of foreign countries.*

Keywords: *legal status of refugees, constitutional rights and freedoms, foreign citizens, stateless persons, constitutional guarantees, ensuring the rights and freedoms of refugees*

For citation: *Myagkova S. V., Khazov E. N. Features of the legal status of refugees in a number of foreign countries. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:110–116 (In Russ.)*

© Мягкова С. В., Хазов Е. Н., 2026

Тяжелые жизненные ситуации, а также боевые действия (специальная военная операция на Украине, далее опосредованная война между Ираном и Израилем) вынуждают жителей покидать родные края, уезжать не только в иные государства, но и на далекие континенты. Такая складывающаяся ситуация задает мировым сообществам актуальность вопроса, касающегося особенностей правового статуса и режима пребывания беженцев не только в России, но и в ряде зарубежных стран. Данное обстоятельство стимулирует развитие разветвленной системы международно-правовых норм, которые в совокупности образуют самостоятельную отрасль — право международной миграции. По своей сути, эта отрасль представляет собой свод принципов и правил, регламентирующих сотрудничество стран в сфере трансграничного перемещения населения [1].

Фундаментом международно-правовой основы статуса беженцев являются Конвенция о статусе беженцев, принятая в г. Женеве в 1951 г. (далее — Конвенция)[1], и Протокол от 31 января 1967 г., касающийся статуса беженцев, подписанный в г. Нью-Йорке (далее — Протокол)[2]. Конвенция и Протокол закрепляют развернутую дефиницию понятия «беженец». Под ним подразумевается лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений может стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства и находится вне страны своей гражданской принадлежности.

Одну из ключевых и координирующих ролей в регулировании правового статуса беженцев занимает Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее — УВКБ ООН), созданное под эгидой ООН в качестве института международной защиты и решения всех проблем, касающихся беженцев в мировом пространстве (обеспечение прав и благополучия беженцев; нахождение безопасного убежища в другой стране и последующее его получение с возможностью дальнейшего добровольного возвращения в страну исхода; интеграция беженцев в новой стране или их переселение в третью страну). Так, УВКБ ООН является одной из крупнейших гуманитарных структур в мире, которая оказывает помощь иностранным гражданам, нуждающимся в защите.

Согласно информации УВКБ ООН по делам беженцев, к 20 июня 2025 г. количество вынужденных переселенцев из числа беженцев во всем мире превысило 120 млн — это примерно один человек из 67 жителей планеты. Каждую минуту из-за конфликтов, преследований или угрозы жизни с места жительства уходят 20 человек. «От Судана до Украины и от Гаити до Мьянмы рекордное количество людей спасаются бегством, в то время как поддержка иссякает», — заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в своем послании. В 2025 г. УВКБ ООН помогло беженцам, спасающимся от возобновившегося насилия в восточной части Демократической Республики Конго, кроме этого, предоставило помощь беженцам из Южного Судана, а также защитило более миллиона афганцев, которые вернулись или были депортированы из Ирана и Пакистана [2].

Самая высокая концентрация беженцев по состоянию на декабрь 2025 г. зарегистрирована в Австралии, Дании, Германии, Скандинавских государствах и Франции.

Первые переселенцы-беженцы из Европы в Австралию (самый маленький материк в мире) стали прибывать еще в XVII–XVIII вв. Затем сюда начали «приплывать» иностранцы из разных регионов мира — Южной и Северной Америки, Азии (Сирии, Ливии), Африки. В XX в. австралийские власти приняли особый законодательный акт, который регулирует и обеспечивает права мигрантов. К 2025 г. большинство беженцев, прибывших в страну, приехали из Египта, Ирана, Турции, Сирии и Ливана [3].

Иностранные граждане, желающие получить политическое убежище на Зеленом континенте — в Австралии, обязаны дождаться решения миграционных органов страны происхождения. При этом ежегодно в Австралию поступает примерно пять тысяч заявлений об установлении статуса беженца, однако их число значительно отличается от количества ходатайств о предоставлении политического убежища.

Основным моментом, на которое следует обратить внимание иностранцам при подаче документов на получение статуса беженца в Австралии, является отсутствие у заявителя действующей визы, выданной в рамках специальной гуманитарной программы. В 2026 г. для беженцев, пребывающих в Австралию, потребуется специальная виза с кодом 200. Так, для получения статуса беженца в Австралии необходимо правильно выбрать соответствующий тип визы. Виза 200 (Refugee) оформляется

[1] Конвенция о статусе беженцев: принята 28 июля 1951 г. в г. Женеве. СССР присоединился к Конвенции 13 ноября 1992 г., ратификация 14 ноября 1992 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Протокол, касающийся статуса беженцев: подписан в г. Нью-Йорке 31.01.1967. Документ вступил в силу для России 02.02.1993. URL: http://www.mid.ru (дата обращения: 13.02.2026).

исключительно в случае, когда ООН уверенна в существовании серьезных оснований для получения такого рода виз. Данная категория визы применяется по рекомендации Верховного комиссара ООН по делам беженцев, если в стране происхождения наблюдается масштабная катастрофа или кризисная ситуация либо идет острое вооруженное противостояние (вооруженный конфликт). К другим типам виз в Австралии относят: 201 — специальный гуманитарный статус; 202 — специальная гуманитарная программа, для участия в которой необходим спонсор из Австралии; 203 — срочная виза; 204 — «женщины в безопасности»; 866 — статус, который хочет получить иностранец, прибывший в страну законным способом и просящий убежище уже в отделе миграции на месте. Чтобы получить статус беженца в Австралии по разным мотивам, необходимо четко разбираться в том или ином виде беженских виз.

Процедура рассмотрения заявления на предоставление статуса беженца в Австралии подразделяется на несколько этапов. Они между собой взаимосвязаны и пропускать ни один из этапов нельзя. Должностные лица Департамента иммиграции при оценке ходатайств принимают во внимание такие аспекты, как масштаб преследования; наличие по соседству со страной происхождения аппликанта других государств, которые могут предоставить защиту; уровень дискриминации; степень имеющихся связей с австралийским государством.

Согласно базе статистических данных УВКБ ООН аппликатами на получение статуса беженца в Австралии были лица из Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, Северной Африки и Среднего Востока, Черной Африки [3].

Королевство Дания в отношении беженцев претерпело в последние годы значительных изменений. Это связано с глобальными вызовами, включая военные конфликты. С учетом этих факторов правительство страны с 2025 г. разработало новые стратегии, направленные на упрощение процесса иммиграции в Данию для тех, кто нуждается в международной защите. Основное внимание уделяется созданию более гибкой системы, которая учитывала бы индивидуальные обстоятельства беженцев, а также обеспечивала бы их интеграцию и адаптацию в общество страны. Таким образом, одним из основных аспектов новой политики Правительства Дании в отношении беженцев является улучшение условий их пребывания, предоставляя им доступ к образованию, медицинской помощи, трудоустройству и комфортному проживанию в Сандхольме (Сандхольм — это центр по приему беженцев в Дании).

Кроме того, Дания предлагает программы профессиональной подготовки для беженцев, что позволяет им развивать навыки, востребованные на рынке труда. Такие инициативы помогают не только в получении работы, но и в создании чувства уверенности и самостоятельности.

Психологическая поддержка — еще один важный элемент для беженцев. Поскольку именно они, пережившие травмы и стрессы, связанные с конфликтами в их родных странах, могут столкнуться с эмоциональными трудностями. В Дании действуют специализированные службы, предлагающие консультации и терапию, что способствует восстановлению психоэмоционального состояния и улучшению качества жизни. По данным УВКБ ООН, по состоянию на 2025 год зарегистрировано 87 562 беженцев [4]. Большинству беженцев в Дании с Украины, пребывание которых регламентируется специальным законом, предоставляется временное жилье, действие которого продлено до марта 2027 г. С февраля 2022 г. по январь 2026 г. Дания приняла более 65 тысяч украинцев, 40 тысяч из них зарегистрированы в соответствии с указанным законом. Правительство Дании с начала конфликта на Украине предоставляет им временное проживание с доступом к работе, жилью, здравоохранению, образованию и поддержке в интеграции, не требуя прохождения обычного процесса предоставления убежища. Как только конфликтная ситуация в стране происхождения беженца прекращается, он обязан вернуться на родину. Если обстановка на Украине перейдет в фазу деэскалации, ее гражданам придется покинуть Данию. Единственный способ остаться — это оформить вид на жительство и иметь хорошую работу с доходом не менее 375 тыс. крон (около 50 тыс. евро) в год [5].

Режим пребывания беженцев в Дании, которые получили отказ в предоставлении убежища, ограничен тем, что им необходимо вернуться на родину. При этом у несостоявшегося беженца органы власти Дании уточнят о предпочтении маршрута возвращения на родину. Иностранец, которому отказали в выдаче статуса беженца, может быть задержан, если есть подозрение, что он хочет уехать в другую страну, а не в страну исхода.

Германия занимает лишь третье место среди европейских стран по количеству беженцев. Их численность к концу 2025 г. составила 3,53 млн человек, из них, по данным правительства Германии, в 2025 г. прибыло 83 640 украинских беженцев [6].

Опыт Германии иллюстрирует комплексный подход. Помимо обеспечения временным жильем, комфортным для пребывания, и финансовой под-

держкой, здесь внедрены масштабные образовательные проекты. Ключевая роль отводится языковой адаптации: беженцы имеют доступ к бесплатным курсам с гибким графиком. Примечательна программа Integrationskurs, интегрирующая языковое обучение с усвоением социально-культурных норм.

Для того чтобы иностранный гражданин мог осуществлять трудовую деятельность на территории Германии, ему необходимо получить голубую карту Евросоюза (Blue Card EU). Данная норма закреплена в статье 9 Европейского Парламента и Совета Европейского Союза. Говоря об осуществлении трудовой деятельности беженцами на территории Германии, необходимо подчеркнуть, что они вправе работать только через 3 месяца с момента пребывания в стране. Иностранные граждане, прибывшие в Германию, имеют право на социальные выплаты, в т. ч. и получение пособий по безработице.

До сих пор украинские беженцы могли рассчитывать в Германии на пособие Burgergeld в 563 евро в месяц на человека, а также оплату арендованной квартиры, отопления и обязательной медицинской страховки. Так как беженцы из других стран получают в Германии только 441 евро в месяц и ограниченную медицинскую помощь, с 1 июля 2026 г. режим пребывания украинских беженцев, которые начали ранее лечение в немецких медучреждениях в качестве получателей Burgergeld, изменятся. Они должны будут завершить такое лечение. Новые правила предусматривают и то, что если получатель пособия пропускает встречи в центре занятости или отказывается от работы, то это обернется для него значительным сокращением выплат вплоть до их полного прекращения [7].

Согласно Женевской конвенции, граждане любой страны вправе обращаться за статусом беженца при наличии веских оснований, к числу которых относятся систематические преследования со стороны государства по причинам: политических убеждений, участия в общественных движениях, религиозных взглядов, принадлежности к определенной социальной категории либо расовой принадлежности.

Лица, вынужденные покинуть страну и переехать во Францию в связи с совершенными противоправными поступками (финансовые махинации или преступления), а также те, кто стремится улучшить свое материальное положение путем эмиграции, статус беженца не получат.

Правовой статус беженцев во Франции определяется демократическими нормами, принятыми под эгидой Евросоюза, при этом государство обязано оказывать содействие в оформлении постоянного или временного вида на жительство. До вынесения положительного или отрицательного решения в предоставлении или отказе в статусе беженца соискатель имеет право на социальную поддержку, различные виды компенсаций.

Благодаря упрощенной процедуре получения французского гражданства уже через пять лет беженцу предоставляется право на оформление паспорта гражданина этой страны.

Во Францию может переселиться не только предполагаемый беженец, подвергавшийся преследованиям в стране происхождения, но и члены его семьи (муж, жена, несовершеннолетние дети, родители, несовершеннолетние брат и (или) сестра). Дети беженцев имеют право на бесплатное образование в местных школах. Каждому беженцу, а также всем членам его семьи соответственно предоставляется единовременная финансовая помощь в размере 334 долларов. Кроме того, в течение первого года жизни во Франции каждому лицу начисляется свыше 300 долларов ежемесячно. Государство полностью покрывает все расходы на оплату аренды жилья.

Кроме этого, каждый беженец вправе получить специальный заграничный паспорт Франции для выезда за ее пределы. Подавать заявление на получение статуса беженца можно до прибытия в страну — через французское посольство в родной стране, на границе либо уже находясь внутри государства, например в аэропорту. Решающим фактором является не способ пересечения границы — легальный или нет, а лишь факт подачи ходатайства. От этого зависит последующий порядок проживания. Законные мигранты размещаются в отелях, им предоставляется свобода передвижения по территории страны. Тем, кто пересек границу незаконно, полагается приемный центр или лагерь для беженцев, где временно размещают лиц, въехавших вне закона. Выходить из этих учреждений строго запрещено.

На протяжении правления 24-го президента Франции — Франсуа Олланда (с 15 мая 2012 г. по 14 мая 2017 г.) в стране числилось 24 000 беженцев, в т. ч. примерно 2,9 тыс. россиян и 1,7 тыс. украинцев. Из них статус беженца получили лишь 25 % заявителей, остальным было отказано в предоставлении такого статуса. Всем иммигрантам, включая граждан Сирии, где проходили боевые действия, предоставляли статус беженца на один год с последующим его продлением до пяти лет. К 2025 г. в орган управления по делам беженцев во Франции (Ofpra) поступило порядка 100 000 заявлений о предоставлении убежища — это около

17 % от общего количества лиц, подавших прошения о политическом убежище. На 2026 год тенденция сохранилась в количестве пребывающих на постоянной основе беженцев из других стран. Чтобы обстановка не вышла из-под контроля, правительство французского государства усилило требования к подаче документов, а также ужесточило режим их пребывания [8].

Как мы видим, конвенция заложила основу современной системы правового статуса данной категории лиц, впервые закрепив юридическое определение термина «беженец» и установив фундаментальный принцип non-refoulement, запрещающий принудительное возвращение человека в государство, где ему грозит преследование, а также запрещает дискриминацию в отношении беженцев и закрепляет права на защиту от высылки, работу, жилье, образование, свободу передвижения, социальную помощь и др. Протокол, в свою очередь, ликвидировал временные и географические ограничения исходного документа, распространив правовую защиту на всех беженцев вне зависимости от места и времени возникновения угрозы. В результате Конвенция и Протокол, функционируя как единый механизм, сформировали универсальный правовой инструмент, отвечающий потребностям глобализирующегося сообщества.

Заметим, что правовой статус беженцев базируется на ключевых принципах международного права. Одно из центральных мест среди них занимает принцип недискриминации, гарантирующий равный доступ к правам и защите для всех беженцев независимо от их расовой, религиозной или политической принадлежности. Согласно данному принципу все лица в условиях своего вынужденного перемещения должны иметь возможность сохранять условия для достойной жизни и дальнейшего своего развития в правовом режиме реального времени.

В первую очередь, любой правовой режим — это разновидность социального режима, и он затрагивает все отрасли права. Правовой режим формируется прежде всего не только интересами самого государства, его законодательными решениями и особенностями общественных отношений, которые нуждаются в специальных подходах, формах и методах правового регулирования и юридического инструментария.

Стоит отметить, что «правовой режим» нельзя отождествлять с «механизмом правового регулирования». Так, правовой режим обретает форму и реализуется через механизм правового регулирования, который определяет общую структуру и последовательность действия правовых норм [9].

В данной статье режим пребывания рассматривается и трактуется как специфический правовой механизм, регулирующий общественные отношения, в т. ч. связанные с проживанием беженцев в принимающей стране. Он основывается на комплексе не только правовых инструментов, но и методов, регулирующих этот самый правовой механизм, а также гарантий и принципов, призванных создать благоприятную среду для удовлетворения интересов субъектов права и достижения оптимального социального порядка в определенном пространстве [10].

Таким образом, режим пребывания и условия проживания беженцев зависят от страны, куда они прибыли, и конкретной ситуации. Некоторые могут находиться в лагерях, предназначенных конкретно для беженцев, другие — в квартирах (городские беженцы), третьи — в частных домах (деревенские беженцы), четвертые — в самоорганизованных палатках, а местонахождение некоторых не определено или не известно УВКБ ООН [11].

Важно отметить, что легализационный административно-правовой статус беженца представляет собой комплексную систему прав, обязанностей и ограничений, регулирующих его взаимодействие с государством. Этот статус включает три ключевых элемента — специальные права, предусмотренные для данной категории лиц, соответствующие обязанности и меры ответственности за их нарушение. Отличительной чертой такого статуса является его инструментальный характер, он служит средством для достижения двух взаимосвязанных целей — с одной стороны, обеспечение прав иностранных граждан, а с другой — защита публичных интересов государства. Это достигается через сбалансированное сочетание разрешительных и контрольных механизмов в рамках единого правового режима [12].

Так, обоснованность пребывания в чужой стране требует от беженца документального подтверждения целей и оснований нахождения на ее территории, т. е. характера правового статуса и режима пребывания [13].

Следовательно, современные механизмы защиты режима пребывания беженцев прежде всего опираются на сплетение международных договоров. Однако речь идет не только о физической безопасности, но и о сохранении фундаментальных свобод. Так, культурные традиции и религиозные обряды становятся для беженцев «мостом» к утраченной родине, что, безусловно, смягчает травму изгнания. Не менее важно, что беженцы получают возможность отстаивать свои права в су-

дах принимающих стран, это, по сути, превращает абстрактные нормы в рабочий инструмент против произвола. Особое значение, как принято считать, имеет доступ к образованию: когда дети беженцев садятся за парты, это не просто выполнение правового обязательства, а инвестиция в их интеграцию и нормальный режим пребывания в стране [14].

Но несмотря на международно-правовое регулирование, французские власти с октября 2024 г. ужесточили режим пребывания украинских беженцев и начали выселять их из предоставленного им жилья через два года, т. к. государство больше не захотело тратить денежные средства из бюджета. Если беженцы захотят и дальше проживать во Франции, то им необходимо будет устроиться на работу и снимать жилье самостоятельно.

В Германии совсем иная ситуация относительно режима пребывания беженцев. Так, если заявление о предоставлении убежища было отклонено, то беженец обязан покинуть ее территорию добровольно в установленный законодательством страны срок. Но если беженец проигнорирует свое убытие, то ему грозит депортация. Такое предупреждение о депортации будет прописано в решении об отказе.

Правительство Дании на сегодняшний день придерживается еще более жесткой политики режима пребывания в отношении беженцев, особенно беженцев с Украины. Так, через год после предоставления им статуса беженца они должны будут начать обеспечивать себя и свою семью самостоятельно, а не претендовать на государственное пособие, если они, конечно, хотят остаться в стране.

Как мы видим, каждое государство самостоятельно определяет режим пребывания беженцев на территории своей страны посредством создания соответствующей нормативной правовой базы, которая регулирует их правовое положение, в то же время существующее мировое законодательство в данной сфере правового регулирования характеризуется комплексностью.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что современное состояние правового статуса и режима пребывания беженцев в развитых зарубежных странах требует комплексного подхода, включающего политические, экономические, социальные, экологические и территориальные аспекты. Понимание этих вызовов и активные действия в их преодолении помогут создать более устойчивое и инклюзивное общество.

Список источников

1. Конституционное государственное право зарубежных стран / Б. С. Эбзеев, Л. Т. Чихладзе, А. М. Осавелюк [и др.]. М., 2025.

2. Всемирный день беженцев: каждый 67-й житель планеты вынужден спасаться бегством. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465476 (дата обращения: 12.02.2026).

3. Получение политического убежища и статуса беженца в Австралии. URL: https://visasam.ru/emigration/australiafrica/politicheskoe-ubezhishe-v-avstralii.html (дата обращения: 12.02.2026).

4. Дания — Пражский Процесс. URL: https://www.pragueprocess.eu/ (дата обращения: 12.02.2026).

5. «Кого впускать, решаем мы»: ультиматум Копенгагина заставил украинских «беженцев» покинуть Данию. URL: https://dzen.ru/a/ZZAkvycKAQiqGXsO (дата обращения: 12.02.2026).

6. Число беженцев в Германии. URL: https://dzen.ru/a/abcCc3bKVypMgt6I (дата обращения: 12.02.2026).

7. В ФРГ введут новые правила выплаты пособий беженцам с Украины. URL: https://ria.ru/20251115/frg-2055100962.html (дата обращения: 12.02.2026).

8. Беженцы во Франции в 2026 году. URL: https://visasam.ru/emigration/europe-emigration/bezhency-vo-francii.html (дата обращения: 12.02.2026).

9. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению и противодействию преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России / А. В. Богданов, М. И. Венидиктов, В. В. Косухин [и др.]. Новосибирск, 2025.

10. Хазов Е. Н., Кулакова Е. В. Миграционная политика ряда зарубежных стран и России: сравнительно-правовой анализ // Международный журнал гражданского и торгового права. 2025. № 1. С. 38–42.

11. Мягкова С. В., Шориков Д. А. Международно-правовое регулирование миграционных процессов // Международный журнал конституционного и государственного права. 2024. № 2. С. 78–82.

12. Мягкова С. В. Временное убежище в России: основные проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 103–107.

13. Мягкова С. В., Хазова В. Е. Миграционные процессы в России: проблемы и пути их решения // Защити меня. 2024. № 2. С. 50–57.

14. Исаков В. М., Хазов Е. Н. Миграционные процессы в странах СНГ и их влияние на криминальную обстановку России // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных про-

цессов на территории государств — участников СНГ: мат-лы ежегодной международной научно-практ. конф-ции / под общ. ред. А. А. Беженцева. Санкт-Петербург, 2022. С. 121–127.

References

1. Konstitucionnoe gosudarstvennoe pravo zarubezhnyh stran / B. S. Ebzeev, L. T. Chihladze, A. M. Osavelyuk [i dr.]. M., 2025.

2. Vsemirnyj den' bezhencev: kazhdyj 67-j zhitel' planety vynuzhden spasat'sya begstvom. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465476 (data obrashcheniya: 12.02.2026).

3. Poluchenie politicheskogo ubezhishcha i statusa bezhenca v Avstralii. URL: https://visasam.ru/emigration/australiafrica/politicheskoe-ubezhishe-v-avstralii.html (data obrashcheniya: 12.02.2026).

4. Daniya — Prazhskij Process. URL: https://www.pragueprocess.eu/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

5. «Kogo vpuskat', reshaem my»: ul'timatum Kopengagina zastavil ukrainskih «bezhencev» pokinut' Daniyu. URL: https://dzen.ru/a/ZZAkvycKAQiqGXsO (data obrashcheniya: 12.02.2026).

6. Chislo bezhencev v Germanii. URL: https://dzen.ru/a/abcCc3bKVypMgt6I (data obrashcheniya: 12.02.2026).

7. V FRG vvedut novye pravila vyplaty posobij bezhencam s Ukrainy. URL: https://ria.ru/20251115/frg-2055100962.html (data obrashcheniya: 12.02.2026).

8. Bezhency vo Francii v 2026 godu. URL: https://visasam.ru/emigration/europe-emigration/bezhency-vo-francii.html (data obrashcheniya: 12.02.2026).

9. Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov po preduprezhdeniyu i protivodejstviyu prestupnosti sredi inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva na territorii Rossii / A. V. Bogdanov, M. I. Venidiktov, V. V. Kosuhin [i dr.]. Novosibirsk, 2025.

10. Hazov E. N., Kulakova E. V. Migracionnaya politika ryada zarubezhnyh stran i Rossii: sravnitel'no-pravovoj analiz // Mezhdunarodnyj zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. 2025. № 1. S. 38–42.

11. Myagkova S. V., Shorikov D. A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migracionnyh processov // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2024. № 2. S. 78–82.

12. Myagkova S. V. Vremennoe ubezhishche v Rossii: osnovnye problemy i puti ih resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 4. S. 103–107.

13. Myagkova S. V., Hazova V. E. Migracionnye processy v Rossii: problemy i puti ih resheniya // Zashchiti menya. 2024. № 2. S. 50–57.

14. Isakov V. M., Hazov E. N. Migracionnye processy v stranah SNG i ih vliyanie na kriminal'nuyu obstanovku Rossii // Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii gosudarstv — uchastnikov SNG: mat-ly ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / pod obshch. red. A. A. Bezhenceva. Sankt-Peterburg, 2022. S. 121–127.

Информация об авторах

С. В. Мягкова — кандидат педагогических наук.

Е. Н. Хазов — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

S. V. Myagkova — Candidate of Science (Pedagogical).

E. N. Khazov — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026; одобрена после рецензирования 29.04.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 13.02.2026; approved after reviewing 29.04.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 117–122.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 117–122.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.81

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ: ВЫЗОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

Евгений Александрович Нестеров
Российский университет транспорта, Москва, Россия, info@ui-miit.ru

Аннотация. *В статье исследуется роль риск-ориентированного подхода как системного принципа организации контрольно-надзорной деятельности на транспорте в Российской Федерации. Рассматриваются возможные архитектуры данной модели с точки зрения потребности упорядочения нормативного массива, прогнозируются риски. На основе анализа нормативно-правовой базы, доктринальных источников и практики применения Федеральной службы по надзору в сфере транспорта раскрываются теоретико-правовые основы модели управления рисками, выявляются существующие недостатки в ее реализации и предлагаются пути совершенствования. Аргументируется вывод о необходимости достижения баланса между эффективностью надзора и снижением административной нагрузки на субъекты хозяйственной деятельности, а также потребность повышенного внимания к вопросам юридической квалификации нарушений с учетом категории риска. Особое значение придается цифровизации контрольно-надзорных функций и развитию профилактической модели взаимодействия государства и бизнеса.*

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, управление рисками, контрольно-надзорная деятельность, транспортная безопасность*

Для цитирования: *Нестеров Е. А. Юридическая архитектура риск-ориентированного контроля в транспортной сфере: вызовы дифференциации и категоризации // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 117–122.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGAL ARCHITECTURE OF RISK-BASED CONTROL IN THE TRANSPORT SECTOR: CHALLENGES OF DIFFERENTIATION AND CATEGORIZATION

Evgeny A. Nesterov
Russian University of Transport, Moscow, Russia, info@ui-miit.ru

Abstract. *The article examines the role of the risk-based approach as a systemic principle of the organization of control and supervisory activities in transport in the Russian Federation. Based on a set of cognitive methods, the key of which was the dialectical method, based on a formal legal approach, and the method of interpretation, the hypothesis of the need for a scientifically based, practice-oriented model of a risk-based approach is argued. Based on the analysis of the regulatory framework, doctrinal sources and application practices of the Federal Service for Supervision of Transport (Rostransnadzor), the theoretical and legal foundations of the risk management model are revealed, existing shortcomings in its implementation are identified and ways of improvement are proposed. The author argues that it is necessary to achieve a balance between the effectiveness of supervision and reducing the administrative burden on business entities, as well as issues of legal qualification of violations, taking into account the risk category. Particular importance is attached to the digitalization of control and supervisory functions and the development of a preventive model of interaction between the state and business.*

Keywords: *risk-based approach, risk management, control and supervisory activities, transport security*

For citation: *Nesterov E. A. Legal architecture of risk-based control in the transport sector: challenges of differentiation and categorization. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:117–122 (In Russ.).*

© Нестеров Е. А., 2026

Реформа контрольно-надзорной деятельности, проводимая в Российской Федерации с середины 2010-х гг., представляет собой один из ключевых элементов административной и регуляторной политики государства, направленной на создание благоприятного инвестиционного климата и повышение безопасности жизнедеятельности граждан. Особое значение эти преобразования приобретают в транспортной сфере — отрасли, характеризующейся высокой степенью рисков, значительной социальной ответственностью и сложной инфраструктурной взаимосвязанностью. В этой связи риск-ориентированный подход становится не просто методологическим инструментом, а системным принципом организации государственного контроля и надзора на транспорте [1].

Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон № 248-ФЗ) закрепил переход от карательной модели к профилактической, в которой центральное место занимает оценка рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям[1]. При этом реализация риск-ориентированного подхода в транспортной сфере требует не только формального соблюдения положений закона, но и глубокого понимания специфики отраслевых угроз, а также разработки адекватных организационно-правовых механизмов, способных обеспечить как безопасность перевозок, так и правовую определенность для субъектов предпринимательства [2, 3].

Настоящее исследование преследует своей целью попытку комплексного анализа правового и организационного аспектов применения риск-ориентированного подхода в транспортной сфере. Целью работы является выявление теоретических и правоприменительных проблем при реализации модели управления рисками, а также формулирование предложений по ее совершенствованию с учетом современных отечественных вызовов и международного опыта.

Прежде чем мы перейдем к осмыслению содержания юридической архитектуры риск-ориентированного контроля в транспортной сфере, следует тезисно обозначить ее нормативные правовые основы. Так, риск-ориентированный подход как принцип организации контрольно-надзорной деятельности впервые был закреплен в российском законодательстве в рамках административной реформы. Однако системное правовое регулирование данного института началось с принятия Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ[2], который ввел в отдельные кодифицированные и иные нормативные правовые акты понятие «категории риска». Однако окончательное оформление риск-ориентированного подхода как общего принципа произошло с вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ, ставшего «каркасным» актом в сфере госконтроля.

На основании системного толкования положений Закона № 248-ФЗ (ст. 22 и др.) контрольные (надзорные) мероприятия могут проводиться только в отношении объектов, отнесенных к установленным категориям риска. При этом статья 23 Закона № 248-ФЗ обязывает контрольные органы разработать и применять индикаторы риска нарушения обязательных требований — параметры, которые, сами по себе не являясь нарушениями, с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии таких нарушений [4, с. 465].

На транспорте детализация общих положений Закона № 248-ФЗ осуществляется через совокупность подзаконных актов Правительства Российской Федерации, утверждающих положения о видах транспортного контроля (надзора). К числу ключевых актов относятся:

– постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 991 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области железнодорожного транспорта»[3];

– постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 1043 «О федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве»[4];

[1] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ст. 5020.

[2] О внесении изменений в статьи 7 и 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 № 246-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29, ст. 4355.

[3] См.: Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области железнодорожного транспорта: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 991 (в ред. от 10.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5379; 2025. № 5, ст. 350.

[4] См.: О федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле

– постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2025 г. № 1380 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности»[1].

В каждом из этих актов закрепляются критерии отнесения объектов контроля к категориям риска, определяются периодичность и виды контрольных мероприятий в зависимости от категории риска, а также вводятся специальные режимы контроля — обязательный мониторинг и постоянный рейд.

Так, например, в соответствии с требованиями Положения, утвержденного постановлением № 991, выездная проверка в отношении объектов, отнесенных к категории чрезвычайно высокого риска, проводится один раз в год, а в отношении объектов умеренного риска — инспекционный визит один раз в пять лет[2]. Подобная градация позволяет направлять ограниченные ресурсы надзорных органов на наиболее опасные участки транспортной системы.

Далее предлагаем обратить внимание на теоретико-правовое содержание модели управления рисками. В частности, модель управления рисками в транспортной сфере ранее исследовалась нами [5] и в самом общем виде представляет собой многоуровневую систему, включающую следующие основные элементы:

а) категории риска причинения вреда — качественная оценка потенциальной угрозы, которая определяет интенсивность контроля;

б) индикаторы риска — признаки, позволяющие прогнозировать вероятность нарушений;

в) условия учета рисков при проведении контрольных мероприятий — дифференциация форм и периодичности контроля;

г) допустимый уровень риска — порог, за которым вмешательство государства становится необходимым.

Центральным элементом этой модели является матрица рисков, построенная на двух осях: тяжести возможных последствий и вероятности их наступления. В транспортной сфере тяжесть последствий оценивается по шкале от А до Е (А — максимальная тяжесть, Е — минимальная), а вероятность — по шкале от 1 до 6 (1 — высокая вероятность, 6 — низкая). Пересечение этих параметров формирует интегральные категории риска — А 1, Б 2, В 4 и т. д. [6].

Однако, как отмечают исследователи, данная система хотя и носит качественный характер, но это не исключает субъективности при отнесении объекта к той или иной категории. По мнению В. И. Майорова и В. И. Лисеенко, качественная оценка риска является основным носителем субъективности принимаемых решений [6, с. 50]. Вместе с тем переход к количественной оценке требует разработки сложных методик, верифицируемых статистических данных и автоматизированных систем поддержки принятия решений — задача, которая пока не решена в полной мере.

Важным теоретическим достижением последних лет стало понимание риск-ориентированного подхода не как инструмента минимизации контроля, а как механизма оптимизации распределения надзорных ресурсов. Как верно подчеркивает С. А. Агамагомедова, риск-ориентированный подход позволяет сделать государственный контроль (надзор) «умным», экономичным, более направленным и сфокусированным, основанным на доминировании профилактики нарушений обязательных требований [4].

Между тем анализ практики применения риск-ориентированного подхода Ространснадзором выявляет как положительные тенденции, так и существенные системные недостатки.

К позитивным аспектам можно отнести:

– во-первых, снижение количества плановых проверок в отношении субъектов с низким уровнем риска, что способствует «разгрузке» добросовестного бизнеса;

– во-вторых, внедрение профилактических мероприятий — предостережений, консультирования, профилактических визитов;

– в-третьих, развитие дистанционных форм контроля, включая обязательный мониторинг и использование цифровых платформ;

– в-четвертых, усиление межведомственного взаимодействия и перекрестного информирования [7].

Однако в правоприменении сохраняется ряд структурных проблем.

(надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве»): постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2021 № 1043 (в ред. от 27.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. III), ст. 5421; 2025. № 35, ст. 5215.

[1] См.: Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности: постановление Правительства Российской Федерации от 05.09.2025 № 1380 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 36, ст. 5370.

[2] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области железнодорожного транспорта: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 991 (в ред. от 10.07.2025).

1. Отсутствие категорирования обязательных требований.

Одной из ключевых проблем, имеющих теоретико-правовую природу, является то, что обязательные требования, в отношении которых осуществляется контроль, не подвергаются дифференциации по степени опасности. Требования формулируются как закрытые перечни и применяются одинаково ко всем субъектам, вне зависимости от категории риска, на что ранее обращалось внимание в литературе [8]. Это создает трудности при квалификации нарушений: одно и то же нарушение может повлечь как предупредительную меру, так и привлечение к административной ответственности, без четкой связи с уровнем риска.

В этой связи у нас возникает резонный вопрос: почему само требование, нормативно сформулированное, привязанное к объекту контроля, не попадает ни в какую категорию юридической оценки? Убеждены, что представляется необходимым ввести двойную категоризацию обязательных требований:

1) требования, несоблюдение которых влечет риски чрезвычайно высокого и высокого уровней — контроль за ними должен осуществляться в рамках административно-юрисдикционного производства (с возможностью привлечения к ответственности);

2) требования, связанные с умеренными и низкими рисками — контроль за ними может осуществляться в рамках контрольно-надзорного производства с преобладанием профилактических мер.

Такой подход обеспечил бы соответствие между уровнем риска и мерой правового воздействия.

2. Неоднородность объектов внутри одной категории риска.

Как показывает анализ матрицы рисков, внутри одной категории могут находиться объекты с принципиально разным уровнем опасности. Например, объект с максимальной тяжестью последствий (А) и низкой вероятностью нарушения (5) может быть отнесен к категории «умеренного риска» (А 5), в то время как объект с минимальной тяжестью (Е) и высокой вероятностью нарушения (3) — к категории «среднего риска» (Е 3). При этом средний риск предполагает более частые проверки, чем умеренный, что логически необоснованно с точки зрения охраны прав граждан. В юридической литературе ранее обращалось внимание на значимость нахождения баланса административной нагрузи [9].

Эта проблема требует пересмотра методики построения матрицы рисков с учетом приоритета тяжести последствий над вероятностью в случаях, когда речь идет об угрозе жизни и здоровью граждан.

3. Избыточное подзаконное нормативное правовое регулирование.

Реализация риск-ориентированного подхода сопровождается значительным количеством подзаконных нормативных правовых актов, в т. ч. содержащих бланкетные нормы, отсылающие к иным нормативным документам. Это снижает прозрачность правового регулирования и затрудняет ориентацию участников данных правоотношений, субъектов предпринимательства в требованиях, подлежащих исполнению [10].

В этой связи актуальна задача проведения регуляторной гильотины и систематизации обязательных требований по каждому виду транспорта в единые, структурированные и открыто публикуемые перечни.

На основе обозначенных уязвимых сторон модели управления рисками попробуем предложить отдельные меры ее совершенствования. Так, для повышения эффективности риск-ориентированного подхода в транспортной сфере предлагаем следующее.

Во-первых, введение двойной категоризации обязательных требований. Для этого следует законодательно закрепить двухуровневую систему обязательных требований:

а) требования критической важности — касающиеся безопасности жизни и здоровья, транспортной безопасности, экологических рисков. Нарушения этих требований должны повлечь за собой меры административной (а в некоторых случаях уголовной) ответственности;

б) требования операционного характера — касающиеся оформления документации, внутренних процедур. Нарушения этих требований, как нам представляется, подлежат устранению в рамках профилактических мероприятий без немедленного привлечения к ответственности.

Во-вторых, развитие количественных методов оценки рисков. Полагаем, что следует поэтапно переходить от качественной к полуколичественной и количественной оценке рисков с использованием:

– статистических данных о дорожно-транспортных происшествиях, авариях, нарушениях;

– алгоритмов машинного обучения для прогнозирования рисков на основе больших данных;

– интеграции с отраслевыми информационными системами (Госавтоинспекция МВД России, Росавиация, Росморречфлот и др.).

В-третьих, расширение полномочий по самоконтролю и саморегулированию. В частности, в категориях умеренного и низкого риска возможна передача функций контроля самим субъектам

хозяйствования или их объединениям. Это соответствует мировой практике и способствует развитию корпоративной ответственности.

В-четвертых, цифровизация и автоматизация контрольных процессов. Так, цифровизация, предусмотренная главой 4 Закона № 248-ФЗ, должна быть доведена до логического завершения. Все контрольные мероприятия, как думается, обязаны быть зарегистрированы в Едином реестре контрольных мероприятий, а отсутствие записи в реестре должно влечь ничтожность мероприятия. Это будет служить надежной гарантией от коррупционных проявлений [11].

Наконец, в-пятых, совершенствование кадровой политики в надзорных органах. Деятельность инспекторов должна быть основана не только на знании норм права, но и на компетенциях в области риск-менеджмента, анализа данных, коммуникаций и профилактики. В этой связи целесообразно разработать федеральный образовательный стандарт специалитета по направлению «Контрольно-надзорная деятельность на транспорте и обеспечение безопасности», ориентированный на подготовку специалистов нового поколения [12, с. 394–395].

Таким образом, риск-ориентированный подход в сфере транспортного контроля и надзора представляет собой современный и необходимый инструмент баланса между обеспечением безопасности и снижением административной нагрузки. Однако его эффективность напрямую зависит от степени юридической определенности, прозрачности критериев оценки рисков и адекватности мер реагирования.

Настоящее исследование позволило выявить ключевые уязвимые места в действующей модели управления рисками и предложить пути их устранения. Реализация этих предложений с большой долей вероятности позволит сформировать гибкую, предсказуемую и ориентированную на результат систему надзора, отвечающую как интересам государства, так и потребностям бизнеса.

Будущее контрольно-надзорной деятельности на транспорте за «умным», про-активным контролем, в котором риск-ориентированный подход выступает не формальным фильтром, а живым механизмом управления рисками, базирующимся на данных, доверии и ответственности.

Список источников

1. Артеменко Е. А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 94–120.

2. Репьев А. Г. Систематизация транспортного законодательства: концепция, практика, техника // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 12. С. 46–59.

3. Репьев А. Г. Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 29–34.

4. Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 4. С. 460–467.

5. Корякин В. М., Нестеров Е. А. Правовые и теоретико-методологические основы применения риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля (надзора) на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2022. № 4 (44). С. 103–115.

6. Майоров В. И., Лисеенко В. И. Совершенствование государственного контроля и надзора в сфере транспорта: внедрение риск-ориентированного подхода // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 3. № 3. С. 48–58.

7. Зайкова С. Н. Об отдельных направлениях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения транспортной безопасности на железнодорожном транспорте // Lex russica. 2023. Т. 76. № 6 (199). С. 79–89.

8. Чаплинский А. В., Плаксин С. М. Управление рисками при осуществлении государственного контроля в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 7–29.

9. Погребская С. А. Проблемы снижения административной нагрузки на бизнес: опыт взаимодействия системы торгово-промышленных палат Московской области и контрольно-надзорных органов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 28–31.

10. Исаев М. М. Проблема дублирования полномочий органов, осуществляющих надзор за соблюдением обязательных требований при перевозках пассажиров автобусами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 93–97.

11. Стахов А. И. Ключевые элементы структуры административного контрольно-надзорного производства, осуществляемого в России // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 117–127.

12. Нестеров Е. А., Репьев А. Г., Репьева А. М. Развитие транспортной юридической науки и образования: современные реалии, предстоящие вызовы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 393–396.

References

1. Artemenko E. A. Risk-orientirovannyj podhod kak sposob minimizacii korrupcii v kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. № 2 (49). S. 94–120.

2. Rep'ev A. G. Sistematizaciya transportnogo zakonodatel'stva: koncepciya, praktika, tekhnika // Zhurnal rossijskogo prava. 2025. T. 29. № 12. S. 46–59.

3. Rep'ev A. G. Teoriya unifikacii transportnogo prava: vozmozhnye modeli i tekhniko-yuridicheskie slozhnosti // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 2 (50). S. 29–34.

4. Agamagomedova S. A. Risk-orientirovannyj podhod pri osushchestvlenii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: teoreticheskoe obosnovanie i problemy primeneniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. № 4. S. 460–467.

5. Koryakin V. M., Nesterov E. A. Pravovye i teoretiko-metodologicheskie osnovy primeneniya risk-orientirovannogo podhoda pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) na transporte // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2022. № 4 (44). S. 103–115.

6. Majorov V. I., Liseenko V. I. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v sfere transporta: vnedrenie risk-orientirovannogo podhoda // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. T. 3. № 3. S. 48–58.

7. Zajkova S. N. Ob otdel'nyh napravleniyah sovershenstvovaniya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v oblasti obespecheniya transportnoj bezopasnosti na zheleznodorozhnom transporte // Lex russica. 2023. T. 76. № 6 (199). S. 79–89.

8. Chaplinskij A. V., Plaksin S. M. Upravlenie riskami pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya v Rossii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2016. № 2. S. 7–29.

9. Pogrebskaya S. A. Problemy snizheniya administrativnoj nagruzki na biznes: opyt vzaimodejstviya sistemy torgovo-promyshlennyh palat Moskovskoj oblasti i kontrol'no-nadzornyh organov // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2018. № 2. S. 28–31.

10. Isaev M. M. Problema dublirovaniya polnomochij organov, osushchestvlyayushchih nadzor za soblyudeniem obyazatel'nyh trebovanij pri perevozkah passazhirov avtobusami // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 5. S. 93–97.

11. Stahov A. I. Klyuchevye elementy struktury administrativnogo kontrol'no-nadzornogo proizvodstva, osushchestvlyaemogo v Rossii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3. S. 117–127.

12. Nesterov E. A., Rep'ev A. G., Rep'eva A. M. Razvitie transportnoj yuridicheskoj nauki i obrazovaniya: sovremennye realii, predstoyashchie vyzovy i perspektivy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 2 (70). S. 393–396.

Информация об авторе

Е. А. Нестеров — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. A. Nesterov — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 11.03.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 123–130.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 123–130.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 343.34:004.738

ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Маргарита Юрьевна Пучнина[1], Ангелина Максимовна Холодова[2]
[1] Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, masloy100@mail.ru
[2] Отдел № 3 Следственного управления УМВД России по г. Курску, Курск, Россия, kholodova.angel05@yandex.ru

Аннотация. *В статье исследуются цифровые угрозы и риски, связанные с распространением экстремистской идеологии в сети Интернет, через призму положений раздела 2 (п. 6–33) Стратегии противодействия экстремизму. Показано, что специфика интернет-пространства качественно изменяет формы и последствия экстремистской деятельности, придавая ей сетевой и транснациональный характер. На основе интерпретации стратегических установок выделяются ключевые направления деструктивной активности в онлайн-среде: информационно-психологическое воздействие, радикализация отдельных социальных групп, использование национального и религиозного факторов, маскировка экстремистской деятельности под легальные общесоциальные проекты. Отдельное внимание уделено анализу рисков оперативного, системного и технологического характера, а также их кумулятивного эффекта в киберпространстве.*

Ключевые слова: *экстремизм, интернет-пространство, цифровые угрозы, риски, экстремистская идеология, терроризм, Стратегия противодействия экстремизму, информационная безопасность, радикализация, киберпространство, онлайн-экстремизм*

Для цитирования: *Пучнина М. Ю., Холодова А. М. Цифровые угрозы и риски распространения экстремистской идеологии в сети Интернет: интерпретация положений стратегии противодействия экстремизму // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 123–130.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

DIGITAL THREATS AND RISKS OF THE SPREAD OF EXTREMIST IDEOLOGY ON THE INTERNET: INTERPRETATION OF THE PROVISIONS OF THE COUNTERING EXTREMISM STRATEGY

Margarita Yu. Puchnina[1], Angelina M. Kholodova[2]
[1] Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, masloy100@mail.ru
[2] Department No. 3 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Kursk, Kursk, Russia, kholodova.angel05@yandex.ru

Abstract. *The article examines the digital threats and risks associated with the spread of extremist ideology online, through the prism of Section 2 (paragraphs 6–33) of the Counter-Extremism Strategy. It is shown that the specific features of the Internet qualitatively change the forms and consequences of extremist activity, giving it a networked and transnational nature. Based on the interpretation of strategic guidelines, key areas of destructive activity in the online environment are identified: information and psychological influence, radicalization of certain social groups, the use of national and religious factors, and the disguise of extremist activity as legal social projects. Special attention is paid to the analysis of operational, systemic, and technological risks, as well as their cumulative effect in cyberspace.*

Keywords: *extremism, Internet space, digital threats, extremist ideology, terrorism, Counter-Extremism Strategy, information security, radicalization, cyberspace, online extremism*

For citation: *Puchnina M. Yu., Kholodova A. M. Digital threats and risks of the spread extremist ideology on the Internet: interpretation of the provisions of the countering extremism strategy. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:123–130 (In Russ.)*

© Пучнина М. Ю., Холодова А. М., 2026

Современные цифровые технологии, обеспечивая беспрецедентные возможности для обмена информацией, одновременно открыли новые каналы для распространения деструктивных идеологий. Виртуальная среда, характеризующаяся анонимностью пользователей, отсутствием географических границ и высокой скоростью передачи данных, активно эксплуатируется радикальными структурами для вербовки сторонников и пропаганды экстремистских идей. Подобные тенденции формируют устойчивые риски как для отдельных граждан, так и для национальной безопасности в целом. В этой связи особую значимость приобретает анализ потенциальных угроз, позволяющий выработать адекватные меры противодействия.

В первом полугодии 2025 г. было зарегистрировано 1137 преступлений экстремистской направленности, что на 38,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (819 преступлений). Доля преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, в первом полугодии 2025 г. составляет 68 % (766 преступлений), 2024 г. — 60 % (491 преступление)[1].

В контексте выявления угроз и рисков, связанных с распространением экстремизма в интернет-пространстве, необходимо учитывать положения Указа Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (далее — Стратегия). Данный документ определяет ключевые направления профилактики деструктивной деятельности, включая систематический мониторинг цифровой среды (социальных сетей, мессенджеров, форумов, видеохостингов), оперативное выявление и пресечение противоправного контента, а также развитие механизмов взаимодействия государственных органов с ИТ-компаниями, правоохранительными структурами и институтами гражданского общества для своевременной нейтрализации экстремистских проявлений в сети.

Рассматривая правовые основы противодействия экстремизму в сети Интернет, следует детально проанализировать положения раздела 2, п. 6–33 Стратегии[2].

В первую очередь экстремистская деятельность в сети Интернет подрывает конституционный строй, единство и территориальную целостность Российской Федерации (п. 6). Интернет, обеспечивая анонимность и широту охвата аудитории, становится инструментом для распространения экстремистской идеологии, разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, дестабилизации общественно-политической обстановки. Сложность противодействия онлайн-экстремизму обусловлена многообразием его форм и неоднородностью состава сетевых сообществ (п. 7). Различные экстремистские организации, действуя в виртуальном пространстве, координируют свои усилия, что значительно усиливает их деструктивный потенциал (п. 8). Особую опасность для национальной безопасности представляет поддержка и стимулирование онлайн-экстремизма из-за рубежа (п. 9), когда внешние центры влияния целенаправленно используют цифровое пространство для дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Используя возможности глобальной сети, иностранные государства, транснациональные структуры и аффилированные с ними организации обеспечивают финансовую, информационную и организационную подпитку экстремистской деятельности, распространяют дезинформацию и фальсифицированные исторические сведения, подрывают доверие к государственным институтам и наносят ущерб культурно-историческому наследию России, формируя у пользователей искаженное представление о ее роли в мировой истории.

Активно используются социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-платформы для радикализации отдельных социальных групп и формирования негативного общественного мнения. В результате виртуальная пропаганда экстремистских взглядов постепенно трансформируется в подготовку почвы для вовлечения пользователей в преступные сообщества и их участия в насильственных акциях. Нарастающая угроза терроризма (п. 10) тесно связана с распространением экстремистской идеологии в сети Интернет. Сетевые ресурсы используются для вербовки новых членов террористических организаций, обучения экстремистским практикам и координации террористических актов. В контексте гибридных войн (п. 11) интернет становится инструментом для вмешательства во внутренние дела России. Значительная

[1] Информационно-справочные материалы к Всероссийскому совещанию-семинару с руководителями подразделений по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России на региональном уровне по актуальным проблемам противодействия экстремистской деятельности и терроризму. М.: Главное управление по противодействию экстремизму, 2025.

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.12.2025).

часть таких деструктивных кампаний строится на целенаправленном воздействии на историческую память граждан, подмене объективной оценки прошлого навязанными интерпретациями и мифами. Через манипулирование фактами, распространение псевдоисторических нарративов и искажение ключевых событий отечественной и мировой истории формируется благоприятная информационная среда для последующего внедрения экстремистских установок, особенно среди молодежи.

Искажение истории и героизация нацизма (п. 12), активно продвигаемые некоторыми государствами в онлайн-пространстве, создают благоприятную почву для распространения экстремистских идей. Интернет используется для «ревизии» исторических фактов, формирования негативного образа России и оправдания экстремистских действий. Деятельность радикальных националистических формирований, в частности на Украине (п. 13), представляет серьезную угрозу. Украинский кризис используется для разжигания русофобии и распространения экстремистского контента в сети Интернет, что способствует радикализации отдельных пользователей (в основном молодого поколения в силу неустойчивости психики) и вовлечению их в противоправную деятельность. Связи украинских неонацистов с международными террористическими организациями усиливают опасность трансграничного онлайн-экстремизма.

Глобальные очаги нестабильности (п. 14) также способствуют росту экстремистских угроз в России. Миграционные потоки, в т. ч. виртуальные, создают риски проникновения экстремистских идей через сеть Интернет, формируются онлайн-сообщества, распространяющие радикальную идеологию. Внутренние проблемы (п. 15), такие как социальное неравенство и межнациональные противоречия, могут использоваться экстремистскими организациями для дестабилизации ситуации внутри страны. Преступления экстремистской направленности (п. 16), получая широкий резонанс в сети Интернет, дестабилизируют общественно-политическую обстановку. Важно учитывать роль сетевых ресурсов в формировании общественного мнения и предотвращать распространение экстремистского контента.

Особую опасность в контексте интернет-экстремизма представляет усиление влияния таких преступлений на национальную безопасность (п. 17). Виртуальное пространство способствует быстрому и масштабному распространению экстремистских материалов, что усугубляет ситуацию и создает угрозу для государства. Среди наиболее опасных проявлений онлайн-экстремизма следует выделить разжигание ненависти и вражды по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым признакам [1]. Интернет используется для пропаганды исключительности и превосходства одних групп над другими, в т. ч. путем распространения призывов к насилию (п. 17). Кроме того, в сети активно пропагандируется непризнание законов и власти Российской Федерации, оскорбляются государственные и религиозные символы. Это подрывает авторитет государства, способствует радикализации населения и создает благоприятную почву для развития экстремистских идей. Как уже отмечалось ранее, интернет-пространство активно используется экстремистскими и иными антиобщественными организациями для вербовки, координации противоправных действий, распространения экстремистской идеологии и финансирования экстремистской и террористической деятельности на территории нашей страны (п. 18).

Социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-платформы становятся эффективными инструментами для охвата широкой аудитории и консолидации экстремистских сообществ. Экстремистская идеология (п. 19), адаптированная к сетевому формату, становится ключевым фактором объединения и мобилизации сторонников. Распространение идей насилия и оправдание экстремистских проявлений (п. 20) в онлайн-среде способствует радикализации пользователей и создает угрозу общественной безопасности. Манипулирование общественным мнением и насаждение дезинформации (п. 21), в т. ч. дискредитация действий Вооруженных Сил Российской Федерации, становятся распространенными методами дестабилизации ситуации в стране. Организация онлайн-кампаний и провокационных акций в интернете используется для разжигания социальных конфликтов и усиления экстремистских настроений [2].

Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность (п. 22). Дети и подростки, будучи более уязвимыми к психологическому воздействию, становятся легкой мишенью для онлайн-вербовщиков. Установлено, что информационные технологии и сеть Интернет активно используются для совершенствования экстремистской деятельности и формирования все более новых конфигураций (как по форме, так и по содержанию) идеологии экстремизма и экстремистских практик как продукта массового потребления. При этом основным потребителем данного продукта являются несовершеннолетние как

наиболее активная и массовая аудитория [3]. Виртуальное пространство позволяет экстремистам использовать игровые форматы, блогерские площадки и анонимные чаты, маскируя деструктивную пропаганду под формы «развлечения», «самопознания» или «борьбы за справедливость», что существенно затрудняет ее своевременное распознавание родителями, педагогами и специалистами. При этом в процессе вербовки нередко эксплуатируются элементы национальной, этнокультурной и религиозной идентичности подростков, что подводит к более широкой проблеме использования национального и религиозного факторов для разжигания конфликтов в интернет-среде [1].

Использование национального и религиозного факторов (п. 23) для разжигания конфликтов и продвижения сепаратистских идей также активно осуществляется в интернете. Экстремистские организации создают тематические группы и сообщества, распространяют провокационный контент и стимулируют межнациональную рознь. В таких сетевых структурах формируется и тиражируется образ «врага» по национальному или конфессиональному признаку, поощряется язык вражды и насилия, создаются нарративы о якобы «исторической несправедливости» и необходимости ее радикального, в т. ч. силового, устранения. Дополнительно используются технологии таргетированной рекламы и алгоритмической подборки контента, что позволяет адресно воздействовать на отдельные этноконфессиональные группы и расширять аудиторию носителей сепаратистских и радикальных идей далеко за пределами конкретных регионов [4].

Проникновение на территорию России лиц, обученных в зарубежных радикальных центрах (п. 24), представляет угрозу распространения экстремистских идей и создания законспирированных ячеек, экстремистских и террористических организаций. Интернет используется для дистанционного обучения и координации действий террористов-одиночек. Особую опасность представляют радикально настроенные приверженцы ислама, особенно те, кто не принадлежит к традиционно мусульманским культурам, но отличается фанатичной приверженностью радикальным интерпретациям религии (п. 25) [5]. Такие индивиды легко поддаются вербовке и могут быть склонны к совершению террористических актов, в т. ч. как смертники. При этом радикализация нередко происходит преимущественно в онлайн-среде через закрытые каналы коммуникации, анонимные чаты и специализированные пропагандистские ресурсы, что создает прямую связь с влиянием экстремистских структур на миграционные сообщества и подводит к проблематике противоправной активности мигрантов.

Противоправная деятельность мигрантов (п. 26), усугубляющая межнациональные отношения, находит отражение и в онлайн-среде. Интернет используется для распространения радикальных идей среди мигрантов, их вовлечения в экстремистские организации и координации несанкционированных акций. Анонимность и трансграничный характер цифрового пространства упрощают создание устойчивых сетевых сообществ, в которых отдельные представители мигрантской среды обмениваются радикальными материалами, координируют участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях. Дополнительным фактором риска выступает использование национальных языков и закрытых групп в мессенджерах, что затрудняет мониторинг контента и своевременное выявление деструктивной активности. В условиях социальной изолированности, языкового барьера и дефицита правовой информированности часть мигрантов становится более восприимчивой к экстремистской пропаганде, предлагающей упрощенные ответы на сложные социально-экономические проблемы и формирующей протестные установки. В результате создаются предпосылки для переноса конфликтов из виртуального пространства в реальную среду, что негативно сказывается на состоянии межнациональных отношений и уровне общественной безопасности в принимающем обществе.

Обратимся к молодежи. Общеизвестно, что она наше будущее, и именно от нее зависит, каким станет мир в ближайшие десятилетия. Сегодняшние молодые люди являются носителями свежих идей, инновационного мышления и смелости, которые необходимы для решения насущных вопросов. Они способны взглянуть на привычные вещи с новой точки зрения и внести изменения, которые могут кардинально улучшить качество жизни [6]. Однако наряду с высоким потенциалом созидательной активности молодежь характеризуется и повышенной чувствительностью к социальным, политическим и информационным вызовам, что делает ее одной из наиболее привлекательных целевых аудиторий для экстремистских структур, действующих в онлайн-среде [7].

Молодежь (п. 27) остается приоритетной целевой группой для онлайн-вербовки. Экстремисты используют интернет для привлечения членов неформальных молодежных объединений, провоцируя их на совершение противоправных действий.

Для достижения этих целей активно задействуются популярные среди молодых людей социальные сети, видеоплатформы, игровые сервисы и мессенджеры, где радикальный контент маскируется под элементы протестной культуры, развлечения или «альтернативного» просвещения. Особый акцент делается на темах социальной несправедливости, неравенства возможностей и утраты доверия к институтам власти, что позволяет вовлекать молодых людей в деструктивную повестку под лозунгами защиты прав и свобод или участие в гражданском активизме [8]. В этой связи особый интерес для экстремистских структур представляют молодежные общественные и культурные инициативы, включая спортивные и околоспортивные сообщества, которые становятся удобной площадкой для последующего внедрения радикальной идеологии. Распространение радикализма в спортивной среде (п. 28) также имеет онлайн-измерение. Интернет используется для пропаганды экстремистских идей среди спортсменов и вовлечения их в радикальные группы. Наиболее уязвимыми оказываются фанатские объединения и любительские спортивные сообщества, где культивируются агрессивные формы поведения, а радикальные призывы подаются под видом «командной солидарности», «борьбы за честь клуба» или противостояния «чужим». В виртуальной среде вокруг спорта формируются закрытые чаты и форумы, в которых происходит постепенное смещение от субкультурной идентичности к принятию экстремистских установок, что обусловливает необходимость детального рассмотрения механизмов и этапов вербовки в радикальные структуры.

На первоначальных этапах вербовки широко используются технологии психологического воздействия, формирование иллюзии причастности к «особому» или «элитарному» сообществу, что особенно значимо для подростков и молодежи, находящихся в поиске социальной идентичности и признания. В результате создаются условия для постепенной радикализации установок и поведения, перехода от символической поддержки протестной риторики в интернете к участию в незаконных акциях и другим противоправным формам активности.

Информационно-психологическое воздействие (п. 29) на население, осуществляемое иностранными спецслужбами, активно ведется в онлайн-пространстве. Деструктивная деятельность иностранных неправительственных организаций (п. 30), маскируемая под гуманитарные проекты, также задействует интернет для продвижения своих целей. Онлайн-платформы используются для организации протестных акций и распространения пропагандистских материалов.

Распространение экстремистской идеологии среди заключенных (п. 31) может осуществляться через онлайн-каналы коммуникации, несмотря на ограничение доступа к интернету в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Дополнительным источником угрозы выступают попытки использования запрещенных средств связи, а также опосредованная передача информации через третьих лиц, имеющих неограниченный доступ к цифровой среде и поддерживающих контакт с осужденными. В результате экстремистские структуры получают возможность сохранять влияние на лиц, отбывающих наказание, продолжать их идеологическую обработку и использовать пенитенциарную среду как ресурс для формирования устойчивых радикальных сообществ.

Маскировка экстремистской деятельности (п. 32) под различные проекты позволяет радикалам проникать в органы власти и общественные организации. Интернет используется для легализации экстремистских идей и расширения сферы влияния. Экстремистские структуры создают псевдообщественные объединения, благотворительные фонды, экспертно-консультационные площадки и медийные проекты, декларирующие социальную, культурную или просветительскую повестку, но фактически служащие каналами распространения радикальной идеологии. В онлайн-пространстве подобные проекты используют профессионально оформленные сайты, аккаунты в социальных сетях и краудфандинговые платформы, формируя у целевой аудитории иллюзию легитимности, общественной поддержки и соответствия правовым нормам. За счет этого происходит постепенное размывание границы между законной гражданской активностью и скрытой экстремистской деятельностью, что затрудняет ее своевременное выявление, общественное осуждение и правовую оценку. Учитывая такие формы конспирации и «растворения» радикальных идей в привычных для граждан форматах онлайн-взаимодействия, особую значимость приобретает анализ совокупных последствий экстремистских проявлений для политической, социальной и информационной сфер.

Последствия экстремистских проявлений (п. 33) затрагивают все сферы общественной жизни, что требует комплексного подхода к противодействию экстремизму в онлайн-пространстве. Они проявляются в подрыве доверия к государ-

ственным институтам, росте социального напряжения, фрагментации общества по идеологическим, национальным и религиозным линиям, а также в деградации информационной среды, где нормализуются язык вражды и оправдание насилия. В этих условиях актуализируется необходимость переосмысления и конкретизации стратегических установок государственного противодействия экстремизму применительно к цифровой среде, что логично подводит к анализу положений раздела 2 Стратегии и их интерпретации с учетом специфики интернет-пространства.

При рассмотрении положений раздела 2 (п. 6–33) Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124, важно учитывать, что исходный текст документа носит общий характер и не содержит детализированных механизмов противодействия экстремизму именно в цифровой среде. Однако заложенные в нем принципы и направления были интерпретированы и адаптированы применительно к интернет-пространству с учетом его специфики: анонимности, трансграничности и скоростного распространения информации. Данный подход не противоречит духу документа, он расширяет его практическое применение. Таким образом, проведенный анализ не является буквальным толкованием Стратегии, а представляет собой адаптированную модель ее реализации в условиях современных киберугроз.

Рассмотрев основные угрозы, связанные с деструктивной деятельностью в интернет-пространстве, перейдем к анализу порождаемых ими рисков. Эти два понятия, хотя и взаимосвязаны, имеют принципиальные различия: если угроза представляет собой потенциальную опасность, то риск — это вероятность ее реализации с учетом возможных последствий [10].

Специфика рискогенных факторов в киберпространстве:

1. Риски оперативного характера: стремительная радикализация пользователей через алгоритмы персонализации контента; лавинообразное распространение запрещенных материалов благодаря механикам шеринга; формирование устойчивых деструктивных сообществ в закрытых чатах и т. д. [11].

2. Риски системного воздействия: эрозия традиционных ценностных ориентиров у молодежи; подрыв доверия к государственным институтам через массированные информационные атаки; дестабилизация социальной обстановки путем координации противоправных действий [12].

3. Технологические риски: использование криптографических средств для конспирации; автоматизация пропаганды через чат-ботов и нейросети; применение методов социальной инженерии для вербовки.

Особую опасность представляет кумулятивный эффект, когда отдельные риски усиливают друг друга. Например, сочетание анонимности коммуникации с таргетированной подачей контента существенно повышает вероятность вербовки. При этом традиционные профилактические меры часто оказываются малоэффективными в цифровой среде, требующей специальных подходов. Динамика рисков характеризуется постоянной трансформацией: ежегодно появляются новые платформы для распространения запрещенного контента, меняются методы маскировки экстремистских материалов, совершенствуются технологии обхода блокировок и т. д. Это обусловливает необходимость постоянного мониторинга и адаптации мер противодействия с учетом меняющейся интернет-среды. При этом особое внимание следует уделять превентивным мерам, направленным на снижение базовых факторов уязвимости пользователей.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что распространение экстремистской идеологии в интернет-пространстве формирует сложную систему взаимосвязанных угроз и рисков, обладающих ярко выраженной цифровой спецификой. В этой связи представляется целесообразным обобщить и структурировать результаты проведенного анализа, выделив наиболее значимые направления проявления угроз и рисков в цифровой среде:

1. Специфика интернет-пространства (анонимность, трансграничность, скорость распространения информации) создает уникальные условия для экстремистской деятельности, не учитываемые в полной мере базовым текстом Стратегии.

2. Анализ показал необходимость разработки специализированных мер, включающих: совершенствование технологий мониторинга сетевого трафика, создание механизмов оперативного реагирования, развитие международного сотрудничества в цифровой сфере.

3. Практическая реализация положений Стратегии в интернет-пространстве требует дополнительной нормативной регламентации, подготовки специализированных кадров и развития технической инфраструктуры. Особое значение имеет выявленная необходимость постоянного обновления методов противодействия в соответствии с динамично развивающимися цифровыми технологиями [13].

Все вышеперечисленное обусловливает важность создания гибкой системы адаптации нормативных положений к изменяющимся условиям киберпространства. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки специализированных подходов к противодействию экстремизму в сети Интернет. Перспективным представляется формирование комплексной межведомственной и междисциплинарной модели противодействия, объединяющей правовые, организационные, технические и социокультурные инструменты обеспечения информационной безопасности. Реализация такой модели позволит повысить эффективность государственной политики в указанной сфере и снизить совокупный уровень экстремистских рисков в цифровой среде.

Список источников

1. Поляков М. Б. Национальная безопасность: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление. СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. 166 с.

2. Игнатов А. Н. Современные трансформации экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы противодействия экстремизму, русофобии и украинскому неонацизму: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (Симферополь, 3 мая 2024 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 68–72.

3. Игнатов А. Н. Виртуализация угрозы экстремизма и ее отражение в субкультуре несовершеннолетних // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 3. С. 106–110.

4. Ильницкий А. С. Механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 83–86.

5. Волгушев Г. В., Герасимова Е. В. Проблемы радикальной интерпретации религии как источника политического насилия // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 20–1. С. 114–118.

6. Автомонова М. В. Молодежь — это наше будущее. URL: https://www.ranepa.ru/news/m-v-avtomonova-molodezh-eto-nashe-budushchee/ (дата обращения: 10.12.2025).

7. Мурадов М., Кумекова А. Молодежь — будущее страны // Символ науки. 2024. № 4–1–1. С. 104–105.

8. Абрамян С. К., Нескородова И. С., Соловьев В. С. Противодействие вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность через информационно-коммуникационную сеть Интернет: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 60 с.

9. Соловьев В. С. Характеристика групп и сообществ экстремистской направленности в социальных сетях Интернет // Человек. Религия. Право. Экстремизм: теория и практика противодействия (Екатеринбург, 25 июня 2014 г.). Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. С. 181–185.

10. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10–15.

11. Болычев Н. И. Противодействие экстремизму в сети Интернет: реализация норм доктрины информационной безопасности Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3–3. С. 252–255.

12. Францифоров Ю. В., Шинкарук В. М. Расследование преступлений экстремистской направленности // Правовая парадигма: научно-юридический журнал. Волгоград: Волгоградский юридический университет. 2020. № 2. Т. 19. С. 57–63.

13. Глазкова Л. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникации и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. М.: Московский государственный юридический ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. Т. 16. № 12 (133). С. 167–176.

References

1. Polyakov M. B. Nacional’naya bezopasnost’: uchebnoe posobie dlya obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki 38.04.04 Gosudarstvennoe i municipal’noe upravlenie. SPb.: Naukoemkie tekhnologii, 2025. 166 s.

2. Ignatov A. N. Sovremennye transformacii ekstremizma i terrorizma // Aktual’nye problemy protivodejstviya ekstremizmu, rusofobii i ukrainskomu neonacizmu: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Simferopol’, 3 maya 2024 g.). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 68–72.

3. Ignatov A. N. Virtualizaciya ugrozy ekstremizma i ee otrazhenie v subkul'ture nesovershennoletnih // Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. 2025. № 3. S. 106–110.

4. Il'nickij A. S. Mekhanizm kriminogennogo vozdejstviya kriminal'noj ideologii v seti Internet // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. № 8. S. 83–86.

5. Volgushev G. V., Gerasimova E. V. Problemy radikal'noj interpretacii religii kak istochnika politicheskogo nasiliya // Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike. 2015. № 20–1. S. 114–118.

6. Avtomonova M. V. Molodezh' — eto nashe budushchee. URL: https://www.ranepa.ru/news/m-v-avtomonova-molodezh-eto-nashe-budushchee/ (data obrashcheniya: 10.12.2025).

7. Muradov M., Kumekova A. Molodezh' — budushchee strany // Simvol nauki. 2024. № 4–1–1. S. 104–105.

8. Abramyan S. K., Neskorodova I. S., Solov'ev V. S. Protivodejstvie vovlecheniyu molodezhi v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' cherez informacionno-kommunikacionnuyu set' Internet: uchebnoe posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2022. 60 s.

9. Solov'ev V. S. Harakteristika grupp i soobshchestv ekstremistskoj napravlennosti v social'nyh setyah Internet // Chelovek. Religiya. Pravo. Ekstremizm: teoriya i praktika protivodejstviya (Ekaterinburg, 25 iyunya 2014 g.). Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2014. S. 181–185.

10. Sushkova I. A. Sootnoshenie i vzaimosvyaz' ponyatij «vyzov», «opasnost'», «ugroza», «risk» // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. 2018. № 4 (33). S. 10–15.

11. Bolychev N. I. Protivodejstvie ekstremizmu v seti Internet: realizaciya norm doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. 2017. № 3–3. S. 252–255.

12. Franciforov Yu. V., Shinkaruk V. M. Rassledovanie prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti // Pravovaya paradigma: nauchno-yuridicheskij zhurnal. Volgograd: Volgogradskij yuridicheskij universitet. 2020. № 2. T. 19. S. 57–63.

13. Glazkova L. V. Prestupleniya ekstremistskoj napravlennosti, sovershaemye s ispol'zovaniem sfery telekommunikacii i komp'yuternoj informacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. M.: Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij un-t imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2021. T. 16. № 12 (133). S. 167–176.

Сведения об авторе

М. Ю. Пучнина — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. Yu. Puchnina — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 131–136.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 131–136.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.81:343.97

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Михайловна Репьева
Российский университет транспорта, Москва, Россия, anna-repeva@yandex.ru

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ реализации принципов правоохранительной деятельности в сфере обеспечения транспортной безопасности. С учетом специфики транспортной безопасности в работе раскрываются особенности реализации таких принципов, как: законность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства; профессионализм; соразмерность мер принуждения; непрерывность, последовательность, своевременность в принимаемых мерах; взаимодействие и координация правоохранительных и контролирующих органов. Автором на основании юридической доктрины, положений нормативных правовых и правоприменительных актов делается вывод о том, что формальное закрепление принципов не обеспечивает их системную реализацию, в свою очередь, это порождает фрагментарность контрольно-надзорных мер. В работе систематизируются типичные пробелы правоприменения и предлагаются направления по повышению эффективности реализации принципов правоохранительной деятельности в сфере обеспечения транспортной безопасности.*

Ключевые слова: *транспортная безопасность, правоохранительная деятельность, принципы правоохранительной деятельности, законность, межведомственное взаимодействие, координация*

Для цитирования: *Репьева А. М. Реализация принципов правоохранительной деятельности при обеспечении транспортной безопасности // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 131–136.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT IN ENSURING TRANSPORT SECURITY

Anna M. Repyeva
Russian University of Transport, Moscow, Russia, anna-repeva@yandex.ru

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the implementation of the principles of law enforcement in the field of transport security. Taking into account the specifics of transport security, the article explores the implementation of such principles as legality, balance of individual, public, and state interests, professionalism, proportionality of coercive measures, continuity, consistency, and timeliness in the implementation of measures, and cooperation and coordination between law enforcement and regulatory agencies. Based on legal doctrine, regulatory legal acts, and law enforcement acts, the author concludes that the formal establishment of principles does not ensure their systematic implementation, which leads to the fragmentation of control and supervisory measures. The paper systematizes typical gaps in law enforcement and suggests ways to improve the effectiveness of implementing the principles of law enforcement in the field of transport security.*

Keywords: *transport security, law enforcement, principles of law enforcement, legality, interagency cooperation, professionalism, coordination*

For citation: *Repyeva A. M. Implementation of the principles of law enforcement in ensuring transport security. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:131–136 (In Russ.).*

© Репьева А. М., 2026

В современных условиях динамичного развития транспортного комплекса и усложнения структуры потенциальных угроз обеспечение транспортной безопасности выступает одним из магистральных направлений государственной политики, неразрывно связанным с реализацией конституционных гарантий и законных интересов личности. Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее — Закон о транспортной безопасности) закреплен комплекс мер правового, организационного и контрольно-надзорного характера, направленных на защиту объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства[1]. Вместе с тем эффективность указанных мер напрямую зависит от качества реализации принципов правоохранительной деятельности, которые, по своей сути, образуют концептуальную основу функционирования всей системы защиты транспортного комплекса.

Сразу укажем, что, присоединяясь к мэтрам теории государства и права относительно фундаментального характера принципов, служащих исходными, определяющими идеями и установками, которые составляют и сущностную, и организационную основу любой деятельности [1, с. 156], в статье «принципы деятельности государственных органов» и «принципы правоохранительной деятельности» нами рассматриваются как синонимичные словосочетания. Итак, основываясь на анализе толкования термина «принцип», подходов к содержанию деятельности государственных органов, отметим, что принципы правоохранительной деятельности стоит рассматривать как основные идеи и исходные начала, положения, детерминирующие организацию и функционирование уполномоченных государственных органов.

Применительно к сфере транспортной безопасности данные принципы приобретают отраслевую специфику, поскольку их реализация осуществляется в условиях повышенной технической сложности, необходимости поиска баланса между безопасностью и бесперебойностью транспортного процесса. Кроме того, процесс обеспечения транспортной безопасности подразумевает участие широкого круга субъектов: от федеральных органов исполнительной власти, специализированных организаций в области обеспечения транспортной безопасности до субъектов транспортной инфраструктуры.

Исходя из исследования доктринальных подходов и нормативной базы[2], а также с учетом специфики транспортной безопасности, укажем, что в рамках научной статьи мы рассматриваем особенности реализации следующих принципов:

1) законность;

2) соблюдение баланса интересов личности, общества и государства;

3) профессионализм;

4) соразмерность мер принуждения;

5) непрерывность, последовательность, своевременность принимаемых мер;

6) взаимодействие и координация правоохранительных и контролирующих органов.

Каждый из указанных принципов не носит абстрактного характера, а находит свое выражение в конкретных институтах, к примеру, категорировании объектов, оценке уязвимости, подготовке и аттестации лиц, обеспечивающих транспортную безопасность, досмотровых мероприятиях, применении мер ответственности и пр.

Вместе с тем объективно полагать, что нормативное закрепление принципов в федеральных законах и подзаконных актах не гарантирует их системной реализации на правоприменительном уровне. В рамках представленного научного труда обратим внимание на отдельные аспекты, препятствующие эффективному воплощению принципов в деятельность по обеспечению транспортной безопасности.

Итак, принцип законности при обеспечении транспортной безопасности часто нивелируется из-за неопределенности составов административных правонарушений и их дублирования. Подтвердим выдвигаемый тезис примером. Как справедливо отмечает в научных исследованиях С. Н. Зайкова, и это подтверждается практикой, к примеру, на воздушном транспорте сохраняется дублирование ответственности по ч. 1 ст. 11.15.1 и ч. 1 ст. 11.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[3], что порождает право-

[1] О транспортной безопасности: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7, ст. 837; 2025. № 31, ст. 4658.

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024), ст. 4 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3851; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4928; О транспортной безопасности: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 31.07.2025), ст. 3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7, ст. 837; 2025. № 31, ст. 4658.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства Российской Фе-

вую коллизию и усложняет квалификацию деяний [2, с. 57]. В доктрине подчеркивается, что принцип законности в правоохранительной деятельности не сводится к простому следованию букве закона, а требует системного толкования норм, исключающего двойственное регулирование и пробельность [3, 4]. На практике это означает, что сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, осуществляя досмотровые мероприятия или фиксируя нарушения, нередко сталкиваются с ситуацией, когда одно и то же деяние может быть квалифицировано по разным статьям КоАП РФ, что влечет различный размер санкций и процедурные последствия. Подобная правовая неопределенность напрямую снижает профилактический потенциал норм и создает почву для субъективизма при привлечении к ответственности.

Отмеченная выше и иная рассогласованность актуализируют необходимость приведения КоАП РФ в соответствие с Единой системой требований транспортной безопасности. В первую очередь, именно шаги законодателя по анализу и выявлению, а также устранению подобного рода диссонансов значительно повысят эффективность реализации принципа законности при обеспечении транспортной безопасности. Следовательно, требуется не просто редакционное изменение диспозиций статей КоАП РФ, а разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно приоритета так называемых специальных норм транспортной безопасности над общими [5].

Частично вытекающий из предыдущего принципа и имеющий с ним общие начала принцип соблюдения баланса интересов личности, общества и государства при обеспечении транспортной безопасности также не лишен изъянов в применении. К примеру, стоит отметить, что усиление контрольно-досмотровых мероприятий, направленных на минимизацию террористических рисков, неизбежно затрагивает конституционные права граждан на свободное передвижение, неприкосновенность частной жизни и своевременное оказание транспортных услуг. В научной литературе справедливо указывается, что баланс интересов в правоохранительной деятельности должен предполагать динамическую корректировку мер в зависимости от уровня угрозы и категории объекта [6]. Вместе с тем на практике при проведении досмотровых мероприятий на объектах транспортной инфраструктуры зачастую применяются единые алгоритмы контроля, не учитывающие специфику пассажиропотока, технические возможности и временные ограничения перевозок.

В результате возникает ситуация, когда чрезмерные меры безопасности приводят к длительным очередям, срыву графиков движения и экономической неэффективности транспортных операций. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. прямо указывает на необходимость обеспечения доступности и бесперебойности транспортного обслуживания при одновременном повышении уровня защищенности[1]. Для минимизации дисбаланса необходимо рассмотреть возможность внедрения дифференцированной модели контроля, предусматривающей ускоренные процедуры для категорий граждан с подтвержденным низким уровнем риска (к примеру, путем биометрической верификации), а также четко регламентировать пределы изъятия личных вещей, временные нормативы проведения досмотра и пр. Только при таком подходе принцип баланса интересов перестанет быть декларативным и станет рабочим инструментом правоприменительной деятельности.

Принцип профессионализма в сфере обеспечения транспортной безопасности выступает системообразующим фактором, определяющим качество исполнения должностных обязанностей субъектами транспортной безопасности. Закон о транспортной безопасности устанавливает обязательные требования к подготовке и аттестации лиц, осуществляющих досмотр, дополнительный досмотр и наблюдение, однако практика демонстрирует существенные пробелы в реализации данного нормативного предписания. Профессионализм персонала на объектах транспортной инфраструктуры должен быть обусловлен не формальным подтверждением квалификации, а сформированностью практических компетенций и стрессоустойчивостью в экстремальных условиях. На практике регулярно фиксируются: допуск неаттестованных специалистов, использование устаревших методик досмотра, недостаточное владение техническими средствами и процессуальные ошибки при оформлении документации. Указанные недостатки существенно снижают результативность проводимых мероприятий и порождают правовые риски необоснованного привлечения к ответственности. Для

[1] О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р (ред. от 06.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50, ст. 8613; 2024. № 46, ст. 6991.

дерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1; Российская газета. 29 мая. 2026.

закрепления профессионализма в качестве устойчивого безусловного стандарта необходима стандартизация программ переподготовки в сочетании с внедрением наставничества, межведомственных учений и независимого аудита качества подготовки кадров.

Принцип соразмерности мер принуждения имеет особое значение и специфический контекст при обеспечении транспортной безопасности. Данный тезис обоснован тем, что правоохранительные органы обладают широким спектром компетенций, связанных с применением вышеуказанных мер для предотвращения и пресечения правонарушений на объектах транспортной инфраструктуры. На практике данный принцип часто нарушается в ситуациях, когда сотрудники применяют максимальные ограничительные меры к пассажирам, не представляющим реальной угрозы, либо, напротив, игнорируют признаки потенциально опасного поведения, руководствуясь формальным подходом к проверке документов. Особенно остро проблема соразмерности проявляется при применении мер административного задержания, изъятии вещей, отстранении от участия в перевозке и пр. Принцип соразмерности требует от правоприменителя учета категории объекта транспортной инфраструктуры, уровня террористической опасности, поведенческих признаков лица, наличия технических средств выявления угроз и возможности применения менее ограничительных альтернатив. Только при наличии прозрачных критериев соразмерности меры принуждения перестанут восприниматься как произвол и станут действенным инструментом обеспечения транспортной безопасности.

Эффективность принципа непрерывности, последовательности, своевременности, объективности в принимаемых мерах по обеспечению транспортной безопасности также снижается, к примеру, из-за формализации досмотровых мероприятий и нарушений процессуальных гарантий. Правоприменительная практика фиксирует случаи проведения досмотров не уполномоченными на то сотрудниками, допуска в зоны безопасности лиц без установления личности, использования несертифицированных технических средств, а также существенные процессуальные нарушения при фиксации доказательств (отсутствие актов осмотра, неполные протоколы, нарушение сроков извещения лиц, привлекаемых к ответственности и пр. [2, с. 57]). Подобные пробелы не только снижают превентивный потенциал административной ответственности, но и подрывают веру граждан в профессионализм и надлежащую квалификацию правоприменителей. К примеру, непрерывность требует постоянного мониторинга состояния защищенности объектов, регулярного обновления паспортов безопасности, актуализации категорирования и оперативного реагирования на изменения в оперативной обстановке. Последовательность, в свою очередь, предполагает строгое соблюдение установленных процедур: от планирования мероприятия до оформления итогового акта и контроля исполнения предписаний. Своевременность исключает затягивание сроков привлечения к ответственности, требует немедленного устранения выявленных уязвимостей и оперативного информирования смежных ведомств о потенциальных угрозах. Нарушение данных начал приводит к тому, что действия, направленные на обеспечение транспортной безопасности, становятся реактивными, что особенно критично в сфере транспорта, где скорость принятия решений напрямую влияет на жизнь и здоровье граждан.

Отдельного внимания заслуживает принцип взаимодействия и координации правоохранительных и контролирующих органов. Объясняется это следующим. Специфика транспортного комплекса связана с огромным массивом нормативной регламентации, начиная от многочисленных кодифицированных актов, регламентирующих деятельность отдельных видов транспорта, заканчивая стандартами, техническими регламентами и пр. Соответственно, контрольно-надзорные функции распределены между различными субъектами: Ространснадзором, территориальными органами МВД России, ФСБ России, Росгвардии и пр. Усложняет взаимодействие и выстраивание скоординированной профилактики отсутствие единых цифровых реестров, синхронизированных баз данных (к примеру, о категорированных объектах, аттестованных силах и результатах проверок и пр.). Типовое положение о территориальном органе МВД России предусматривает взаимодействие с иными федеральными органами и органами власти субъектов, однако на практике данный механизм часто зависит от «личной позиции руководителей» [7, с. 27] и не имеет жесткой процессуальной регламентации. Видится необходимым в данном ключе развитие единой цифровой экосистемы мониторинга транспортной безопасности, интегрирующей данные о категорировании объектов, аттестации сил, результатах проверок и инцидентах, что послужит отправным началом в налаживании процесса взаимодействия между многочисленными субъектами обеспечения транспортной безопасности. Данное направление также потребует утверждения еди-

ного регламента информационного обмена между Ространснадзором, МВД, ФСБ России и Росгвардией, предусматривающего создание совместных рабочих групп по объектам. Ежегодное обобщение правоприменительной практики, проводимое Ространснадзором, должно включать отдельный блок анализа законности применения мер ответственности, выявления типичных процессуальных нарушений и выработки методических рекомендаций.

Таким образом, реализация принципов правоохранительной деятельности при обеспечении транспортной безопасности представляет собой сложную многоуровневую систему, требующую согласованного применения правовых, организационных и технологических инструментов. Формальное соблюдение нормативных требований без учета доктринальной сути принципов, межведомственной координации и процессуальных гарантий не только не способствует повышению защищенности транспортного комплекса, но и зачастую снижает эффективность профилактических мер.

Своевременное противодействие актам незаконного вмешательства в деятельность транспортной системы невозможно без системной государственной политики, сочетающей четкое законодательное регулирование, цифровизацию контрольных процедур, адресную работу по предупреждению правонарушений и пр. Только при условии взаимодополнения различных механизмов возможно создать условия, способствующие устойчивому функционированию транспортного комплекса в соответствии с конституционными гарантиями безопасности личности, общества и государства. Переход от фрагментарного правоприменения к системной реализации принципов законности, баланса интересов, профессионализма, соразмерности, непрерывности и координации станет ключевым фактором повышения антитеррористической защищенности и доверия граждан к институтам транспортной безопасности.

Список источников

1. Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. 400 с.

2. Зайкова С. Н. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за нарушения требований в области транспортной безопасности // Административное право и процесс. 2025. № 5. С. 55–58.

3. Фурсеев Е. А. Принцип законности в осуществлении правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XI Международной научно-практ. конф-ции. Пенза, 2022. С. 182–184.

4. Нестеров Е. А. Правовые принципы как несущая конструкция контрольно-надзорной деятельности на транспорте: от ревизионной модели к риск-ориентированной парадигме // Труды Академии управления МВД России. 2026. № 1 (77). С. 35–43.

5. Репьев А. Г. Систематизация транспортного законодательства: концепция, практика, техника // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 12. С. 46–59.

6. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 173–179.

7. Залужный А. Г. Вопросы согласованной правоохранительной деятельности территориальных органов по обеспечению региональной безопасности // Современное право. 2025. № 8. С. 25–29.

References

1. Bajtin M. I. Voprosy obshchej teorii gosudarstva i prava. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2006. 400 s.

2. Zajkova S. N. Aktual’nye voprosy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya trebovanij v oblasti transportnoj bezopasnosti // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 5. S. 55–58.

3. Furseev E. A. Princip zakonnosti v osushchestvlenii pravoohranitel’noj deyatel’nosti v Rossijskoj Federacii // Aktual’nye voprosy yurisprudencii: sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Penza, 2022. S. 182–184.

4. Nesterov E. A. Pravovye principy kak nesushchaya konstrukciya kontrol’no-nadzornoj deyatel’nosti na transporte: ot revizionnoj modeli k risk-orientirovannoj paradigme // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2026. № 1 (77). S. 35–43.

5. Rep'ev A. G. Sistematizaciya transportnogo zakonodatel'stva: koncepciya, praktika, tekhnika // Zhurnal rossijskogo prava. 2025. T. 29. № 12. S. 46–59.

6. Borkov V. N., Moskalenko G. E. Realizaciya principa balansa interesov v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4 (57). S. 173–179.

7. Zaluzhnyj A. G. Voprosy soglasovannoj pravoohranitel'noj deyatel'nosti territorial'nyh organov po obespecheniyu regional'noj bezopasnosti // Sovremennoe pravo. 2025. № 8. S. 25–29.

Сведения об авторе

А. М. Репьева — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. M. Repyeva — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 17.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 17.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 137–144.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 137–144.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13:004

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Николай Васильевич Азарёнок[1], Сергей Андреевич Смирнов[2]
[1, 2] Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
[1] azarenok_96@mail.ru
[2] cepeja09@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования судейского убеждения в судебном заседании, проводимом с использованием видео-конференц-связи. Затронуты гносеологические основы судейского убеждения в уголовном процессе и влияние видео-конференц-связи на процесс формирования судейского убеждения в уголовном процессе. Исследуется также вопрос предоставления стороной защиты доказательств при проведении судебного заседания по видео-конференц-связи в соответствии с положениями ст. 278.1 УПК РФ.*

Ключевые слова: *оценка доказательств, доказательства, судейское убеждение, приговор, суд, стороны, видео-конференц-связь*

Для цитирования: *Азарёнок Н. В., Смирнов С. А. Особенности формирования внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 137–144.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE JUDGE'S INTERNAL CONVICTION IN ASSESSING EVIDENCE IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS USING VIDEO CONFERENCING SYSTEMS

Nikolai V. Azarenok[1], Sergey A. Smirnov[2]
[1, 2] Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
[1] azarenok_96@mail.ru
[2] cepeja09@gmail.com

Abstract. *The article discusses the problem of forming a judge's conviction in a court session conducted using video conferencing. It addresses the epistemological foundations of a judge's conviction in criminal proceedings and the impact of video conferencing on the formation of a judge's conviction in criminal proceedings. The article also explores the issue of the defense party's presentation of evidence during a video conferencing court session in accordance with the provisions of Article 278.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords: *assessment of evidence, evidence, judicial conviction, verdict, court, parties, video conference*

For citation: *Azarenok N. V., Smirnov S. A. Features of the judge's internal conviction in assessing evidence in the context of digital transformation of criminal proceedings using video conferencing systems. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:137–144 (In Russ.).*

© Азарёнок Н. В., Смирнов С. А., 2026

1. Гносеологические основы судейского убеждения и диалектика роли судей в советском и российском уголовном процессе.

Гносеологические основы судейского убеждения проистекают из теории познания Гегеля, раскрытой В. И. Лениным в классической формуле: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [1, с. 146].

Ключевыми принципами формирования судейского убеждения являются принцип объективной истины и принцип свободы оценки доказательств в уголовном процессе.

Принцип объективной истины выступает методологической основой судейского убеждения, поскольку формирование убеждения происходит в процессе доказывания. В частности, М. С. Строгович пишет: «Истина, обнаружение которой является предметом усилий следствия и суда по уголовному делу, состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц… Установление истины в уголовном процессе — это совершенно конкретная практическая деятельность, определенное звено в системе государственной деятельности, направленной на борьбу с преступностью» [2, с. 7].

Сам по себе принцип объективной истины во взаимосвязи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию в судебном заседании, устанавливает для судьи правовые рамки его деятельности в формировании судейского убеждения.

Данная мысль хорошо была раскрыта еще В. К. Случевским, который отмечал, что внутреннее судейское убеждение вытекает из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность в отношении действительности и значении тех фактов, которые были подвергнуты исследованию средствами уголовного процесса [3, с. 123].

Уверенность, вытекающая только из одних субъективных ощущений судьи, имеет значение только для мнения или предубеждения судьи и не может быть поэтому положена в основание судейского приговора.

Принцип свободы оценки доказательств является руководящим началом в формировании судейского убеждения. Оценивая доказательства, судья следует диалектической формуле познания: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике.

Таким образом, можно говорить о том, что судейское убеждение — это итоговый интеллектуально-психологический результат судебного познания, основанный на критериях, установленных, в частности, принципом объективной истины и принципом свободы оценки доказательств.

Значение судейского убеждения отмечали еще советские ученые-процессуалисты. «Что означает положение — суд судит по внутреннему убеждению, по совести? Это значит, что судьи выносят лишь такой приговор, в правильности которого они убеждены, который им подсказывает их социалистическая совесть и за который они отвечают» [4, с. 188].

А. Я. Вышинский в своей работе высказывался о времени существования принципа судейского убеждения и полагал, что свое начало он берет уже с принятия Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. По мнению автора, внутреннее убеждение судьи всегда органически связано с его мировоззрением, с его правосознанием, являющимся в данном обществе господствующим» [5, с. 165].

Сущность судейского убеждения отмечается также другими учеными-процессуалистами, например А. В. Ратинов пишет, что внутреннее убеждение — это свободное от внешнего принуждения и не связанное с формальными предписаниями искание истин [6, с. 137].

Если же гносеологические основы судейского убеждения остаются незыблемыми на сегодняшний день, то процессуальный инструментарий и предпосылки для его формирования напрямую зависят от роли, отведенной суду в конкретной модели уголовного судопроизводства.

Обращение к истории, в частности к советскому уголовному процессу, наводит на мысль о диалектическом развитии такой роли: от активной роли суда в розыскной модели процесса к арбитру, обеспечивающему состязательность и порядок в судебном заседании.

Уголовный процесс является сферой практической деятельности. Данный вывод находит свое подтверждение при анализе ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., где в качестве задач указано раскрытие преступлений и изобличение виновных.

Судейское убеждение формируется в процессе познания судом объективной действительности при помощи уголовно-процессуальных средств, иными словами, в процессе доказывания. В основе такой деятельности лежит мышление судьи, ко-

торое направлено на решение практических задач уголовно-процессуальной деятельности.

Каким образом судом осуществляется познание объективной действительности? Г. М. Резник отмечает, «что познание в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства предстает как развивающийся процесс, состоящий из ряда умственных и практических действий при их постоянном взаимопроникновении, когда каждая мыслительная операция подвергается практической проверке, а результаты практических действий осмысливаются и включаются в познавательную деятельность» [7, с. 30].

Целью же процесса доказывания как деятельности, которая имеет конечную точку, является достижение судьей внутреннего убеждения по рассматриваемому уголовному делу.

Постановление приговора и окончания рассмотрения дела по существу в советском уголовном процессе позволяет судье установить истину по делу, достигая при этом цели уголовного процесса.

М. С. Строгович в 1927 г. отмечал: «Уголовный процесс есть порядок деятельности судебно-следственных органов… этот порядок должен быть целесообразен, т. е. максимально соответствовать достижению цели…» [8, с. 95].

Далее он рассуждает: «Чем же определяется то направление, по которому движется процессуальное отношение? Сказать, что оно определяется нормами процесса, — ничего не сказать. Направление процесса определяется его целью…»

Возникает закономерный вопрос о значении цели уголовного процесса. На этот счет М. С. Строгович отмечает, что «цель уголовного процесса — это прежде всего установление фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т. е. установление по делу истины…» [9, с. 40].

Деятельность органов следствия, прокуратуры и суда при расследовании и разрешении уголовного дела не есть механическое соединение отдельных разрозненных действий: все эти действия регламентированы законом и направлены на выявление всех обстоятельств дела, на установление по делу истины.

Таким образом, цель советского уголовного процесса — установление истины по уголовному делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения и осуждения.

В советском уголовном процессе законодателем была провозглашена активная роль председательствующего по делу и необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и установления истины по уголовному делу, что исходит из анализа ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР.

Норма, предусмотренная в ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР, была не декларативной, а реальным рабочим инструментом, суд по собственной инициативе мог вернуть дело на доследование (ст. 232 УПК РСФСР), возбудить уголовное дело в отношении нового лица в судебном заседании (ст. 256 УПК РСФСР), инициировать сбор доказательств (ст. 70 УПК РСФСР).

Однако активная роль суда и его «хозяйствующее» положение в процессе имели свои недостатки. Например, как отмечает М. С. Строгович, «активная роль суда и его самостоятельное положение на деле приводило к смешению уголовно-процессуальных функций, выполнению судом не только функции решения дела, но и функции обвинения (уголовного преследования)» [10, с. 130].

Законодательная обязанность суда устанавливать все обстоятельства рассматриваемого дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР) неразрывно связывала суд, обвинителя и органы расследования единой процессуальной задачей и единой ответственностью за результаты производства по уголовному делу.

Суд нередко подменял государственного обвинителя, мог обходиться и без него, что прямо было предусмотрено действовавшим тогда уголовно-процессуальным законодательством (ст. 20, 217, 228, 248, 251 УПК РСФСР).

Тем не менее судейское убеждение рождалось в результате непосредственной и активной деятельности самого суда. Внутреннее убеждение судьи в советском уголовном процессе, по нашему мнению, формируется для последующего установления объективной истины по делу.

При таком подходе и положение суда в уголовном деле, традиционный процесс доказывания не были подвергнуты влиянию цифровых технологий, да и формула познания, раскрытая Лениным, работала.

Таким образом, в советском уголовном процессе тип судопроизводства был розыскным, что делало суд центральной фигурой не только в разрешении, но и в построении дела. Его активная роль, закрепленная в ст. 243 УПК РСФСР, была инструментом для достижения объективной истины.

Как отмечает М. С. Строгович, «по сути своей деятельность органов следствия, прокуратуры

и суда при расследовании и разрешении уголовного дела не есть механическое соединение отдельных разрозненных действий: все эти действия регламентированы законом и направлены на выявление всех обстоятельств дела, на установление по делу истины» [9, с. 30]. Он же пишет, что «цель уголовного процесса — это прежде всего установление фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т. е. установление по делу истины».

Существует также проблема, связанная с ролью суда в уголовном судопроизводстве, которая влияет на формирование судейского убеждения. В советском уголовном процессе законодателем была провозглашена активная роль председательствующего по делу и необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и установления истины по уголовному делу, что исходит из анализа ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР.

В настоящее время согласно ст. 243 УПК РФ председательствующий «руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные настоящим Кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон».

Получается ситуация, при которой если раньше председательствующий по делу обязан был установить истину по делу, исследуя все обстоятельства уголовного дела, то в современных условиях роль суда заключается в обеспечении состязательности сторон в уголовном процессе.

Данная позиция согласуется с ч. 3 ст. 15 УПК РФ, в которой указано, что «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты». Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Такая трактовка назначения судьи-председательствующего в судебном заседании породила острую дискуссию в юридической литературе, разделив авторов на сторонников и противников активной роли суда на этапе судебного следствия.

По мнению первых, «суд не должен ограничиваться ролью бесстрастного и безынициативного арбитра, равнодушного к истине, а должен предпринимать все меры к ее установлению, особенно при недостаточности или недоброкачественности доказательственного материала, представленного сторонами» [11, с. 7].

«Профессиональная судебная власть, — подчеркивает А. И. Александров, — не может быть независимой и самостоятельной, будучи полностью связанной с позицией сторон и не имея надлежащего процессуального инструментария» [12, с. 35].

Противники данного подхода подчеркивают, что «активная роль суда — достояние инквизиционного процесса. В состязательном же судопроизводстве исследование доказательств производят стороны, а судья лишь следит, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент» [13, с. 124].

Точка зрения о пассивной роли суда обосновывается тем, что стороны в ходе судебного разбирательства наделены равными правами, «и вмешательство суда в пользу одной из них скорее всего приведет к определенному уклону» [14, с. 155].

Поэтому «особая роль суда в состязательном уголовном процессе заключается в независимости и пассивности суда, проявление самостоятельности суда в собирании доказательств означает его вмешательство в деятельность сторон, что противоречит принципу состязательности» [15, с. 69].

Мы поддерживаем сторонников активной роли суда в уголовном судопроизводстве. Как уже было ранее отмечено, в советском уголовном процессе судейское убеждение формировалось поэтапно благодаря активной роли суда и необходимости достижения истины по уголовному делу. Судья мог взаимодействовать с участниками уголовного процесса и источниками доказательств лично и непосредственно, теория познания, раскрытая Лениным, не претерпевает существенных изменений.

Анализ же роли суда в современном уголовном процессе и наличие возможности применения цифровых технологий в судебном разбирательстве позволяют говорить о трансформации процесса формирования судейского убеждения. Сама по себе трансформация судейского убеждения в условиях цифровизации несет в себе проблему, поскольку происходит искажение судейского познания, где ключевые этапы — живое созерцание, абстрактное мышление, практическая оценка — оказываются разорваны во времени и пространстве.

Одной из задач настоящего исследования является демонстрация того, как судья формирует свое убеждение при использовании видео-конференц-связи (далее — ВКС). Практическое значение ранее упомянутых этапов разрыва познания состоит в том, что судья сможет приступить к исследованию доказательств лишь после удовлетворения ходатайства об их приобщении и транспортировки доказательств в суд по месту своего нахождения.

В развитии данного вывода необходимо констатировать, что разрыв в теории познания усугубляется отсутствием закрепленного в УПК РФ

алгоритма приобщения доказательств при применении в судебном заседании ВКС.

В настоящее время суды руководствуются ст. 240, 286 УПК РФ при исследовании доказательств, приобщенных при применении ВКС, но применение общих положений УПК РФ, ориентированных на обычное судебное заседание, лишь усугубляет проблему, связанную с временным разрывом теории познания.

Известно, что межличностное общение наиболее эффективно, когда оно происходит лицом к лицу. При использовании в судебном заседании технологии ВКС межличностный контакт между судьей и участниками процесса заменяется на опосредованный контакт, ограничивающий невербальную коммуникацию.

Л. Т. Ульянова в своей работе отмечает, «совершенно бесспорно, что убедительность доказательств является объективным выражением их качеств, что основой убедительности является качество доказательств. Качество доказательств существует независимо от нашего "я", от наших ощущений. Но качество доказательства может быть познано только при помощи сознания судей, через формирование их убеждения» [16, с. 63].

Более того, М. М. Гродзинский в работе «Учение о доказательствах и его эволюция» писал, что «система... свободного убеждения в настоящем ее виде приводит к тому, что судья лишен каких бы то ни было указаний и оценивает доказательства по совершенно недостаточным основаниям, каковы личный опыт и непосредственное впечатление, полученное от рассмотрения дела» [17, с. 18].

Л. Т. Ульянова в своей работе также ссылается на М. С. Строговича, где пишет, что не отрицая самого термина «внутреннее убеждение», он считал, что судебные доказательства должны быть оцениваемы по их объективным качествам. «Дело вовсе не в том, — писал М. С. Строгович, — как воспринял судья доказательство, какое убеждение у него это доказательство вызвало, а в том, чтобы судья сумел точно распознать действительное качество каждого доказательства и сделать из него объективно правильные выводы» [16, с. 63].

Однако приведенные позиции и выводы актуальны, по своей сути, для классического уголовного процесса без применения цифровых технологий. С учетом роли судьи в современном уголовном процессе и использования ВКС при рассмотрении уголовного дела происходит деформация процесса познания. Фактически классический процесс познания сталкивается с системным вызовом.

Во-первых, происходит искажение этапа «живого созерцания». В обычном судебном заседании, где все участники присутствуют лично, судья не лишен возможности непосредственного восприятия, то же касается и доказательств, которые участники процесса могут приобщить лично. В случае же, когда при рассмотрении уголовного дела применяется ВКС, то непосредственное восприятие судьей участников процесса или вещественных доказательств подменяется цифровой проекцией, зависящей от ракурса камеры, качества интернета, что исключает полноценный невербальный контакт.

Во-вторых, нарушается связь «созерцание — мышление — практика». Исследование доказательства разрывается во времени и пространстве: первоначальное «созерцание» его на экране отделено от тактильного и детального изучения, которое становится возможным лишь после доставки объекта председательствующему в суд.

Нельзя не согласиться с мнением Л. Т. Ульяновой об определении качества доказательств через внутреннее убеждение судьи. Однако, с другой стороны, использование такой цифровой технологии, как ВКС, при рассмотрении дела по существу обостряет субъективный критерий, лежащий в самом процессе оценки доказательств судьей, о чем отмечал М. М. Гродзинский.

Резюмируя, можно отметить то, что технология, использование которой сулит процессуальную экономию и эффективность, видоизменяет основные постулаты в оценке доказательств в уголовном процессе, отодвигая сам процесс оценки на более поздний этап.

Таким образом, технология ВКС, использование которой обеспечивает процессуальную экономию, по сути, создает ситуацию, когда внутреннее убеждение судьи рискует быть основанным не на «объективных основаниях» (В. К. Случевский), а на усеченном и опосредованном цифровыми технологиями восприятии.

Краеугольным камнем здесь выступает ранее упомянутая проблема отсутствия алгоритма приобщения доказательств в судебном заседании при применении ВКС.

2. Обозначение проблемы.

Анализ положений ст. 241.1 УПК РФ не позволил авторам выявить наличие законодательного урегулированного порядка приобщения доказательств при применении ВКС. В этой связи возникает проблема реализации подсудимым процессуальных прав, в частности как приобщить доказательство, ознакомиться с материалами дела,

когда председательствующий по делу находится в другом регионе.

Возникает не только сложность в реализации процессуальных прав участниками процесса, но и страдает сам процесс формирования судейского убеждения, поскольку судья сможет провести оценку доказательств лишь после того, как удовлетворит ходатайство о приобщении и доказательства будут к нему доставлены из другого суда. Технология ВКС, как уже было отмечено, трансформирует процесс познания, отодвигая этап живого созерцания доказательств судьей на более поздний срок.

Существует также проблема представления крупногабаритных доказательств в судебном заседании по ВКС, возникает вопрос, связанный с проведением исследования таких доказательств судом. Считаем, что исследование крупногабаритных доказательств, например яхты, при проведении судебного заседания посредством ВКС должно решаться на выездном судебном заседании. Анализ УПК РФ не дает прямого ответа на вопрос о порядке проведения выездного судебного заседания в случае необходимости исследования крупногабаритных доказательств при применении ВКС.

Однако обращение к ч. 2 ст. 284, ч. 2 ст. 287 УПК РФ приводит к мысли, что в УПК РФ упоминается, в каких случаях проведение выездного судебного разбирательства возможно. Организация и содержание выездных судебных заседаний в настоящее время регламентируются Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.1967 № 35 (ред. от 06.02.2007) «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения», направленном на совершенствование организации и проведения выездных судебных заседаний.

Проведение выездного заседания суда обусловлено прежде всего необходимостью личного присутствия участника процесса. В связи с этим выездное судебное заседание осуществляется по месту совершения преступления, по месту работы обвиняемого, потерпевшего, по месту проживания большинства свидетелей.

Итак, для решения обозначенной проблемы, связанной с отсутствием алгоритма приобщения и оценки доказательств по ВКС, необходимо, по нашему мнению, взять за основу изменения, вводимые законодателем ранее в части полномочий защитника в досудебном производстве. Защитникам передали тогда полномочия по сбору и приобщению доказательств, сам защитник стал признаваться субъектом собирания доказательств, что повлекло за собой дискуссии в научном сообществе, некоторые ученые усмотрели возможность проведения адвокатом расследования.

Однако здесь же следует обратить внимание на статью А. А. Давлетова, который рассматривает проблемы, связанные со ст. 159 УПК РФ, а именно: удовлетворение ходатайства защитника о приобщении доказательств следователем в случаях, когда они имеют значение для уголовного дела.

Профессор Давлетов высказывает мнение, согласно которому с учетом положений ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ в случаях, когда материалы, полученные защитником путем привлечения специалиста и опроса лица с его согласия, имеют значение для уголовного дела, специалист и опрошенное лицо подлежат допросу.

Представляется возможным применить концепцию, заявленную профессором Давлетовым, к нашей проблеме. Предлагается с целью решения проблемы оценки предоставленных доказательств при проведении судебного заседания посредством ВКС дополнить УПК РФ ст. 286.1, в которой закрепить, что в случае, если в судебном заседании, проводимом с использованием систем видео-конференц-связи, подсудимым или его защитником заявлено ходатайство о приобщении к уголовному делу доказательства, суд обязан рассмотреть такое ходатайство и, если доказательство имеет значение для уголовного дела, удовлетворить его. Доказательство, приобщенное в соответствии с частью первой настоящей статьи, подлежит доставке в суд, рассматривающий уголовное дело, в порядке и сроки, установленные судом. После доставки доказательства суд обязан обеспечить его непосредственное исследование и оценку на предмет допустимости, относимости и достоверности в судебном заседании с участием сторон. Несоблюдение требований настоящей статьи является существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Для решения проблемы, связанной с приобщением и исследованием крупногабаритных доказательств, нами предлагается расширить ч. 2 ст. 284 УПК РФ, введя порядок исследования крупногабаритных доказательств:

Часть 2.1. В случае проведения судебного заседания посредством видео-конференц-связи при заявлении ходатайства о приобщении подсудимым, защитником крупногабаритных доказательств, имеющих значение для уголовного дела, председательствующий судья рассматривает такое ходатайство, в случае его удовлетворения он обязан вынести определение об отложении судеб-

ного заседания на определенный срок. По прибытии на место, где расположено доказательство, судья объявляет о продолжении судебного заседания и непосредственно исследует доказательство на предмет допустимости, относимости, достоверности.

Список источников

1. Ленин В. И. Философские тетради. М.: Госюриздат, 1947.
2. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
3. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб., 1910. 123 с.
4. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991.
5. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950.
6. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1968. 138 с.
7. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.
8. Строгович М. С. Принципы советского уголовного процесса // Сов. право. 1927. № 1. С. 95.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т.; т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.
10. Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие (к 100-летию М. С. Строговича) // Государство и право. 1994. № 10. С. 130.
11. Ищенко Е. П., Орлов Ю. К. О недостатках действующего УПК РФ // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3. С. 7.
12. Александров А. И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 34–44.
13. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. М., 2004. Ч. I.
14. Кошелева И. В. О роли суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). М., 2007.
15. Бусыгин А. Ю. Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.
16. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Юрид. лит., 1959.
17. Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925.

References

1. Lenin V. I. Filosofskie tetradi. M.: Gosyurizdat, 1947.
2. Strogovich M. S. Material’naya istina i sudebnye dokazatel’stva v sovetskom ugolovnom processe. M., 1955.
3. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Sudoustrojstvo-sudoproizvodstvo. SPb., 1910. 123 s.
4. Strogovich M. S. Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3: Teoriya sudebnyh dokazatel’stv. M.: Nauka, 1991.
5. Vyshinskij A. Ya. Teoriya sudebnyh dokazatel’stv v sovetskom prave. 3-e izd., dop. M.: Gosyurizdat, 1950.
6. Ratinov A. R. Sudebnaya psihologiya dlya sledovatelej. M., 1968. 138 s.
7. Reznik G. M. Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke dokazatel’stv. M.: Yurid. lit., 1977.
8. Strogovich M. S. Principy sovetskogo ugolovnogo processa // Sov. pravo. 1927. № 1. S. 95.
9. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: v 2 t.; t. 1: Osnovnye polozgeniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa. M.: Nauka, 1968. 470 s.
10. Petruhin I. L. Sostyazatel’nost’ i pravosudie (k 100-letiyu M. S. Strogovicha) // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 10. S. 130.
11. Ishchenko E. P., Orlov Yu. K. O nedostatkah dejstvuyushchego UPK RF // Vestnik kriminalistiki. 2005. Vyp. 3. S. 7.

12. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika v Rossijskoj Federacii. Eshche raz o samom glavnom // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2017. № 4. S. 34–44.

13. Petruhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo processa v Rossii: v 2 ch. M., 2004. Ch. I.

14. Kosheleva I. V. O roli suda v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF). M., 2007.

15. Busygin A. Yu. Dejstvie principa sostyazatel'nosti na dosudebnom proizvodstve v Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2009.

16. Ul'yanova L. T. Ocenka dokazatel'stv sudom pervoj instancii. M.: Yurid. lit., 1959.

17. Grodzinskij M. M. Uchenie o dokazatel'stvah i ego evolyuciya. Har'kov, 1925.

Библиографический список

1. Ищенко Е. П., Орлов Ю. К. О недостатках действующего УПК РФ // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3. С. 7.

2. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2003.

Информация об авторе

Н. В. Азарёнок — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Azarenok — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 145–151.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 145–151.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.72

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ С УЧАСТИЕМ КУРЬЕРА

Надежда Анатольевна Архипова
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, akula_1983@mail.ru

Аннотация. *В статье определены особенности совершения мошенничеств, совершенных с участием курьеров. Раскрыты особенности деятельности следователя в ходе проверки сообщения о мошенничестве, совершенном с участием курьеров. На основе проведенного эмпирического исследования рассматриваются обстоятельства, подлежащие установлению в ходе проверки сообщения о преступлении, с указанием производимых следственных и процессуальных действий. Автор делает акцент на мероприятиях, связанных с установлением времени, места и иных обстоятельств совершения преступления преступной группой, в которую входит курьер.*

Ключевые слова: *проверка сообщения о преступлении, мошенничество, курьер, осмотр мета происшествия, мобильный телефон*

Для цитирования: *Архипова Н. А. Особенности проверки сообщения о мошенничестве, совершенном с участием курьера // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 145–151.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF VERIFYING REPORTS OF COURIER-RELATED FRAUD

Nadezhda A. Arkhipova
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, akula_1983@mail.ru

Abstract. *The author identifies the features of fraud committed with the participation of couriers. The article also reveals the features of the investigator's activities during the verification of a report of fraud committed with the participation of couriers. Based on the conducted empirical research, the article provides the circumstances that need to be established during the verification of a crime report, along with the investigative and procedural actions that should be taken. The author emphasizes the importance of establishing the time, place, and other circumstances of the crime committed by a criminal group that includes a courier.*

Keywords: *crime report verification, fraud, courier, scene inspection, mobile phone*

For citation: *Arkhipova N. A. Features of verifying reports of courier-related fraud. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:145–151 (In Russ.).*

© Архипова Н. А., 2026

Стремительное развитие и совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий, расширение функционала IP-телефонии, мессенджеров и методов социальной инженерии детерминировали современные возможности подготовки, совершения и сокрытия преступлений с целью хищения денежных средств у граждан.

В настоящее время способ мошенничества «родственник попал в беду» остается актуальным и одним из самых распространенных посягательств. Этот способ становится более опасным благодаря использованию новых технологий. Мошенники звонят пожилым людям или людям, переживающим личную утрату или находящимся в сложной жизненной ситуации, чтобы выстроить доверительные отношения и затем завладеть денежными средствами. Для реализации преступного замысла в преступную группу непременно вовлекается курьер, задача которого — забрать наличные деньги у обманутых потерпевших и перевести их на указанный ему банковский счет [1].

Постоянное появление новых способов преступного поведения при совершении мошенничеств, совершенных с участием курьеров, делает затруднительной оптимизацию процесса планирования мероприятий, проводимых в ходе проверки сообщения о преступлении. Вместе с тем обобщение и анализ правоприменительной практики в сфере противодействия данным мошенничествам позволяют выявлять определенные закономерности: общение мошенников с потерпевшим осуществляется дистанционно посредством сотовой связи и IP-телефонии, члены преступной группы не знают друг друга лично, организаторы осуществляют взаимодействие между участниками группы и могут находиться за пределами территории Российской Федерации, курьер выполняет указания членов группы и может осуществлять серию преступлений в нескольких регионах страны.

Знание закономерностей о формировании криминалистически значимой информации при совершении мошенничеств данным способом позволяет конкретизировать обобщенный перечень мероприятий и предложить наиболее эффективные криминалистические рекомендации и возможности применения уголовно-процессуального законодательства.

Следует отметить, что по каждому факту совершенного преступления требуется индивидуальный подход в выборе средств проведения проверки сообщения о преступлении. Предложенные мероприятия проверки сообщения о преступлении могут меняться в зависимости от изменения деталей способа совершения преступления. Они доступны следователям с разным уровнем профессиональных навыков, чтобы быстро и полно получить необходимые сведения о преступлении, а также задействовать наименьшие ресурсы.

При проверке сообщения о мошенничестве предложенные тактико-криминалистические рекомендации включают комплекс действий, направленный на установление обстоятельств совершенного преступления, сбор доказательств и выявление причастных лиц.

Получение объяснения от пострадавшего об обстоятельствах совершенного в отношении него преступления является одним из основных мероприятий проверки сообщения о преступлении. Ключевыми моментами в объяснении будут сведения о том, когда поступил звонок, кем представился звонивший, какие ложные сведения сообщил мошенник, сколько лиц участвовало в разговоре, какую сумму денежных средств указал потерпевший, каковы обстоятельства передачи денежных средств неизвестному; сообщал ли потерпевший точную сумму денежных средств неизвестному, для каких целей он передал ему эти деньги. Если передача денег осуществлялась в жилище, следует установить, когда неизвестный курьер зашел в квартиру, до каких предметов мебели или иных предметов дотрагивался, как себя вел, что сообщил о себе, задавал ли какие-либо вопросы; осведомлен ли курьер о содержимом, переданном ему, о причинах (целях) передачи ему денежных средств; как упакованы деньги; звонил ли неизвестный в момент получения денег кому-либо, что говорил.

К полученному объяснению обычно приобщаются распечатанные на бумаге скриншоты с экрана мобильного телефона опрашиваемого, отражающие дату, время поступления входящих звонков, абонентские номера, продолжительность разговора, поступившие сообщения от преступников и т. п.

При возможности следует истребовать у заявителя документ, содержащий информацию о детализации звонков, который он мог получить самостоятельно, обратившись к представителям оператора сотовой связи. Получение и фиксация подобным образом в материале проверки данной информации позволят сократить сроки проверки и оперативно принимать дальнейшие решения. Это обусловлено тем, что предусмотренная процедура истребования указанных сведений до возбуждения уголовного дела во многом носит длительный характер и имеет ряд проблемных особенностей [2, с. 18].

В ходе проверки сообщения в районе места совершения преступления могут быть установлены лица, обладающие криминалистически значимой информацией. Ими могут быть соседи и родственники пострадавшего, которые находились в квартире или в присутствии которых осуществлялась передача денег, кому заявитель мог сообщить о происшествии, чьим именем представлялся мошенник, а также очевидцы, случайно оказавшиеся вблизи места совершения преступления.

При опросе заявителя и очевидцев следует точно установить приметы внешности курьера (примерный возраст, рост, телосложение, черты лица, броские приметы и динамические признаки (походка, жестикуляция, манеры поведения)). Важно осуществить поиск камер видеонаблюдения в месте совершения преступления, а также по ходу движения указанного лица как пешком, так и на автомобиле (в последнем случае предпринимаются меры, направленные на установление транспортного средства и его владельца) [3, с. 35–36]. *Так, оперуполномоченный при просмотре видеоархива «Безопасный регион» установил, как курьер входит в подъезд и через некоторое время уходит. На видеозаписи также распознан фрагмент государственного номера автомобиля, после чего установлен водитель и опрошен*[1].

На основе показаний участников события и (или) записи с камер видеонаблюдения можно составить описание внешности курьера и изготовить субъективный портрет. Субъективный портрет проверяется по учету «Субъективные портреты разыскиваемых лиц»[2]. Данный учет позволяет проверить внешность курьера среди разыскиваемых лиц и выявить факты совершения нескольких преступлений одним лицом. Кроме того, информация о внешнем облике курьера может быть распространена среди сотрудников правоохранительных органов для осуществления поисковых мероприятий. Сведения о внешности могут быть проверены по открытым источникам информации (далее — OSINT)[3] в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 131–135].

Если курьер участвовал при совершении нескольких эпизодов мошенничества, его внешность может стать связующим элементом между этими преступлениями. Совпадение описания внешности по другим фактам мошенничества позволяет предположить причастность данного лица к серии преступлений.

Таким образом, анализ сведений о внешнем облике курьера в организации расследования мошенничеств может иметь поисковое значение, позволяет идентифицировать его личность, а также установить его причастность к совершению нескольких мошеннических действий.

Проверка сообщения о преступлении может включать в себя мероприятия, направленные на установление точной суммы ущерба и материального положения потерпевшего. Обычно по данной категории дел потерпевшими являются пожилые люди, которые передают курьеру накопленные годами наличные денежные средства. Подтвердить наличие данных денежных средств могут родственники, которые проживают совместно с заявителем. Следователь во взаимодействии с сотрудниками органов дознания при опросе пострадавшего и очевидцев выясняет сумму похищенных денежных средств с обязательным установлением количества купюр, какого номинала и как они упакованы. Возможны ситуации, когда заявитель, прежде чем отдать требуемую сумму курьеру, обращался в банк для снятия денежных средств со счета либо мог взять взаймы у соседей. При решении вопроса о значительности причиненного ущерба надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источников доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство[4]. Материальное положение заявителя может быть подтверждено ответами по запросам, направленным из различных организаций. *Например, в уголовном деле содержалась справка из Социального фонда России, согласно которой*

[1] Приговор Мытищинского городского суда (Московская область) от 27.11.2023 по делу № 1–495/2023. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] OSINT (Open Source Intelligence) — это разведка на основе открытых источников, которая позволяет собирать и анализировать информацию о человеке, компании или событии, используя данные, размещенные в общем доступе.

[4] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

потерпевшая значилась получателем страховой пенсии по старости, назначенной досрочно в связи с тяжелыми условиями труда, и компенсационной выплаты на уход. Размер установленных выплат за январь составил 37 668 рублей 31 копейку[1].

Следует учитывать, что установление точной суммы похищенных средств важно для квалификации преступления (например, определение значительного, крупного или особо крупного размера ущерба), а также для обеспечения возможности возмещения вреда, причиненного преступлением.

В ходе проверки сообщения о преступлении для фиксации обстановки места совершения преступления и его следовой картины проводится осмотр места происшествия. Местом осмотра чаще всего является квартира, подъезд, придомовая территория, где проживает пострадавший. В ходе осмотра места происшествия важно определить границы места происшествия, осуществить поиск следов пребывания курьера. Для этого целесообразно производить осмотр с участием заявителя, который может указать, в каком месте произошла встреча с курьером, место передачи денежных средств.

Важную информацию о преступлении можно получить при осмотре мобильного телефона пострадавшего, при помощи которого осуществлялось общение с мошенниками. Анализ судебно-следственной практики показал, что изучение содержимого мобильного телефона осуществлялось либо в ходе производства осмотра места происшествия, либо в ходе осмотра предметов. Осмотр информационного содержимого телефона следует производить после получения согласия от заявителя. При осмотре мобильного телефона важно обратить внимание на входящие звонки за определенный период. Про каждый звонок может быть получена информация об абонентском номере, дате, времени и месте поступления звонка, продолжительности соединения абонентов. Следует обращать внимание на продолжительный по времени разговор, в течение которого как раз и реализуются противоправные действия мошенников. Во время звонка мошенники удерживают внимание заявителя, сообщая ему ложную информацию и лишая возможности проверить информацию и связаться с родственниками. *Например, при изучении показаний потерпевшей стало известно, что женщина просила потерпевшую не класть трубку, т. к. она пишет заявление для страховой компании, сообщив, что к ней подъезжает курьер, и не разрешила класть трубку телефона. Прибывшему молодому человеку потерпевшая по указанию женщины передала 400 000 рублей, продолжая разговаривать с ней по телефону*[2].

Анализ информации о входящих звонках, помимо времени, даты и продолжительности совершения преступления, в совокупности с другими обстоятельствами позволяет сделать вывод, что рассматриваемое преступление совершалось преступной группой, состоящей из двух и более лиц, которые убеждали потерпевшего передать деньги курьеру (один из них мог представляться сотрудником правоохранительных органов, другой — родственником заявителя, которому следовало передать деньги). Их преступная связь с курьером подтверждалась тем, что они сообщали заявителю вымышленное имя курьера и согласовывали время его прибытия к месту жительства потерпевшей. Однако из всех участников преступной группы устанавливаются чаще всего курьеры.

Особое значение имеет федеральный учет «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф». Данный ресурс позволяет накапливать и использовать в расследовании сведения о местах совершения преступлений; абонентских номерах телефонов; IMEI-кодах; государственных регистрационных знаках автомашин; номерах расчетных счетов потерпевших и счетов, которые использовали преступники для перевода средств; способах совершения хищений; адресах интернет-сайтов и интернет-площадок, номерах виртуальных кошельков [5, с. 15].

В рамках проверки сообщения о преступлении могут направляться запросы в порядке ч. 4 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) о получении сведений в различные организации, такие как служба доставки такси, банки, операторы связи и т. п.

Проверочные мероприятия могут включать направление в орган дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление возможных свидетелей и очевидцев, местонахождения похищенных денежных средств, курьера и иных участников преступной группы.

Для установления лица, совершившего преступление, оперативные подразделения реализуют

[1] Приговор Свердловского районного суда Свердловской области от 03.10.2023 по делу № 1–569/2023. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Приговор Мытищинского городского суда (Московская область) от 27.11.2023 по делу № 1–495/2023. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 12.01.2026).

комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Эти меры направлены на сбор доказательств, выявление участников преступной группы и их идентификацию.

При установлении курьера, которому заявитель передал деньги, необходимо получить сведения об обстоятельствах совершенного преступления: способ его вербовки в преступную деятельность; способы его верификации и общения с другими членами группы, используемый им никнейм, абонентские номера, поступающие инструкции для исполнения поручений кураторов; каким способам добрался до места жительства потерпевшего, описание признаков внешности потерпевшего; способ получения денежных средств от пострадавшего, какая сумма, какими купюрами, в какой упаковке; способ передачи денежных средств организатору, размер обещанного и полученного вознаграждения, где находится данная сумма вознаграждения, как распорядился.

В ходе проверки сообщения о преступлении могут быть выдвинуты типичные криминалистические версии относительно личности курьера, которые могут быть классифицированы:

1) относительно характера участия курьера в преступлении и степени вовлеченности в преступную схему:

1.1) курьер действовал самостоятельно при совершении мошенничества;

1.2) курьер вовлечен в мошенническую схему преступной группой путем обещания быстрого заработка;

2) относительно степени осведомленности курьера о преступном характере действий:

2.1) мошенничество совершено осведомленным курьером;

2.2) мошенничество совершено неосведомленным курьером.

Неосведомленные курьеры относительно своего участия в преступлении могли давать пояснения, что сами стали жертвой преступления и не знали о преступном умысле мошенников, предлагавших трудоустройство в «крупной компании» курьером по перевозке ценных бумаг и документов.

Однако при наличии определенных признаков осведомленность курьера может быть доказана. В связи с этим важно сопоставить поведение курьера с определенными закономерностями, отражающими основные признаки избранного способа мошенничества по достижению преступного результата. Поэтому весьма информативны следы, указывающие на то, как курьер принят на работу без оформления документов, как попал на место совершения преступления, как получал от граждан денежные средства, какие кодовые слова использовал, какие действия по передаче денежных средств им выполнены, какие меры применял к сокрытию преступления. Именно эти средства и методы позволяют быстро распознать способ мошенничества с участием курьера, а также точнее определить основные направления выявления недостающих данных о преступлении и о его исполнителях.

Правильное определение способа совершения преступления позволяет установить, что средством совершения преступления являются электронные носители информации, в которых останутся следы, указывающие на причастность курьера к совершенному преступлению. При изучении информационного содержимого мобильного телефона курьера внимание уделяется осмотру различных приложений, используемых для совершения преступления по указанию организаторов преступления, отображающих действия курьера по распоряжению похищенными денежными средствами, наличие отчетных фотографий и иной информации (в т. ч. удаленной), подтверждающей причастность курьера к совершенному преступлению.

Анализ роли курьеров в конкретном преступлении позволяет сделать вывод, что их действия носили умышленный характер и направлены на противоправное изъятие денежных средств у граждан, которые под воздействием обмана передали им требуемую сумму денежных средств. Также они действовали по распоряжению похищенными денежными средствами: похищенные денежные средства курьеры по указанию членов преступной группы посредством банкомата переводили на свой счет или на банковский, или электронный счет мошенников, передавали неизвестному лицу (другим курьерам или дропперам), оставляли в определенном месте, перевозили в другой город.

Однако курьер получал вознаграждение за реализацию преступных действий: либо часть от суммы похищенных наличных денежных средств курьер оставлял себе (5 % или 10 %), либо получал денежные средства (зарплату) на свой банковский счет или счет электронного кошелька. *Так, курьер, получив деньги от потерпевшей, сел в свой автомобиль и с помощью мессенджера получил указание проследовать в торговый центр. В торговом центре ему позвонил неизвестный, который, увидев, как он ответил на звонок, подошел к нему*

и забрал 90 000 рублей из 100 000 рублей, похищенных у потерпевшей[1].

Изучение данных о движении денежных средств (о переводах на счета, карты или электронные кошельки, о получателях и отправителях платежей, информации об используемых платежных инструментах (например, виртуальных картах)) позволяет в ходе проверки сообщения о преступлении предпринять меры по отысканию похищенных денежных средств, а также имущества и счетов, на которые может быть наложен арест, в целях обеспечения в дальнейшем возмещения вреда потерпевшему.

Судебно-следственная практика складывается таким образом, что действия курьеров рассматриваются как мошенничество. При этом квалификация преступления зависит от размера причиненного материального ущерба (значительный, крупный и особо крупный). Курьеру вменяется вся сумма похищенных денежных средств вне зависимости от полученного вознаграждения и его роли в совершении группового преступления.

Таким образом, на своевременность принятия решения по результатам проверки сообщения о преступлении влияет специфика механизма совершения мошенничества способом «родственник попал в беду», связанная с тем, что отсутствует полная информация о роли курьера в преступной схеме; механизме взаимодействия участников преступной группы; ответы по запросам в различные организации приходят по истечении продолжительного времени.

Основными формами применения криминалистических средств в ходе проверки сообщения о преступлении являются: обнаружение, изъятие следов и иных объектов по месту нахождения заявителя (следов рук и подошв обуви); получение криминалистически значимой информации о лицах, предметах, средствах совершения преступления; изготовление субъективных портретов курьеров; выдвижение криминалистических версий на основании изучения следовой картины преступления; использование открытых источников информации и различных учетов в целях осуществления поисково-познавательной деятельности.

Список источников

1. Ревенко Н. И. Доказывание по делам о мошенничествах, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду» // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 29–37. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71792 (дата обращения: 19.05.2026).

2. Валюлин Р. Р., Козлов В. В. Расследование телефонных мошенничеств: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. 56 с.

3. Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебное пособие / Н. А. Архипова, О. В. Кругликова, А. В. Шебалин, М. О. Янгаева. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. 91 с.

4. Янгаева М. О., Павленко Н. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 131–135.

5. Гайдин А. И., Звягин И. С., Садырин И. С. Практика расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий IP-телефонии и программ подмены номеров: метод. мат-лы. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2022. 35 с.

References

1. Revenko N. I. Dokazyvanie po delam o moshennichestvah, sovershennyh sposobom «Vash rodstvennik popal v bedu» // Yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 9. S. 29–37. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71792 (data obrashcheniya: 19.05.2026).

2. Valyulin R. R., Kozlov V. V. Rassledovanie telefonnyh moshennichestv: uchebnoe posobie. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2023. 56 s.

3. Rassledovanie hishchenij, sovershennyh s ispol’zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebnoe posobie / N. A. Arhipova, O. V. Kruglikova, A. V. Shebalin, M. O. Yangaeva. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2023. 91 s.

[1] Приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 08.10.2023 по делу № 1–1148/23. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 12.01.2026).

4. Yangaeva M. O., Pavlenko N. O. OSINT. Poluchenie kriminalisticheski znachimoj informacii iz seti Internet // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 2 (38). S. 131–135.

5. Gajdin A. I., Zvyagin I. S., Sadyrin I. S. Praktika rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem tekhnologij IP-telefonii i programm podmeny nomerov: metod. mat-ly. Voronezh: Voronezhskij in-t MVD Rossii, 2022. 35 s.

Информация об авторе

Н. А. Архипова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. A. Arkhipova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 19.05.2026; approved after reviewing 16.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 152–158.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 152–158.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2/.7

ГЕНЕЗИС ПРИЗНАКА «ПУБЛИЧНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Николай Владимирович Булгаков
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, mvd.okt.bulgakov@mail.ru

Аннотация. *Настоящая статья посвящена анализу развития признака «публичность» в отечественном уголовном законодательстве, которое прошло четыре основных этапа становления с учетом проводимой политики государства. Установлено, что исследуемый признак появился достаточно поздно. Это обусловлено тем, что лишь в 1845 г. было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», имеющее четкую структуру, содержащее основные понятия и перечень конкретизированных противоправных деяний. Дальнейшая трансформация внутригосударственного права привела к тому, что «публичность» стала выступать в качестве как криминообразующего, так и квалифицирующего признака составов преступлений. Отмечается, что его содержали незначительное число общественно опасных деяний, посягающих на интересы государства и вероисповедание. Констатируется, что серьезные изменения в исследуемом направлении произошли только после принятия Уголовного кодекса РФ, имеющего новую систему ценностей (личность-общество-государство). В действующем законодательстве «публичность» выступает в качестве отягчающего наказание обстоятельства, а также криминообразующего и квалифицирующего признаков более чем в сорока составах преступлений.*

Ключевые слова: *публичность, состав преступления, квалифицирующий признак, криминообразующий признак, отечественное уголовное законодательство, уголовная ответственность*

Для цитирования: *Булгаков Н. В. Генезис признака «публичность» в отечественном уголовном законодательстве // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 152–158.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

GENESIS OF THE «PUBLICITY» IN DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION

Nikolay V. Bulgakov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, mvd.okt.bulgakov@mail.ru

Abstract. *This article analyzes the development of the «publicity» element in domestic criminal law, which has undergone four main stages of development, taking into account state policy. It has been established that this element emerged relatively late. This is due to the fact that it was only in 1845 that the «Code of Criminal and Correctional Punishments» was adopted. This clearly structured code contained key concepts and a list of specified unlawful acts. Subsequent transformations of domestic law led to «publicity» serving as both a defining and qualifying element of crimes. It is noted that it was only included in a small number of socially dangerous acts infringing on the interests of the state and religious belief. It is also stated that significant changes in this area of study occurred only after the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, which established a new value system (individual-society-state). In current legislation, «publicity» acts as an aggravating circumstance, as well as a criminal element and qualifying feature in more than forty types of crimes.*

Keywords: *publicity, corpus delicti, qualifying feature, criminalizing feature, criminal liability*

For citation: *Bulgakov N. V. Genesis of the «publicity» in domestic criminal legislation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:152–158 (In Russ.).*

© Булгаков Н. В., 2026

Современное уголовное законодательство Российской Федерации содержит множество составов преступлений, где «публичность» выступает в качестве квалифицирующего или криминообразующего признака. Однако его появление в отечественном праве произошло удивительно поздно — лишь в середине XIX в. В связи с этим актуальным видится исследовать эволюцию рассматриваемого признака с учетом развития государства и нормативной правовой базы.

Первым источником права, к которому следовало бы обратиться в рамках настоящего исследования, выступает Русская Правда. Это древнейший свод норм обычного права, появившийся согласно разным источникам в XI–XII вв. Данный документ не был кодифицированным актом в современном понимании. Он представлял собой собрание судебных прецедентов, закрепляя сложившуюся практику их разрешения.

В рамках проводимого исследования заслуживает внимания ст. 6: «но если <кто> убил открыто, во время ссоры или на пиру….» [1]. Однако нельзя утверждать, что убийство, совершенное «открыто», выступает прообразом п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. к. в данной норме ответственность наступает не за сам факт причинения смерти на глазах у других, а за то, что преступление совершается и транслируется с помощью средств, позволяющих расширить список свидетелей до неограниченного количества, что повышает степень общественной опасности деяния. Тем самым публичность в ч. 2 ст. 105 УК РФ является отягчающим обстоятельством, в свою очередь, в Русской Правде открытое совершение убийства не предусматривает более строгое наказание.

В целом же говорить о закреплении публичности как признака состава преступления в данном правовом акте не приходится, т. к. в нем пока даже не сформировалось определяющее понятие «преступление». Вместо него в Русской Правде встречается другой термин — «обида» (например, «если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью, то 12 гривен штрафа в пользу князя за обиду», ст. 23; «если господин продаст закупа в полные холопы, то должнику под проценты свобода во всех <взятых в долг> деньгах, а господину за обиду платить 12 гривен штрафа князю», ст. 61 и др.).

Тем самым Русская Правда лишь заложила основу для формирования дальнейшего законодательства, предусматривая ответственность за посягательства на личность и имущество, что позволяло поддерживать порядок, достаточный для сбора дани и контроля над территорией.

Постепенное развитие государства и усложнение общественных отношений требовали более совершенных правовых форм. Первым шагом в данном направлении стала Псковская судная грамота (1467 г.), в которой объем преступных деяний существенно расширяется.

В Судебнике 1497 г. закрепляется новое понимание понятия «преступление». В отличие от Русской Правды, где использовался термин «обида», в данном правовом акте применяется термин «лихое дело» («а доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело…»[1], ст. 8). Кроме того, запрещенные противоправные деяния стали носить более серьезный характер, в т. ч. они были связаны с посягательством на государственную власть. Так, в ст. 9 говорится: «А государскому убойце и коромолнику (изменщику родине), церковному татю (расхитителю церковного имущества), и головному, и подымщику (распространителю возмутительных писем, призывов к заговорам и измене), и зажигалнику (поджигателю), ведомому лихому человеку живота не дати (не дать жизни), казнити его смертною казнью…». Положения Судебника 1550 г. были расширены, однако применительно рассматриваемой темы изменений не выявлено.

Соборное уложение 1649 г. представляло собой наиболее полную для своего времени систематизацию правовых норм, предусматривая XXV глав [2]. Данный правовой акт закреплял достаточно большое количество преступлений, посягающих на государственную власть, куда входили посягательства на жизнь и здоровье царя, измена, подделка государевых печатей и документов и др. Однако несмотря на свою значимость, Соборное уложение 1649 г. представляло свод разрозненных норм, не предусматривающих современные уголовно-правовые институты.

Эпоха Петра I ознаменовалась кардинальными изменениями в государственном устройстве и, соответственно, в правовой системе. В Артикуле воинском 1715 г. впервые появляется термин «преступление», к пониманию которого применяется формальный подход — преступно то, что запрещено законом под угрозой наказания. Этот подход, с одной стороны, усиливал роль государства как источника правовых запретов, с другой — не требовал обоснования, почему то или иное деяние признается преступным. Кроме того, следует отметить, что преступлением считалось не только деяние (действие или бездействие), но и так на-

[1] Судебник 1497 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497 (дата обращения: 10.04.2026).

зываемый «голый умысел», наказание за который предусматривается, например, в Артикуле 19 («такое же равное наказание чинится над тем, которого преступление хотя к действу и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было…)[1].

Однако следует констатировать, что в период с XV по XVIII в. в отечественном уголовном законодательстве публичность как самостоятельный квалифицирующий или криминообразующий признак также отсутствует. Несмотря на то что в качестве общественно опасных проявлений стали рассматриваться не только посягательства на личность, имущество, но и государство, появляется термин «преступление», законодательство все же еще строится на перечислении конкретных видов деяний, а не на способе их совершения.

Серьезные изменения в рассматриваемом в рамках статьи направлении произошли в середине XIX в. после принятия «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. Данный правовой акт впервые имел четкую структуру, являющуюся прообразом Общей («Раздел первый. О преступлениях, проступках и наказаниях вообще») и Особенной (Раздел второй — пятый) части. Кроме того, в Уложении 1845 г. были сформулированы общие понятия, формы вины и виды неоконченного преступления, вопросы наказания, а также детализированы конкретные составы преступлений [3, с. 384]. Политика государства данного периода была отражена также в законодательстве. Так, в первую очередь карались общественно опасные деяния, посягающие на вероисповедание, затем на государство, порядок управления и служебные отношения. Примечательно, что об охране личности и ее прав речь не шла.

Охраняя духовные и светские интересы, законодатель понял, что призыв к незаконным действиям, произнесенный перед толпой, опаснее, чем высказанный в частной беседе. В связи с этим можно выделить следующие статьи, содержащие признак публичности:

1) по сравнению, например, со ст. 1 Главы I Соборного уложения 1649 г. «кто возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, … того богохулника обличив, казнити, зжечь», ст. 182 Уложения 1845 г. изложена уже следующим образом: «кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на Бога… нашу богородицу и присно-деву Марию, или на честный крест Иисуса Христа, … тот подвергается…» [4]. Кроме того, наказание также назначалось за данное преступление, совершенное не в церкви, но в публичном месте или «при собрании более или менее многолюдном»;

2) повреждение или уничтожение портретов, статуй, бюстов или иных изображений государя императора, расположенных в публичном месте (ст. 268);

3) умышленное публичное оскорбление изображений наследников государя, его супруги или же других членов императорского дома (ст. 270).

Таким образом, Уложение 1845 г. заложило фундамент для дальнейшего развития института публичных преступлений. В нем впервые была сформулирована идея о том, что способ совершения деяния, являющийся в рассмотренных составах криминообразующим признаком, может влиять на степень его общественной опасности.

В принятом Уголовном уложении 1903 г. данная идея была развита дальше. Анализируемый правовой акт, несмотря на то, что не вступил в силу в полном объеме на всей территории Российского государства, предусматривал большее количество статей, в которых признак публичности носил в том числе и квалифицирующий характер. Так, согласно ст. 73 «виновный в возложении хулы (т. е. оскорбление священного писания, или церкви православной и ее догматов или веры христианской)… наказывался, если он сделал это: 1) при отправлении общественного богослужения или в церкви (наказание в виде каторги или ссылка на поселение); 2) в часовне или христианском молитвенном доме или публично (наказание в виде ссылки на поселение); 3) с целью произвести соблазн между присутствовавшими (заключение в исправительном доме или крепости на срок свыше 3 лет)» [5]. Примечательно, что совершение деяния публично, несмотря на то, что оно выступало квалифицирующим признаком, не предполагало пока назначение наказания выше по сравнению с другими обстоятельствами. Подобные признаки наблюдаются и в ст. 74, предусматривающей ответственность за ругание обрядов и предметов церкви.

Также в Уголовном уложении 1903 г. предусматривалась ответственность за следующие деяния, где публичность выступала криминообразующим признаком:

а) публичное произнесение проповеди, речи или выставление сочинений либо изображений, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание (ст. 90);

б) «публичное оказательство раскола, законом воспрещенном» (ст. 92), т. е. совершение действий,

[1] Артикул воинский. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=mo5zg3oz42454333556 (дата обращения: 11.04.2026).

выступающих открытым проявлением религиозной принадлежности к расколу (старообрядчеству);

в) распространение или публичное выставление сочинения или изображения Царствующего Императора, его супруги или наследников в оскорбительном виде (ст. 103, 104);

г) оскорбление памяти усопших предшественников Императора, совершенное публично (ст. 107).

В Уголовном уложении 1903 г. также наблюдается разный подход к установлению ответственности за совершенные деяния публичным и непубличным способом. Так, например, в ст. 129 преступлением признавалась публичная речь или распространение либо публичное выставление сочинений, изображений, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) опровержению существующего в государстве общественного строя; 3) неповиновению или противодействию закону; 4) совершению тяжкого преступления. Наказанием за возбуждение первых двух пунктов выступала ссылка на поселение, за третий и четвертый — заключение в исправительном доме сроком не более 3 лет. Примечательно, что ст. 130 предусматривала совершение аналогичных деяний, совершенных непублично, а также тождественные виды наказаний.

В свою очередь, в ст. 154 виновный, оказывающий неуважение к власти в виде неприличного поступка «в правительственном или общественном установлении, во время служебных занятий», наказывается арестом; совершение данных действий публично предполагало заключение в тюрьму (в системе наказаний (ст. 2) заключение в тюрьму являлось более строгим, чем арест и денежная пеня). Тем самым в данной норме признак публичности выступает квалифицирующим. Подобная ситуация наблюдается также в ст. 540, когда виновный разглашает заведомо ложные обстоятельства, подрывающие доверие к промышленной или торговой деятельности лица, общества или учреждения или к способностям лица исполнять определенные обязанности, то назначался арест или денежная пеня, совершение таких действий публично влекло за собой заключение в тюрьму.

Исходя из изложенного, в Уголовном уложении 1903 г. наблюдается своеобразный подход к установлению ответственности за деяния, совершенные публичным способом. В большинстве своем использование такого способа совершения преступления не предусматривало более строгое наказание. Кроме того, данный признак стал не только криминообразующим, но и квалифицирующим.

Следующим принятым нормативным правовым актом уже советского периода является УК РСФСР 1922 г. В нем структура кодекса претерпела некоторые изменения — законодатель на первый план выдвинул интересы государства, предусмотрев лишь одну ст. 88, содержащую признак публичности («публичное оскорбление отдельных представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей»)[1].

При этом ввиду того, что 2 февраля 1918 г. был издан «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» [6], общественно опасными деяниями не признавались уже осквернение религии или обрядов. В связи с этим в главе III «Нарушение правил об отделении церкви от государства» УК РСФСР 1922 г. в качестве преступлений предусматривались преподавание в школах религиозных вероучений, принуждение к сборам в пользу церковных и религиозных организаций или групп, совершение в государственных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов или размещение в них религиозных изображений (ст. 119–125).

Примечательно, что в рассматриваемом правовом акте стали охраняться интересы личности, в т. ч. честь и достоинство. Так, в ст. 172 за «оскорбление, нанесенное кому-либо действием, словесно или на письме», назначались принудительные работы либо штраф. В свою очередь, в ст. 173 за «оскорбление, нанесенное в распространенных или публично выставленных произведениях печати или изображениях», предусматривалось лишение свободы, что свидетельствует об учете законодателем способа совершения преступления при определении степени его общественной опасности и установлении санкции.

В главе VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» закреплялась лишь одна статья с признаком публичности — «Публичные нарушения или стеснения религиозными обрядами или культовыми церемониями свободы движения других граждан, вопреки закону или обязательному постановлению местной власти» (ст. 227).

В целом же в УК РСФСР 1922 г. больше не предусматривалось статей с исследуемым признаком. Подобная ситуация наблюдается и в УК РСФСР 1926 г. В данном правовом акте также закрепля-

[1] О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 01.06.1922. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

лось всего лишь несколько статей с признаком публичности — ст. 76 (аналогичная ст. 88), ст. 159 и 160 (аналогичные ст. 172 и 173 соответственно)[1].

В уголовном законодательстве РСФСР 1960 г. происходит серьезная трансформация ценностей, среди которых на первом месте также остаются интересы государства, а на вторую ступень выдвигаются интересы личности, а затем общества. Признак «публичность» в рассматриваемом правовом акте носил криминообразующий характер:

– «публичные призывы к насильственным изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы» (ст. 70) или «публичные призывы к измене Родине, совершению террористического акта или диверсии» (ст. 70_1);

– «оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии с использованием в этих целях средств массовой информации или в иной публичной форме…» (ст. 143);

– «публичное оскорбление представителя власти или представителя общественности, выполняющего обязанности по охране общественного порядка, в связи с исполнением этими лицами возложенных на них обязанностей, кроме случаев, указанных в статье 192_1…» (ст. 192). Примечательно, что в ст. 192_1 предусматривалась ответственность за оскорбление работника милиции или народного дружинника, и для привлечения лица к ответственности не нужен был признак публичности (в отличие от действующей редакции ст. 319 УК РФ)[2].

Таким образом, несмотря на то, что в УК РСФСР 1960 г. была пересмотрена структура законодательства на основе изменения системы ценностей, преступлений, содержащих признак «публичность» было не так много. Кроме того, он не усиливал наказание, а выступал частью объективной стороны.

После принятия УК РФ происходит полная, отличающаяся от всех ранее действующих кодексов, переоценка ценностей. В первую очередь охране теперь подлежат интересы личности, затем общества и в последнюю очередь государства. Исследуемый в рамках статьи признак публичности становится криминообразующим и квалифицирующим во многих составах преступлений. Кроме того, в ст. 63 УК РФ в августе 2024 г. был введен п. «т», выступающий отягчающим наказание обстоятельством в случае «совершения умышленного преступления с публичной демонстрацией, в т. ч. в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")»[3].

В целом же все преступления, содержащие рассматриваемый признак, можно разделить на две большие группы:

1. Преступления, в которых публичность выступает криминообразующим признаком:

– преступления, посягающие на личность (ст. 116, ч. 1, 3 ст. 137, ч. 1 ст. 148 УК РФ);

– преступления, посягающие на общество (ч. 1 ст. 205.2, ст. 207.1, ч. 1 ст. 207.2, ч. 1 ст. 207.3, ч. 1, 2 ст. 242, ч. 1 ст. 242.1 УК РФ);

– преступления, посягающие на государство (ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 280.1, ст. 280.3, ч. 1 ст. 280.4, ст. 282, 282.4, 319, ч. 1 ст. 354, ч. 1, 3 ст. 354.1 УК РФ).

2. Преступления, в которых публичность выступает квалифицирующим признаком:

– преступления, посягающие на личность (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ);

– преступления, посягающие на общество (ч. 2 ст. 205.2, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ);

– преступления, посягающие на государство (ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1, п. «в» ч. 2 ст. 280.4, п. «в» ч. 2, 4 ст. 354.1 УК РФ).

Таким образом, можно заметить, что современный законодатель в условиях развития информационных технологий учитывает тот факт, что преступление, совершенное публично, в т. ч. с использованием СМИ или сети Интернет, усиливает степень общественной опасности деяний, т. к. данный способ позволяет одновременно воздействовать на большую аудиторию, транслируемая информация распространяется мгновенно, ее трудно удалить в последующем, она способна вызвать панику и нарушить работу многих учреждений за короткий срок. Тем самым в большинстве деяний

[1] О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22.11.1926. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

против личности и реже в деяниях, посягающих на общество, признак публичности выступает квалифицирующим.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что «публичность» как признак состава преступления в отечественном уголовном законодательстве появилась достаточно поздно. Выделим основные периоды его генезиса:

1) на первом этапе (с XI до XVIII в.) право представляло собой сборник разрозненных обычаев и судебных прецедентов. Вместо понятия «преступление» использовались «обида» (Русская Правда), а затем «лихое дело». Приоритетным объектом охраны выступали интересы государства. Однако способ совершения преступления не имел юридического значения, публичность не выделялась как квалифицирующий или криминообразующий признак;

2) второй этап (XVIII в. — начало XX в.) характеризуется появлением понятия «преступление» (Артикул воинский 1715 г.). Кроме того, в 1845 г. принимается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в котором имеется четкая структура, а также впервые формулируются такие уголовно-правовые институты, как формы вины, неоконченное преступление и др. Важным аспектом является то, что данный правовой акт содержит несколько составов преступлений, в которых признак «публичность» является криминообразующим, а в Уголовном уложении 1903 г. еще и квалифицирующим;

3) третий этап (с 1922 по 1991 г.) связан с существованием советского государства. Принятые в данный период УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. предусматривали лишь несколько статей, в которых публичность выступала криминообразующим признаком;

4) четвертый этап (с 1996 г. по настоящее время) связан с введением в действие УК РФ. Данный период характеризуется изменением системы ценностей — в первую очередь теперь охраняются интересы личности, затем общества и только потом государства. Действующее уголовное законодательство, учитывая недостатки предыдущих правовых актов, закрепило в себе видоизмененные положения, отражающие современные реалии. Итогом стало то, что большое количество преступлений стало содержать признак публичности, являющийся криминообразующим. Кроме того, в деяниях, посягающих на личность и общество, данный признак выступает квалифицирующим.

Отметим, что изучение генезиса признака «публичность» важно не только с историко-правовой точки зрения, оно также позволяет проследить трансформацию уголовного законодательства и выявить, какие его положения нуждаются в дальнейшем изменении.

Список источников

1. Русская Правда // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. / коммент. Г. В. Абрамовича [и др.]; руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/#source (дата обращения: 11.04.2026).

3. Шестак В. А. Генезис современного уголовного законодательства России // Образование и право. 2024. № 7. С. 383–387.

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 11.04.2026).

5. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22.03.1903 с прил. предм. алф. указ. Санкт-Петербург: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 11.04.2026).

6. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 февраля (20 января) 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I. С. 373–374. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm (дата обращения: 11.04.2026).

References

1. Russkaya Pravda // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. In-t rus. lit. (Pushkinskij dom); pod. red. D. S. Lihacheva [i dr.]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (data obrashcheniya: 10.04.2026).

2. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: tekst, komment. / komment. G. V. Abramovicha [i dr.]; rukovoditel' avt. kollektiva A. G. Man'kov. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1987. 448 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/#source (data obrashcheniya: 11.04.2026).

3. Shestak V. A. Genezis sovremennogo ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii // Obrazovanie i pravo. 2024. № 7. S. 383–387.

4. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Sankt-Peterburg: Tip. 2 otd-niya sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1845. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (data obrashcheniya: 11.04.2026).

5. Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: Novoe ugolovnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22.03.1903 s pril. predm. alf. ukaz. Sankt-Peterburg: kn. mag. V. P. Anisimova, 1903. 253 s. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=1&rotate=0&theme=white (data obrashcheniya: 11.04.2026).

6. Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi: Dekret Soveta Narodnyh Komissarov ot 2 fevralya (20 yanvarya) 1918 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. M.: Gos. izd-vo polit. literatury, 1957. T. I. S. 373–374. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm (data obrashcheniya: 11.04.2026).

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 159–165.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 159–165.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.3

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 322 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Акоп Вараздатович Варданян[1], Анастасия Анатольевна Суверова[2]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, avardanyan@yandex.ru
[2] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные аспекты квалификации незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ) по признакам объективной стороны состава преступления. Прежде всего, рассуждения касаются необходимых условий, предъявляемых к действиям лица, чтобы установить в них признаки общественно опасного деяния. Авторы уточняют различие между исследуемым преступлением и схожим административным правонарушением. В заключение предлагаются перспективные законодательные изменения конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ.*

Ключевые слова: *квалификация преступлений, преступления против порядка управления, незаконное пересечение, Государственная граница Российской Федерации*

Для цитирования: *Варданян А. В., Суверова А. А. Преступление, предусмотренное статьей 322 УК РФ: проблемы квалификации и совершенствование законодательной конструкции // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 159–165.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIME UNDER ARTICLE 322 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND IMPROVEMENT OF THE LEGISLATIVE STRUCTURE

Akop V. Vardanyan[1], Anastasiya A. Suverova[2]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Rostov-on-Don, avardanyan@yandex.ru
[2] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Abstract. *The article examines the problematic aspects of qualifying the illegal crossing of the Russian Federation's state border (Article 322 of the Criminal Code) based on the objective elements of the crime. The discussion primarily focuses on the necessary conditions for a person's actions to be considered socially dangerous. The author clarifies the distinction between the crime under consideration and a similar administrative offense. Finally, she proposes promising legislative changes to the definition of the crime under Article 322 of the Criminal Code.*

Keywords: *qualification of crimes, crimes against administrative order, illegal crossing, State border of the Russian Federation*

For citation: *Vardanyan A. V., Suverova A. A. Crime under article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of qualification and improvement of the legislative structure. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:159–165 (In Russ.).*

© Варданян А. В., Суверова А. А., 2026

Проблема квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок охраны и пересечения Государственной границы Российской Федерации, сохраняет свою актуальность в условиях роста транснациональной преступности, активизации миграционных процессов и увеличения числа случаев незаконного въезда в нашу страну и выезда из нее. Прежде всего, это относится к составу преступления, предусмотренному ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предполагающему уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ. Правильная квалификация данного преступления требует анализа объективных и субъективных признаков его состава, установления характера и степени общественной опасности деяния, а также выяснения обстоятельств, определяющих наличие или отсутствие разрешительных оснований для въезда или выезда из страны. При этом бланкетный характер диспозиции рассматриваемой нормы нередко затрудняет понимание практическими сотрудниками ее содержания, что требует разъяснения относительно положений миграционного законодательства России.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, выступают общественные отношения по поводу установленного порядка охраны Государственной границы Российской Федерации, обеспечивающего защиту территориальной целостности, суверенитета и безопасности страны. Этот порядок включает в себя совокупность мер, регулирующих правила пересечения госграницы физическими лицами, транспортными средствами, грузами, товарами и животными. Нарушение данного порядка подрывает основы национальной безопасности, а также способствует совершению преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств и психотропных веществ, контрабанды и т. д.

В части 1 ст. 322 УК РФ предусматривается ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ, что выражается в пересечении границы без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в законном порядке. Данная диспозиция предполагает альтернативный способ совершения преступления [1, с. 112].

Под действительными документами для въезда в Российскую Федерацию понимаются документы, удостоверяющие личность и подтверждающие наличие права на пересечение Госграницы РФ. Надлежащее разрешение предполагает наличие законных оснований для въезда, в частности, «выданное уполномоченным государственным органом разрешение на въезд в Российскую Федерацию и пребывание в Российской Федерации или транзитный проезд через территорию Российской Федерации (виза), разрешение на местное приграничное передвижение, разрешение Правительства Российской Федерации либо пограничного органа (в целях неоднократного пересечения Государственной границы, для проведения работ на Государственной границе, а равно в иных случаях, в том числе предусмотренных международными договорами, допускающими получение соответствующего разрешения на пересечение Государственной границы вне установленных пунктов пропуска)»[1]. В то же время использование лицом заведомо для него недействительных документов, оформленных с нарушением установленного порядка, аннулированных, поддельных либо выданных на иное лицо, свидетельствует о наличии умысла на незаконное пересечение Государственной границы РФ, что требует соответствующей квалификации.

Вместе с тем в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» излагается состав преступления, в объективной стороне которого имеется существенное сходство в части выезда из Российской Федерации в нарушение отечественного законодательства. Поэтому целесообразно уточнить, что состав преступления, предусмотренный ст. 283.2 УК РФ «Нарушение требований по защите государственной тайны», является специальным по отношению к составу преступления, предусмотренному ст. 322 УК РФ, в части наличия у субъекта преступления дополнительного признака (имевшийся или имеющийся допуск к государственной тайне с ограничением права на выезд из РФ).

В части 2 ст. 322 УК РФ предусматривается ответственность за пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации.

[1] О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Пример совершения указанного состава содержится в материалах уголовного дела, согласно которому гражданин Республики Узбекистан Д. имел в отношения себя представление о запрете въезда на территорию РФ. Несмотря на это, он пытался въехать на территорию РФ через железнодорожный пункт пропуска через Государственную границу РФ, что было пресечено сотрудниками ПУ ФСБ России по Омской области, после чего ему было представлено письменное уведомление о возможности привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 322 УК РФ в случае повторного нарушения закона (в связи с недоказанностью факта заведомости имевшегося для Д. запрета уголовное дело не было возбуждено).

Несмотря на это, гр. Д. в неустановленном органом дознании месте пересек Государственную границу РФ вне процедуры официального паспортного и пограничного контроля и проследовал в г. Томск для осуществления трудовой деятельности, где он был задержан, а впоследствии привлечен к уголовной ответственности[1].

В части 3 ст. 322 УК РФ излагается квалифицированный состав преступления, объективная сторона которого выражается в совершении деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения. В данных случаях деяние приобретает повышенную общественную опасность, поскольку нарушается не только установленный порядок пересечения Государственной границы РФ, но и безопасность должностных лиц, осуществляющих защиту и охрану границы (дополнительный объект преступного посягательства). Кроме того, совершение преступления при указанных формах соучастия усложняет привлечение к уголовной ответственности, увеличивает общественную опасность содеянного, что традиционно признается обстоятельством, отягчающим наказание.

Следует обратить внимание, что в объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, центральное место занимает пересечение Государственной границы РФ, которое должно происходить в нарушение миграционного законодательства как в официально установленных местах пропуска, так и вне их. Состав преступления является формальным, поскольку преступление считается оконченным с момента фактического перемещения лица через Государственную границу РФ. В этой связи интересно мнение Н. В. Самойлюка, который указывает, что само по себе пересечение Государственной границы РФ должно рассматриваться как оконченное преступление с момента соответствующего пересечения контрольной линии на пропускном пункте, после чего лицо оказывается на территории иностранного государства [2, с. 134].

Незаконность пересечения Государственной границы РФ, согласно ч. 1 ст. 322 УК РФ, может выражаться как в отсутствии документов, удостоверяющих личность и дающих право на въезд/выезд, так и в использовании заведомо поддельных, недействительных либо утраченных документов, а также в пересечении границы вне установленных пунктов пропуска. Способ пересечения границы может быть любым: переезд, перелет, переход и т. д., совершенный с использованием поддельных (подложных) документов либо с использованием подлинных документов, принадлежащих другому лицу, а равно совершенный при отсутствии у лица каких-либо документов на право въезда или выезда.

В теории уголовного права встречаются позиции различных авторов, которые подтверждают необходимость устанавливать одновременно незаконность перемещения и отсутствие надлежащих для этого документов. В частности, Л. Р. Рашитов в своем диссертационном исследовании отмечает, что для пересечения Государственной границы РФ лицо может избирать любой способ своего физического перемещения (пересечение границы пешком, на транспортном средстве, на воздушном судне, путем переплытия и т. д.), что может происходить вне установленного пропускного пункта без соответствующих разрешительных документов [3, с. 118]. В свою очередь, М. Н. Урда пишет о важной особенности квалификации подобных действий, поскольку недостаточно непосредственно фактического пересечения лицом Государственной границы РФ, т. к. важно, чтобы у субъекта отсутствовали необходимые действительные документы на право перемещения через границу или разрешение на это [4, с. 144].

Как мы указывали выше, диспозиция ст. 322 УК РФ является бланкетной и требует обращения к Закону от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», Федеральному закону от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», к принятым в их развитие нормативным правовым актам и их указаниям в процессуальных документах для отражения того,

[1] Уголовное дело № 11911010001000016. Архив Кулундинского районного суда Алтайского края.

в чем именно выразилось соответствующее нарушение.

Так, статьей 9 Закона «О Государственной границе Российской Федерации» закреплено, что «под пунктом пропуска через Государственную границу понимается территория (акватория) в пределах железнодорожной, автомобильной станции или вокзала, морского, речного порта, аэропорта, военного аэродрома, открытых для международных сообщений (международных полетов), а также иной специально выделенный в непосредственной близости от Государственной границы участок местности, где в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется пропуск через Государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных»[1].

Основанием для пропуска через Госграницу РФ является наличие действительных документов, предоставляющих право на въезд в РФ или выезд из страны.

В соответствии с положениями федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» документами, позволяющими осуществить выезд из Российской Федерации или въезд в Российскую Федерацию, являются:

– для граждан Российской Федерации внутрироссийский паспорт; паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации; дипломатический паспорт и служебный паспорт;

– для иностранных граждан паспорт иностранного гражданина и иной документ, установленный федеральным законом, а также наличие документов, подтверждающих временное пребывание (проживание) в стране (виза, разрешение на временное проживание в Российской Федерации, вид на жительство в Российской Федерации);

– для лиц без гражданства документ, выданный иностранным государством и признаваемый в соответствии с международным договором РФ в качестве документа, удостоверяющего личность лица без гражданства; временное удостоверение личности лица без гражданства в РФ; разрешение на временное проживание; вид на жительство и иные документы, предусмотренные федеральным законом[2].

Отметим, что установление факта наличия или отсутствия у лица при пересечении Государственной границы РФ соответствующих документов на право въезда в РФ или выезда из РФ является важным с практической точки зрения признаком, который позволяет правильно квалифицировать его действия. Так, согласимся с мнениями А. Н. Калдышева и А. Г. Николаева, которые указывают, что отграничивать преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.1 КоАП РФ, следует исходя из наличия у лица действительного документа, удостоверяющего его личность, и «разрешительного» документа. Авторы отмечают, что в случае, если лицо обладает документом, удостоверяющим его личность, а также надлежащим разрешением, пересечение им Государственной границы РФ вне пунктов пропуска не подлежит квалификации по ст. 322 УК РФ, а является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 18.1 КоАП РФ [5, с. 33].

Приведем пример из судебно-следственной практики. Так, гр. К., имеющий действительные документы на право выезда из Российской Федерации (паспорт гражданина РФ и заграничный паспорт), находясь на территории Третьяковского района Алтайского края, пытался пересечь Государственную границу РФ с Республикой Казахстан вне установленного пункта пропуска, однако его действия были пресечены сотрудниками ПУ ФСБ России по Алтайскому краю. Приговором Третьяковского районного суда Алтайского края 7 марта 2023 г. гр. К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 322 УК РФ. 8 июня 2023 г. апелляционным приговором Суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда гр. К на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку в действиях гр. К усматривались признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.1 КоАП РФ[3].

[1] О Государственной границе Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Апелляционный приговор Суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда 08.06.2023 по делу № 22-1947/2023. URL: https://kraevoy--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19921273&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 30.03.2026).

Действительно, позиция судебного органа подтверждается также и теоретическими воззрениями по данному вопросу, поскольку само по себе пересечение Государственной границы РФ лицом, имеющим необходимые для этого документы и разрешение, может быть квалифицировано по ст. 18.1 КоАП РФ [6, с. 97– 98]. Однако в научной литературе представлена и иная точка зрения, согласно которой не требуется наличия сразу обоих условий о пересечении Государственной границы РФ и отсутствии необходимых документов для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 322 УК РФ [7, с. 93; 8, с. 92]. Полагаем, что в настоящее время такое понимание представляет собой необоснованно расширительное толкование содержания анализируемой нормы, в которой приведен исчерпывающий перечень признаков объективной стороны, и незаконное пересечение Государственной границы РФ неразрывно соотносится с отсутствием необходимых документов или надлежащего разрешения. Данное видение отмечается и в разъяснении Верховного Суда Российской Федерации, поскольку субъективная сторона рассматриваемого деяния, выражающаяся в прямом умысле, «связывает» осознание факта пересечения Государственной границы РФ с отсутствием необходимых для этого документов.

Вместе с тем пристальное внимание нашего государства к проблеме противодействия миграционным преступлениям является обоснованным, а проводимые изменения отечественного законодательства как в части ужесточения наказания за такие преступления, так и относительно усиления требований для въезда, выезда и пребывания подтверждают общественную опасность таких деяний. Считаем справедливым позицию о введении в УК РФ нормы с административной преюдицией (в случае повторного нарушения правил въезда в РФ лицо будет подлежать уголовной ответственности) [9, с. 45].

На основании вышеизложенного видится верным дополнение изложения ч. 1 ст. 322 УК РФ в следующей редакции: «Пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьей 283.2 настоящего Кодекса, а равно нарушение режима Государственной границы Российской Федерации либо правил въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации лицом, подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное статьей 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Считаем, что данное нововведение может быть обосновано следующими аргументами:

1) необходимо признать, что использование в уголовном законе норм с административной преюдицией показало свою состоятельность, что демонстрирует расширение сферы их применения;

2) повторное совершение лицом умышленного административного правонарушения свидетельствует об отрицании лицом установленных норм пересечения Государственной границы РФ, указывает на недостаточность ранее принятых мер воздействия;

3) административное правонарушение, предусмотренное ст. 18.1 КоАП РФ, характеризуется высоким уровнем латентности, что затрудняет его выявление и привлечение лиц к ответственности;

4) определенные уголовным законом деяния являются запрещенными, поскольку ставят в потенциальную опасность охраняемые законом общественные отношения и могут приводить к совершению иных преступлений. В частности, повторное совершение рассматриваемого правонарушения повышает характер и степень общественной опасности деяния, поскольку лица, нарушившие правила пересечения Государственной границы Российской Федерации, получают возможность совершать различные преступления как на территории нашего государства (например, диверсия, незаконный оборот оружия и боеприпасов, наркотических средств и т. д.), так и скрываться от правоохранительных органов России на территории иностранных государств, после чего их привлечение к уголовной ответственности становится невозможным или затруднительным. Так, органам контроля затруднительно установить местонахождение лиц, которые вне официальных пунктов пропуска прибыли на территорию страны, что приводит к утрате объективной картины миграционных процессов, происходящих в нашем государстве.

Кроме того, в разрезе современной уголовно-правовой политики, направленной на усиление ответственности за совершение миграционных преступлений, что проявляется в установлении нового обстоятельства, отягчающего наказание (п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ), усилении санкций составов таких преступлений (ст. 322.2 и 322.3 УК РФ) и появлении новых квалифицирующих при-

знаков состава преступления (ст. 322.1 УК РФ), целесообразным видится дополнение ч. 3 ст. 322 УК РФ еще одним квалифицирующим признаком, который излагается следующим образом: «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». Дело в том, что на практике именно лица, нарушающие законодательно установленную процедуру въезда на территорию Российской Федерации или выезда из нее, делают это, поскольку либо боятся быть привлеченными к уголовной ответственности за ранее совершенное преступление на территории Российской Федерации, либо совершают подготовительные действия к общественно опасным деяниям на территории нашего государства. Аналогичный подход был избран законодателем при внесении изменений в ч. 2 ст. 322.1 УК РФ.

Таким образом, полагаем, что дальнейшее развитие уголовно-правовых норм в области нарушения миграционного законодательства должно характеризоваться поступательными действиями по ужесточению ответственности для лиц, не соблюдающих данных требований, что подтверждается соответствующим запросом со стороны гражданского общества и государственных структур.

Список источников

1. Кузнецов А. П. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации: вопросы квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 111–115.

2. Самойлюк Н. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2013. 198 с.

3. Рашитов Л. Р. Преступления против порядка управления миграционной деятельностью в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2019. 249 с.

4. Урда М. Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. 393 с.

5. Калдышев А. Н., Николаев А. Г. Проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений, относящихся к компетенции пограничных органов Федеральной службы безопасности // Российский следователь. 2010. № 11. С. 32–35.

6. Акименко П. А. Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2020. 260 с.

7. Ахмедов М. Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 294 с.

8. Уторова Т. Н. Проблемы уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и пути их решения // Пенитенциарная наука. 2019. № 1. С. 90–96.

9. Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами в России: монография / авторы-сост.: А. В. Богданов, М. И. Венидиктов, В. В. Косухин [и др.]; под ред. А. В. Богданова, Е. Е. Хазова. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 100 с.

References

1. Kuznecov A. P. Nezakonnoe peresechenie Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii: voprosy kvalifikacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 2. C. 111–115.

2. Samoĭlyuk N. V. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodeĭstviya nezakonnoĭ migracii: dis. ... kand. yurid. nauk. Habarovsk, 2013. 198 s.

3. Rashitov L. R. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya migracionnoj deyatel'nost'yu v Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj aspekty: dis. … kand. yurid. nauk. Kazan', 2019. 249 c.

4. Urda M. N. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie nezakonnoj migracii: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2023. 393 s.

5. Kaldyshev A. N., Nikolaev A. G. Problemy razgranicheniya prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij, otnosyashchihsya k kompetencii pogranichnyh organov Federal'noj sluzhby bezopasnosti // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 11. S. 32–35.

6. Akimenko P. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniya migracionnogo zakonodatel'stva grazhdanami Rossijskoj Federacii, inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva: dis. … kand. yurid. nauk. Tambov, 2020. 260 s.

7. Ahmedov M. N. Protivodejstvie nelegal'noj migracii: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. 294 s.

8. Utorova T. N. Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnoe peresechenie Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii i puti ih resheniya // Penitenciarnaya nauka. 2019. № 1. S. 90–96.

9. Protivodeĭstvie nezakonnoĭ migracii pravoohranitel'nymi organami v Rossii: monografiya / avtory-sost.: A. V. Bogdanov, M. I. Venidiktov, V. V. Kosuhin [i dr.]; pod red. A. V. Bogdanova, E. E. Hazova. Novosibirsk: Novosibirskiĭ voennyĭ ordena Zhukova institut imeni generala armii I. K. Yakovleva voĭsk nacional'noĭ gvardii Rossiĭskoĭ Federacii, 2023. 100 s.

Информация об авторах

А. В. Варданян — доктор юридических наук, профессор.

А. А. Суверова — кандидат юридических наук.

Information about authors

A. V. Vardanyan — Doctor of Science (Law), Professor.

A. A. Suverova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 166–172.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 166–172.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98:343.132

РАСЧЛЕНЕННЫЙ ТРУП: ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ

Олеся Васильевна Кругликова[1], Анастасия Андреевна Точилкина[2]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kruglikovaov@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, nastena.tochilkina@mail.ru

Аннотация. *В данной статье рассматриваются тактические особенности производства осмотра места обнаружения расчлененного трупа, включая методы и приемы, позволяющие эффективно и полно зафиксировать все детали происшествия. Особое внимание уделено порядку описания фрагментов тела, их изъятию и упаковке. Проанализированы наиболее типичные ошибки, допускаемые лицом, производящим осмотр, при описании объектов, обнаруженных на месте происшествия, и дальнейшей работе с ними. Авторами приводится перечень экспертиз, проводимых по изъятым объектам, и примерный перечень вопросов, разрешаемых экспертами в рамках их производства. Результатом исследования явился алгоритм, позволяющий оптимизировать работу следователя при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупа.*

Ключевые слова: *убийство, случайные факторы, преднамеренные (преступные) действия, расчленение трупа, фрагменты и части трупа, осмотр места происшествия, назначение экспертиз*

Для цитирования: *Кругликова О. В., Точилкина А. А. Расчлененный труп: особенности осмотра места его обнаружения и назначения экспертиз // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 166–172.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DISMEMBERED CORPSE: FEATURES OF EXAMINATION OF THE PLACE OF ITS DISCOVERY AND APPOINTMENT OF EXAMINATIONS

Olesya V. Kruglikova[1], Anastasia A. Tochilkina[2]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kruglikovaov@mail.ru
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, nastena.tochilkina@mail.ru

Abstract. *This article examines the tactical aspects of conducting an inspection of a dismembered body scene, including methods and techniques for effectively and fully recording all details of the incident. Particular attention is paid to the procedure for describing body fragments, their removal, and packaging. The most common errors made by the person conducting the inspection when describing objects found at the scene and their subsequent handling are analyzed. The authors provide a list of examinations conducted on seized objects and a sample list of questions answered by experts during their investigations. The study resulted in an algorithm that significantly optimizes investigators' work when investigating homicides involving dismemberment*

Keywords: *murder, intentional (criminal) actions, dismemberment of a corpse, fragments and parts of a corpse, crime scene examination, appointment of examinations*

For citation: *Kruglikova O. V., Tochilkina A. A. Dismembered corpse: features of examination of the place of its discovery and appointment of examinations. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:166–172 (In Russ.).*

© Кругликова О. В., Точилкина А. А., 2026

Статья 2 Конституции Российской Федерации гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»[1]. Особое место среди основных прав человека, закрепленных в Конституции, занимает право на жизнь. Это неотъемлемое право, гарантирующее каждому человеку возможность жить, развиваться и реализовывать свои потенциалы.

Вместе с тем, несмотря на снижение общего числа зарегистрированных в 2025 г. на территории Российской Федерации преступлений против личности (на 9,2 %), в т. ч. убийств и покушений на убийство (на 11,8 %), статистика их совершения остается неутешительной. Так, только убийств за указанный период зарегистрировано 5937, из них раскрыто — 4570 [1].

В последнее время в средствах массовой информации все активнее стали освещать вопросы, связанные с раскрытием и расследованием преступлений, в т. ч. и убийств, что привлекло еще больше внимание общества к работе правоохранительных органов. Так, за расследованием убийства гр. Кохал М. своего мужа – рэпера Картрайта, тело которого она расчленила с помощью ножовки и ножа на 15 частей, чтобы скрыть следы преступления [2], общественность наблюдала более 5 лет, а данное преступление становилось темой ни одной телевизионной передачи.

В 2025 г. вновь произошло резонансное убийство, сопряженное с расчленением, где жертвами стали бывший мэр Самары Виктор Тархов и его супруга. Восстановление полной картины данного преступления было сопряжено со значительными трудностями, поскольку преступники приняли максимальные меры по сокрытию следов преступления. Осмотр квартиры потерпевших, где произошло убийство, сотрудниками правоохранительных органов проводился на протяжении нескольких суток. Это позволило им обнаружить следы крови, фрагменты кровеносных сосудов и другие микроэлементы, а затем по результатам 40 экспертиз (молекулярно-генетические, трасологические, дактилоскопические и др.) доказать принадлежность изъятых объектов погибшим [3]. Таким образом, результаты осмотра места происшествия и судебных экспертиз стали ключевыми доказательствами в расследовании убийства, сопряженного с расчленением трупа.

Комплексный анализ данных, полученных при осмотре места происшествия и проведении судебных экспертиз, позволяет следователю уже на этапе проверки сообщения о преступлении выдвигать обоснованные версии о событии, личности преступника и значимых обстоятельствах. Поскольку в ходе осмотра места происшествия фиксируется обстановка места события, обнаруживаются и изымаются следы преступления, а результаты судебных экспертиз служат важным инструментом проверки выдвинутых версий. Но вместе с тем, чтобы результаты данных процессуальных действий могли помочь в расследовании преступления, необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Осмотр места происшествия (далее — ОМП) — это сложное следственное действие, требующее особого внимания к деталям и тщательного соблюдения процессуальных и тактических особенностей производства. Своевременный, полный и качественно проведенный осмотр играет ключевую роль в успешном расследовании, т. к. позволяет выявить, зафиксировать и изъять следы преступления до того, как они будут утрачены.

Не стоит забывать, что расчленение тела может быть обусловлено как случайными факторами (например, в результате автомобильных или железнодорожных катастроф, при падении с высоты), так и преднамеренными (преступными) действиями, направленными, например, на сокрытие следов преступления.

В судебной медицине и криминалистике криминальное расчленение трупа классифицируют в зависимости от целей и способа совершения:

– на дефензивное (защитное) — совершается преступником с целью скрыть следы преступления, затруднить опознание личности убитого или облегчить транспортировку и уничтожение тела;

– оффензивное (агрессивное) — связано с психическими отклонениями преступника (садизм, некрофилия). В этом случае расчленение является частью самого акта убийства или совершается ради получения сексуального удовлетворения без изначальной цели сокрытия трупа [4, с. 138–139].

Некриминальное расчленение, которое классифицируется как посмертное разрушение или повреждение тела без преступного умысла, направленного на скрытие убийства, делят:

– на непреднамеренное (травматическое) — происходит в результате несчастных случаев: попадание тела в движущиеся механизмы, взрывы и т. д.;

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– посмертное разрушение животными — части тела могут быть отделены дикими животными, собаками или грызунами.

Также принято выделять полное (тело разделено на множество мелких частей) и неполное (отделены только конечности или голова) расчленение [5, с. 53–54]. Поэтому одной из главных задач ОМП является не только максимально полная и точная фиксация обстановки на месте происшествия, но и установление всех обстоятельств произошедшего.

Для полного и качественного осмотра места происшествия с целью выдвижения версий о событии в целом (имело место событие криминального характера/некриминального характера) или об отдельных его элементах (личность потерпевшего, навыки преступника, местонахождение всех частей тела и т. д.) целесообразно привлекать специалистов, а именно: судебно-медицинского эксперта, специалиста-криминалиста (для фото- или видеофиксации обстановки, правильного изъятия обнаруженных объектов), при необходимости специалиста в области ДНК-анализа, антрополога (для идентификации костных останков) и кинолога (для поиска следов преступления, скрытых частей тела). «Зачастую именно осмотр даёт основной массив информации, позволяющий выдвигать версии о совершенном преступлении» [6, с. 63].

Осмотр места происшествия следует начинать с фиксации общей обстановки места, где обнаружены фрагменты тела. Это могут быть: мусорные свалки или баки, лесополосы, выгребные ямы, придворовые территории, заброшенные помещения, водоемы и т. д. Так, например, в Омской области в ходе конфликта пенсионер убил своего 39-летнего племянника, нанеся ему удар поленом по голове, а затем расчленил его тело, фрагменты которого вывез на мусорный полигон, чтобы скрыть следы преступления [7].

В протоколе ОМП описывается, что представляет место происшествия (помещение, открытый участок местности), его размеры (определяются границы осмотра места происшествия), освещенность, наличие/отсутствие посторонних запахов. Границы осмотра должны быть расширены и также включать в себя прилегающую территорию с целью установления всей следовой картины. На прилегающей территории могут быть обнаружены: другие фрагменты тела; предметы, которые могли быть использованы как для совершения преступления, так и непосредственно для расчленения тела; следы волочения; следы рук, обуви, транспортного средства и т. д.

При производстве осмотра частей трупа, обнаруженных на месте происшествия, в протоколе ОМП следует указать:

– каким образом найдены фрагменты тела, использовались ли для этого технические средства или фрагменты находились на поверхности земли, в воде, под снегом или в других условиях. Важно зафиксировать способы, которые применялись для поиска и обнаружения частей тела;

– в каком количестве обнаружены части трупа и на каком расстоянии друг от друга они находились. При этом необходимо провести тщательный поиск необнаруженных фрагментов тела, чтобы убедиться, что все фрагменты, находящиеся на данной местности, найдены, включая мельчайшие костные фрагменты. Рекомендуется использовать специальные поисковые средства для обнаружения скрытых объектов;

– точно зафиксировать местонахождение каждой части тела, указав координаты, привязав объекты к двум неподвижным точкам. Подробно описать окружающую обстановку, наличие следов, растительности или других объектов, которые могут быть связаны с происшествием или условиями, в которых находились указанные фрагменты тела;

– описание внешних признаков, характера повреждений (наличие следов разреза, колотых ран или огнестрельных повреждений и т. д.);

– указывается наличие/отсутствие упаковочной ткани и одежды или ее остатков. Так, например, по одному из фактов убийств, сопряженных с расчленением трупа, преступник использовал чемоданы, находящиеся дома [8].

Каждая из обнаруженных частей тела маркируется, фотографируется, тщательно осматривается и описывается в протоколе, где указываются: анатомические особенности, размер, форма части тела, особые приметы, характер трупных изменений, загрязнений, флоры и фауны. Голова, шея, туловище обязательно осматриваются на предмет обнаружения ран, странгуляционной борозды и других повреждений. Линии расчленения и характер тканей по краям ран, индивидуальные особенности кожи, если есть, то локализацию и характер послеоперационных или посттравматических рубцов, татуировок. В случае обнаружения кистей рук или пальцев, дактилоскопирование целесообразно проводить в лабораторных условиях, поскольку на указанных объектах могут находиться следы преступления, которые в результате данных действий могут быть уничтожены. Для транспортировки частей трупа в морг каждая часть тела

упаковывается отдельно в патологоанатомические (эвакуационные) мешки.

Для обнаружения на месте происшествия следов преступления могут использоваться различные технические средства, например источники экспертного света «МИКС 450» и «Projectina SL-450», реагент для выявления скрытых следов крови «Хищник», полоски индикаторные для определения скрытой крови («Гемофан», «Уриполиан»), используемые в криминалистической практике для обнаружения и исследования следов биологического происхождения. Так, использование указанного арсенала по одному из фактов убийств позволило сотрудникам правоохранительных органов в ходе осмотра места происшествия обнаружить следы биологического происхождения под полом между досок [9].

Все изъятые с места происшествия объекты подробно и точно описываются в протоколе ОМП, затем надлежащим образом упаковываются, подписываются и передаются на экспертизу для дальнейшего исследования. Расчлененные трупы являются объектами исследования не одного вида экспертиз, проводимых экспертными учреждениями разных ведомств, ключевой задачей которых является установление личности погибшего и причины смерти. Несмотря на принадлежность различным ведомствам, судебно-медицинская экспертиза во всех организациях осуществляется по единой методике и в соответствии с едиными нормативными правовыми документами, регламентирующими судебно-медицинскую деятельность в Российской Федерации [10, с. 9].

Так, в рамках производства судебно-медицинской экспертизы, объектами которой по делам об убийствах, сопряженных с расчленением трупа, являются части, фрагменты тела, имеющие разнообразные повреждения, с различной выраженностью трупных явлений, можно установить следующее:

1) видовую принадлежность частей трупа по анатомо-морфологическим особенностям. С этой целью перед экспертом может быть поставлен вопрос: принадлежат ли представленные на экспертизу части человеку или животному;

2) принадлежность частей одному или нескольким трупам. При сопоставлении и изучении линий и плоскостей разделения тканей эксперт может ответить на вопрос: одному или нескольким трупам принадлежат представленные части тела;

3) пол, возраст, раса. Половую принадлежность расчлененного трупа возможно установить по наличию первичных и вторичных половых признаков, а также путем выявления полового хроматина в ядрах клеток крови и мягких тканей. При определении возраста жертвы коэффициент сократимости кожи, толщина эпидермиса, сосочкового и сетчатого слоев дермы, а также глубина залегания сальных и потовых желез являются наиболее информативными показателями возрастных изменений [11]. Также возможно определение возраста и с помощью рентгенографии (определение возраста по степени формирования и окостенения костей). Если по частям тела невозможно установить пол, возраст, расу, то такие вопросы могут быть решены в рамках медико-криминалистической экспертизы. Для этого эксперту предоставляются трубчатые кости, кости таза, черепа;

4) способ и механизм расчленения. В случае расчленения тела в первые часы после смерти линия разделения неровная в связи с сохранившейся способностью мышечной ткани к сокращению. Когда расчленение производится через значительный срок, поверхность линии разделения ровная. Визуально установленные признаки в дальнейшем также исследуются в рамках гистологического и гистохимического исследований. Возможно получение ответа и на вопрос о навыках преступника, в частности навыков хирурга, патологоанатома, мясника и др. Так, например, при отсутствии профессионального навыка расчленение трупа производится путем нанесений множественных разрезов или разрубов с повреждением суставных поверхностей и нанесением надрубов на костях. При его наличии преступник осуществляет деление тела по суставам глубокими и единичными разрезами и разрубами, не повреждая суставные поверхности. «Однако не следует забывать, что такие признаки могут быть обнаружены и в действиях лиц, не обладающих профессиональными навыками, поэтому даже при жесткой зависимости, наблюдаемой в признаках, следует допускать и другие предположения для того, чтобы не быть в плену одной версии, которая может ошибочно ориентировать следователя при планировании расследования» [12, с. 67]. На разрешение эксперту можно поставить вопросы: каков способ расчленения; каков механизм расчленения;

5) причина смерти. На данный вопрос эксперт даст ответ лишь в том случае, если представлены все части тела. Проанализировав все имеющиеся на теле повреждения, помимо тех, которые являются отчленением, он может сделать вывод о возможных причинах смерти (например, черепно-мозговая травма, колото-резанное ранение и т. д.). Нередко (примерно в 1/3 случаев) причину смерти

установить не удается в связи с выраженностью гнилостных изменений и отсутствием значительной части органов и тканей;

6) при наличии всех фрагментов тела или большей их части эксперт ориентировочно может указать и длину тела. В настоящее время разработаны программы, определяющие вероятное значение роста по длине стопы в зависимости от предполагаемых характеристик: пола, возраста, телосложения [13][1]. Если части тела были захоронены, перед экспертом целесообразно поставить вопрос: какова давность захоронения? Вопрос о сроках захоронения можно решить на основании характера почвы, в которой захоронили труп, по оценке гнилостных изменений, по особенностям фауны и флоры, которая присутствует на трупе. Конечно же, о сроках захоронения частей трупа эксперт может сделать выводы ориентировочно.

Данное экспертное исследование проводится экспертами общего профиля (танатологами) в бюро судебно-медицинских экспертиз Министерства здравоохранения Российской Федерации. Указанный перечень вопросов не является исчерпывающим, т. к. касается лишь вопросов расчленения.

Следующее экспертное исследование, которое может проводиться по делам данной категории, — это судебно-гистологическая экспертиза. На экспертизу для исследования представляется материал, набранный от каждой части тела из области повреждения — это область отчленения или иные повреждения, имеющиеся на частях тела, отобранные в рамках судебно-медицинской экспертизы трупа. Данный материал маркируется и направляется для решения следующих вопросов:

1. Прижизненное или посмертное происхождение повреждений.

2. Давность причинения повреждения (давность травмы).

В рамках производства медико-криминалистической экспертизы могут быть решены вопросы: по установлению конструктивных особенностей объектов, которыми производилось расчленение, из какого материала орудия расчленения изготовлены. Расчленение трупа преступники осуществляют различными предметами. При использовании режущих предметов расчленение производят по суставам, пилящих и рубящих — также и вне суставов. Для этого в медико-криминалистическую лабораторию представляются поверхности отчленения, кожные лоскуты, повреждения костей.

Судебно-химическое экспертное исследование отвечает на вопрос о наличии в тканях трупа этилового спирта, наркотических средств, лекарственных препаратов.

Идентификация трупа, его частей может проводиться и в рамках генетической экспертизы. На данную экспертизу представляется материал, отобранный от каждой части трупа, в процессе которой сравнивается образец ДНК биологического материала имеющегося фрагмента трупа и образец ДНК предполагаемого ближайшего родственника погибшего. На разрешение экспертов можно поставить вопрос, например, одному или нескольким трупам принадлежат представленные на экспертизу части тела. В особо резонансных случаях экспертизу расчлененных трупов целесообразно производить с привлечением анатомов, антропологов и других специалистов.

Расследование убийств, сопряженных с расчленением трупов, требует системного подхода, включающего тщательное исследование места происшествия и своевременное назначение судебных экспертиз. Проведение качественного осмотра места происшествия позволяет выявить следы преступления, установить обстоятельства произошедшего и сформулировать обоснованные версии событий. На основании данных, полученных в результате осмотра, назначаются и проводятся разнообразные виды исследований, в т. ч. судебно-медицинские. Применение современных методов исследования в ходе производства данных экспертиз позволяет установить причины смерти, идентифицировать личность погибшего и сформировать доказательную базу расследования, а также оперативно выявить и задержать лицо, совершившее преступление.

[1] Иванов В. Ю., Максимов Н. В., Чулахов В. Н. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020664894 Российская Федерация. Программа для определения вероятного роста человека по следу стопы и вероятной длины расчлененного трупа по длине стопы: № 2020664020: заявл. 09.11.2020: опубл. 19.11.2020.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года // ГИАЦ МВД РФ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 17.03.2026).

2. Вдову рэпера Картрайта приговорили к 12,5 года колонии за его убийство. Марина Кохал будет отбывать наказание в исправительной колонии общего режима. URL: https://tass.ru/proisshestviya/25695079 (дата обращения: 02.04.2026).

3. Для раскрытия убийства Тарховых криминалисты провели 40 экспертиз. Именно они помогли следствию составить версию произошедшего URL: https://tvsamara.ru/news/po-delu-ubiistva-tarkhovykh-kriminalisty-proveli-40-ekspertiz/ (дата обращения: 02.04.2026).

4. Дерягин Г. Б. Судебная медицина: учебник для юридических и медицинских факультетов. М.: МосУ МВД России; Изд-во «Щит-М», 2012.

5. Божченко А. П., Капустин Е. В., Якушев В. В. Расчленение трупов в практике судебно-медицинского эксперта // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. СПб., 2021. С. 52–56.

6. Остробородов В. В., Обухов И. А. О некоторых аспектах осмотра трупа на месте его обнаружения // Материалы криминалистических чтений. Барнаул, 2022.

7. Расчленил на веранде. Отец поленом убил племянника, защищая родного сына. URL: https://omsk.aif.ru/incidents/raschlenil-na-verande-otec-polenom-ubil-plemyannika-zashchishchaya-rodnogo-syna (дата обращения: 02.04.2026).

8. Расчленил и вынес в чемоданах на помойку: стриптизер убил сожительницу в Подмосковье. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/03/18/22660555.shtml (дата обращения: 02.04.2026).

9. Расчленил убитого друга и выбросил останки в Туру: как раскрыли жестокое убийство в Тюмени // Комсомольская правда — Тюмень. URL: https://tyumen.sledcom.ru/news/item/2028326/ (дата обращения: 02.04.2026).

10. Кочоян А. Л., Остробородов В. В., Мамаков Ч. Ю. [и др.] Судебная медицина и процессуальные основы судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве. М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2025.

11. Савенкова Е. Н, Ефимов А. А. Использование возрастных морфологических изменений кожи при судебно-медицинской экспертизе частей расчлененных трупов // Военно-медицинский журнал. 2010. Т. 331. № 8. С. 11–13.

12. Абраменкова В. С. Выдвижение следственных версий при расследовании убийств, связанных с последующим расчленением трупа // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 66–68.

13. Чулахов В. Н., Максимов Н. В. О достоверности определения роста человека по длине стопы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18). С. 132–137.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar’ — dekabr’ 2025 goda // GIAC MVD RF. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (data obrashcheniya: 17.03.2026).

2. Vdovu repera Kartrajta prigovorili k 12,5 goda kolonii za ego ubijstvo. Marina Kohal budet otbyvat’ nakazanie v ispravitel’noj kolonii obshchego rezhima. URL: https://tass.ru/proisshestviya/25695079 (data obrashcheniya: 02.04.2026).

3. Dlya raskrytiya ubijstva Tarhovyh kriminalisty proveli 40 ekspertiz. Imenno oni pomogli sledstviyu sostavit’ versiyu proizoshedshego URL: https://tvsamara.ru/news/po-delu-ubiistva-tarkhovykh-kriminalisty-proveli-40-ekspertiz/ (data obrashcheniya: 02.04.2026).

4. Deryagin G. B. Sudebnaya medicina: uchebnik dlya yuridicheskih i medicinskih fakul’tetov. M.: MosU MVD Rossii; Izd-vo «Shchit-M», 2012.

5. Bozhchenko A. P., Kapustin E. V., Yakushev V. V. Raschlenenie trupov v praktike sudebno-medicinskogo eksperta // Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashchee i vzglyad v budushchee: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. SPb., 2021. S. 52–56.

6. Ostroborodov V. V., Obuhov I. A. O nekotoryh aspektah osmotra trupa na meste ego obnaruzheniya // Materialy kriminalisticheskih chtenij. Barnaul, 2022.

7. Raschlenil na verande. Otec polenom ubil plemyannika, zashchishchaya rodnogo syna. URL: https://omsk.aif.ru/incidents/raschlenil-na-verande-otec-polenom-ubil-plemyannika-zashchishchaya-rodnogo-syna (data obrashcheniya: 02.04.2026).

8. Raschlenil i vynes v chemodanah na pomojku: striptizer ubil sozhitel'nicu v Podmoskov'e. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/03/18/22660555.shtml (data obrashcheniya: 02.04.2026).

9. Raschlenil ubitogo druga i vybrosil ostanki v Turu: kak raskryli zhestokoe ubijstvo v Tyumeni // Komsomol'skaya pravda — Tyumen'. URL: https://tyumen.sledcom.ru/news/item/2028326/ (data obrashcheniya: 02.04.2026).

10. Kochoyan A. L., Ostroborodov V. V., Mamakov Ch. Yu. [i dr.] Sudebnaya medicina i processual'nye osnovy sudebno-medicinskoj ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve. M.: FGBU GNC FMBC im. A. I. Burnazyana FMBA Rossii, 2025.

11. Savenkova E. N, Efimov A. A. Ispol'zovanie vozrastnyh morfologicheskih izmenenij kozhi pri sudebno-medicinskoj ekspertize chastej raschlenennyh trupov // Voenno-medicinskij zhurnal. 2010. T. 331. № 8. S. 11–13.

12. Abramenkova V. S. Vydvizhenie sledstvennyh versij pri rassledovanii ubijstv, svyazannyh s posleduyushchim raschleneniem trupa // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2005. № 1. S. 66–68.

13. Chulahov V. N., Maksimov N. V. O dostovernosti opredeleniya rosta cheloveka po dline stopy // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 2 (18). S. 132–137.

Информация об авторах

О. В. Кругликова — кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Точилкина — кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. V. Kruglikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. A. Tochilkina — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 01.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 01.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 173–178.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 173–178.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.982.35:004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ И ТРАНЗИТИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Татьяна Евгениевна Крысина
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия, tatyana.krysina.02@mail.ru

Аннотация. *В условиях стремительного прогресса цифровых технологий и их проникающего влияния во все сферы общественной жизни наблюдается значительный рост преступной активности, совершаемой с применением современных технических средств. В связи с этим возникает насущная необходимость разработки инновационных методологических подходов к анализу и интерпретации следовой картины, формируемой в виртуальной среде в ходе совершения преступлений. Основная задача исследования — изучить цифровые следы, оставляемые в процессе совершения незаконной банковской деятельности, в т. ч. при незаконном обналичивании и транзите денежных средств, классифицировать их виды и проанализировать практику использования таких данных оперативными подразделениями для проведения оперативно-розыскного мониторинга социальных сетей и иных интернет-ресурсов в отношении подозреваемых лиц.*

Ключевые слова: *цифровые следы, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскной мониторинг, незаконная банковская деятельность*

Для цитирования: *Крысина Т. Е. Использование цифровых следов в виртуальном пространстве при выявлении и раскрытии незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 173–178.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

USE OF DIGITAL TRACES IN VIRTUAL SPACE TO DETECT AND UNCOVER ILLEGAL CASHING AND TRANSFER OF MONEY

Tatyana E. Krysina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia, tatyana.krysina.02@mail.ru

Abstract. *In the context of the rapid progress of digital technologies and their pervasive influence on all areas of public life, there has been a significant increase in criminal activity carried out using modern technical means. This has led to an urgent need for the development of innovative methodological approaches to the analysis and interpretation of the trace patterns generated in the virtual environment during criminal activities. The main objective of the study is to examine the digital traces left during illegal banking activities, including illegal cash withdrawal and money transit, classify their types, and analyze the practice of using such data by operational units for conducting operational and investigative monitoring of social networks and other Internet resources in relation to suspected individuals.*

Keywords: *digital traces, operational and investigative activities, operational and investigative measures, operational and investigative monitoring, illegal banking activities*

For citation: *Krysina T. E. Use of digital traces in virtual space to detect and uncover illegal cashing and transfer of money. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:173–178 (In Russ.).*

© Крысина Т. Е., 2026

Лица, успешно освоившие достижения науки в области IT-технологий, создали свое информационное пространство, реализуемое для осуществления преступного умысла. Проведя исторический анализ преступности, необходимо отметить, что она всегда опережала оказываемое правоохранительными органами противодействие. Указанное противодействие устойчиво придерживается одного принципа, заключающегося в том, что вначале идет проблема, затем возможные способы и средства ее решения. Если решение имеется до проблемы, то это уже не проблема, а лишь возможная причина имитировать проблему [1, с. 175]. Исходя из изложенного принципа, можно констатировать, что изначально формируется новый способ совершения преступного деяния посредством применения определенных средств и орудий, характерных для данного периода развития общества. Лишь после периода практического внедрения и анализа традиционных методов выявления преступлений правоохранительные органы разрабатывают усовершенствованные тактические подходы, направленные на повышение эффективности раскрытия противоправных действий.

В современных условиях цифровизация экономики России сопровождается определенными вызовами, которые оказывают негативное воздействие на устойчивость социально-экономических систем. В этой связи одной из приоритетных задач обеспечения экономической безопасности Российской Федерации является своевременное выявление, прогнозирование и эффективное нейтрализование связанных с цифровым развитием рисков и угроз. В подтверждение важности данной проблематики свидетельствуют ключевые нормативные акты, среди которых выделяются: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[1], Стратегия экономической безопасности до 2030 года[2], а также Концепция противодействия противоправным действиям[3], осуществляемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Данные нормативные правовые акты определяют ключевые ориентиры в сфере защиты экономических интересов и информационной безопасности, включая аспекты, связанные с цифровым пространством.

Результативность деятельности оперативных подразделений при выявлении и последующем раскрытии фактов незаконной банковской деятельности, реализуемой посредством схем обналичивания и транзита денежных средств, а также их цифровых аналогов, в существенной степени определяется корректностью процедур поиска, сбора и анализа цифровых следов. Следовательно, полученные в ходе указанных действий данные составляют базу оперативно значимой информации, используемой для документирования противоправных действий конкретных лиц. Таким образом, именно благодаря надлежащему анализу цифровых следов формируется необходимый объем оперативно значимой информации, служащей основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Наиболее часто встречающееся определение цифрового следа сводится к совокупности данных, которые субъект размещает о себе в сети Интернет. Данное понимание является общепринятым и широко используется в повседневной практике пользователей Всемирной паутины. В частности, под цифровым следом подразумеваются сведения, оставленные лицом в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте, интернет-магазинах, а также на иных интернет-ресурсах и в приложениях, используемых субъектом.

С оперативно-розыскной точки зрения особое значение приобретает выявление и документирование совершенно нового вида следов, носящих название «цифровые». Сегодня в юридической практике существует множество трактовок этого понятия, которые акцентируют внимание на его происхождении и ключевых свойствах. Так, Е. Р. Россинская, к данной категории относит сведения, обладающие криминалистической значимостью, отражающие события или действия, зафиксированные в материальной среде в ходе их возникновения, обработки, хранения и передачи [2, с. 7].

Стоит отметить, что подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК МВД России), входящие в состав Министерства внутренних дел Российской Федерации, играют важную роль в осуществлении борьбы с незаконной банковской деятельностью, совершаемой с использованием схем по обнали-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, ст. 2902.

[3] Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 4154-р.

чиванию и транзиту денежных средств. В контексте выявления и раскрытия рассматриваемого вида преступления деятельность сотрудников оперативных подразделений ЭБиПК МВД России требует особого внимания к определению понятия и существенных признаков цифровых следов. Представляется необходимым детально проанализировать и однозначно трактовать данный термин с учетом специфики выявления и раскрытия незаконной банковской деятельности, реализуемой через призму незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств. Следовательно, в контексте оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) под цифровыми следами понимаются сведения, сохраняемые на электронных носителях и обладающие оперативной ценностью, которые являются неотъемлемым источником информации, используемой при реализации ОРМ, направленных на эффективное выявление и раскрытие преступлений в области незаконной банковской деятельности. Такие следы оставляются виновными лицами в процессе подготовки и последующего совершения незаконной банковской деятельности, например дистанционный перевод денежных средств с банковского счета на расчетный счет фирмы-однодневки, созданной исключительно для краткосрочного ведения хозяйственной деятельности без намерения длительного функционирования.

Цифровые следы представляют собой данные, которые лицо по собственной инициативе размещает в разнообразных серверах информационно-коммуникационной сети Интернет при заполнении анкетных данных, делясь личными фотографиями, оставляя комментарии в социальных сетях. Сотрудникам оперативных подразделений нужно понимать, что при поиске и сборе цифровых следов необходимо уметь их разделять по принципу предоставляемой информации: содержательные и сопутствующие.

К первым относятся данные, обладающие значимой ценностью для субъекта, как правило, формируются им осознанно и непосредственно. К таковым относятся, в частности, содержание электронных сообщений и прилагаемые к ним файлы. Вторая группа характеризуется иной категорией данных, возникающих без непосредственного участия лица, которые представляют собой метаданные [3, с. 174]. К примеру, такими являются временные отметки отправки сообщений, номера телефонов и IP-адреса устройств, используемых в сети. Важно подчеркнуть, что информация о геолокации пользователя, параметры его устройства, а также данные о времени совершения звонков и отправки сообщений регулярно собираются, сохраняются и передаются третьим лицам.

Анализ информации, собранной о действиях пользователя в цифровой среде, позволяет сотрудникам подразделений ЭБиПК МВД России всесторонне оценить его поведенческие паттерны. На основе полученных данных из сети Интернет формируется поведенческая модель, которая помогает определить, связаны ли действия данного лица с совершенным преступлением в сфере незаконной банковской деятельности.

В контексте рассмотрения теоретических аспектов обратимся и к практической деятельности сотрудников оперативных подразделений по использованию цифровых следов при выявлении такого преступления, как незаконная банковская деятельность, связанная с обналичиванием и транзитом денежных средств. Стоит отметить, что комплекс мероприятий, проводимый оперативными сотрудниками, по сбору, анализу и интерпретации данных, оставленных в цифровой среде, позволяет выявить схему преступления, установить участников и собрать доказательства для раскрытия и дальнейшего расследования преступной деятельности.

Ключевое направление практической деятельности сотрудников ЭБиПК МВД России связано с противодействием осуществления незаконной банковской деятельности. В рамках данного направления осуществляется сбор и комплексный анализ оперативно значимой информации, включая цифровые следы, для выявления и документирования противоправных схем обналичивания и транзитирования денежных средств, в т. ч. их цифровых аналогов. В процессе ОРД по выявлению и документированию незаконной банковской деятельности сотрудники правоохранительных органов реализуют комплекс мероприятий, включающих:

– мониторинг интернет-ресурсов и онлайн-источников. Осуществляется систематическое отслеживание цифровых платформ и веб-ресурсов, на которых могут публиковаться сведения, указывающие на противоправную деятельность. К таким сведениям относятся: объявления о предоставлении услуг по обналичиванию, контактные данные организаторов схем, информация о фиктивных юридических лицах, а также технические индикаторы — IP-адреса, доменные имена, цифровые подписи и иные маркеры, позволяющие выявить признаки преступной активности;

– сбор цифровых следов. Предусматривает изъятие материальных носителей информации

у подозреваемых лиц и их окружения. В перечень объектов сбора входят: персональные компьютеры, ноутбуки, мобильные устройства (смартфоны, планшеты), сим-карты;

– анализ финансовых транзакций. Проводится детальное изучение истории операций по банковским счетам, картам, криптовалютным кошелькам и иным электронным средствам платежа. В рамках анализа особое внимание уделяется выявлению аномальных паттернов, свидетельствующих о противоправной деятельности подозреваемых лиц [4, с. 77].

Уместно отметить, что в процессе выявления и раскрытия незаконной банковской деятельности, реализуемой посредством схем обналичивания и транзитирования денежных средств, сотрудники оперативных подразделений ЭБиПК МВД России сталкиваются с большим количеством разнообразных видов цифровых следов. Следует обратить внимание, что цифровые следы выступают важным источником доказательственной информации, позволяющим установить факты противоправных деяний, реконструировать механизмы преступных схем и идентифицировать их участников. Таким образом, рассмотрим некоторые виды цифровых следов, оставленных виновными лицами при подготовке и совершении рассматриваемого вида преступления:

1. Финансовые цифровые следы, которые направлены на отражение движения денежных средств и операции с финансовыми инструментами:

– транзакции между физическими лицами и индивидуальными предпринимателями на суммы, систематически не достигающие порога обязательного контроля;

– дробление крупных сумм на мелкие транши с целью уклонения от процедур финансового мониторинга;

– короткие временные интервалы между зачислением и списанием средств;

– множественные переводы с использованием карт, оформленных на разных физических лиц (дропов), при наличии признаков централизованного управления (совпадающие IP-адреса, синхронизация операций);

– операции с криптовалютами (транзакции между кошельками, конвертация в фиат через биржи и P2P-платформы, использование миксеров);

– аномальные паттерны транзакций: повторяющиеся суммы, регулярные переводы в фиксированное время суток, использование счетов-однодневок.

2. Коммуникационные цифровые следы, которые направлены на фиксацию обмена информацией между участниками преступного сообщества при совершении незаконной банковской деятельности:

– переписка в мессенджерах (Telegram, MAX и др.) с обсуждением схем обналичивания и последующего транзита, инструкций по заполнению платежных поручений, списков карт дропов.

3. Технические цифровые следы, направлены на использование IT-технологий и сетевых ресурсов при подготовке и совершении незаконной банковской деятельности:

– IP-адреса и геолокация точек доступа к онлайн-банкингу, криптовалютным биржам, платежным шлюзам;

– MAC-адреса устройств (компьютеров, смартфонов), с которых осуществлялись финансовые операции;

– следы использования анонимизирующих технологий (VPN, TOR, прокси-серверов), включая IP-адреса промежуточных узлов [5, с. 45].

Таким образом, в контексте выявления и раскрытия незаконной банковской деятельности особую оперативную ценность обретают указанные ранее категории цифровых следов. К числу наиболее значимых видов цифровых следов, имеющих первостепенное значение для ОРД, следует отнести следующие типы значимой информации:

– документы бухгалтерского и финансового характера, оформленные в электронной форме, а также их цифровые копии и визуальные представления, воспроизводимые на материальных носителях, признаются равнозначными оригиналам в бумажной версии;

– информация, полученная с веб-платформ, свидетельствующая о фактах осуществления торговой и иной хозяйственной деятельности лицами, действующими с противоправной целью (в состав таких данных входят: цифровые материалы, извлеченные с серверов посредством специализированных программных средств, а также визуальные доказательства, включающие изображения содержимого интернет-магазинов (например, скриншоты) и прочие сопутствующие сведения);

– данные, которые получены при осуществлении мониторинга социальных сетей и мессенджеров, несущие информацию о совершении транзакций и иных онлайн-операций [6, с. 144].

Необходимо акцентировать внимание на значимости исследования цифровых следов оперативными сотрудниками подразделений ЭБиПК МВД России. Стоит отметить, что данный процесс осуществляется в рамках оперативно-розыскного мониторинга при изучении образа жизни лиц,

подозреваемых в совершении незаконной банковской деятельности через реализации обналичивания и транзита денежных средств, что позволяет выявить косвенные и прямые признаки противоправной деятельности в цифровой среде.

В рамках реализации оперативно-розыскного мониторинга оперативные сотрудники могут создавать фейковые аккаунты в социальных сетях (например, в «ВКонтакте» и «Одноклассниках») с использованием вымышленных персональных данных — имен, фамилий, сведений о месте проживания и образовании. Следовательно, такие профили позволяют получить доступ к персональным аккаунтам подозреваемых, особенно если настройки приватности не ограничены. Анализ открытых данных социальной страницы дает возможность собрать следующую информацию о лице: Ф. И. О., дата рождения, место жительства, сведения об образовании и месте работы, семейное положение, контактные данные (в т. ч. номер телефона). Дополнительно правоохранительные органы могут задействовать специализированные IT-программы для мониторинга активности в социальных сетях. Например, сервисы типа 220vk.com и «Шпион Вконтакте» позволяют легально получать расширенные данные о пользователях, включая уникальный ID и иные метаданные, дополняющие оперативно значимую информацию [7, с. 180].

Одним из существенных аспектов использования информации, получаемой посредством анализа цифровых следов в ходе оперативно-розыскного мониторинга, является возможность проведения ОРМ по установлению личности через доступ к личным страницам пользователей в социальных сетях. В отличие от традиционного следственного действия «Предъявление для опознания» ОРМ «Отождествление личности» может быть реализовано дистанционно с применением информационно-коммуникационной сети Интернет. Следовательно, сотрудники подразделений ЭБиПК МВД России в процессе анализа социальной страницы исследуют комплекс цифровых маркеров, к которым относятся: размещенные фотографии, особенности орфографии и стиля изложения, манера общения, интеллектуальные характеристики и специфические знания субъекта. Применение данного метода идентификации в информационном пространстве позволяет существенно оптимизировать ресурсные затраты и сократить временные издержки по сравнению с традиционной реализацией ОРМ «Отождествление личности» [8, с. 16].

В заключение отметим, что цифровые следы играют важную роль в ОРД, поскольку выступают источником доказательств при последующем осуществлении раскрытия преступлений. Отметим ключевые аспекты применения цифровых следов, определяющие их практическую значимость для ОРД: установление обстоятельств преступления, а именно цифровые следы содержат существенные данные о времени, месте и обстоятельствах совершенного деяния (к примеру, файловые следы (документы, программы, архивы) помогают подтвердить факт создания вредоносного программного обеспечения, а также идентифицировать его автора или редактора); осуществление идентификации личности по цифровым аккаунтам, рассмотрение данных из облачных и мобильных сервисов (логины, привязанные номера телефонов, устройства, биометрическая информация).

Список источников

1. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

2. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (19 февраля 2019 г.). Алматы: Қазақстан Республикасы ІІМ М.: Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019. С. 6–8.

3. Карпика А. Г. Актуальные вопросы поиска и анализа цифровых следов в оперативно-розыскной деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 171–179.

4. Середнев В. А. Интернет как эффективное сетевое пространство для проведения оперативно-разыскных мероприятий // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 67–80.

5. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022.

6. Буйнов Д. О. Виды цифровых следов преступлений в сфере экономической деятельности и особенности их исследования экспертом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11 (144). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-tsifrovyh-sledov-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti-i-osobennosti-ih-issledovaniya-ekspertom (дата обращения: 13.03.2026).

7. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–185.

8. Чекунов И. Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 9–22.

References

1. Pereverzeva E. S., Komov A. V. Virtual'nye i cifrovye sledy: novyj podhod v ponimanii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (89). S. 172–178.

2. Rossinskaya E. R., Ryadovskij I. A. Koncepciya cifrovyh sledov v kriminalistike // Aubakirovskie chteniya: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (19 fevralya 2019 g.). Almaty: Қazaқstan Respublikasy IIM M.: Esbolatov atyndaғy Almaty akademiyasynyң ҒZzhRBZhҰB, 2019. S. 6–8.

3. Karpika A. G. Aktual'nye voprosy poiska i analiza cifrovyh sledov v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Yurist»-Pravoved». 2019. № 3 (90). S. 171–179.

4. Serednev V. A. Internet kak effektivnoe setevoe prostranstvo dlya provedeniya operativno-razysknyh meropriyatij // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. 2016. № 60. S. 67–80.

5. Teoriya informacionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoj deyatel'nosti / pod red. E. R. Rossinskoj. M.: Prospekt, 2022.

6. Bujnov D. O. Vidy cifrovyh sledov prestuplenij v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti i osobennosti ih issledovaniya ekspertom // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 11 (144). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-tsifrovyh-sledov-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti-i-osobennosti-ih-issledovaniya-ekspertom (data obrashcheniya: 13.03.2026).

7. Semikalenova A. I., Ryadovskij I. A. Ispol'zovanie special'nyh znanij pri obnaruzhenii i fiksacii cifrovyh sledov: analiz sovremennoj praktiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 6 (103). S. 178–185.

8. Chekunov I. G. Sovremennye kiberugrozy. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya klassifikaciya i kvalifikaciya kiberprestuplenij // Pravo i kiberbezopasnost'. 2012. № 1. S. 9–22.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 03.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 179–185.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 179–185.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 347.961:343.13

НОТАРИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОТПРАВЛЕНИЮ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Вадим Сагитьянович Латыпов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, Vadi-latypov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3166-8527

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового статуса и форм участия нотариуса в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В работе предпринята попытка обосновать теоретическую модель нотариального содействия отправлению правосудия, определить его сущность, формы и правовые последствия, а также выработать предложения по совершенствованию законодательства.*

По итогам исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства: закрепить в УПК РФ статус нотариуса как иного участника судопроизводства, ввести свидетельский иммунитет по аналогии с адвокатским, а также регламентировать процедуру рассмотрения ходатайств о свидании с нотариусом. Реализация предложенных мер позволит устранить правовую неопределенность, усилить гарантии прав участников процесса и повысить эффективность уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: *нотариат, нотариальное содействие, уголовный процесс, обеспечение доказательств, нотариальный акт, доказательственная сила, содействие правосудию, нотариальная тайна*

Для цитирования: *Латыпов В. С. Нотариальное содействие отправлению уголовного правосудия // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 179–185.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

NOTARIAL ASSISTANCE TO THE ADMINISTRATION OF CRIMINAL JUSTICE

Vadim S. Latypov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, Vadi-latypov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3166-8527

Abstract. *The article is devoted to the study of the legal status and forms of participation of a notary in criminal proceedings of the Russian Federation. The work attempts to substantiate a theoretical model of notarial assistance to the administration of justice, determine its essence, forms and legal consequences, as well as develop proposals for improving legislation. The study used formal legal, comparative legal and system-structural methods, analyzed the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries and doctrinal positions. Systemic gaps in legislation are identified: the absence of the procedural status of a notary, the uncertainty of the procedure for admission to suspects, the absence of witness immunity and judicial control over the seizure of notarial documents. Based on the results of the study, specific proposals were formulated to improve the current legislation: to establish the status of a notary as another participant in legal proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to introduce witness immunity by analogy with the lawyer's, as well as to regulate the procedure for considering petitions for a meeting with a notary. The implementation of the proposed measures will eliminate legal uncertainty, strengthen guarantees of the rights of participants in the process and increase the efficiency of criminal procedural evidence.*

Keywords: *notary, notarial assistance, criminal procedure, evidence provision, notarial act, evidentiary force, assistance to justice, notarial secrecy*

For citation: *Latypov V. S. Notarial assistance to the administration of criminal justice. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:179–185 (In Russ.).*

© Латыпов В. С., 2026

Одним из важнейших конституционных прав человека и гражданина является право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации). Современный нотариат развивается динамично, и расширение его компетенции закономерно направлено на охрану прав граждан и организаций, укрепление законности и предупреждение правонарушений.

Именно этими соображениями продиктовано вовлечение нотариуса в уголовное судопроизводство, которое обусловлено необходимостью сохранения доказательственной информации и защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых применены меры пресечения, связанные с ограничением свободы. Однако, несмотря на очевидную потребность в участии нотариуса в уголовном процессе, механизмы такого участия, процессуальный статус нотариуса и правовые последствия его действий остаются недостаточно разработанными как в законодательстве, так и в доктрине уголовно-процессуального права.

Современный уголовный процесс России строится на принципе состязательности сторон, предполагающем разграничение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Вместе с тем в уголовном судопроизводстве участвуют лица, которые, не обладая собственным процессуальным интересом и не выполняя ни одной из основных процессуальных функций, оказывают существенную помощь сторонам и суду в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. В юридической науке обоснована необходимость выделения самостоятельной уголовно-процессуальной функции — функции содействия отправлению правосудия [1, с. 252–253].

Содействие отправлению правосудия представляет собой деятельность, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу, лицами, не наделенными властными полномочиями [2, с. 16]. В рамках этой функции выделяются лица, оказывающие содействие правосудию, среди которых следует особо выделить нотариуса.

В одной из своих работ О. Д. Несмелова под нотариусом рекомендует понимать участника уголовного судопроизводства, не имеющего собственного процессуального интереса и привлекаемого для оказания квалифицированной юридической помощи по инициативе лица посредством обеспечения доказательств, а также для защиты интересов обвиняемого и подозреваемого, находящихся под стражей или домашним арестом [3, с. 9]. Приведенное определение, на наш взгляд, нуждается в определенной корректировке. Во-первых, УПК РФ не относит нотариуса к числу участников судопроизводства в смысле гл. 5–8 УПК РФ; его статус законодательно не закреплен, поэтому корректнее говорить о привлекаемом субъекте, а не об участнике. Во-вторых, хотя нотариус и не имеет материально-правового интереса к исходу дела, он обладает публично-правовым интересом в сохранении нотариальной тайны и в надлежащем оформлении актов, что исключает абсолютную безынтересность. В-третьих, деятельность нотариуса не сводится к оказанию квалифицированной юридической помощи (это прерогатива адвоката), он совершает нотариальные действия публичного характера, а не представляет интересы стороны. Наконец, основания его участия не ограничиваются инициативой лица: нотариус может быть привлечен и по инициативе органов расследования или суда (например, для участия в выемке или обыске в нотариальной конторе).

С учетом изложенного более точной представляется следующая авторская дефиниция: нотариус — это привлекаемое в уголовное судопроизводство независимое лицо, которое, не выполняя функций стороны или суда, на основании обращений участников процесса или по инициативе органов расследования и суда совершает нотариальные действия, направленные на обеспечение доказательств, удостоверение сделок и доверенностей, а также на содействие в проведении следственных действий при сохранении публичного интереса к законности и тайне нотариальных актов.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. И. Лагодина, нотариус обладает «значительным уголовно-процессуальным потенциалом» в сфере собирания доказательств, прежде всего при определении характера и размера ущерба, причиненного преступлением [4, с. 132]. В этом качестве нотариус реализует функцию содействия правосудию, которая имеет ситуативный (факультативный) характер, реализуется на непостоянной основе и направлена на решение задач оказания помощи сторонам и суду в формировании доказательств, применении технических средств, оказании консультаций [1, с. 252].

В свою очередь, признаками содействия правосудию как самостоятельной уголовно-процессу-

альной функции являются: во-первых, его регулирование нормами уголовно-процессуального права; во-вторых, гарантирование качества собирания доказательственной информации, возможности использования технических средств, получения консультационной, организационной или иной помощи; в-третьих, обеспечение достижения равноправия и состязательности сторон, принятия объективного, справедливого, законного и обоснованного процессуального решения.

Таким образом, нотариальное содействие правосудию обладает особенностями, отличающими его от содействия, оказываемого иными участниками уголовного процесса (гл. 8 УПК РФ). Нотариус, в отличие от свидетеля, эксперта или специалиста, не просто сообщает известные ему сведения или применяет специальные знания, но совершает нотариальные действия от имени государства в строго регламентированном законом порядке. Это придает результатам его деятельности особую доказательственную силу и публичную достоверность [5, с. 918–919].

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить следующие основные формы нотариального содействия отправлению уголовного правосудия.

Обеспечение доказательств представляет собой наиболее значимую и одновременно дискуссионную форму участия нотариуса в уголовном процессе. Согласно ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[1] нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным.

В порядке обеспечения доказательств нотариус может допрашивать свидетелей, производить осмотр письменных и вещественных доказательств, а также назначать экспертизу. Обеспечение доказательств нотариусом характеризуется доказательственной силой, предупредительной силой, упрощением процесса доказывания, внесудебным характером и универсальностью применения [6, с. 43].

Особую актуальность обеспечение доказательств нотариусом приобретает на стадии возбуждения уголовного дела, когда длительность проведения доследственной проверки может повлечь утрату следов преступления и невозможность получения сведений, имеющих доказательственное значение. Как справедливо отмечает Т. В. Синякова, своевременно обеспеченные нотариусом доказательства только одним фактом своего существования могут подтвердить значимые для уголовного дела обстоятельства и убедить обвиняемого признать вину [7].

Следует отметить, что в процессуальной науке представлена и полярная точка зрения. Так, А. А. Афанасьева оспаривает допустимость доказательств, полученных при нотариальном содействии, аргументируя это тем, что нотариус, по ее убеждению, не входит в перечень лиц, управомоченных на собирание доказательств по уголовному делу [8, с. 29]. Критически оценивая данную позицию, следует указать на ее уязвимые стороны. Во-первых, противники нотариального обеспечения доказательств смешивают две разные процессуальные категории: собирание доказательств (которое действительно отнесено к компетенции строго определенных субъектов, включая следователя, дознавателя, защитника и стороны) и фиксацию доказательственной информации, которая не требует наличия властных полномочий. Нотариус при обеспечении доказательств не собирает их в уголовно-процессуальном смысле, а лишь удостоверяет факты и обстоятельства, имеющие юридическое значение, придавая им публичную достоверность, это принципиально иная правовая природа действий.

Во-вторых, довод о нарушении принципов уголовного судопроизводства представляется чрезмерно категоричным. Статья 86 УПК РФ прямо не запрещает использование в доказывании документов и сведений, полученных вне рамок следственных действий, если они представлены стороной защиты или обвинения в порядке ч. 2 и 3 указанной статьи. Нотариальный протокол, будучи представленным в качестве «иного документа» (ст. 84 УПК РФ), не подменяет собой следственные действия, а лишь дополняет доказательственную базу, проходя впоследствии полную процедуру проверки и оценки по правилам ст. 87–88 УПК РФ.

В-третьих, позиция А. А. Афанасьевой не учитывает превентивной функции нотариального обеспечения. На стадии возбуждения уголовного дела, когда проведение отдельных следственных действий еще невозможно ввиду отсутствия процессуального решения, нотариус выступает единственным институтом, способным оперативно зафиксировать быстро исчезающую информацию (интернет-страницы, электронную переписку, со-

[1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом Российской Федерации от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 1993. 13 марта.

стояние имущества). В этой связи отказ от нотариального обеспечения означал бы не усиление, а, напротив, ослабление гарантий законности, поскольку доказательственная информация безвозвратно утрачивалась бы для правосудия.

Важно подчеркнуть, что в отличие от гражданского судопроизводства, где нотариально удостоверенные факты обладают преюдициальной силой (ст. 61 ГПК РФ), в уголовном процессе нотариальный акт не имеет заранее установленной силы и оценивается по общим правилам. Однако специфика нотариального акта как доказательства проявляется в следующем: 1) он исходит от независимого публичного лица, действующего от имени государства; 2) процедура его совершения строго регламентирована и документально фиксируется; 3) он обладает повышенной информационной достоверностью в силу профессиональных стандартов нотариальной деятельности. Именно эти качества позволяют говорить об особом доказательственном потенциале нотариальных актов, а не об их особой юридической силе в смысле ст. 90 УПК РФ.

Таким образом, более обоснованной представляется позиция, согласно которой нотариальное обеспечение доказательств не нарушает принципов уголовного процесса, а, напротив, служит их реализации — состязательности (поскольку предоставляет сторонам дополнительный инструмент формирования доказательств) и законности (поскольку осуществляется в строго регламентированном порядке и под контролем суда при оценке допустимости).

Удостоверение доверенностей и сделок от имени подозреваемых и обвиняемых является второй значимой формой нотариального содействия. Законодательно регламентировано право подозреваемых и обвиняемых на свидание с нотариусом в целях удостоверения доверенности на представление интересов в сфере предпринимательской деятельности (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Данными нормами закреплено, что с момента применения меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста подозреваемый и обвиняемый имеют право на свидание с нотариусом в целях удостоверения доверенности на представление интересов в сфере предпринимательской деятельности. Однако, как обоснованно отмечает А. А. Германова, получение разрешения на свидание с нотариусом «ставится в зависимость исключительно от усмотрения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело», а критерии отказа и порядок его обжалования законодательно не определены, что создает препятствия для реализации данного права [9].

Как справедливо отмечает В. В. Рудич, предоставленное подозреваемому и обвиняемому право на свидание с нотариусом служит гарантией реализации их имущественных прав и интересов [10, с. 20]. Однако существуют значительные сложности с реализацией этого права, связанные с отсутствием четкого порядка допуска нотариуса в места ограничения (лишения) свободы и к лицам, находящимся под домашним арестом.

Третьей формой нотариального содействия правосудию является участие нотариуса в следственных действиях, в первую очередь допросе в качестве свидетеля.

Ключевой проблемой здесь выступает правовой режим нотариальной тайны. Так, согласно ст. 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, нотариус обязан хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Нотариальную тайну составляет любая информация, полученная нотариусом о заявителе при совершении нотариального действия. В уголовном процессе этот иммунитет вступает в противоречие с обязанностью следователя собирать доказательства.

Правовая неопределенность процессуального положения нотариуса при производстве следственных действий создает следующие риски. В случае допроса нотариуса в качестве свидетеля на него распространяется обязанность давать показания (ст. 56 УПК РФ), а отказ от дачи показаний или дача заведомо ложных показаний влечет уголовную ответственность по ст. 307–308 УК РФ. В то же время разглашение сведений, составляющих нотариальную тайну, влечет гражданско-правовую (ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате) и дисциплинарную ответственность, а в отдельных случаях — уголовную по ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни). Таким образом, нотариус оказывается в ситуации конфликта юридических обязанностей, когда исполнение одной неизбежно влечет нарушение другой. Законодательное решение этой коллизии возможно только путем закрепления приоритета нотариальной тайны по аналогии с адвокатским иммунитетом.

Выявленные системные противоречия между имеющимся потенциалом нотариального содействия и отсутствием его процессуальной регламентации обусловливают необходимость построения целостной теоретической модели, которая позволила бы унифицировать подходы к участию нота-

риуса в уголовном процессе и служила бы ориентиром для законодателя.

На основе проведенного исследования представляется возможным предложить следующую модель нотариального содействия отправлению уголовного правосудия, включающую отдельные элементы.

Субъектный состав. Нотариус выступает особым субъектом содействия правосудию, который, в отличие от иных участников, совершает нотариальные действия от имени государства, придавая результатам своей деятельности публичную достоверность. Нотариус может быть привлечен к участию в уголовном процессе по инициативе заинтересованных лиц (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, их представителей) или по инициативе органов предварительного расследования и суда.

Цели и задачи. Основной целью нотариального содействия является обеспечение законности, полноты и достоверности доказательственной базы по уголовному делу, а также защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Задачами нотариального содействия выступают: сохранение доказательственной информации, которая может быть утрачена; удостоверение юридически значимых фактов и сделок от имени подозреваемых и обвиняемых; обеспечение доступа к квалифицированной юридической помощи лицам, в отношении которых применены меры процессуального принуждения.

Формы реализации. Нотариальное содействие реализуется в следующих формах: обеспечение доказательств; удостоверение доверенностей и сделок от имени подозреваемых и обвиняемых; предоставление сведений, составляющих нотариальную тайну, по запросу органов предварительного расследования и суда; участие в следственных действиях, проводимых в отношении нотариуса.

Гарантии законности. Важнейшей гарантией законности нотариального содействия выступает судебный контроль за получением сведений, составляющих нотариальную тайну, и за производством следственных действий в отношении нотариуса. Кроме того, необходимыми гарантиями являются: соблюдение нотариусом установленного порядка совершения нотариальных действий; ответственность нотариуса за разглашение нотариальной тайны; возможность обжалования действий (бездействия) нотариуса.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным внести отдельные изменения в действующее законодательство.

Дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом 17.2 в следующей редакции: «17.2) нотариус — привлекаемое в уголовное судопроизводство независимое лицо, которое, не выполняя функций стороны или суда, на основании обращений участников процесса или по инициативе органов расследования и суда совершает нотариальные действия, направленные на обеспечение доказательств, удостоверение сделок и доверенностей, а также на содействие в проведении следственных действий при сохранении публичного интереса к законности и тайне нотариальных актов».

Дополнить гл. 8 УПК РФ нормой 60.1 «Нотариус», закрепляющей права и обязанности нотариуса (право знакомиться с материалами дела в части, касающейся совершенных им нотариальных действий; право присутствовать при производстве следственных действий в помещении нотариальной конторы и делать замечания, подлежащие внесению в протокол; обязанность сохранять нотариальную тайну и оказывать содействие органам расследования и суду в пределах, установленных законом).

Закрепить в ст. 46 и 47 УПК РФ процедуру подачи и рассмотрения ходатайства о свидании с нотариусом, установив срок рассмотрения, исчерпывающий перечень оснований для отказа и возможность судебного обжалования отказа.

Дополнить УПК РФ ст. 84.1 следующего содержания: «Обстоятельства, удостоверенные нотариусом в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, считаются установленными, если в ходе производства по уголовному делу не будут представлены доказательства, опровергающие их или не будет установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия».

Дополнить пунктом 9 ч. 3 ст. 56 УПК РФ: «9) нотариус — об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с совершением нотариальных действий, за исключением случаев, когда нотариус освобожден от обязанности сохранения тайны в порядке, установленном федеральным законом».

Проведенное исследование позволяет утверждать, что нотариус занимает особое место в уголовном судопроизводстве: не являясь стороной и не обладая властными полномочиями, он выполняет самостоятельную функцию содействия правосудию, придавая результатам своей деятельности публичную достоверность. Его участие реализуется в трех основных формах: обеспечение доказательств, удостоверение доверенностей и сделок для лиц, находящихся под стражей или домашним

арестом, а также взаимодействие с органом, осуществляющим уголовное преследование при производстве процессуальных действий.

Вместе с тем действующее законодательство не закрепляет процессуального статуса нотариуса, не устанавливает четкого порядка допуска к подозреваемым (обвиняемым) и не содержит гарантий сохранности нотариальной тайны при допросе нотариуса, что порождает правовую неопределенность и затрудняет реализацию прав участников процесса. Особого внимания требует отсутствие свидетельского иммунитета нотариуса, аналогичного адвокатскому, что ставит его перед выбором между обязанностью хранить тайну и угрозой санкций за отказ от дачи показаний.

Для устранения выявленных пробелов предлагается: закрепить в УПК РФ статус нотариуса как иного участника судопроизводства, оказывающего содействие правосудию; ввести свидетельский иммунитет нотариуса; определить четкую процедуру рассмотрения ходатайств о свидании с нотариусом с возможностью судебного обжалования отказов.

Реализация этих предложений позволит не только снять существующие коллизии, но и в полной мере использовать высокий уголовно-процессуальный потенциал нотариуса, обеспечив баланс между публичными интересами расследования и частными правами граждан, а также повысить эффективность и законность доказывания по уголовным делам.

Список источников

1. Латыпов В. С. О теоретической модели содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 250–253.

2. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.

3. Несмелова О. Д. Участие нотариуса в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2026. 28 с.

4. Лагодина Е. И. Перспективы вовлечения нотариуса в уголовно-процессуальное доказывание // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 131–136.

5. Несмелова О. Д. К вопросу о доказательственной силе нотариальных актов в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2025. Т. 35. № 5. С. 917–926.

6. Синякова Т. В. Особенности обеспечения доказательств нотариусом в уголовном судопроизводстве // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: мат-лы X Всероссийской научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 25 октября 2024 г.). СПб.: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 41–46.

7. Синякова Т. В. Проблемы реализации нотариусом превентивных полномочий по обеспечению доказательств в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2024. № 4. С. 157–161.

8. Афанасьева А. А. Есть ли место нотариусу в уголовном процессе? // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: мат-лы V Международной научно-практ. конф-ции, приуроченной к 160-летию Устава уголовного судопроизводства (Уфа, 4–5 апреля 2024 г.). Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2024. С. 28–32.

9. Германова А. А. Проблемы и особенности совершения нотариусами нотариальных действий от имени лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 2–7.

10. Рудич В. В. Предоставление обвиняемому (подозреваемому) права на свидание с нотариусом для совершения нотариальных действий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1 (72). С. 18–21.

References

1. Latypov V. S. O teoreticheskoj modeli sodejstviya otpravleniyu pravosudiya v ugolovnom processe Rossii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 1 (176). S. 250–253.

2. Latypov V. S. Sodejstvie otpravleniyu pravosudiya v ugolovnom processe Rossii: konceptual’nye i normativno-pravovye osnovy: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ufa, 2023. 507 s.

3. Nesmelova O. D. Uchastie notariusa v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2026. 28 s.

4. Lagodina E. I. Perspektivy vovlecheniya notariusa v ugolovno-processual’noe dokazyvanie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 6. S. 131–136.

5. Nesmelova O. D. K voprosu o dokazatel'stvennoj sile notarial'nyh aktov v ugolovnom processe // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2025. T. 35. № 5. S. 917–926.

6. Sinyakova T. V. Osobennosti obespecheniya dokazatel'stv notariusom v ugolovnom sudoproizvodstve // Sovremennye tendencii razvitiya chastnogo prava, ispolnitel'nogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoj zashchity: mat-ly X Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Sankt-Peterburg, 25 oktyabrya 2024 g.). SPb.: Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii, 2024. S. 41–46.

7. Sinyakova T. V. Problemy realizacii notariusom preventivnyh polnomochij po obespecheniyu dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravo i praktika. 2024. № 4. S. 157–161.

8. Afanas'eva A. A. Est' li mesto notariusu v ugolovnom processe? // Sovremennye problemy ugolovnogo processa: puti resheniya: mat-ly V Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, priurochennoj k 160-letiyu Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva (Ufa, 4–5 aprelya 2024 g.). Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2024. S. 28–32.

9. Germanova A. A. Problemy i osobennosti sovershеniya notariusami notarial'nyh dejstvij ot imeni lic, v otnoshenii kotoryh izbrana mera presecheniya v vide domashnego aresta ili zaklyucheniya pod strazhu // Advokatskaya praktika. 2022. № 4. S. 2–7.

10. Rudich V. V. Predostavlenie obvinyaemomu (podozrevaemomu) prava na svidanie s notariusom dlya sovershеniya notarial'nyh dejstvij // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (72). S. 18–21.

Информация об авторе

В. С. Латыпов — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

V. S. Latypov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 03.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 186–196.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 186–196.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.1:343.985

СУДЕБНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КВАЗИКОНТРОЛЬ, ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА, ПРАВОСУДИЕ

Асия Океановна Машовец
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, okeanovna@me.com, https://orcid.org/0000-0002-9265-943x

Аннотация. *В статье исследуется юридическая природа судебных производств в сфере оперативно-розыскной деятельности. Отправной точкой анализа избран выдвинутый в литературе тезис о квазиконтроле суда за проведением оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Автор поддерживает вывод о процессуальной автономности судебных производств в сфере ОРД, но предлагает разграничить понятия судебного производства и судебной процедуры, а также уточнить критерий отнесения судебной деятельности к правосудию, связав его не с отраслевой принадлежностью процедуры, а с наличием правового спора и состязательной формы его разрешения. Предлагается закрепить перечень обстоятельств, подлежащих установлению судьей, ввести механизм отложенного уведомления лица, в отношении которого проводились оперативно-розыскные мероприятия.*

Ключевые слова: *судебный контроль, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, квазиконтроль, судебное санкционирование, правосудие, процессуальная форма, предмет судебного рассмотрения, стандарт обоснованности, конституционные права граждан*

Для цитирования: *Машовец А. О. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: квазиконтроль, процессуальная форма, правосудие // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 186–196.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE FIELD OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY: QUASI-CONTROL, PROCEDURAL FORM, JUSTICE

Asiya O. Mashovets
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, okeanovna@me.com, https://orcid.org/0000-0002-9265-943x

Abstract. *The article examines the legal nature of judicial proceedings in the field of operational-search activity. The starting point of the analysis is the thesis of the quasi-control exercised by the court over operational-search measures restricting the constitutional rights of citizens. The author supports the conclusion on the procedural autonomy of judicial proceedings in the field of operational-search activity, but proposes to distinguish between judicial proceedings and judicial procedure, and to refine the criterion for classifying judicial activity as justice by linking it not to the branch affiliation of the procedure, but to the existence of a legal dispute and an adversarial form of its resolution. It is proposed to establish a list of circumstances subject to ascertainment by the judge, to introduce a mechanism of deferred notification of the person in respect of whom the measures were conducted.*

Keywords: *judicial control, operational-search activity, operational-search measures, quasi-control, judicial authorization, justice, procedural form, subject matter of judicial consideration, standard of justification, constitutional rights of citizens*

For citation: *Mashovets A. O. Judicial proceedings in the field of operational-search activity: quasi-control, procedural form, justice. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:186–196 (In Russ.).*

© Машовец А. О., 2026

Часть 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции Российской Федерации допускают ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а равно права на неприкосновенность жилища не иначе как на основании судебного решения. Основной Закон Российской Федерации не делает различий между деятельностью гласной и негласной, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной, а потому в равной мере обязывает и следователя, и оперативного сотрудника.

Механизм реализации этой гарантии в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) закреплен, однако, вне уголовно-процессуального закона: в ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1]. Отсюда проистекает то, что можно назвать структурным парадоксом рассматриваемого института: конституционная гарантия, единая по своему содержанию, реализуется посредством двух процедур, различающихся не в деталях, а в самом типе правового регулирования. Одна из них построена как судебное заседание с участием сторон (ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ). Другая сводится к единоличному и незамедлительному рассмотрению судьей представленных материалов вне судебного заседания.

Различие процедур закономерно порождает и различие результатов. Именно это обстоятельство, будучи впервые представлено в систематизированном виде, стало основанием для постановки в литературе вопроса о том, осуществляет ли суд в сфере ОРД контроль в собственном смысле слова [1]. Потребность в теоретическом осмыслении данной проблематики тем очевиднее, чем масштабнее становится соответствующая судебная деятельность: судами за каждый рабочий день рассматривается и разрешается около 3–3,5 тыс. дел об ограничении конституционных прав граждан в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и жалоб на действия оперативно-розыскных органов [2, с. 7].

В настоящей работе исследуются три взаимосвязанных вопроса. Каково доказательственное значение статистических показателей, положенных в основу тезиса о квазиконтроле? Каким критерием следует руководствоваться при отнесении судебной деятельности в сфере ОРД к правосудию? И наконец, в чём состоит собственно юридический дефект действующей процедуры, устранение которого способно превратить квазиконтроль в контроль?

Цифра и ее интерпретации

Эмпирическая основа тезиса о квазиконтроле известна. Опираясь на данные 2020–2022 гг., когда суды ежегодно рассматривали от 904,9 до 940,2 тыс. ходатайств о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, при доле удовлетворения 99,5–99,8 % и при 785 отказах на всю страну в 2020 г. и 444 в 2021 г., исследователи констатировали наличие в ряде регионов, по их выражению, «стопроцентной "солидарности"» между судами и оперативно-розыскными органами [1, с. 127]. Отсюда общий вывод: «Анализируемый вид судебной деятельности — квазиконтроль суда, не способного обеспечить защиту конституционных прав граждан в связи с проведением в отношении них ОРМ на основании судебного решения» [1, с. 129].

Данные последующих лет этот вывод не смягчают. По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. районными судами рассмотрено 515,0 тыс. ходатайств о проведении оперативно-розыскных мероприятий против 499,5 тыс. годом ранее, причем 189,4 тыс. из них касались ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи[2]. Областными и равными им судами за тот же период рассмотрено 468,4 тыс. таких ходатайств, что составило 96,0 % всех оконченных производством материалов уголовного судопроизводства в этом звене. В их структуре материалы об ограничении тайны сообщений составили 321,8 тыс., или 68,7 %, об ограничении неприкосновенности жилища — 21,3 тыс., или 4,6 %, о предоставлении кредитными организациями сведений, составляющих банковскую тайну, — 72,5 тыс., или 15,5 %. В совокупности это около 983 тыс. производств за год, т. е. порядка четырех тысяч за каждый рабочий день против 3–3,5 тысяч, фиксировавшихся несколькими годами ранее. Показатель же отказов не поддается привычному процентному выражению. Официальный обзор фиксирует единичные случаи отказа, исчисляемые величиной 0,1 тыс.; годом ранее при 461,9 тыс. рассмотренных хода-

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

[2] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

тайств отказов было 0,2 тыс.[1] Доля отказных решений в областном звене составляет, таким образом, порядка двух сотых процента, и в динамике она снижается. Тенденция направлена не в ту сторону, которую предполагали бы сторонники достаточности действующего регулирования.

Вывод этот получил в литературе широкий резонанс. Между тем его аргументационная структура заслуживает отдельного разбора, поскольку сама по себе цифра, сколь бы выразительной она ни была, доказывает меньше, чем принято полагать.

Высокий процент удовлетворения ходатайств допускает по меньшей мере три объяснения. Первое: оперативно-розыскные органы обращаются в суд лишь при действительном наличии оснований, а потому отказ объективно является исключением. Именно эту модель предлагают практические работники; она подтверждается и данными опроса, согласно которым 87,7 % судей считают действующий порядок рассмотрения ходатайств удовлетворительным и не нуждающимся в кардинальном реформировании [3, с. 14–15]. Второе объяснение состоит в том, что процедура не создает условий для критического исследования материалов, и потому решение судьи предопределено самим фактом обращения. Третье, наиболее радикальное: закон не устанавливает критерия, по которому ходатайство могло бы быть отклонено, а следовательно, отказ лишен нормативного основания.

Какой из трех вариантов верен? Статистика в чистом виде ответа не дает, и это обстоятельство следует признать прямо. Отказ в сотых или десятых долях процента случаев одинаково совместим и с безупречным качеством материалов, и с формальностью их проверки. Сам по себе показатель есть величина описательная, а не объяснительная.

Исследователями на основании сопоставления данных статистики (ходатайства следователей о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, удовлетворяются примерно в 96 случаях из ста, а отказ следует по 6–7 тыс. ходатайств ежегодно) был сделан вывод о том, что «доля "отказных" судебных решений по названным вопросам значительно, многократно возрастает по мере усиления начал непосредственности и состязательности в используемых для решения этих вопросов судебных процедурах» [1, с. 128].

Именно здесь, как представляется, и находится подлинное ядро аргумента. Перед нами не статистическая иллюстрация, а квазиэксперимент, поставленный самой правовой действительностью. Контролируемые переменные совпадают: то же конституционное право, тот же характер ограничения, нередко тот же районный суд и тот же судья. Различается единственный фактор — процессуальная форма. При переходе от упрощенного порядка ст. 9 Закона об ОРД к судебному заседанию, предусмотренному ст. 165 УПК РФ, доля отказов возрастает более чем в десять раз. Такое расхождение едва ли объяснимо качеством материалов, скорее всего, оно объяснимо формой рассмотрения ходатайства.

Данное уточнение не опровергает тезиса о квазиконтроле, а укрепляет его, перенося центр тяжести аргументации с показателя удовлетворяемости на институциональное сравнение. Одновременно оно меняет и характер выводов: если проблема коренится в форме, то и решаться она должна средствами процессуального, а не организационного свойства.

Полезен здесь и историко-доктринальный экскурс. Судебное санкционирование ОРМ появилось в отечественном праве в 1992 г.[2] и заместило собой прежнюю прокурорскую санкцию. Замещение это было произведено, однако, без изменения конструкции самой процедуры: суд занял место прокурора в модели, изначально построенной как ведомственное согласование, а не как разрешение правового вопроса. Впоследствии конструкция была практически без изменений воспроизведена в ст. 9 Закона 1995 г. Мы имеем дело, таким образом, с рецепцией административной по происхождению процедуры судебным органом. Судебная форма была наложена на несудебное по своей внутренней логике производство. Отсюда и характерный симптом: суд принимает решение, но не исследует; выносит постановление, но не рассматривает дело.

В этом отношении показательна и позиция Конституционного Суда Российской Федерации, прямо констатировавшего, что процедура, предусмотренная ст. 9 Закона об ОРД, «не является ни

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2024. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor__sudebnoy_statistiki_SOYU___2023_na_sayte.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

[2] Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17, ст. 892. Утратил силу.

судебным разбирательством, ни даже подготовительными действиями к судебному заседанию»[1]. Формулировка эта обыкновенно приводится как аргумент в пользу конституционности упрощенного порядка. Прочитать ее можно и иначе. Высший судебный орган конституционного контроля описал здесь не столько достоинство процедуры, сколько ее действительное юридическое качество.

Судебное производство или судебная процедура?

Второй вопрос, поставленный в новейшей литературе, касается юридической природы соответствующей деятельности суда. Обоснован тезис о том, что установленный законом порядок рассмотрения дел о выдаче разрешения на проведение ОРМ «соответствует большинству признаков самостоятельного судебного производства (наличие специфических целей и задач; собственный предмет судебного рассмотрения и доказывания; процессуальная автономность; внешняя организационная обособленность; особая процедура; свой набор судебных решений)» [2, с. 6]. Отсюда следует и более общий вывод: «фактически сформировался и обособился еще один вид судебной деятельности — судебные производства в сфере ОРД» [2, с. 7].

Тезис этот органично встраивается в развивавшуюся отечественной наукой на протяжении трех десятилетий концепцию судебного контроля в досудебном производстве. Н. Н. Ковтун обосновал понимание судебного контроля как самостоятельной уголовно-процессуальной функции, не сводимой ни к правосудию в традиционном понимании, ни к деятельности административной [4]. В. А. Азаров и И. Ю. Таричко проследили генезис этой функции и показали ее укорененность в отечественной процессуальной традиции [5]. О. В. Химичева предложила рассматривать контроль и надзор на досудебных стадиях как единую систему процессуальных гарантий, элементы которой не должны противопоставляться друг другу [6]. В. В. Кальницкий обосновал понимание судебного заседания в досудебном производстве как особой процессуальной формы деятельности суда, обладающей собственной структурой и логикой [7]. Отнесение судебных производств в сфере ОРД к этому ряду теоретически оправданно.

И всё же полное отождествление здесь едва ли возможно. Признаки, приведенные выше, распадаются на две неравноценные группы. Одни из них носят внешний, организационный характер: обособленность, собственный набор решений, специфика целей. Другие относятся к существу процессуальной деятельности: предмет судебного рассмотрения и доказывания, особая процедура. Если первая группа признаков в деятельности суда по санкционированию ОРМ представлена бесспорно, то вторая вызывает сомнения.

Здесь уместно ввести различение, которое, как представляется, обладает объяснительным потенциалом: разграничение судебного производства и судебной процедуры. Производство предполагает наличие процессуальной формы, т. е. нормативно установленного порядка познавательной и удостоверительной деятельности, включающего предмет исследования, средства его установления, права участников и критерии итогового вывода. Процедура же есть лишь последовательность действий, ведущая к принятию процессуального решения. Всякое производство процедурно, но не всякая процедура образует производство.

Порядок, установленный ст. 9 Закона об ОРД, соответствует признакам процедуры, но не производства. В нем отсутствуют стороны, состязательное начало, непосредственность исследования материалов в собственном смысле и нормативно закрепленный предмет судебного рассмотрения. Непосредственность, как обосновывалось ранее, есть не техническое требование к порядку восприятия сведений судом, а условие формирования судейского убеждения, вне которого судебное познание утрачивает свое качество [8]. Ознакомление судьи с материалами, подготовленными органом, осуществляющим ОРД, при отсутствии иного источника сведений и иной точки зрения на них таким условиям отвечает лишь внешне. Не отрицая наличия у данной деятельности признаков процессуальной автономности, следует заметить, что автономность в отсутствие формы означает не самостоятельность производства, а его нормативную незавершенность.

Замечание это не полемическое, а уточняющее. Оно ведет к тому же практическому результату, к которому приходит и критикуемая нами в этой части конструкция: судебные производства в сфере ОРД нуждаются в достройке до полноценной процессуальной формы. Различие состоит в исходной точке. Если признать форму уже существу-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тибилова Алана Джандеровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2018 № 842-О. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision328145.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

ющей, задача сводится к ее совершенствованию, если признать ее отсутствующей, задача состоит в ее создании.

Правосудие: пределы широкого понимания

Дискуссия о том, является ли судебный контроль правосудием, имеет в отечественной науке долгую историю. М. С. Строгович связывал правосудие с разрешением уголовного дела по существу и вынесением приговора, рассматривая иную деятельность суда как вспомогательную [9]. В. А. Лазарева, напротив, обосновала широкое понимание, при котором правосудием охватывается всякая деятельность суда по защите прав в рамках судопроизводства [10]. И. Л. Петрухин, исследуя контроль суда за расследованием преступлений, отмечал двойственность этой деятельности, соединяющей охранительное и правоприменительное начала [11]. Н. А. Колоколов подчеркивал, что судебный контроль на досудебных стадиях осуществляется в формах, лишь частично совпадающих с формами разрешения дела по существу [12].

В новейших работах занята определенная позиция: «Любая деятельность суда в рамках уголовного судопроизводства есть правосудие. Подругому правосудие как основное полномочие судебной власти практически осуществить невозможно» [13, с. 9]. Концепция узкого понимания правосудия квалифицируется при этом как «архаизм», не соответствующий реальному правоприменению и расходящийся с официальной позицией Верховного Суда Российской Федерации [13, с. 2]. Одновременно вводится существенная оговорка: «Судебные производства в сфере ОРД только тогда приобретают черты правосудия, когда наряду с другими институциональными признаками правосудия (предназначено для защиты права; разрешает в рамках рассматриваемого дела правовой конфликт; имеет правоприменительный характер; завершается принятием итогового решения) осуществляется в уголовно-процессуальном порядке» [14, с. 64].

Сопоставление двух приведенных положений вызывает вопросы применительно к критериям отнесения той или иной процедуры к правосудию: в первом — критерием правосудия выступает отраслевая принадлежность процедуры: деятельность есть правосудие постольку, поскольку осуществляется в рамках уголовного судопроизводства; во втором — к отраслевому критерию присоединяется содержательный: разрешение правового конфликта. Между тем эти критерии не совпадают по объему. Рассмотрение ходатайства о проведении ОРМ, будучи перенесено в УПК РФ, удовлетворит первому критерию, но не станет от этого разрешением конфликта, поскольку конфликт в данном производстве отсутствует. Лицо, чьи права ограничиваются, о производстве не осведомлено и участия в нем не принимает.

Не отрицая продуктивности широкого понимания правосудия, представляется необходимым уточнить его критерий. Определяющим признаком правосудия является, полагаем, не отраслевая принадлежность процедуры, а наличие правового спора и состязательной формы его разрешения. Правосудие есть деятельность по разрешению спора между сторонами, обладающими равными процессуальными возможностями. Там, где спора нет, нет и правосудия, какими бы ни были отраслевая принадлежность нормы и наименование судебного акта.

Приложение этого критерия дает достаточно ясную картину. Судебное санкционирование ОРМ, осуществляемое вне спора и без участия заинтересованного лица, представляет собой форму реализации судебной власти, но не правосудие в собственном смысле. Проверка законности постановлений судей вышестоящим судом и рассмотрение жалоб на действия оперативно-розыскных органов в порядке ст. 125 УПК РФ, напротив, безусловно отвечают признакам правосудия: здесь есть спор, есть стороны, есть состязательная процедура его разрешения[1].

Не понижает ли такая квалификация статус деятельности по санкционированию ОРМ? Полагаем, что нет. Превентивная судебная гарантия не нуждается в том, чтобы именоваться правосудием; ее ценность состоит в ином. Более того, отнесение этой деятельности к правосудию способно оказать негативный эффект, поскольку снимает вопрос о недостающих элементах формы: то, что уже признано правосудием, не нуждается, казалось бы, в достройке.

Показательны в этом отношении данные проведенного эмпирического исследования: 86 % опрошенных судей и 79,8 % всех респондентов воспринимают судебное санкционирование ОРМ как форму правосудия [3, с. 14–15]. Цифра примечательная. Она свидетельствует, однако, не столько о правовой природе явления, сколько о профессиональном самосознании судейского корпуса, для которого всякое собственное решение есть акт

[1] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

правосудия. Практика, таким образом, разрешила спор, который доктрина продолжает вести. Но разрешила его на основании критерия, который сама доктрина признать не может.

Обозначая практический аспект проблемы, отметим, что если санкционирование ОРМ есть форма судебной власти вне правосудия, то естественным направлением его развития становится не механическое перенесение в УПК РФ, а насыщение процедуры теми элементами, которые сообщают судебной деятельности качество познавательной: предметом рассмотрения, стандартом обоснованности, возможностью последующей проверки. Именно этот путь предложен в качестве более реалистичной траектории модификации законодательства, предполагающей сохранение процедуры ст. 9 Закона об ОРД с одновременным дополнением его положениями об обжаловании в вышестоящий суд постановления судьи о разрешении проведения ОРМ [13, с. 19]. Позицию эту следует поддержать.

Предмет судебного рассмотрения и стандарт обоснованности

Статья 9 Закона об ОРД устанавливает, что основанием для решения судьи о проведении ОРМ является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Закон определяет: кто обращается, в какой форме и в какой срок принимается решение. Закон не определяет, что именно судья должен установить.

Отсутствие нормативно закрепленного предмета судебного рассмотрения имеет далеко идущие последствия. При таком регулировании судья вынужден самостоятельно конструировать критерий оценки, а поскольку критерий этот не выражен в законе, он неизбежно тяготеет к минимальному: наличию формальных реквизитов постановления и указанию на одно из оснований, перечисленных в ст. 7 Закона об ОРД. Судейское усмотрение при отсутствии нормативного ориентира вырождается в проверку комплектности материалов. Это не упрек судье, это следствие конструкции нормы.

Проблема усугубляется отсутствием стандарта обоснованности ходатайства. А. В. Смирнов, исследуя стандарты доказанности в их взаимосвязи с презумпциями и распределением бремени доказывания, обоснованно указывает на функциональное назначение таких стандартов: они задают ту меру убежденности правоприменителя, при достижении которой решение считается законным [15, с. 90]. В сфере санкционирования ОРМ подобного стандарта нет. Между тем именно здесь его отсутствие ощущается острее всего, поскольку речь идет о деятельности, лишенной состязательной проверки.

Какой стандарт применим к рассматриваемым производствам? Очевидно, что он не может совпадать со стандартом доказанности обвинения. Судья не устанавливает виновность и не оценивает доказательства в смысле ст. 88 УПК РФ; более того, представляемые ему материалы доказательствами не являются. Е. А. Доля последовательно обосновывал невозможность отождествления результатов ОРД с доказательствами, указывая на принципиальное различие познавательных средств оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности [16]. М. П. Поляков, напротив, предложил рассматривать результаты ОРД как материал, подлежащий уголовно-процессуальной интерпретации, т. е. допускающий преобразование в доказательства при соблюдении установленных условий [17]. Спор этот далек от завершения. Для рассматриваемой проблематики существенно, однако, то, в чём обе позиции сходятся: на момент обращения в суд с ходатайством о проведении ОРМ представляемые сведения не обладают свойствами доказательств, и оценка их по правилам ст. 87–88 УПК РФ невозможна.

В контексте данной проблематики крайне значимым представляется дифференцированный подход к оценке двух видов информации: той, что служит основанием для оперативно-розыскных действий, и той, что формирует основу обвинения. Их отождествление недопустимо, поскольку они относятся к разным этапам доказывания и предполагают разный объем подтвержденных сведений. Первая относится к обоснованному предположению, вторая — к доказанности. Смешение их ведет либо к параличу оперативно-розыскной деятельности, либо, что происходит в действительности, к отказу от какого бы то ни было стандарта.

Возможно предложить следующий перечень обстоятельств, подлежащих установлению судьей при рассмотрении материалов о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан:

1) наличие основания, предусмотренного ст. 7 Закона об ОРД, и его подтвержденность конкретными сведениями, а не ссылкой на норму;

2) наличие условия, предусмотренного ст. 8 Закона об ОРД, применительно к деянию, о признаках которого получена информация;

3) относимость испрашиваемого мероприятия к проверяемой информации, т. е. способность данного ОРМ обеспечить получение искомых сведений;

4) невозможность или существенная затрудненность получения сведений иными, не связанными с ограничением конституционных прав, средствами (условие субсидиарности);

5) соразмерность испрашиваемого срока и объема ограничения характеру проверяемой информации.

Первые два обстоятельства выводимы из действующего закона, три последних нуждаются в нормативном закреплении. Условие субсидиарности представляется при этом ключевым. Оно преобразует деятельность судьи из удостоверительной в оценочную, поскольку требует ответа на вопрос, допускающий отрицательное решение. Пока такого вопроса перед судьей не поставлено, отказ в удовлетворении ходатайства остается юридически беспредметным.

Возразить здесь можно следующим образом: подобные требования уже вытекают из общих начал ОРД и из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно указывавшего на недопустимость произвольного ограничения прав граждан при проведении негласных мероприятий[1]. Возражение справедливо по существу и недостаточно по форме. Правовая позиция, не переведенная на язык нормы, устанавливающей предмет судебного рассмотрения, остается для правоприменителя ориентиром, а не обязанностью. Потребность в нормативной определенности тем очевиднее, чем более массовым и более закрытым является соответствующее производство.

Уместна и аналогия с уголовно-процессуальным регулированием. Применительно к порядку, установленному ст. 165 УПК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что суд обязан проверить наличие фактических и правовых оснований для производства следственного действия, а также убедиться в том, что его производство не может быть отложено[2]. Разъяснение это, будучи адресовано судам, применяющим уголовно-процессуальный закон, формально не распространяется на процедуру ст. 9 Закона об ОРД. Здесь мы вновь сталкиваемся с последствием отраслевой разобщенности двух процедур, реализующих одну и ту же конституционную гарантию.

Отсюда вытекает предложение, реализуемое без изменения закона: разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам рассмотрения судьями материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Мера эта не заменяет законодательного решения. Она способна, однако, дать правоприменителю тот критерий, отсутствие которого сегодня предопределяет результат.

Заметим, что в науке оперативно-розыскной деятельности потребность в кодификации осознана давно. В. Ф. Луговик в свое время представил авторский проект Оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации, в котором значительное место отведено гарантиям прав личности [18]. А. Е. Чечетин, специально исследовавший обеспечение прав личности при проведении ОРМ, обосновал необходимость нормативной детализации оснований и условий их производства [19]. С. И. Захарцев, анализируя общие положения об ОРМ, обращал внимание на неопределенность их законодательных дефиниций [20].

Предварительное разрешение и отсутствующий постконтроль

Судебный контроль в сфере ОРД принято описывать через противопоставление предварительного и последующего контроля, при этом первый существует, второй представлен фрагментарно.

Действующий закон не предусматривает ни отчета перед судом о результатах проведенного мероприятия, ни проверки соответствия фактически осуществленных действий выданному разрешению, ни судебного контроля за судьбой полученных материалов, включая уничтожение сведений, не относящихся к проверяемому деянию. Суд практически не имеет инструментов для проверки того, как именно было исполнено выданное им разрешение. Метафорически точно эта ситуация выражена формулой «блеска» идеи судебного контроля и «нищеты» ее законодательного воплощения [21]. Законодательство создает по существу фасад контроля, за которым не стоит механизм.

Формально право на обжалование существует. Часть 3 статьи 5 Закона об ОРД предоставляет лицу, полагающему, что его права нарушены действиями органов, осуществляющих ОРД, право обжаловать их в вышестоящий орган, прокурору

[1] По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2011 № 12-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

[2] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.

или в суд. Реализация же этого права предполагает осведомленность лица о самом факте проведения мероприятия. Негласность ОРД делает такую осведомленность случайной. Возникает конструкция, при которой право предоставлено, но условие его реализации не обеспечено. Конституционный Суд Российской Федерации, признавая за лицом право на получение сведений о проведенных в отношении него ОРМ, вынужденно оговорил пределы такого права, обусловленные режимом государственной тайны[1]. Баланс этот объективно труден, но труден он лишь потому, что закон не предусматривает механизма, который позволил бы разрешить противоречие во времени, а не по существу.

Формулируя варианты разрешения указанного противоречия, полагаем целесообразным введение института отложенного уведомления: по завершении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, орган, его осуществлявший, обязан уведомить лицо о факте проведения мероприятия и о судебном решении, послужившем основанием. Уведомление откладывается, если его направление способно создать угрозу достижению целей ОРД, безопасности участников или сохранности сведений, составляющих государственную тайну. Отсрочка санкционируется тем же судом на определенный срок с возможностью ее продления. По истечении оснований отсрочки уведомление направляется. Если основания сохраняются бессрочно, суд принимает решение об освобождении от обязанности уведомления с указанием мотивов.

Предложению этому может быть противопоставлено принципиальное возражение, высказанное в свое время Б. Т. Безлепкиным, полагавшим, что правовыми средствами невозможно контролировать деятельность негласную и не основанную на правоотношениях, а саму идею судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью спецслужб считавшим практически неосуществимой и теоретически несостоятельной [22]. Возражение это заслуживает серьезного отношения. Оно верно, впрочем, лишь применительно к контролю за ходом негласной деятельности. Контроль за ее результатами и за соответствием совершенных действий выданному разрешению осуществим постольку, поскольку осуществляется после того, как негласность утратила свое функциональное значение.

Конструкция отложенного уведомления не нарушает негласности ОРД, поскольку затрагивает лишь завершенные мероприятия, цели которых достигнуты или отпали. Она восстанавливает недостающее звено: превращает предоставленное ч. 3 ст. 5 Закона об ОРД право на обжалование из декларации в осуществимое правомочие. Одновременно она сообщает деятельности судьи, выдающего разрешение, перспективу последующей проверки, а перспектива проверки, как известно всякому процессуалисту, есть сильнейший фактор качества решения.

Заслуживает поддержки и предложение о введении прокурорского согласования постановления о проведении ОРМ перед направлением материалов в суд, обеспечивающего предварительный, а не последующий характер прокурорского надзора [13, с. 21]; примечательно, что 46,7 % опрошенных прокуроров высказались за такое нововведение [3, с. 16]. Мера эта решает, впрочем, иную задачу: повышая качество поступающих в суд материалов, она не создает в судебном производстве второй стороны, поскольку прокурор здесь выступает не оппонентом ходатайства, а его дополнительным гарантом.

Остается вопрос об организационной составляющей. По результатам эмпирического исследования сформулирован вывод о том, что данный комплексный правовой институт «в большей степени нуждается в организационно-управленческом сопровождении, чем в дополнительном правовом регулировании» [3, с. 18]: практические работники всех категорий указали на потребность в оборудовании специальных помещений и выделении категорированной техники для работы с секретными документами.

Вывод этот важен, и он корректирует распространенное представление о законодательных изменениях как универсальном средстве. Согласиться с ним полностью, однако, затруднительно. Организационное обеспечение и правовое регулирование соотносятся не как альтернативы, а как условия действенности друг друга. Категорированное помещение позволяет судье исследовать материалы, но не подсказывает, что именно в этих материалах надлежит установить. Иными словами, организационные меры создают возможность содержательной проверки, тогда как нормативные определяют ее предмет и критерий. Первое без второго дает квазиконтроль в улучшенных условиях.

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 34, ст. 4368.

И здесь позиция автора настоящей работы сближается с исходным тезисом, послужившим отправной точкой исследования: «Квазиконтроль суда за ОРМ, ограничивающими конституционные права граждан, должен незамедлительно уступить место действенному судебному контролю» [1]. Расхождение касается средств, а не цели.

Проведенный анализ приводит к выводу, который в исходной постановке проблемы содержался лишь как предположение. Статистика удовлетворяемости ходатайств сама по себе не изобличает суд в формальности. Изобличает ее сопоставление: при тождестве конституционного права, характера ограничения и нередко позиции самого судьи переход от процедуры ст. 9 Закона об ОРД к судебному заседанию, предусмотренному ст. 165 УПК РФ, многократно увеличивает долю отказов. Различие результатов детерминировано различием процессуальных форм, и это единственное объяснение, выдерживающее проверку.

Отсюда следует и оценка юридической природы рассматриваемой деятельности. Признаки процессуальной автономности у нее налицо, признаки завершенной процессуальной формы отсутствуют. Разграничение судебного производства и судебной процедуры позволяет описать это состояние без преувеличений в обе стороны: суд здесь действительно действует, но действует вне той формы, которая сообщает судебной деятельности познавательное качество. По той же причине санкционирование ОРМ, осуществляемое вне спора и без участия заинтересованного лица, следует признать формой реализации судебной власти, но не правосудием. Правосудием является то, что происходит потом: рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и проверка постановлений судей вышестоящим судом.

Центральный дефект действующего регулирования лежит не там, где его обыкновенно ищут. При наличии судебного решения нет предмета судебного рассмотрения и нет стандарта обоснованности ходатайства, а потому перед судьей не поставлен вопрос, допускающий отрицательный ответ. Закрепление перечня обстоятельств, подлежащих установлению, и прежде всего условий субсидиарности преобразовало бы удостоверительную деятельность в оценочную. До внесения изменений в закон соответствующий ориентир способно дать разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Наконец, контроль, не имеющий продолжения, контролем не является. Институт отложенного уведомления и правила обжалования постановления судьи достраивают недостающее звено, а перспектива последующей проверки, как известно всякому процессуалисту, есть сильнейший фактор качества первоначального решения. Организационное обеспечение при этом необходимо, но нормативного не заменяет: технически существующая процедура судебного санкционирования позволяет судье исследовать материалы и ничего не говорит о том, что именно в них надлежит установить.

Постановка вопроса о квазиконтроле акцентирует внимание на проблеме соотношения конституционной гарантии и процессуальной формы, и дальнейшее движение науки в этом направлении представляется не только возможным, но и необходимым.

Список источников

1. Николюк В. В., Виноградова В. А. Квазиконтроль суда за проведением оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 122–130.

2. Николюк В. В. Судебные производства в сфере оперативно-разыскной деятельности // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 3–10.

3. Николюк В. В. О судебном санкционировании оперативно-разыскных мероприятий // Российская юстиция. 2024. № 4. С. 10–18.

4. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.

5. Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омский государственный университет, 2004. 379 с.

6. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. 287 с.

7. Кальницкий В. В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: мат-лы научно-практ. конф-ции / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2004.

8. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. А. Д. Прошлякова. М.: Юрлитинформ, 2016. 456 с.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

10. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 136 с.

11. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М.: Проспект, 2008.

12. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004.

13. Николюк В. В. Реализация полномочий судебной власти в сфере оперативно-разыскной деятельности как форма осуществления уголовного правосудия // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 14–23.

14. Николюк В. В. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: понятие, виды, соотношение с правосудием // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 60–65.

15. Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и с распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204).

16. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. 194 с.

17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В. Т. Томина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

18. Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск, 2014.

19. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2006. 232 с.

20. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. 259 с.

21. Николюк В. В. «Блеск» идеи судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и «нищета» её законодательного воплощения // Теория и практика расследования преступлений: мат-лы XI Международной научно-практ. конф-ции. Краснодар, 2023. С. 507–512.

22. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Велби; Проспект, 2008.

References

1. Nikolyuk V. V., Vinogradova V. A. Kvazikontrol’ suda za provedeniem operativno-rozysknyh meropriyatij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 1 (65). S. 122–130.

2. Nikolyuk V. V. Sudebnye proizvodstva v sfere operativno-razysknoj deyatel’nosti // Rossijskaya yusticiya. 2023. № 7. S. 3–10.

3. Nikolyuk V. V. O sudebnom sankcionirovanii operativno-razysknyh meropriyatij // Rossijskaya yusticiya. 2024. № 4. S. 10–18.

4. Kovtun N. N. Sudebnyj kontrol’ v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: monografiya. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2002. 331 s.

5. Azarov V. A., Tarichko I. Yu. Funkciya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugolovnogo processa Rossii: monografiya. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 2004. 379 s.

6. Himicheva O. V. Konceptual’nye osnovy processual’nogo kontrolya i nadzora na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2004. 287 s.

7. Kal’nickij V. V. Sudebnoe zasedanie kak processual’naya forma deyatel’nosti suda v dosudebnom proizvodstve // Problemy teorii i praktiki ugolovnogo processa, prokurorskogo nadzora i pravoohranitel’noj deyatel’nosti v svete novogo rossijskogo zakonodatel’stva: mat-ly nauchno-prakt. konf-cii / pod red. M. K. Sviridova. Tomsk, 2004.

8. Mashovec A. O. Sudebnoe sledstvie v ugolovnom processe Rossii: teoretiko-doktrinal’nyj, normativno-pravovoj i prikladnoj aspekty: monografiya / pod red. A. D. Proshlyakova. M.: Yurlitinform, 2016. 456 s.

9. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. M.: Nauka, 1968. T. 1. 470 s.

10. Lazareva V. A. Sudebnaya vlast’ i ee realizaciya v ugolovnom processe. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 1999. 136 s.

11. Petruhin I. L. Sudebnaya vlast’: kontrol’ za rassledovaniem prestuplenij. M.: Prospekt, 2008.

12. Kolokolov N. A. Sudebnyj kontrol’ v stadii predvaritel’nogo rassledovaniya: uchebnoe posobie. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2004.

13. Nikolyuk V. V. Realizaciya polnomochij sudebnoj vlasti v sfere operativno-razysknoj deyatel’nosti kak forma osushchestvleniya ugolovnogo pravosudiya // Rossijskaya yusticiya. 2023. № 9. S. 14–23.

14. Nikolyuk V. V. Sudebnye proizvodstva v sfere operativno-rozysknoj deyatel’nosti: ponyatie, vidy, sootnoshenie s pravosudiem // Ugolovnyj process i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 60–65.

15. Smirnov A. V. Standarty dokazannosti: vzaimosvyaz’ s prezumpciyami i s raspredeleniem bremeni dokazyvaniya // Ugolovnyj process. 2021. № 12 (204).

16. Dolya E. A. Formirovanie dokazatel’stv na osnove rezul’tatov operativno-rozysknoj deyatel’nosti: monografiya. M.: Prospekt, 2009. 194 s.

17. Polyakov M. P. Ugolovno-processual’naya interpretaciya rezul’tatov operativno-rozysknoj deyatel’nosti: monografiya / pod red. V. T. Tomina. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001. 262 s.

18. Lugovik V. F. Operativno-razysknoj kodeks Rossijskoj Federacii: avtorskij proekt. Omsk, 2014.

19. Chechetin A. E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2006. 232 s.

20. Zaharcev S. I. Operativno-rozysknye meropriyatiya: obshchie polozheniya. Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr «Press», 2004. 259 s.

21. Nikolyuk V. V. «Blesk» idei sudebnogo kontrolya za operativno-rozysknoj deyatel’nost’yu i «nishcheta» eyo zakonodatel’nogo voploshcheniya // Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij: mat-ly XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Krasnodar, 2023. S. 507–512.

22. Bezlepkin B. T. Nastol’naya kniga sledovatelya i doznavatelya. M.: Velbi; Prospekt, 2008.

Информация об авторе

А. О. Машовец — доктор юридических наук, доцент.

Information about author

A. O. Mashovets — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 197–203.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 197–203.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.195:343.137.5

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ПОЗИЦИЙ В. В. НИКОЛЮКА)

Сергей Александрович Насонов
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, sergei-nasonov@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассмотрен вопрос о законодательном запрете рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних, вызвавший научную дискуссию, предмет которой был концептуализирован В. В. Николюком в его научной публикации. Приведены позиции Конституционного Суда РФ, которые содержат противоположные подходы к решению указанного вопроса в зависимости от того, кто является заявителем ходатайства о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей: сам несовершеннолетний обвиняемый или его совершеннолетние соучастники. Проанализированы подходы ученых, содержащие критику позиций Конституционного Суда РФ. Выдвинут и обоснован тезис об отсутствии существенных противоречий между процессуальными режимами рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего и судом с участием присяжных заседателей. Рассмотрены подходы к решению данного вопроса в законодательстве зарубежных стран и в истории отечественного уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *суд присяжных, несовершеннолетний обвиняемый, предмет доказывания, равенство перед законом, запрет выбора формы судопроизводства*

Для цитирования: *Насонов С. А. К вопросу о запрете рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних (в контексте научных позиций В. В. Николюка) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 197–203.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE ISSUE OF PROHIBITING THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES BY A COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS IN RELATION TO MINORS (IN THE CONTEXT OF V. V. NIKOLYUK'S SCIENTIFIC POSITIONS)

Sergei A. Nasonov
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, sergei-nasonov@yandex.ru

Abstract. *The article considers the issue of the legislative prohibition of the consideration of criminal cases by the court with the participation of jurors in relation to minors, which caused a scientific discussion, the subject of which was conceptualized by V.V. Nikolyuk in his scientific publication. The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are given, which contain opposite approaches to solving this issue, depending on who is the applicant of the petition for the trial of the case by a jury.: the minor accused himself or his adult accomplices. The approaches of scientists containing criticism of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. The thesis is put forward and substantiated that there are no significant contradictions between the procedural regimes of the consideration of a criminal case against a minor and the consideration of a case by a court with the participation of jurors. The approaches to solving this issue in the legislation of foreign countries and in the history of domestic criminal proceedings are considered.*

Keywords: *trial by jury, minor accused, subject of evidence, equality before the law, prohibition of choosing the form of legal proceedings*

For citation: *Nasonov S. A. On the issue of prohibiting the consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors in relation to minors (in the context of V. V. Nikolyuk's scientific positions). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:197–203 (In Russ.).*

© Насонов С. А., 2026

В богатом научном наследии Вячеслава Владимировича Николюка имеются работы, посвященные проблематике производства в суде с участием присяжных заседателей, в частности, об обоснованности законодательного запрета на рассмотрение дел судом присяжных в отношении несовершеннолетних подсудимых [1].

Значимость этой проблемы обусловлена тем, что законодатель в п. 2, 2[1] ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) исключил возможность рассмотрения с участием присяжных заседателей дел о преступлениях, совершенных лицами до восемнадцати лет.

Вместе с тем Конституционным Судом Российской Федерации были вынесены два решения, содержащие концептуально противоположный подход к решению вопроса о возможности рассмотрения с участием присяжных заседателей уголовного дела о преступлении несовершеннолетнего.

В Постановлении от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова» Конституционный Суд Российской Федерации признал конституционным пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, поскольку подсудность таких дел определяется исключительно на основании закона с учетом особенностей производства по уголовным делам несовершеннолетних и установленных для них дополнительных процессуальных гарантий, включая право на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей и расширенные возможности апелляционного обжалования[1].

Ключевой момент позиции Конституционного Суда по данному делу состоял в противопоставлении особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и повышенных гарантий, предоставленных несовершеннолетнему главой 50 УПК РФ, к которым относятся: особый субъектный состав участников судебного разбирательства по данной категории дел (законный представитель, педагог или психолог); особенный предмет доказывания (необходимость установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития, влияния на него старших по возрасту лиц и иных обстоятельств, указанных в ст. 421 УПК РФ); возможность выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление вместе со взрослым и т. д. Из текста данного судебного решения следовало, что реализация этих особенностей невозможна в суде присяжных, более того, они коллидируют с особенностями этого производства. В такой ситуации Конституционный Суд Российской Федерации отдал предпочтения производству, ориентированному на несовершеннолетнего подсудимого.

Приведенный подход Конституционного Суда Российской Федерации вызывал оживленную научную дискуссию, в которой достаточно быстро выявились два лагеря: сторонников и противников этого подхода.

В. В. Николюк концептуализировал указанную проблему, выявил ее сущность, указав, что рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетних судом с участием присяжных заседателей объективно и неизбежно повлечет ограничение их прав и законных интересов, на обеспечение которых нацелена процессуальная форма, предусмотренная гл. 50 УПК РФ, в которой закреплены условия и механизмы всестороннего и полного исследования обстоятельств, составляющих специфический (расширенный) предмет доказывания [1, с. 57]. Он отметил, что при разрешении уголовных дел в отношении несовершеннолетних подсудимых судом с участием присяжных заседателей будет весьма затруднительно обеспечить соблюдение требований международных стандартов [1, с. 58].

Другая, также очень важная идея, высказанная В. В. Николюком по данному вопросу, состояла в том, что ограничение права несовершеннолетнего подсудимого (обвиняемого) на выбор суда с участием присяжных заседателей не имеет дискриминационного характера, поскольку подобное ограничение «опирается на объективно обусловленные критерии, вытекающие из принципов гуманизма и справедливости» [1]. Автор особо подчеркнул, что процессуальные нормы, устанавливающие

[1] По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.05.2014 № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 22, ст. 2920.

особые гарантии производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не следует расценивать как подрывающие основы равенства участников уголовного судопроизводства.

При этом возможный конфликт интересов совершеннолетних подсудимых и их несовершеннолетних соучастников применительно к выбору суда с участием присяжных заседателей, по мнению В. В. Николюка, должен решаться в пользу последних, учитывая гарантийный и обеспечительный характер рассмотренного запрета такого выбора. Таким образом, отмечает В. В. Николюк, если по уголовному делу обвиняется несколько лиц и хотя бы одно из них является несовершеннолетним, то при невозможности выделить дело в его отношении в отдельное производство заявленное совершеннолетним обвиняемым (обвиняемыми) ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не подлежит удовлетворению. Такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке, а применительно к несовершеннолетнему обвиняемому — с учетом положений гл. 50 УПК РФ [1, с. 57].

Ряд ученых заняли противоположную позицию в этой дискуссии и полагали, что рассматриваемый запрет должен быть нормативно отменен.

Так, Н. Е. Борохова и А. А. Барыгина, не отрицая важности гарантий, предоставленных несовершеннолетним обвиняемым главой 50 УПК РФ, подчеркивали, что право на суд присяжных — это важный правозащитный инструмент, который вряд ли можно заменить чем-то еще. Специфика этого суда, предполагающая ориентацию присяжных заседателей на здравый смысл и житейский опыт, позволяет присяжным проявлять милосердие к подсудимому, не будучи скованными рамками уголовного закона. Они вправе признать несовершеннолетнего подсудимого невиновным, даже если признают доказанным событие преступления и его причастность к нему. Подобное решение профессиональный судья не сможет вынести ни при каких обстоятельствах, однако в этом и заключается великая гуманистическая ценность суда присяжных — судить не по закону, а по справедливости [2, с. 25].

Авторы предложили разработать дополнительные законодательные механизмы для того, чтобы защитить интересы несовершеннолетних при использовании данной формы судопроизводства, например включить в состав присяжных лиц, имеющих соответствующую специализацию в области педагогики, социологии, психологии. По мнению Н. Е. Бороховой и А. А. Барыгиной, поскольку государство обязано обеспечить эффективность способов правовой защиты, а также гарантировать равенство перед законом и судом, необходимо вернуть несовершеннолетним право на рассмотрение дела судом присяжных. Таким образом, будет соблюден баланс конституционных ценностей для граждан вне зависимости от возраста [2, с. 25].

Н. А. Дудко высказала мнение, что право на выбор суда с участием присяжных должно быть возвращено несовершеннолетним для обеспечения реализации принципа юридического равенства при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей [3, с. 70].

А. А. Порошина, И. А. Чащина, М. В. Степанов солидаризовались с рассмотренными выше позициями и высказали предложение обеспечить доступ несовершеннолетних к суду присяжных заседателей, т. к. реализация этого института несет важнейший воспитательный характер для гражданина, обеспечивает несовершеннолетнему доступ к суду с высоким уровнем проявления принципов справедливого судопроизводства в России [4, с. 40].

В 2019 г. рассматриваемая дискуссия получила дополнительный импульс.

В Постановлении от 22 мая 2019 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос, возникший в судебной практике[1]. Поводом для обращения стало рассмотрение судом апелляционной инстанции жалобы представителей несовершеннолетнего обвиняемого, проходившего по уголовному делу в соучастии с совершеннолетним лицом, которое заявило о своем праве на суд присяжных. Поскольку районный суд не смог выделить в отдельное производство материалы уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, он назначил дело к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Суд апелляционной инстанции, в который было обжаловано это решение, обратился с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

В указанном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации сразу разграничил свой подход по новому обращению и ранее высказанной позиции, отметив, что в том случае

[1] По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2019 № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 21, ст. 2657.

несовершеннолетний обвинялся в совершении преступлений не в соучастии, а единолично, ввиду чего в его уголовном деле отсутствовала необходимость изыскания баланса конституционных ценностей, имея в виду законные интересы совершеннолетнего, который обвинялся бы по тому же делу и настаивал на рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей. Применительно к высказанной ранее позиции Конституционный Суд Российской Федерации полностью подтвердил ее актуальность и неизменность, отметив, что изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь при предоставлении несовершеннолетнему, обвиняемому в соответствующем преступлении, права на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей в качестве дополнительной процессуальной гарантии законного, объективного, беспристрастного и справедливого разрешения дела, не ухудшает положение несовершеннолетних и не вводит дискриминирующие различия в их обеспечении эффективной судебной защитой по сравнению с совершеннолетними. Указанное изъятие не отражается негативно на положении несовершеннолетних обвиняемых, но лишь при условии предоставления им альтернативных гарантий защиты их прав и законных интересов с тем, чтобы при применении к ним уголовного закона обеспечивался учет социальных, возрастных и психофизиологических особенностей этой категории лиц.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации категорически отверг тезис о том, что рассмотрение судом с участием присяжных заседателей дел по обвинению несовершеннолетних неизбежно связано с ухудшением их положения. Развивая этот довод в постановлении, Конституционный Суд Российской Федерации впервые не противопоставил, а сбалансировал особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и повышенные гарантии, предоставленные несовершеннолетнему главой 50 УПК РФ.

В постановлении отмечалось, что, к несовершеннолетнему, чье дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей, во всяком случае должны применяться закрепленные УПК РФ требования об обязательном участии в делах несовершеннолетних защитника, о специфике круга устанавливаемых по этой категории дел обстоятельств, ограничении времени допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), участии в допросе педагога и психолога, а в судебном разбирательстве — законного представителя несовершеннолетнего (пункт 2 части первой статьи 51, статьи 421, 425 и 428 УПК РФ). В целях обеспечения конфиденциальности судебного процесса в случаях, когда рассматриваются дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет, допускается проведение закрытого судебного разбирательства по решению суда, который также вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, способных оказать на него отрицательное воздействие, с обязательным сообщением ему по возвращении в зал судебного заседания в необходимых объеме и форме содержания судебного разбирательства, происшедшего в его отсутствие, и предоставлением возможности задать вопросы лицам, допрошенным в его отсутствие (пункт 2 части второй статьи 241 и статья 429 УПК РФ).

Кроме того, согласно части восьмой статьи 335 УПК РФ сведения о личности подсудимого — оглашение которых при производстве по делам несовершеннолетних, как правило, нуждается в соблюдении условий конфиденциальности — подлежат исследованию с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого подсудимый обвиняется. В соответствии же с частью третьей статьи 346 УК РФ последствия обвинительного вердикта, в т. ч. касающиеся назначения наказания, когда особое значение приобретает исследование полных сведений о личности несовершеннолетнего, должны обсуждаться без участия присяжных заседателей.

На основании подобных выводов Конституционный Суд Российской Федерации указал, что совершеннолетний подсудимый не может быть лишен конституционного права быть судимым судом с участием присяжных заседателей в ситуации, когда он заявил в соответствии с частью второй статьи 325 УПК РФ ходатайство о рассмотрении таким судом уголовного дела, по которому наряду с ним привлечены и несовершеннолетние подсудимые, а выделение в отдельное производство дела в отношении совместно участвовавших в совершении преступления несовершеннолетних признано судом невозможным как препятствующее всесторонности и объективности процесса.

Эта позиция Конституционного Суда Российской Федерации, конечно же, не возвращает несовершеннолетним обвиняемым право на выбор суда с участием присяжных заседателей, однако признание самой возможности рассмотрения дела несовершеннолетнего судом с участием присяжных в случае заявления соответствующего ходатайства взрослым соучастником и невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство является концептуальной предпосылкой возвращения этого права.

Следует согласиться с Е. В. Марковичевой в том, что данным решением вопрос о подсудности суду присяжных уголовных дел в отношении несовершеннолетних окончательно не решен, и можно предположить, что он эпизодически будет возникать в судебной практике и ставиться в том числе и перед Конституционным Судом Российской Федерации [5, с. 20].

Вместе с тем до законодательного решения этой проблемы подобные позиции Конституционного Суда Российской Федерации радикально ситуацию не изменят.

Представляется, что в основе законодательного запрета рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних обвиняемых лежит спорный тезис о несоответствии особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и повышенных гарантий, предоставленных несовершеннолетнему главой 50 УПК РФ.

Как верно отметил в указанном постановлении от 22 мая 2019 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации, процессуальная форма производства в суде с участием присяжных заседателей, особенности которой предусмотрены главой 42 УПК РФ, позволяет реализовать все повышенные гарантии, предоставляемые УПК РФ несовершеннолетнему обвиняемому.

Разделение в суде с участием присяжных заседателей предмета доказывания на две группы обстоятельств, устанавливаемых с участием и без участия присяжных заседателей, позволяет суду в полной мере исследовать возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ст. 421 УПК РФ). Если эти обстоятельства имеют прямое отношение к признакам деяния, вменяемого несовершеннолетнему, то они будут устанавливаться вердиктом присяжных заседателей. Если они выходят за рамки указанных признаков преступления, их установление будет происходить на этапе обсуждения последствий вердикта.

На обсуждении последствий вердикта коллегии присяжных заседателей при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, суд сможет устанавливать, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. На этом же этапе судебного разбирательства возможно установление наличия или отсутствия у несовершеннолетнего подсудимого заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение в соответствии с частью второй статьи 92 УК РФ.

Положения главы 42 УПК РФ не препятствуют участию в судебном заседании законного представителя несовершеннолетнего подсудимого (ст. 428 УПК РФ).

Рассмотрению уголовного дела с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетнего не препятствует необходимость избрания режима закрытого судебного заседания, что обеспечит несовершеннолетнему реализацию его права на конфиденциальность, предусмотренную п. 8.1. Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил)[1].

Никакие положения главы 42 УПК РФ не создают препятствий для удаления несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, способных оказать на него отрицательное воздействие (ст. 429 УПК РФ).

Таким образом, концептуальные противоречия между главами 42 и 50 УПК РФ отсутствуют, что позволяет законодательно устранить лишение права несовершеннолетних на выбор суда с участием присяжных заседателей.

Следует отметить, что во многих зарубежных моделях производства дела в отношении несовер-

[1] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 29.11.1985.

шеннолетних рассматриваются судом с участием присяжных заседателей.

Так, например, законодательством Австрии предусмотрен специальный состав присяжных заседателей по делам несовершеннолетних. При рассмотрении такой категории дел в составе суда должно быть четыре присяжных, работающих учителями, воспитателями или сотрудниками органов опеки и попечительства по делам несовершеннолетних, причем не менее двух из них должны быть того же пола, что и обвиняемый (§ 11, 31 п. 1 Закона о судах по делам несовершеннолетних) [6].

Как верно отмечает Е. В. Марковичева, в США право на суд присяжных для несовершеннолетних признается в 11 штатах преимущественно с оговорками о применении данной процедуры только к рассмотрению таких уголовных дел, которые могут закончиться тюремным заключением несовершеннолетнего. Еще девять штатов допускают суд присяжных для несовершеннолетних как исключительную процедуру или по усмотрению судьи, или по ходатайству несовершеннолетнего и его законных представителей [5, с. 21].

Вместе с тем для решения рассматриваемой проблемы можно не только ориентироваться на зарубежный опыт, а исходить из собственных правовых традиций. Как точно отметил В. В. Николюк, «…наиболее надежный и эффективный институт присяжных заседателей — не заимствованный из зарубежных правовых систем, а целенаправленно построенный на национальном правовом и социокультурном базисе» [1, с. 56].

Анализ российских правовых традиций свидетельствует, что дела в отношении несовершеннолетних рассматривались судом с участием присяжных заседателей. Так, согласно ст. 759 Устава уголовного судопроизводства присяжные заседатели при рассмотрении уголовного дела по обвинению подсудимого, совершившего преступление до достижения 17 лет, разрешали обязательный вопрос: «Действовал ли он с разумением?» Сенат разъяснял, что указанный вопрос должен ставиться присяжным по вышерассмотренным правилам постановки вопроса о невменении, т. е. между вопросами о доказанности причастности и вопросом о виновности, поскольку, «признавая подсудимого действовавшим без всякого разумения, они [присяжные] отвергают существование в деянии подсудимого преступного намерения, т. е. признают невозможность вменения» [7, с. 266].

Резюмируя проведенное исследование проблемы запрета рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних, следует процитировать высказывание В. В. Николюка о том, что «научная проблема существует, если она грамотно сформулирована», только тогда она поднимается до уровня публичной научной юридической коммуникации [1, с. 55]. Именно поэтому в развитии рассмотренной научной дискуссии так важна позиция, высказанная этим ученым. Остается надеяться, что научные дискуссии обеспечат не только развитие знаний об уголовном судопроизводстве, но и его эффективное регулирование.

Список источников

1. Николюк В. В., Владыкина Т. А. Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ // Общество и право. 2019. № 1. С. 53–60.

2. Борохова Н. Е., Барыгина А. А. К вопросу о праве несовершеннолетних на суд присяжных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 23–26.

3. Дудко Н. А. О конституционном праве обвиняемых (женщин и несовершеннолетних) на суд присяжных // Известия АлтГУ. 2016. № 3 (91). С. 68–70.

4. Порошина А. А., Чащина И. А., Степанов М. В. О проблеме доступа несовершеннолетних к суду присяжных и формировании коллегии суда присяжных заседателей // Российский судья. 2019. № 12. С. 36–41.

5. Марковичева Е. В. Право несовершеннолетних на суд присяжных в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 6. С. 19–22.

6. Насонов С. А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Австрии (сравнительно-правовое исследование) // Юридические исследования. 2016. № 9. С. 41–52.

7. О постановке вопросов на суде уголовном, по решениям Кассационного Сената / сост. М. Селитренников. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1875. 346 с.

References

1. Nikolyuk V. V., Vladykina T. A. Zapret na rassmotrenie sudom s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej ugolovnyh del o prestupleniyah, sovershennyh licami v vozraste do vosemnadcati let: sistemno-pravovoj analiz // Obshchestvo i pravo. 2019. № 1. S. 53–60.

2. Borohova N. E., Barygina A. A. K voprosu o prave nesovershennoletnih na sud prisyazhnyh // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. T. 18. № 3. S. 23–26.

3. Dudko N. A. O konstitucionnom prave obvinyaemyh (zhenshchin i nesovershennoletnih) na sud prisyazhnyh // Izvestiya AltGU. 2016. № 3 (91). S. 68–70.

4. Poroshina A. A., Chashchina I. A., Stepanov M. V. O probleme dostupa nesovershennoletnih k sudu prisyazhnyh i formirovanii kollegii suda prisyazhnyh zasedatelej // Rossijskij sud'ya. 2019. № 12. S. 36–41.

5. Markovicheva E. V. Pravo nesovershennoletnih na sud prisyazhnyh v rossijskom i zarubezhnom ugolovnom sudoproizvodstve // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2019. № 6. S. 19–22.

6. Nasonov S. A. Evropejskie modeli proizvodstva v sude prisyazhnyh: sud prisyazhnyh v Avstrii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) // Yuridicheskie issledovaniya. 2016. № 9. S. 41–52.

7. O postanovke voprosov na sude ugolovnom, po resheniyam Kassacionnogo Senata / sost. M. Selitrennikov. SPb.: Tip. A. M. Kotomina, 1875. 346 s.

Информация об авторе

С. А. Насонов — доктор юридических наук, профессор.

Information about author

S. A. Nasonov — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 204–211.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 204–211.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.985:343.225.3

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АЛКОГОЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОТ УСТОЙЧИВЫХ ПРИЗНАКОВ К МОДЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Евгений Владимирович Овечкин
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, evgenovech@yandex.ru

Аннотация. *В статье на основе анализа научных подходов и изучения практики раскрывается содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции. Автор предлагает собственное определение оперативно-розыскной характеристики, выделяет и систематизирует ее ключевые элементы. На основе анализа уголовных дел за 2019–2025 гг. построена типология организованных преступных групп с их количественной характеристикой. Выявлены типичные организационные недочеты при документировании — запаздывание с фиксацией первичной информации, несвоевременность следственных действий, формальное отношение к экспертизам. Предложена обобщенная криминалистическая модель доказывания, включающая воссоздание полного цикла, финансово-экономический анализ и использование специальных знаний. Результаты могут быть полезны для повышения эффективности оперативных подразделений ЭБиПК МВД России.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, выявление преступлений, оперативное познание, латентная преступность, незаконный оборот алкоголя*

Для цитирования: *Овечкин Е. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений в алкогольной сфере: от устойчивых признаков к модели доказывания // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 204–211.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE ALCOHOL SPHERE: FROM STABLE SIGNS TO A MODEL OF PROOF

Evgeniy V. Ovechkin
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, evgenovech@yandex.ru

Abstract. *Based on the analysis of scientific approaches and case studies, the article reveals the content of operational and investigative characteristics (OIC) of crimes related to illegal alcohol production and trafficking. The author proposes an original definition of OIC as an information model that captures stable features of the criminal mechanism. The elements of OIC are identified and systematized. Using 115 criminal cases (2019–2025), a typology of organized criminal groups is constructed. Typical organizational shortcomings in documentation are identified, and a generalized forensic model of proof is proposed.*

Keywords: *operational and investigative activity, crime detection, operational cognition, latent crime, illegal alcohol trafficking*

For citation: *Ovechkin E. V. Operational and investigative characteristics of crimes in the alcohol sphere: from stable signs to a model of proof. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:204–211 (In Russ.).*

© Овечкин Е. В., 2026

Преступления, связанные с незаконным производством и оборотом алкоголя, — явление многогранное. Здесь переплетаются экономика, социальные отношения, право и технологические процессы. Эффективная оперативно-розыскная работа сегодня невозможна без глубокого понимания природы этих преступлений, четкого представления об уголовно-правовых инструментах и выверенных организационных приемах противодействия [1].

В науке под характеристикой обычно понимают описание отличительных качеств того или иного объекта. В теории оперативно-розыскной деятельности эту роль выполняет оперативно-розыскная характеристика (далее — ОРХ). Первым ее развернутое определение дал Д. В. Гребельский, который описал ОРХ как «совокупность устойчивых и взаимообусловленных информационных признаков криминалистического, психологического, экономического и иного характера, содержание которых в совокупности способствует обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий при раскрытии родовых групп или отдельных видов преступлений» [1]. Обратим внимание на формулировку «иного характера» — она принципиальна, поскольку позволяет дополнять характеристику новыми элементами по мере изменения самой преступности: цифровыми следами, транснациональными связями, современными технологиями.

Позднее В. Н. Луговик предложил подходить к ОРХ как к набору устойчивых, повторяющихся оперативно значимых компонентов, которые выводятся из обобщения практики [2, с. 15]. По нашему мнению, такое обобщение необходимо вести строго внутри категории однородных преступлений — у каждого вида своя специфика.

Большинство исследователей сходятся в том, что в структуру ОРХ входят уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и психологические параметры. Однако конкретный перечень этих элементов вызывает споры. Нам видится наиболее содержательной позиция В. Д. Ларичева. Он относит к элементам ОРХ: способ совершения; типичный перечень наиболее часто подделываемых документов; перечень предметов, оборудования и механизмов, несущих следы преступления; круг осведомленных или причастных лиц и их связи; иные данные, характеризующие деяние [3, с. 87]. Причем, как подчеркивает автор, включать в характеристику стоит только те сведения, которые реально помогают применять силы, средства и методы оперативных аппаратов [3, с. 89].

Не менее интересен подход, сформулированный в монографии «Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики» под редакцией П. И. Иванова. Здесь ключевыми элементами названы: динамика и структура преступности, место и способ совершения экономических преступлений, предмет посягательства, портрет преступника [4, с. 112]. Полагаем, что модели Ларичева и Иванова лучше всего приспособлены для анализа «алкогольных» преступлений, они позволяют уйти от общих фраз к конкретике.

С учетом этих наработок и особенностей противодействия незаконному обороту алкоголя сформулируем собственное определение: оперативно-розыскная характеристика преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции — это научно обоснованная информационная модель, отражающая устойчивые закономерности противоправного механизма в данном сегменте теневого рынка, включая особенности предмета, способы совершения, элементы криминальной инфраструктуры и типичные признаки, знание которых позволяет улучшить прогнозирование, выявление и раскрытие таких деяний.

Исходя из этого, а также на основе изучения работы подразделений ЭБиПК МВД России в состав ОРХ преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции предлагается включать следующие компоненты: динамику и структуру преступности; предмет посягательства (этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, оборудование, сырье); способы совершения; типичный портрет преступника; перечень документов, где остаются следы деятельности (лицензии, сертификаты, товарно-транспортные накладные, декларации, учредительные бумаги, отчеты ЕГАИС, журналы производства); оперативно значимые признаки, влияющие на организацию и методы выявления.

Незаконный оборот алкоголя прочно занимает свое место в структуре экономической преступности. Специалисты отмечают, что теневое производство в России сопоставимо с легальным сектором, а обороты теневого рынка исчисляются миллиардами рублей. Спрос на алкоголь высок, технология его изготовления относительно проста, это порождает устойчивый теневой сектор, который не только лишает бюджет акцизов и налогов, но и угрожает здоровью граждан. Чаще всего встречаются составы по ст. 171.1 УК РФ (оборот немаркированной продукции), ст. 180 УК РФ (незаконное использование товарного знака), ст. 238 УК РФ (сбыт продукции, опасной для жизни и здоровья)

и ст. 327.1 УК РФ (подделка специальных марок). По данным эмпирических источников, почти 75 % изымаемой нелегальной продукции — это напитки кустарного изготовления.

Согласно ч. 5 и 6 ст. 171.1 УК РФ предметом является немаркированная алкогольная продукция, подлежащая обязательной маркировке специальными марками. Крупный размер — от ста тысяч рублей, особо крупный — от миллиона. На практике в орбиту посягательства попадают также оборудование, спирт-сырец, этикетки, упаковка. Статья 180 УК РФ — чужие товарные знаки, незаконное использование которых повлекло крупный ущерб (свыше 250 тыс. руб.)[1]. Статья 238 — товары, не отвечающие требованиям безопасности: использование технического спирта, метанола, иных опасных компонентов. Статья 327.1 — поддельные специальные марки. Наиболее часто подделывают водку (имитация известных брендов), реже — коньяк, вино, ликеры. В кустарных цехах применяют как пищевой, так и технический спирт, что резко повышает опасность продукции. Важный признак — маскировка под легальный товар с помощью фальшивых марок и этикеток.

Способ преступления — это комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию. В незаконном обороте алкоголя можно выделить несколько типичных моделей: организация подпольного цеха с полным циклом (закупка спирта, приготовление смеси, розлив, маркировка, упаковка, перевозка, сбыт); приобретение оптовых партий контрафакта и их перепродажа без собственного производства; реализация через легальные торговые сети, общепит, мелкую розницу.

На подготовительном этапе подыскивают помещение (частные дома, гаражи, ангары), закупают оборудование (ёмкости, фильтры, укупорочные станки), спирт, тару, этикетки и специальные марки. Этикетки и марки нередко изготавливают самостоятельно с помощью компьютера или приобретают у профильных преступных групп. Сам процесс — смешивание спирта с водой (часто водопроводной), фильтрация, розлив, укупорка, оклейка. Сбывают через опт или через сеть мелких продавцов. Для маскировки используют поддельные документы (товарно-транспортные накладные, сертификаты) и фирмы-однодневки.

Среди участников можно выделить несколько категорий. Организаторы — обычно люди с высоким интеллектом и организаторскими способностями, нередко с опытом в бизнесе, возраст 30–60 лет, преобладают мужчины, хотя доля женщин-организаторов постепенно растет. Рядовые исполнители (мойщики бутылок, фасовщики, водители, продавцы) — часто лица в трудной жизненной ситуации либо с маргинальным статусом. Отдельную группу составляют обладатели специальных знаний — химики, технологи, полиграфисты, которых привлекают для качественной имитации легальной продукции.

Первоочередному изучению подлежат: учредительные документы юрлиц-прикрытий; лицензии (если есть); товарно-транспортные накладные, счета-фактуры, декларации соответствия, сертификаты (часто поддельные); документы складского учета, черновики; отчеты ЕГАИС; журналы производства; договоры аренды помещений. Их анализ позволяет заметить подлог, нестыковки учетных данных с реальными объемами и установить причастных.

Практика позволяет выделить несколько негативных факторов, влияющих на качество работы по борьбе с преступлениями в рассматриваемой сфере.

1. Множественность и разнородность участников рынка. В обороте участвуют крупные заводы, малый бизнес и теневые структуры — контроль затруднен. Характерный маркер — наличие лицензии при отсутствии производственных мощностей или их несоответствие заявленным адресам.

2. Коррупционные контакты с должностными лицами контролирующих и надзорных органов. Преступные группы стремятся наладить неформальные связи, чтобы получать информацию о проверках или закрывать глаза на нарушения. Симптоматично отсутствие плановых проверок при очевидных признаках нарушений.

3. Высокий уровень организованности и продуманная конспирация. Четкое распределение ролей, межрегиональный размах, использование складов-«перевалок» — всё это затрудняет выявление всей логистической цепи.

4. Пробелы в аналитической работе и межведомственном взаимодействии. Нет единой системы обмена данными, проверки проводятся несогласованно, МВД, ФНС и контролирующие органы работают разрозненно, преступления выявляются случайно, многие остаются безнаказанными. Маркер: положительная налоговая отчетность при очевидном несоответствии выпуска продукции реальным мощностям.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

Для более глубокого понимания закономерностей преступной деятельности стоит обратиться к строению самих организованных групп. Современная криминология всё чаще переключается с изучения громоздких преступных синдикатов на анализ локальных, немногочисленных, но очень живучих микрогрупп. Именно они образуют наиболее устойчивый слой теневого рынка, способный воспроизводиться на региональном и межрегиональном уровнях благодаря гибкости, автономности и малой уязвимости [5, с. 412].

Эмпирическую базу исследования составили описательно-мотивировочные части приговоров судов общей юрисдикции[1]. Проанализировано 115 уголовных дел о незаконном обороте алкогольной продукции, рассмотренных в разных регионах России в 2019–2025 гг. География: Центральный округ — 28 дел (24,3 %), Приволжский — 24 (20,9 %), Южный — 18 (15,7 %), Уральский — 16 (13,9 %), Сибирский — 14 (12,2 %), Северо-Западный — 10 (8,7 %), Дальневосточный — 5 (4,3 %). Отбирались дела с обвинительным приговором, вступившим в силу, квалификацией по ст. 171.1, 171.3, 180, 238, 327.1 УК РФ и с наличием описания структуры преступной группы.

Методология включает структурно-функциональный анализ, криминологический анализ микрогрупп, системную реконструкцию моделей координации.

Типология организованных преступных групп. В ходе исследования выделены три типовые модели.

Модель 1: «Интегрированная корпорация» (23 % выборки). Крупные формирования, использующие инфраструктуру легального бизнеса как прикрытие. Многоуровневая структура, наемные сотрудники, сложные финансовые схемы, юридическое прикрытие. Стратегическая цель — максимизация прибыли при минимизации рисков.

Модель 2: «Централизованное микропредприятие» (42 %). Небольшие мобильные группы с жесткой централизацией управления. Единоличный лидер замыкает на себе стратегию, финансы, закупки и связи с клиентами. Остальные — только исполнители. Инфраструктура простая: гараж или склад для хранения, личный автотранспорт для доставки. Конспирация держится на закрытости и компактности.

Модель 3: «Семейная фирма» (35 %). Основана на родственных и дружеских связях. Полный цикл — от производства до сбыта. Используются жилые помещения, гаражи, собственный автопарк. Высокая конспирация за счет кодовых слов, псевдонимов, скрытых каналов связи[2].

Все три модели объединяют общие черты: наличие лидера, принимающего ключевые решения; разделение труда по функциям; собственная материально-техническая база; применение мер конспирации [5, с. 425].

Сравнивая модели, можно отметить следующие различия. «Интегрированная корпорация» глубоко встроена в легальную экономику, опирается на наемных сотрудников и формальные связи, имеет многоуровневую операционную схему с юридическим прикрытием. «Централизованное микропредприятие» — минимальная интеграция, деловые (но не родственные) связи, двухуровневая схема «лидер — исполнители». «Семейная фирма» работает автономно, не зависит от внешней экономики, строится на личном доверии, имеет полный производственно-сбытовой цикл. По способам конспирации: корпорация использует подставные фирмы и номинальных директоров; микропредприятие полагается на личную конспирацию лидера; семейная группа использует родственные узы для внутреннего контроля. Логистика у корпорации — межрегиональная, с арендованными складами; у микропредприятия — личный транспорт, кратковременное хранение в гаражах; у семейной — свой автопарк, хранение в жилье, поэтапное перемещение. Типичные поддельные документы: корпорация подделывает полный пакет (накладные, сертификаты, качественные имитации марок); микропредприятие ограничивается накладными и упрощенными сертификатами; семейная группа чаще всего подделывает только марки и этикетки, реже полный пакет.

Анализ материалов дел позволил обнаружить типичные ошибки на этапе оперативного сопровождения и предварительного следствия.

[1] Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 15.05.2019 по делу № 1-214/2019 // Архив судебных решений судов общей юрисдикции РФ; Приговор Коркинского городского суда Челябинской области от 13.02.2025 по делу № 1-203/2024 (УИД 74RS0022-01-2024-001106-04) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 19.01.2026); Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 12.02.2025 по делу № 1-12/2025 (1-270/2024) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/faUfgeOY8Olx/ (дата обращения: 19.01.2026).

[2] Приговор Коркинского городского суда Челябинской области от 13.02.2025 по делу № 1-203/2024 (УИД 74RS0022-01-2024-001106-04) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 19.01.2026); Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 12.02.2025 по делу № 1-12/2025 (1-270/2024) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/faUfgeOY8Olx/ (дата обращения: 19.01.2026).

Недостаточная фиксация первичной оперативной информации. В деле № 1-214/2019 (Волгоград) сведения о месте хранения продукции не были вовремя процессуально закреплены, в результате значительную партию товара изъять не удалось[1].

Несвоевременность следственных действий. В деле № 1-203/2024 (Челябинская область) промедление с обыском на складе позволило участникам группы вывезти продукцию, что сделало невозможным проведение экспертизы[2].

Формальное отношение к использованию специальных знаний. В деле № 1-12/2025 (Оренбург) экспертиза оборудования проведена лишь в отношении части объектов, поэтому не удалось доказать системный характер производства[3].

Обобщенная криминалистическая модель доказывания

На основе анализа изученных уголовных дел и выявленных типичных просчетов предлагается обобщенная криминалистическая модель доказывания по делам о незаконном обороте немаркированной алкогольной продукции, совершаемом организованными группами. Модель представляет собой последовательный системный алгоритм из трех взаимосвязанных блоков (первый блок включает два подраздела).

Блок 1. Реконструкция полного цикла незаконной деятельности: изготовление — хранение — перемещение — сбыт.

Задача — восстановить всю технологическую и логистическую цепочку от поступления сырья до передачи готовой продукции конечному потребителю.

1.1. Установление факта незаконного изготовления (производства).

Доказыванию подлежат:

– место производства (подпольный цех, частный дом, гараж, ангар, арендованное нежилое помещение);

– используемое оборудование (ёмкости, фильтры, укупорочные машинки, этикетировочные станки, линии розлива);

– сырье и материалы (спирт этиловый — пищевой или технический, вода, ароматизаторы, стеклотара, пробки, этикетки, федеральные специальные марки — подлинные или поддельные);

– технологический процесс (смешивание, фильтрация, розлив, укупорка, оклейка);

– лица, непосредственно участвующие в изготовлении (технологи, фасовщики, мойщики бутылок), и их роли.

Источники доказательств: показания свидетелей (в т. ч. бывших работников подпольного цеха); результаты осмотра места происшествия (протоколы, фото, видео); изъятое оборудование, сырье, полуфабрикаты, готовая продукция; черновые записи (технологические рецептуры, журналы учета выработки, графики смен); заключения товароведческой и технической экспертиз (способность оборудования к промышленному розливу, идентификация следов спирта на оборудовании).

1.2. Реконструкция логистики (хранение, перемещение, сбыт).

Устанавливаются:

– места хранения готовой продукции (склады-«перевалки», арендованные контейнеры, гаражи, подвалы);

– маршруты транспортировки, виды транспорта, водители, периодичность перевозок;

– каналы сбыта (оптовые партии, розничные сети, мелкая розница, интернет-площадки, доставка);

– клиентская база (постоянные оптовые покупатели, их контактные данные).

Источники: показания свидетелей (приобретателей, водителей, грузчиков); данные негласного наблюдения (места остановок, погрузочно-разгрузочные работы); записи с камер видеонаблюдения с прилегающих территорий; навигационные данные транспортных средств (при наличии трекеров); товарно-транспортные накладные (поддельные), черновые записи о партиях, ценах, суммах.

Результат первого блока — полная технологическая и логистическая карта: от сырья до конечного потребителя, с локацией всех объектов (цех, склады, точки сбыта) и распределением ролей по стадиям.

Блок 2. Финансово-экономический анализ.

Задача — вскрыть экономическую сущность преступной деятельности, определить реальные объемы незаконного производства и оборота, доходы и их распределение.

Направления анализа:

[1] Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 15.05.2019 по делу № 1-214/2019 // Архив судебных решений судов общей юрисдикции РФ.

[2] Приговор Коркинского городского суда Челябинской области от 13.02.2025 по делу № 1-203/2024 (УИД 74RS0022-01-2024-001106-04) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 19.01.2026).

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 12.02.2025 по делу № 1-12/2025 (1-270/2024) // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/faUfgeOY8Olx/ (дата обращения: 19.01.2026).

– движение денежных средств по счетам юридических и физических лиц (включая номинальных владельцев и подставные фирмы);

– объемы закупки сырья и материалов (спирта, стеклотары, этикеток, марок) в сопоставлении с задекларированными объемами производства и реализации;

– данные налоговых деклараций и отчетов ЕГАИС — выявление несоответствий (например, задекларированный объем производства в десятки раз меньше подтвержденного документами о закупке спирта);

– распределение доходов между участниками группы — для установления ролей и степени вины каждого.

Источники данных: банковские выписки, платежные поручения, расходные документы на сырье, налоговые декларации, декларации об объеме оборота алкогольной продукции, отчеты ЕГАИС, черновые записи о полученных суммах.

Результат блока — расчет реального (незадекларированного) дохода, выявление фиктивных сделок, установление организатора как лица, контролирующего финансовые потоки.

Блок 3. Использование специальных знаний (экспертизы).

Экспертные заключения должны не просто присутствовать в деле, а быть встроены в единую доказательственную конструкцию, подтверждая выводы первых двух блоков.

Виды экспертиз:

Товароведческая экспертиза: определяет принадлежность изъятой жидкости к алкогольной продукции, ее состав (наличие метанола, технического спирта, сивушных масел, опасных примесей); подтверждает факт немаркированности или поддельности федеральных специальных марок.

Техническая экспертиза оборудования: определяет способность изъятых механизмов (емкостей, фильтров, розливных линий) к промышленному производству алкогольной продукции, устанавливает наличие следов спиртосодержащих жидкостей на оборудовании.

Бухгалтерская экспертиза: выявляет искажения в первичных учетных документах, подтверждает фиктивность сделок, рассчитывает фактический объем произведенной и реализованной продукции, а также сумму неуплаченных налогов и акцизов.

Судебная экспертиза товарных знаков (назначаемая по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 180 УК РФ): позволяет установить тождество либо сходство до степени смешения обозначений, размещенных на контрафактной продукции, с охраняемыми товарными знаками, а также определить, могло ли такое сходство ввести потребителей в заблуждение относительно происхождения товара.

Результат блока — подтверждение противоправности предмета (продукция опасна или немаркирована, марки поддельны, оборудование предназначено для незаконного розлива), размера ущерба (в т. ч. правообладателю), а также объективного характера нарушений.

Принцип системности модели.

Ни один блок не существует изолированно. Выводы финансово-экономического анализа должны подкрепляться реконструкцией цикла изготовления и логистики (например, обнаруженное в черновиках количество произведенных бутылок должно коррелировать с объемом закупленного спирта и количеством изъятой готовой продукции). Экспертные заключения (товароведческие, технические) должны отвечать на вопросы, возникшие при осмотре места производства и исследовании технологического процесса. Только совокупность трех блоков позволяет:

– доказать факт незаконного изготовления и оборота немаркированной алкогольной продукции в составе организованной группы;

– установить всех участников, их роли и степень вины (от технолога до организатора);

– определить размер причиненного ущерба и обосновать квалификацию по соответствующим частям статей 171.1, 180, 238, 327.1 УК РФ.

Предложенная модель доказывания носит универсальный характер. В ходе исследования установлено, что отдельные ее элементы (реконструкция логистики, финансовый анализ, использование специальных знаний) успешно применялись при расследовании ряда уголовных дел из эмпирической базы (приговоры по этим делам не обжаловались в вышестоящих инстанциях). Представляется, что полное применение модели в практике подразделений ЭБиПК МВД России позволило бы систематизировать сбор и проверку доказательств по делам о незаконном обороте алкогольной продукции, совершаемом организованными группа-

ми, а также минимизировать типичные недостатки, выявленные в ходе исследования.

Выводы:

1. Оперативно-розыскная характеристика преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции не может ограничиваться традиционными уголовно-правовыми и криминологическими параметрами. Она должна включать такие специфические элементы, как технология незаконного производства, особенности логистики контрафакта, перечень документов с признаками подлога (отчеты ЕГАИС, декларации по акцизам, журналы производства), а также оперативно значимые маркеры — от наличия лицензии без производственных мощностей до несоответствия налоговой отчетности реальным объемам выпуска.

2. По данным анализа 115 уголовных дел организованная преступность в алкогольной сфере представлена тремя типовыми моделями, каждая из которых требует особых приемов оперативного документирования. Наиболее распространены «централизованные микропредприятия» (42 % выборки) и «семейные фирмы» (35 %) — небольшие законспирированные группы, ориентированные на быстрый оборот и минимальную инфраструктуру. «Интегрированные корпорации» (23 %) используют легальный бизнес как прикрытие и характеризуются сложными финансовыми схемами и юридической атрибутикой.

3. Разработанная модель доказывания и типология организованных преступных групп имеют прикладное значение по трем направлениям. Во-первых, они позволяют оперативному сотруднику на ранних этапах идентифицировать вид преступной структуры и выбирать наиболее эффективные приемы документирования (для «микропредприятий» — фиксация связей единоличного лидера, для «семейных фирм» — отслеживание родственных каналов коммуникации). Во-вторых, модель задает четкие критерии завершенности стадии выявления: полнота реконструкции цикла изготовления — сбыта, наличие финансовых несоответствий, экспертные подтверждения. В-третьих, выявленные системные недостатки (разобщенность ведомств, слабая аналитика, кадровый дефицит) указывают на необходимость корректировки ведомственных регламентов межведомственного взаимодействия и программ профессиональной подготовки. Таким образом, статья предлагает не частные рекомендации, а комплексный инструмент повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности в одной из наиболее латентных сфер экономической преступности.

Список источников

1. Кондрашечкин Р. В. Оперативно-разыскная характеристика преступлений с позиции криминалистики и теории оперативно-разыскной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 4. С. 1–9.

2. Луговик В. Н. Проблемы формирования учения об оперативно-розыскной характеристике преступлений // Оперативник (Сыщик). 2006. № 4 (9). С. 13–17.

3. Ларичев В. Д. Теоретическая модель оперативно-розыскной деятельности по выявлению и документированию экономических преступлений против собственности: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2016. 168 с.

4. Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики: монография / П. И. Иванов, П. Б. Викулов, М. А. Лобанов [и др.]; под ред. П. И. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с. URL: https://www.iprbookshop.ru/141635.html (дата обращения: 15.04.2026).

5. Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРАМ, 2021. 712 с.

References

1. Kondrashechkin R. V. Operativno-razysknaya harakteristika prestuplenij s pozicii kriminalistiki i teorii operativno-razysknoj deyatel'nosti // Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2021. № 4. S. 1–9.

2. Lugovik V. N. Problemy formirovaniya ucheniya ob operativno-rozysknoj harakteristike prestuplenij // Operativnik (Syshchik). 2006. № 4 (9). S. 13–17.

3. Larichev V. D. Teoreticheskaya model' operativno-rozysknoj deyatel'nosti po vyyavleniyu i dokumentirovaniyu ekonomicheskih prestuplenij protiv sobstvennosti: monografiya. M.: VNII MVD Rossii, 2016. 168 s.

4. Bor'ba s nalogovoj i korrupcionnoj prestupnost'yu. Voprosy teorii i praktiki: monografiya / P. I. Ivanov, P. B. Vikulov, M. A. Lobanov [i dr.]; pod red. P. I. Ivanova. M.: YuNITI-DANA, 2023. 383 s. URL: https://www.iprbookshop.ru/141635.html (data obrashcheniya: 15.04.2026).

5. Goryainov K. K., Ovchinskij V. S., Sinilov G. K. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: INFRAM, 2021. 712 s.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 08.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 212–219.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 212–219.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.985

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОЦЕССА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Константин Юрьевич Пантюхин
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, pantuhin02@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел. Обоснована необходимость формирования данной концепции как целостной научной конструкции, придающей оперативно-розыскной деятельности системность, стадийность и процедурную регламентацию. Проведено разграничение оперативно-розыскного процесса со смежными категориями, раскрыта структура концепции. Сделан вывод, что разработка концептуальных основ выступает необходимым условием перехода от эмпирической практики к системной научной теории, обеспечивающей предсказуемость, обоснованность и законность оперативно-розыскной деятельности. Предложены изменения в оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскной процесс, концептуальные основы, оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел, документирование, оперативно-розыскное производство, стадии, правовое регулирование*

Для цитирования: *Пантюхин К. Ю. Концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 212–219.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE OPERATIONAL SEARCH PROCESS IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Konstantin Yu. Pantyukhin
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, pantuhin02@mail.ru

Abstract. *The article discusses the conceptual foundations of the operational and investigative process in the activities of internal affairs bodies. The necessity of forming this concept as a holistic scientific construct that gives operational and investigative activities a systematic, staged, and procedural regulation is substantiated. The operational and investigative process is distinguished from related categories, and the structure of the concept is revealed. It is concluded that the development of conceptual foundations is a necessary condition for the transition from empirical practice to a systematic scientific theory that ensures the predictability, validity, and legality of operational and investigative activities. Changes have been proposed to the legislation on operational search and criminal procedure.*

Keywords: *operational and investigative process, operational and investigative activities, internal affairs bodies, documentation, operational and investigative proceedings*

For citation: *Pantyukhin K. Yu. Conceptual foundations of the operational search process in the activities of internal affairs bodies. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:212–219 (In Russ.).*

© Пантюхин К. Ю., 2026

Формулирование концептуальных основ в юридических науках представляет собой не просто подбор терминологических определений, а важный этап научного познания. От четкости и обоснованности изложения зависят статус и непротиворечивость предлагаемой теории. Исходя из семантики термина «концепция», под ней понимается замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь [1, с. 561], система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на то или иное явление [2, с. 97; 3, с. 454], взгляды на что-нибудь, основная мысль [4, с. 279]. В основе конструкции данного слова лежит концепт, т. е. общее понятие, общее представление [1, с. 561]. В отличие от теории, концепция обладает свойствами временной устойчивости, универсальности и сохраняется до тех пор, пока не изменится сам концепт [5, с. 16–17].

Необходимость разработки концепций в оперативно-розыскной науке сохраняет высокую актуальность. Как подчеркивал И. А. Климов, уточнение предмета теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (далее — ОРД ОВД) требует анализа ее теоретических содержаний, структуры и развивающихся научных концепций [6, с. 39].

Концепция в оперативно-розыскной науке, наряду с теориями, понятиями и суждениями, является одной из форм отражения оперативно-розыскной действительности в мышлении познающего субъекта. Такая концепция представляет собой научный замысел (прежде всего отдельного исследователя), т. е. систему взаимосвязанных и взаимозависимых научных взглядов на сущность и содержание оперативно-розыскной реальности в целом или ее отдельного компонента, зафиксированную в материальном источнике информации.

Построение соответствующих концептуальных основ предполагает выработку нового подхода к пониманию ряда важнейших характеристик и аспектов ОРД ОВД, рассматриваемых в разрезе процедурно-процессуальной и логически выстроенной системы.

Следует согласиться с позицией А. Ю. Шумилова, согласно которой концепция в оперативно-розыскной науке — это логически взаимосвязанная и взаимозависимая система зафиксированных в материальном научном источнике идей, взглядов, понятий и иных положений, объединенных общим замыслом, на базе которых разъясняется и познается сущность и содержание оперативно-розыскной реальности или ее элементов и связей (отношений) между ними, а также обосновываются направления дальнейшего совершенствования этой деятельности [7, с. 273].

Оперативно-розыскные концепции относятся к гуманитарной области научного познания, а именно к сфере юридических наук. Следовательно, их предметом и объектом осмысления выступает оперативно-розыскная реальность (действительность), представляющая собой правоприменительную и системно-процедурную деятельность в оперативно-розыскной сфере. Это предполагает возможность применения в построении оперативно-розыскной науки разнообразных теоретических конструкций. Поэтому концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел занимают место в ряду юридически значимых оперативно-розыскных концепций. Научное познание их сущности и содержания целесообразно осуществлять через теоретический анализ составляющих ее элементов и прежде всего отдельных теоретических построений.

В оперативно-розыскной теории на уровне докторских диссертаций был рассмотрен ряд концепций, соприкасающихся с заявленной проблематикой оперативно-розыскного процесса. Так, И. А. Климовым исследовалась концепция познания в теории и практике ОРД, включающая ее гносеологическую сущность, объект и предмет той отрасли знаний, которая выполняет познавательную функцию в особом режиме и по специальной «технологии» [6, с. 10].

К. В. Сурков указывал, что правовое содержание ОРД должно основываться на моделировании оперативно-процессуального кодекса исходя из логически упорядоченной концепции, охватывающей: задачи по поиску и фиксации информации; законодательное закрепление процессуальных аспектов проведения каждого оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ); регламентацию системно-процессуального аспекта оперативно-процессуальной деятельности; определение статуса оперативно-розыскной информации, добываемой с соблюдением установленных законодателем условий; необходимость детальной регламентации взаимодействия между правоохранительными органами и спецслужбами; нормативно-правовой статус органов, осуществляющих ОРД, и полномочия конкретных должностных лиц [8, с. 10–11].

М. П. Поляков рассматривал концепции уголовно-процессуальной интерпретации результатов ОРД, теоретико-методологическим фундаментом которых выступает информационно-технологическая теория результатов ОРД. Она обосновывает

признание данных ОРД самостоятельными информационными продуктами, не требующими обязательной уголовно-процессуальной трансформации [9, с. 15].

В. К. Зникин сформулировал концепцию оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений как комплексную целостную теоретическую систему, позволяющую на основе соотношения и взаимосвязи ОРД и уголовного процесса (в вопросах доказывания) стандартизировать процесс получения, преобразования и использования фактической оперативной информации в интересах уголовного судопроизводства [10, с. 17].

М. С. Десятов в своих трудах указал на концептуальные основы процессуального начала в ОРД, выражающегося в оперативно-розыскном правоприменительном процессе. Концептом предлагаемой им концепции выступает идея об абсолютно самостоятельной роли правоприменителя в ОРД, являющегося ключевой фигурой оперативно-розыскного правоприменительного процесса, наделенной государственно-властными полномочиями в сфере борьбы с преступностью и способной получать и использовать результаты своей деятельности в доказывании по уголовным делам [11, с. 83].

Концепция оперативно-розыскного процесса, являясь элементом общей теории ОРД, выполняет регулятивную и системообразующую функцию по отношению к другим ее разделам и включает совокупность взаимосвязанных положений. Развитие данной концепции во многом обусловлено тем, что ранее она отчасти была представлена как документирование или оперативно-розыскное производство. В условиях современной оперативно-розыскной реальности понимание сущности оперативно-розыскного процесса приобретает более широкий смысл: его основу составляет системная деятельность по оперативно-розыскному производству, включающая стадийность, сроки и фиксацию. Поэтому всесторонняя характеристика концептуальных основ рассматриваемого процесса требует детального анализа и научного обоснования его места среди смежных оперативно-розыскных категорий: ОРД, оперативно-розыскное документирование, оперативно-розыскное производство и организационно-тактическая форма. Для получения удовлетворительной картины формулируемой концепции необходимо разграничить указанные категории.

Оперативно-розыскной процесс — это теоретическая модель и практический правовой режим, придающие ОРД черты юридического процесса: системность, последовательную стадийность, процедурную регламентацию и формальную определенность решений. Ключевым признаком, отличающим его от ОРД в целом, является акцент на форме, а не на содержании. Оперативно-розыскной процесс отвечает на вопрос, как именно должны быть оформлены действия, решения и результаты ОРМ. Другим его сущностным признаком выступает логико-системное начало и наличие стадий. Таким образом, оперативно-розыскной процесс есть процессуальная форма содержания ОРД. Как уже отмечалось, не всякая ОРД является оперативно-розыскным процессом [12, с. 57–68], однако оперативно-розыскной процесс немыслим вне ОРД. ОРД представляет собой общую категорию, включающую и процессуальные формы (когда они вводятся), и тактику, и документирование.

Оперативно-розыскное документирование — это регламентированная деятельность по фиксации (протоколированию, фото-, видео-, аудиозаписи, составлению рапортов, справок, актов) хода и результатов ОРМ с целью придания полученной информации юридической силы оперативно-служебного документа. К числу важнейших признаков документирования следует отнести: во-первых, это не самостоятельная деятельность, а сквозная функция, пронизывающая все стадии оперативно-розыскного процесса; во-вторых, его результатом являются оперативно-служебные документы (рапорт, акт, справка, протокол, диск с записью и т. д.), которые могут быть использованы как в самом оперативно-розыскном процессе, так и представлены для использования в уголовном процессе; в-третьих, результаты документирования имеют существенное отличие от уголовно-процессуального доказывания, т. к. документирование создает фактические данные, еще не облеченные в уголовно-процессуальную форму. Следовательно, документирование есть инструмент оперативно-розыскного процесса, без которого последний превращается в не фиксируемую, не проверяемую совокупность действий, теряя процессуальную и юридическую природу.

Оперативно-розыскное производство — это индивидуализированная процедура в рамках оперативно-розыскного процесса, связанная с заведением, ведением и разрешением конкретного дела оперативно-розыскного производства (перечень которых определен ведомственными нормативными правовыми актами). В широком смысле такое производство является совокупностью ОРМ и документальных решений по отдельному оперативно значимому факту или лицу. К стержневым призна-

кам оперативно-розыскного производства относятся: локализация (производство всегда привязано к делу: делу оперативного учета, материалам проверки и т. д.); наличие участников (оперативный сотрудник, руководитель оперативного подразделения, руководитель оперативно-розыскного органа, фигурант, судья, прокурор и др.); юридические последствия (по итогам производства выносятся процессуальные решения: прекращение дела, передача оперативно-розыскных материалов в следственный орган для возбуждения уголовного дела, постановка на учет и т. д.). Дела оперативно-розыскного производства образуют центральное звено оперативно-розыскного процесса, объединяя оперативно-розыскные сведения, решения и итоги работы. Без них ОРД не может функционировать как система, оставаясь лишь набором отдельных действий. Эффективность борьбы с преступностью напрямую зависит от качества и полноты материалов производства. Таким образом, оперативно-розыскной процесс есть общая система правил для всех производств, а оперативно-розыскное производство — конкретный случай применения этих правил.

Организационно-тактическая форма — это совокупность методов, приемов, алгоритмов и управленческих решений, определяющих наиболее эффективное проведение ОРМ или их комплекса в конкретных условиях оперативной обстановки. Ключевыми признаками данной категории являются: направленность на эффективность и адаптивность, а не на юридическую чистоту; включение в содержание расстановки сил, взаимодействия оперативных подразделений, использования конфидентов, тактических комбинаций, маскировки; отсутствие строгой процессуальной регламентации (в отличие от оперативно-розыскного процесса) и регулирование тактическими рекомендациями и опытом. В соотношении с оперативно-розыскным процессом организационно-тактическая форма является содержательной стороной (как лучше сделать) в рамках процессуальной формы: концепция оперативно-розыскного процесса постулирует, что любая организационно-тактическая форма должна быть облечена в процессуальную, но не наоборот. Например, такие ОРМ, как «проверочная закупка» или «оперативный эксперимент», могут проводиться различными тактическими способами, однако их результаты должны фиксироваться в рамках оперативно-розыскного процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать промежуточный вывод: оперативно-розыскной процесс — это нормативно заданная процессуальная форма, в которой ОРД как содержательная основа реализуется через организационно-тактические формы (приемы и методы). При этом каждое конкретное оперативно-розыскное производство (дело) сопровождается оперативно-розыскным документированием, обеспечивающим легитимное использование результатов. Разграничение данных понятий необходимо для построения непротиворечивой научной концепции, позволяющей отделить организационно-тактическую форму от оперативно-розыскного процесса и потенциального доказательственного значения документирования.

Концепция оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел — это современная научная теория, призванная преобразовать ОРД из совокупности разрозненных тактических приемов в стройный и управляемый юридический процесс. Данная концепция имеет четкую структуру, состоящую из двух крупных блоков теоретических положений: общих и особенных.

Общие положения концептуальных основ оперативно-розыскного процесса носят теоретико-правовой характер и задают фундаментальные рамки. Они определяют сущность процесса, круг его участников, принципы и последовательность построения. В отличие от широкого понятия ОРД оперативно-розыскной процесс представляет собой объективный, законодательно закрепленный порядок, совокупность обязательных процедур, реализуемых оперативными сотрудниками. Его сущность заключается в формировании процессуального стержня для негласной работы, обеспечивающего законность и эффективность защиты общества от преступных посягательств.

Принципы оперативно-розыскного процесса — это руководящие идеи, определяющие закономерности и общую направленность данной специфической формы юридического познания. Они подразделяются на общеправовые и отраслевые. Субъектный состав процесса строго регламентирован. Ключевыми участниками выступают: оперативные подразделения и их сотрудники, обладающие полномочиями по документированию и производству; лица, оказывающие содействие на негласной основе; лица, в отношении которых проводятся ОРМ, и др.

Стадии оперативно-розыскного процесса — это логически завершенные этапы, последовательно сменяющие друг друга. Каждая стадия характеризуется собственной задачей, кругом участников и завершается соответствующим решением. Стадии оперативно-розыскного процесса в деятельно-

сти ОВД определяются системной деятельностью по поиску и получению оперативно значимой информации, ее проверке, возможной последующей оперативной разработке и обеспечению использования следственными и судебными органами. Конструктивная роль стадий в развитии рассматриваемой концепции обусловлена формированием четкой структурно-функциональной модели процесса. Оперативно-розыскное мышление сотрудника должно строиться на основе моделирования содержания стадий (моделирование на основе прогнозирования, первичных данных, проведенных ОРМ, результатов ОРМ и следственных действий).

Особенные положения концептуальных основ оперативно-розыскного процесса в деятельности ОВД представляют собой практическое воплощение общих теоретических построений. Они включают научно обоснованные методики и алгоритмы, применяемые оперативными подразделениями в конкретных ситуациях. Опираясь на оперативно-розыскную реальность, складывающуюся из теоретических и практических постулатов, представляется обоснованным выделить следующие направления, составляющие особенную часть концепции.

Частные оперативно-розыскные методики выявления и раскрытия преступлений, основанные на результатах ОРД, имеющих высокое юридическое значение для использования в уголовном процессе. Центральное место в таких методиках занимает типовой набор рекомендаций. Он нужен для того, чтобы разбираться с исходными оперативно-розыскными ситуациями [13, 14] — теми, что возникают практически в каждом случае раскрытия преступления.

Отдельный блок — организация и тактика проведения сложных ОРМ, тех, что требуют санкционирования. Их результаты должны естественно, без швов, вписываться в логику уголовного процесса: возбуждение дела, предварительное расследование и т. д. Здесь на первый план выходит оттачивание тактики и процедуры по каждому конкретному мероприятию. Взять, к примеру, оперативный эксперимент, проверочную закупку, наблюдение. Без детальной правовой регламентации и четких критериев проведения здесь не обойтись — именно они и вызывают сегодня основной научный интерес.

Затем оперативно-розыскное документирование и легализация его результатов в следственных и судебных органах. Это, пожалуй, самый чувствительный узел во всей концепции оперативно-розыскного процесса. Именно тут негласная работа стыкуется с формальным доказыванием. По сути, здесь и рождаются векторы для выработки частных методик документирования: алгоритмы фиксации итогов ОРМ, правила подготовки оперативно-служебных бумаг (рапортов, справок, актов), механизмы превращения оперативной информации в полноценные уголовно-процессуальные доказательства.

Еще одно направление — цифровизация, точнее, использование ее достижений в ОРД. Преступность давно ушла в цифру, и реагировать на это нужно технологически, причем быстро. Особого внимания здесь требуют несколько вещей: информационно-технологические возможности цифровых платформ; системы сбора и аналитической обработки больших данных (Big Data) с элементами ИИ — это уже не будущее, а повседневность; техническая оснащенность для мониторинга сетей, криптоаналитики, работы с цифровыми следами; и конечно, информационная безопасность — защита каналов связи и создание защищенных сред для обмена данными в ходе документирования и производства.

Если смотреть целиком, концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в ОВД — это целостная научная конструкция. Ее общая часть вводит единые правовые и организационные правила, задавая законность и системность всей ОРД. А особенная часть наполняет эту форму уже конкретным, прикладным содержанием. Она дает оперативнику научно обоснованные, законные и логичные инструменты под широкий диапазон ситуаций: от поиска первичной информации до ее использования в суде. Понятно, что реализовать всё это голой теорией не выйдет — нужна система частных методик и алгоритмов. Каждая из них решает свою практическую задачу, а вместе они как раз и складываются в цельный, работающий механизм ОРД.

Есть здесь и еще один важный момент, на который стоит обратить внимание. Предлагаемая концепция, по сути, нацелена на формирование системной, логичной и процедурно ясной ОРД и ее теоретической базы. Но это неизбежно потянет за собой изменения и дополнения в оперативно-розыскное законодательство. Причем для прикладной работы оперативных подразделений ОВД ключевыми уровнями правового регулирования останутся два — законодательный и ведомственный. Закрепление концептуальных основ оперативно-розыскного процесса и их последующее воплощение в частной оперативно-розыскной теории станут более предсказуемыми при появле-

нии ряда нормативно-правовых положений, позволяющих:

– определить статус оперативно-розыскного процесса путем закрепления в самостоятельной норме федерального закона «Об ОРД»;

– определить систему принципов ОРД, придающих ей логико-системную направленность и стадийность;

– закрепить законодательное содержание результатов ОРД исходя из процедурно-процессуальных аспектов;

– конкретизировать основания проведения ОРМ;

– закрепить статус результатов оперативно-розыскного процесса в УПК РФ, приравненных к доказательствам по уголовным делам;

– дополнить УПК РФ перечнем субъектов представления доказательств, включив в него гласные оперативные подразделения субъектов ОРД;

– разграничить организационно-тактические формы ОРД и виды дел оперативно-розыскного производства;

– определить единый подход к оперативно-служебным документам и структуре оперативно-розыскного производства;

– сформулировать оптимальный перечень видов материалов и дел оперативно-розыскного производства, в системе которых должна просматриваться логическая цепь деятельности, направленной на поиск и получение первичной информации, ее проверку, возможную последующую разработку и оперативно-розыскное обеспечение использования следственными и судебными органами.

Формулирование концептуальных основ оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел является ключевым условием научного прогресса в теории ОРД. Оно позволит преодолеть сугубо практико-ориентированный характер традиционных подходов и внедрить системность, обоснованность и предсказуемость — качества, без которых оперативно-розыскная деятельность рискует оставаться эмпирической практикой, а не наукой.

Исходя из изложенного, позволительно заключить, что концептуальные основы оперативно-розыскного процесса в деятельности органов внутренних дел представляют собой целостную научную конструкцию, интегрирующую общие (теоретико-правовые) и особенные (прикладные) положения. Общая часть задает единые правовые и организационные параметры, обеспечивая системность и законность оперативно-розыскной деятельности как юридического процесса. Особенная часть, в свою очередь, наполняет данную процессуальную форму конкретным содержанием, предлагая оперативным сотрудникам научно обоснованные, логически выверенные и нормативно определенные инструменты для решения задач — от получения первичной информации до обеспечения ее использования в следственных и судебных органах.

Оперативно-розыскной процесс концептуализируется как особая процессуальная форма, придающая оперативно-розыскной деятельности качества системности, стадийности и процедурной регламентации. Ключевых элементов здесь два: первый — оперативно-розыскное производство, локализованное конкретным делом; второй — сквозное документирование, которое, собственно, и обеспечивает легитимность всех полученных результатов.

Чтобы выстроить непротиворечивую научную теорию, нужно для начала навести порядок в понятиях. То есть четко разграничить сам оперативно-розыскной процесс со смежными категориями: с оперативно-розыскной деятельностью как таковой, с документированием, производством и организационно-тактическими формами. Без этого разграничения концепция будет постоянно «плавать».

Если говорить о практической реализации, то без правки законодательства здесь не обойтись. Придется нормативно закрепить и статус оперативно-розыскного процесса, и его принципы, стадии, результаты, а заодно уточнить основания для проведения ОРМ, прописать регламент документирования и порядок подачи его результатов в уголовное судопроизводство.

По большому счету, разработка этих концептуальных основ — вовсе не кабинетная абстракция. Это тот самый необходимый шаг, который позволяет уйти от простого накопления тактического опыта «на ощупь» и перейти к системной научной теории. А она, в свою очередь, дает главное: предсказуемость, обоснованность и законность всей оперативно-розыскной работы органов внутренних дел.

Список источников

1. Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А-М / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.

2. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

4. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011.

5. Понятковский Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

6. Климов И. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1995.

7. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т.; т. III: Основные положения. Кн. 3. Оперативно-разыскное научное познание в контексте философии науки. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2017.

8. Сурков К. В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

9. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

10. Зникин В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

11. Десятов М. С. Концептуальные основы оперативно-розыскного правоприменительного процесса // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019.

12. Пантюхин К. Ю. Оперативно-розыскной процесс как особая процессуально-юридическая категория: монография. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019.

13. Давыдов С. И. Ситуационный подход к выявлению пробелов в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности // Юристъ-Правовед. 2008. № 8. С. 25–28.

14. Давыдов С. И. Роли ситуаций в принятии решений в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1. С. 55–61.

References

1. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka: v 3 t. T. 1. A-M / pod red. prof. D. N. Ushakova. M.: Veche, Mir knigi, 2001.

2. Slovar’ russkogo yazyka: v 4 t. T. 2. K-O / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen’evoj. 3-e izd., stereotip. M.: Russkij yazyk, 1986. S. 97;

3. Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000.

4. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Tolkovyj slovar’ sovremennogo russkogo yazyka. M.: Eksmo, 2011.

5. Ponyatkovskij T. G. Konceptual’nye osnovy ugolovnogo prava Rossii: istoriya i sovremennost’: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 1997.

6. Klimov I. A. Operativno-rozysknaya deyatel’nost’ organov vnutrennih del kak process poznaniya (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 1995.

7. Shumilov A. Yu. Operativno-razysknaya nauka v Rossijskoj Federacii: monografiya: v 3 t.; t. III: Osnovnye polozheniya. Kn. 3. Operativno-razysknoe nauchnoe poznanie v kontekste filosofii nauki. M.: Izdatel’skij dom Shumilovoj I. I., 2017.

8. Surkov K. V. Operativno-rozysknoe zakonodatel’stvo Rossii: puti sovershenstvovaniya i razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1997.

9. Polyakov M. P. Ugolovno-processual’naya interpretaciya rezul’tatov operativno-rozysknoj deyatel’nosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2002.

10. Znikin V. K. Nauchnye osnovy operativno-rozysknogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2006.

11. Desyatov M. S. Konceptual’nye osnovy operativno-rozysknogo pravoprimenitel’nogo processa // Aktual’nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel’nosti: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Sankt-Peterburg, 28 noyabrya 2019 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2019.

12. Pantyuhin K. Yu. Operativno-rozysknoj process kak osobaya processual’no-yuridicheskaya kategoriya: monografiya. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2019.

13. Davydov S. I. Situacionnyj podhod k vyyavleniyu probelov v pravovom regulirovanii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Yurist»-Pravoved. 2008. № 8. S. 25–28.

14. Davydov S. I. Roli situacij v prinyatii reshenij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2010. № 1. S. 55–61.

Информация об авторе

К. Ю. Пантюхин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. Yu. Pantyukhin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 06.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 06.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 220–225.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 220–225.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.8

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ «СОМНЕНИЙ И НЕЯСНОСТЕЙ» В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Алена Игоревна Плигина
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия, alenapligina@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуется проблема действия материальных норм уголовного, уголовно-исполнительного и гражданского права через призму процессуальной формы, установленной статьей 399 УПК РФ, для разрешения сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора. На основе анализа доктринальных положений, судебной статистики и правоприменительной практики обосновывается тезис о наличии глубинного дисбаланса в системе координат «материальное право — процессуальная форма». Установлено, что упрощенный процессуальный режим, изначально предназначенный для технической коррекции приговора, фактически используется для разрешения сложных материально-правовых вопросов, связанных с конфискацией имущества, защитой прав собственности, определением пределов наказания. Сформулирован теоретический вывод о необходимости приведения процессуальной формы в соответствие со сложностью разрешаемых вопросов, предложен комплекс мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *стадия исполнения приговора, сомнения и неясности, конфискация имущества, права третьих лиц, судебный контроль, правовая определенность, усеченное доказывание*

Для цитирования: *Плигина А. И. Взаимосвязь материально-правовых и процессуальных норм при разрешении «сомнений и неясностей» в пенитенциарной практике // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 220–225.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

RELATIONSHIP BETWEEN SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL RULES IN RESOLVING «DOUBTS AND AMBIGUITIES» IN PENITENTIARY PRACTICE

Alena I. Pligina
University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russia, alenapligina@mail.ru

Abstract. *The article examines the problem of implementing substantive norms of criminal, penal enforcement and civil law through the prism of the procedural form established by Article 399 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for resolving doubts and ambiguities at the stage of sentence execution. Based on the analysis of doctrinal provisions, judicial statistics, and law enforcement practice, the thesis about the existence of a deep imbalance in the «substantive law – procedural form» system is substantiated. It is established that the simplified procedural regime, originally intended for technical correction of a sentence, is actually used to resolve complex substantive legal issues related to confiscation of property, protection of property rights, and determination of punishment limits. A theoretical conclusion is formulated about the need to bring the procedural form into compliance with the complexity of the issues being resolved, and a set of measures is proposed to improve the criminal procedure legislation.*

Keywords: *stage of sentence execution, confiscation of property, rights of third parties, judicial control, legal certainty, truncated proof*

For citation: *Pligina A. I. Relationship between substantive and procedural rules in resolving «doubts and ambiguities» in penitentiary practice. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:220–225 (In Russ.).*

© Плигина А. И., 2026

Актуальность настоящего исследования предопределена высокой степенью востребованности процедуры устранения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, в правоприменительной практике. Как свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, суды первой инстанции ежегодно рассматривают около 30 тысяч материалов, инициированных в порядке п. 15 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1].

Столь значительное количество обращений подтверждает, что данный процессуальный механизм является реально работающим инструментом, обеспечивающим надлежащее исполнение вступившего в силу приговора на заключительной стадии уголовного судопроизводства. Однако востребованность процедуры контрастирует с фрагментарностью ее законодательного регулирования: дефиниция «сомнений и неясностей» в законе отсутствует, а ключевые содержательные аспекты (перечень вопросов и пределы судебного вмешательства) вынесены в акты судебного толкования[1], что порождает правовую неопределенность и создает предпосылки для неединообразного правоприменения.

В связи с этим возникает проблема, заключающаяся в выявлении дихотомии между абстрактностью и стабильностью материальных норм уголовного, уголовно-исполнительного права и даже гражданского права, с одной стороны, и упрощенным процессуальным механизмом их реализации на стадии исполнения приговора — с другой.

Так, материальное право (Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ) устанавливает императивные основания и пределы уголовной ответственности, виды наказаний и порядок их отбывания, которые должны быть незыблемы после вступления приговора в силу. В то же время процессуальная форма, предусмотренная ст. 399 УПК РФ для разрешения сомнений и неясностей, носит усеченный, факультативный характер, ориентированный на оперативное преодоление технических препятствий, а не на полноценное исследование сложных материально-правовых коллизий. Такое несоответствие создает риск, что вопросы, по сути, относящиеся к существу приговора или к сфере самостоятельных материальных правоотношений, будут разрешаться в упрощенном порядке, не предусматривающем необходимых процессуальных гарантий для всех заинтересованных лиц.

Целью настоящей статьи является выявление дисбаланса в системе взаимосвязи материальных и процессуальных норм [2, 3], возникающего при разрешении сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора, и оценка его правовых последствий.

Достижение поставленной цели предполагает анализ того, как процессуальные упрощения, заложенные в ст. 399 УПК РФ, влияют на корректную имплементацию норм УК и УИК РФ, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), приводя в ряде случаев к размыванию границ материально-правовых институтов (конфискации, права собственности, пределов наказания). Особое внимание будет уделено ситуациям, в которых разрешение сомнений выходит за рамки корректирующего и конкретизирующего судебного контроля [4], вторгаясь в сферу прав третьих лиц и создавая угрозу принципу правовой определенности.

На наш взгляд, деятельность суда, регламентированная п. 15 ст. 397 УПК РФ, квалифицируется как особая форма судебного контроля, интегрирующая в себе черты конкретизирующего и корректирующего начал, реализуемых в том числе в режиме судебного самоконтроля. Данная деятельность не является пересмотром уголовного дела по существу, поскольку объектом судебного познания выступает не событие преступления и не виновность лица (уже преюдициально установленные вступившим в законную силу приговором), а исключительно правильность понимания и применения властных предписаний итогового судебного акта в процессе его практической реализации. Конкретизирующее начало проявляется в уточнении и детализации предписаний приговора без изменения их юридической сущности, тогда как корректирующая функция реализуется в случаях, когда разрешение сомнения влечет фактическое изменение объема правоограничений осужденного (например, исправление ошибки в исчислении срока наказания).

Легитимность такого самоконтроля суда первой инстанции обусловлена необходимостью оперативного устранения технических погрешностей и процедурных пробелов, препятствующих исполнению приговора, без инициирования сложных и длительных процедур его апелляционного или кассационного пересмотра.

[1] О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 // Российская газета. 2011. 30 декабря. № 296.

Ключевым ограничителем дискреции суда в рамках анализируемой процедуры выступает правовая категория существа приговора [5], которую следует рассматривать как абсолютный предел допустимого вмешательства. Как следует из системного анализа статей 296, 297 и 299 УПК РФ, существо приговора охватывает комплекс окончательных выводов суда, сформированных в результате непосредственного исследования доказательств в судебном заседании и образующих юридический итог рассмотрения дела.

К его неотъемлемым элементам относятся: окончательный вывод о виновности или невиновности подсудимого; юридическая квалификация деяния по конкретной норме уголовного закона; вид и строго определенный размер назначенного основного и дополнительного наказания; решение по предъявленному гражданскому иску и вопрос о конфискации имущества; определение вида исправительного учреждения; решение о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера.

Любое вторжение в это неприкосновенное ядро под видом устранения неясности означает не обеспечение исполнимости, а фактический пересмотр приговора по существу, что недопустимо в порядке главы 47 УПК РФ и может быть осуществлено исключительно в рамках апелляционного, кассационного или надзорного производства.

Предмет процессуальной деятельности при устранении сомнений и неясностей в настоящее время фактически детерминирован перечнем, содержащимся в пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Данный перечень носит открытый характер процессуальных поводов и включает вопросы, которые по своей правовой природе не затрагивают существа приговора. К ним, в частности, относятся: применение акта амнистии; отмена меры пресечения или обеспечительных мер; зачет времени содержания под стражей и зачет отбытого наказания по совокупности приговоров; определение судьбы вещественных доказательств и процессуальных издержек; решение вопросов о судьбе детей и имущества осужденного; освобождение имущества от ареста; конкретизация ограничений, установленных осужденному; исправление очевидных ошибок и описок.

Несмотря на процедурный характер перечисленных вопросов, многие из них имеют выраженный материально-правовой аспект, поскольку их разрешение напрямую связано с реализацией предписаний уголовного закона (например, исчисление сроков наказания в соответствии со ст. 72 УК РФ) или вторгается в сферу вещных прав, регулируемых гражданским законодательством, что предопределяет необходимость особой тщательности при их рассмотрении в упрощенной процедуре ст. 399 УПК РФ.

Процесс доказывания при разрешении сомнений и неясностей в порядке ст. 399 УПК РФ характеризуется усеченной структурой, существенно отличающей его от полноценного судебного следствия.

Ключевой особенностью является единственный субъект формирования доказательств — суд [6, с. 84], при том что иные участники (осужденный, прокурор, учреждения уголовно-исполнительной системы) лишены властных полномочий и выполняют лишь инициативно-вспомогательную функцию.

Инструментарий собирания доказательств ограничен узким кругом процессуальных действий, а именно заслушиванием объяснений заявителя, доклада представителя учреждения и исследованием представленных письменных материалов. При этом в арсенале суда отсутствуют полноценные судебные действия [7], аналогичные следственным (такие как допрос с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний или осмотр вещественных доказательств с соблюдением необходимых процессуальных гарантий). Данное обстоятельство создает существенный дефицит гарантий достоверности, поскольку сведения, полученные, например, в форме объяснений, не обеспечивают той степени проверяемости и процессуальной защиты, которая необходима при разрешении вопросов, затрагивающих материально-правовые интересы участников процесса.

Процедура, предусмотренная ст. 399 УПК РФ, не обеспечивает в полной мере реализацию принципа состязательности, что становится особенно критичным, когда разрешаемый вопрос затрагивает права лиц, не обладающих формальным процессуальным статусом в уголовном деле.

Наиболее рельефно проблема размывания материально-правовых институтов проявляется при разрешении судами вопросов, связанных с арестом и возможной конфискацией имущества в порядке подпункта «л» пункта 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее — Постановления Пленума ВС РФ № 21).

Предназначенный для освобождения имущества от ареста в случаях, когда он наложен на объекты, не подлежащие взысканию по закону, данный механизм в правоприменительной практике зачастую используется для разрешения по существу споров о праве собственности.

Так, суды, действуя в упрощенной процедуре ст. 399 УПК РФ, вторгаются в сферу гражданско-правовых отношений, подменяя собой юрисдикцию судов общей юрисдикции или арбитражных судов. Иллюстративным примером служит Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.12.2022, где суд отказал в освобождении имущества от ареста, руководствуясь исключительно формальным критерием, а именно отсутствием государственной регистрации транспортных средств на имя заявительницы. При этом судом не были исследованы вопросы добросовестности приобретателя и действительности сделки по правилам гражданского законодательства, что привело к подмене оснований возникновения права собственности (ст. 223 ГК РФ) учетной процедурой и, как следствие, к нарушению конституционного права частной собственности, гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации[1].

Особую опасность представляет собой практика разрешения вопросов, которые формально отнесены к категории «сомнений», но по своему содержанию влекут фактическое изменение материального содержания назначенного наказания, что не позволяет реализовать цели наказания [8].

Так, конкретизация ограничений для осужденного к ограничению свободы (подп. «м» п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 21) не должна перерастать в их существенное ужесточение, выходящее за рамки судебной интерпретации, и превращаться в скрытый пересмотр приговора. Конкретизация данных ограничений (ст. 53 УК РФ, ст. 50 УИК РФ) сопряжена с риском выхода за пределы судебной воли: уточняя время запрета покидать жилище или периодичность явок для регистрации, суд способен изменить объем правоограничений. Еще более показательным примером служит зачет времени содержания под стражей (ст. 72 УК РФ). Так, попытка суда первой инстанции изменить коэффициент зачета (подменить льготный порядок исчисления на общий) под видом исправления описки была квалифицирована вышестоящей инстанцией как недопустимое вторжение в существо приговора[2]. Данный пример наглядно демонстрирует, что кажущаяся процессуальная простота корректировки арифметических расчетов может скрывать грубую материально-правовую ошибку, изменяющую реальный срок лишения свободы.

Часть 2 ст. 50 УИК РФ возлагает на осужденного обязанность соблюдать установленные судом ограничения, а на уголовно-исполнительную инспекцию — осуществлять надзор за их соблюдением в порядке, предусмотренном ст. 60 УИК РФ. Когда суд в порядке устранения сомнений уточняет время запрета покидать жилище или периодичность явок для регистрации, он тем самым определяет параметры, непосредственно влияющие на организацию надзора со стороны уголовно-исполнительной инспекции и на объем правоограничений, которые осужденный обязан претерпевать. Выход за пределы судебной воли при такой конкретизации означает не просто техническую корректировку, а изменение режима отбывания наказания, детально урегулированного главой 8 УИК РФ.

Одним из наиболее опасных последствий использования процедуры ст. 399 УПК РФ для разрешения материально-правовых по своей природе вопросов является систематическое нарушение принципа правовой определенности [9], выражающееся в возникновении коллизий между судебными актами различной юрисдикции. Суды общей юрисдикции, действуя в порядке исполнения приговора, нередко разрешают вопросы о принадлежности имущества и обращении на него взыскания, фактически игнорируя или вступая в противоречие с вступившими в законную силу решениями, вынесенными в порядке гражданского судопроизводства.

Подобная практика создает ситуацию недопустимой конкуренции судебных актов, при которой промежуточное постановление по уголовному делу де-факто преодолевает законную силу решения по гражданскому делу, что подрывает основы стабильности гражданского оборота и авторитета судебной власти в целом. Принцип правовой определенности, требующий непротиворечивости и окончательности судебных решений, при таком подходе приносится в жертву ложному пониманию процессуальной экономии.

[1] Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 по делу № 55-888/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2024 № 77-4196/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Существенным системным дефектом действующего регулирования является отсутствие прямого законодательного запрета на ухудшение положения лиц, не обладающих статусом осужденного, но вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства в связи с исполнением приговора.

На наш взгляд, требование о недопустимости ухудшения положения должно быть распространено не только на осужденного, но и на любых иных лиц, чьи права и законные интересы были установлены вступившим в законную силу судебным актом или затрагиваются его исполнением.

Систематическое разрешение материально-правовых (по своему содержанию) споров в упрощенном процедурном режиме ст. 399 УПК РФ ведет к постепенной «эрозии» институтов уголовного, уголовно-исполнительного и гражданского права. Например, в сфере уголовного права это выражается в размывании границ института наказания, когда вопросы, относящиеся к его существу (вид, размер, порядок исчисления), начинают решаться под видом технической корректировки, что нивелирует значение вступившего в законную силу приговора как акта правосудия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать теоретический вывод о наличии дисбаланса в системе взаимосвязи материальных и процессуальных норм при разрешении сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора. Существующий процессуальный режим ст. 399 УПК РФ, будучи изначально сконструированным для оперативного устранения технических погрешностей и процедурных пробелов, фактически используется для разрешения вопросов, имеющих сложную материально-правовую природу. Такое положение дел приводит к размыванию границ материального права, подмене установленных юрисдикционных процедур и, как следствие, к нарушению прав лиц, вовлеченных в сферу исполнения приговора, но не обеспеченных надлежащими процессуальными гарантиями.

Преодоление выявленного дисбаланса возможно лишь путем приведения процессуальной формы в соответствие со сложностью и значимостью разрешаемых материально-правовых вопросов. В этой связи теоретически обоснованной и практически востребованной представляется имплементация в уголовно-процессуальное законодательство комплекса мер, включающего законодательное закрепление исчерпывающего перечня оснований для устранения сомнений, введение института «судебных действий» (допроса, осмотра) для формирования полноценной доказательственной базы, а также установление императивной обязанности суда обеспечивать участие в процессе всех лиц, чьи права могут быть затронуты принимаемым решением.

Список источников

1. Судебная статистика // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 28.02.2026).

2. Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 39 с.

3. Малахов С. А. Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации: монография. М.: ИНФРА-М, 2025. 229 с.

4. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 492 с.

5. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1960. 263 с.

6. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 2. С. 81–85.

7. Стародумов С. В. Судебные действия как самостоятельный вид процессуальных действий // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2017. № 6. С. 123–127.

8. Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С. 75–85.

9. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы): монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 406 с.

References

1. Sudebnaya statistika // Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: http://www.cdep.ru (data obrashcheniya: 28.02.2026).

2. Denisova A. V. Sistemnost’ rossijskogo ugolovnogo prava: teoriya, zakon, praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2018. 39 s.

3. Malahov S. A. Sistemnye svyazi norm zakonodatel’stva ob administrativnyh pravonarusheniyah Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: INFRA-M, 2025. 229 s.

4. Kachalov V. I. Proizvodstvo po ispolneniyu itogovyh sudebnyh reshenij v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2017. 492 s.

5. Perlov I. D. Prigovor v sovetskom ugolovnom processe. M.: Gosyurizdat, 1960. 263 c.

6. Konin V. V., Korsakov K. A. Dokazyvanie i sub”ekty dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: pereocenka slozhivshihsya vzglyadov // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. № 2. S. 81–85.

7. Starodumov S. V. Sudebnye dejstviya kak samostoyatel’nyj vid processual’nyh dejstvij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2017. № 6. S. 123–127.

8. Lapshin V. F. Istinnaya cel’ ugolovnogo nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5 (257). S. 75–85.

9. Sidorenko M. V. Pravovaya opredelennost’ rossijskogo ugolovno-processual’nogo prava (sostoyanie i postanovka problemy): monografiya. M.: Yurlitinform, 2017. 406 s.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 16.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 16.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 226–232.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 226–232.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.131

СТАТУС ЛИЦА, ПРИВЛЕЧЕННОГО В КАЧЕСТВЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА, В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Светлана Олеговна Севостьянова[1], Людмила Викторовна Самуйленко[2]
[1] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, Sievostianova1986@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-7257-8285
[2] Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sovidzem@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматривается процессуальный статус судебного эксперта в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируется правовая природа института судебной экспертизы, исследуются права и обязанности эксперта, особенности его положения в зависимости от принадлежности к государственному либо негосударственному экспертному учреждению. На основе анализа правоприменительной практики и законодательной инициативы выявлены проблемы в правовом регулировании деятельности руководителя экспертного учреждения и негосударственных экспертов. Авторами обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части расширения прав эксперта и уточнения полномочий руководителя экспертного учреждения.*

Ключевые слова: *судебный эксперт, процессуальный статус, специальные знания, права эксперта, руководитель экспертного учреждения, государственные судебно-экспертные учреждения, негосударственные эксперты*

Для цитирования: *Севостьянова С. О., Самуйленко Л. В. Статус лица, привлеченного в качестве судебного эксперта, в уголовном процессе // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 226–232.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

STATUS OF A PERSON INVOLVED AS A JUDICIAL EXPERT IN A CRIMINAL PROCEEDING

Svetlana O. Sevostyanova[1], Lyudmila V. Samuilenko[2]
[1] Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, Sievostianova1986@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-7257-8285
[2] Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sovidzem@yandex.ru

Abstract. *The article examines the procedural status of a forensic expert in the criminal proceedings of the Russian Federation. It analyzes the legal nature of the institution of forensic expertise, examines the rights and obligations of an expert, and explores the specifics of their position depending on whether they belong to a state or non-state expert institution. Based on a critical analysis of law enforcement practice and legislative initiatives, gaps in the legal regulation of the activities of the head of an expert institution and non-state experts are identified. The authors substantiate proposals for improving criminal procedure legislation, including expanding the rights of an expert and clarifying the powers of the head.*

Keywords: *forensic expert, procedural status, expert rights, state forensic expert institutions, non-governmental experts*

For citation: *Sevostyanova S. O., Samoylenko L. V. Status of a person involved as a forensic expert in a criminal procedure. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:226–232 (In Russ.).*

© Севостьянова С. О., Самуйленко Л. В., 2026

Деятельность эксперта в уголовном процессе напрямую зависит от его процессуального положения, которое в настоящее время не лишено ряда проблемных аспектов. От процессуального статуса лица, привлекаемого в качестве судебного эксперта, пределов предоставленных ему полномочий напрямую зависит его участие в уголовном судопроизводстве и, как следствие, в собирании доказательств. В связи с этим теоретическое осмысление и анализ правового положения судебного эксперта приобретают особую актуальность как для науки уголовного процесса, так и для правоприменительной практики.

На современном этапе исследователями обоснованно подчеркивается тенденция усиления значения специальных познаний в уголовном судопроизводстве. По мнениям Р. В. Костенко и М. А. Духановой, данное обстоятельство детерминировано двумя ключевыми факторами: потребностью в повышении объективности доказательственной базы и гарантий защиты прав личности, а также активным внедрением в практику расследования новейших научных разработок, что стало следствием процессов интеграции и дифференциации научных отраслей [1, с. 210].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о процессуальном статусе самого эксперта, необходимо обратиться к характеристике правового института судебной экспертизы в целом. Данный институт представляет собой систему правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с назначением и производством судебной экспертизы. Как справедливо отмечается в современной литературе, институт судебной экспертизы обладает относительной автономией и формальной обособленностью, что позволяет рассматривать его в качестве структурного элемента отрасли уголовно-процессуального права.

Важной характеристикой рассматриваемого института выступают методы правового регулирования — императивный и диспозитивный, которые прослеживаются в большинстве статей главы 27 УПК РФ. Однако сущность диспозитивного метода раскрывается в ряде статей данной главы и только при состязательности уголовного судопроизводства, когда между двумя сторонами обвинения и защиты возникает независимый арбитр — суд. При назначении экспертизы на стадии судебного разбирательства, инициированной обеими сторонами, последние формулируют вопросы, а окончательное решение остается за судом.

Основополагающее значение для функционирования института судебной экспертизы имеют его принципы, которые Е. А. Зайцева в своей монографии обоснованно относит к общим условиям данного института и выделяет:

– принципы судебной экспертизы, положения об эксперте как участнике уголовного процесса;

– положения об экспертизе как следственном действии;

– положения о заключении и показаниях эксперта как доказательствах [2, с. 231].

Главенствующее место в перечне принципов занимает принцип законности, заключающийся в четком соблюдении предписаний Конституции Российской Федерации, а также иных нормативно-правовых актов, регламентирующих и регулирующих судебно-экспертную деятельность. Не менее значимым выступает принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, который корреспондирует положению ст. 2 Конституции РФ. Данный принцип имеет прямое отношение к обеспечению прав и законных интересов личности в уголовном процессе в целом и при производстве судебных экспертиз в частности. Показательно, что нормы уголовно-процессуального права строго ориентированы на основополагающие принципы, закрепленные в законодательстве. В качестве иллюстрации можно привести ст. 198 УПК РФ, которая в ранее существовавшей редакции существенно ущемляла права потерпевшего и его представителя, что противоречило принципу состязательности сторон. Однако благодаря направленности законодательства на соблюдение прав и свобод человека данный диссонанс в правах был устранен путем их выравнивания.

Особого внимания заслуживает принцип независимости эксперта, закрепленный в ст. 7 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данный принцип гарантирует объективность заключения путем исключения зависимости эксперта от субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. При производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Свидетельством объективности и беспристрастности является также персональная ответственность эксперта по ст. 307 УК РФ.

Обращаясь непосредственно к процессуальному статусу эксперта, необходимо отметить, что согласно ч. 1 ст. 57 УПК РФ экспертом признается лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном порядке для произ-

водства судебной экспертизы и дачи заключения. Данное определение позволяет выделить два ключевых признака эксперта: наличие специальных знаний и соблюдение процессуального порядка назначения.

Права эксперта закреплены в ч. 3 ст. 57 УПК РФ, и к ним относятся:

– знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;

– ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов либо привлечении к производству экспертизы других экспертов;

– участвовать с разрешения следователя или суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;

– давать заключение в пределах своей компетенции, в т. ч. по вопросам, не поставленным в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету исследования;

– приносить жалобы на действия должностных лиц, ограничивающие его права;

– отказаться от дачи заключения в случаях, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний либо представленные материалы недостаточны.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в юридической литературе, приведенный перечень прав нуждается в расширении. Так, А. Р. Белкин в своей фундаментальной монографии предлагает дополнить его следующими правомочиями:

– правом на экспертную инициативу, которое автор подробно раскрывает;

– правом получать образцы для сравнительного исследования в порядке ст. 202 УПК РФ;

– правом делать заявления, показания по вопросам, связанным с уточнением или разъяснением данного заключения и порядком производства экспертизы [3, с. 310].

Представляется, что данные предложения заслуживают внимания законодателя, однако механизм реализации «экспертной инициативы» остается проработан недостаточно. Анализ следственной практики показывает, что даже в случаях, когда эксперт в ходе исследования выявляет обстоятельства, имеющие значение для дела, но такие задачи не ставились инициатором исследования, лицо, осуществляющее судебно-экспертную деятельность, лишено возможности выйти за рамки постановления без согласования со следователем или судом. В связи с изложенным полагаем необходимо не только дополнить ч. 3 ст. 57 УПК РФ соответствующим пунктом, но и внести изменения в ст. 283 УПК РФ, предоставив суду право рассматривать ходатайство эксперта о дополнении вопросов непосредственно в судебном заседании.

Актуальной темой современных научных дискуссий выступает необходимость нормативного регулирования применения инновационных технологий, в первую очередь систем искусственного интеллекта (далее — ИИ), при проведении судебных экспертиз. Р. В. Костенко и М. А. Духанова обоснованно указывают на то, что внедрение алгоритмов машинного обучения в экспертную деятельность требует разработки специальных законодательных норм, что продиктовано самим смыслом и фундаментальными принципами уголовного процесса [1, с. 213].

В юридической литературе и экспертных дискуссиях отмечается рост процессуальных рисков, связанных с применением ИИ при производстве судебных экспертиз. Вместе с тем систематизированных статистических данных о количестве оспоренных заключений, подготовленных с использованием ИИ, в открытых источниках в настоящее время не представлено, что само по себе свидетельствует о недостаточной прозрачности правоприменения и отсутствии единообразных критериев оценки допустимости таких доказательств. Очевидно, что сложившаяся ситуация требует не только доктринального осмысления, но и формирования судебной практики, которая позволит выявить масштаб проблемы и определить подходы к ее решению.

Основные коллизии касаются определения пределов ответственности эксперта за выводы, сделанные с использованием таких систем, и критериев достоверности полученных данных. Полагаем, что до внесения изменений в ст. 57 УПК РФ, прямо регламентирующих порядок использования ИИ как вспомогательного, а не заменяющего инструмента, повсеместное внедрение таких систем в судебно-экспертную деятельность преждевременно.

С данной позицией сложно не согласиться, поскольку применение искусственного интеллекта порождает сложные правовые коллизии, касающиеся определения пределов ответственности эксперта за выводы, сделанные с использованием таких систем, установления критериев достоверности полученных данных и уточнения процессуального положения эксперта в новых технологических условиях.

Наряду с правами законодатель предусматривает и определенные запреты. Согласно ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе:

– без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства

по вопросам, связанным с производством экспертизы;

– самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования; проводить без разрешения исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

– давать заведомо ложное заключение;

– разглашать данные предварительного расследования;

– уклоняться от явки по вызовам.

Нарушение указанных запретов влечет для эксперта негативные последствия в виде дисциплинарной, процессуальной или уголовной ответственности.

Важным аспектом процессуального статуса эксперта является его дифференциация в зависимости от принадлежности к государственному либо негосударственному экспертному учреждению. Как справедливо отмечается в литературе, среди экспертов условно можно выделить две основные группы — государственные судебные эксперты, имеющие статус должностных лиц, и частные эксперты без статуса должностных лиц.

Согласно ст. 1 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами. При этом в ст. 12 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» дано понятие государственного судебного эксперта, под которым понимается аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. Требования к государственному судебному эксперту конкретизированы в ст. 13, в которой отмечено, что должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности.

Вместе с тем, исходя из формулировки ст. 57 УПК РФ, законодатель не требует того, чтобы в процессуальных действиях участвовал именно государственный судебный эксперт. Следовательно, допускается возможность привлечения также и частного эксперта, не являющегося должностным лицом.

Как верно отмечается в юридической литературе, все существующие процессуальные кодексы содержат единственное основание для назначения лица в качестве эксперта — наличие специальных знаний [4, с. 67; 5].

Данная позиция нашла отражение и в ч. 1 ст. 15 проекта федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где было прямо указано: «В качестве судебного эксперта может выступать государственный судебный эксперт или иной эксперт». При этом под иным экспертом понималось физическое лицо, которое обладает специальными знаниями и имеет действующий сертификат компетентности, но не является работником государственного судебно-экспертного учреждения.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснил, что к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях. При этом под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами.

Важно подчеркнуть, что отсутствие правовой регламентации деятельности негосударственных экспертов порождает определенные сложности на практике. Так, если в квалификации экспертов государственных учреждений сомнений не возникает, поскольку они занимают должности на основании аттестации, то с негосударственными экспертами дело обстоит сложнее [6, с. 115; 7]. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, необходимо предварительно запросить сведения о его образовании, специальности, стаже работы и иные данные, свидетельствующие о компетентности.

Отдельного внимания заслуживает дискуссионная проблема допустимости производства правовых экспертиз в уголовном процессе. И. В. Смолькова, анализируя данную проблему, обоснованно отмечает, что действующее законодательство относит к сфере специальных знаний области науки, техники, искусства или ремесла, и данный перечень носит исчерпывающий харак-

тер. По мнению автора, правовые экспертизы, по сути, представляют собой доктринальное толкование правовых норм, отражающее мнение отдельного юриста, и их легализация не требуется. Предлагается решать возникающие правовые вопросы путем обращения правоприменителя к юристам за консультацией, которая, однако, доказательственного значения не имеет [8, с. 62]. Данная позиция представляется обоснованной и позволяет избежать подмены судейского усмотрения экспертным заключением.

Следующим пробелом в законодательстве, на наш взгляд, является правовое регулирование деятельности руководителя экспертного учреждения. Известно, что в обеспечении надлежащего уровня производства судебных экспертиз руководителю принадлежит важная роль, между тем вопросы его процессуального положения, имеющие принципиальное значение для деятельности экспертного учреждения, законодательно урегулированы недостаточно, что вызывает определенные трудности на практике.

В действующем УПК РФ нормы о правах и обязанностях руководителя экспертного учреждения отсутствуют. Этот пробел в определенной мере восполнен статьями федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», однако данные нормы касаются исключительно государственных учреждений. Правовой статус руководителя негосударственного экспертного учреждения остается вне правового поля.

Отдельные попытки урегулировать статус руководителя предпринимались в законопроекте № 306504-6 (2013 г.)[1], который так и не был принят. В ходе семинара-совещания в Совете Федерации в 2023 г. вновь ставился вопрос о необходимости законодательного закрепления правового положения руководителя, в т. ч. негосударственных экспертных учреждений, а также их подчиненных (создание реестра, обязательная аттестация), однако эти инициативы до настоящего времени не реализованы[2].

Многие вопросы деятельности руководителя, касающиеся его взаимоотношений с органом, назначившим экспертизу, и с экспертом, по своей сущности, являются уголовно-процессуальными и остаются неурегулированными. В соответствии с ч. 2 ст. 199 УПК РФ руководитель экспертного учреждения, получив постановление о производстве экспертизы, поручает ее производство конкретному эксперту или комиссии экспертов из числа сотрудников данного учреждения и разъясняет им права и ответственность. Однако в КоАП РФ аналогичные нормы отсутствуют, что создает правовую неопределенность. Представляется, что такая разница в кодексах не только создает правовые коллизии, но и порождает различное толкование их норм.

Проведенный анализ показывает, что круг нормативных актов, регулирующих деятельность руководителя, включает законодательные акты, постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, подзаконные акты министерств и ведомств. Однако все эти акты касаются лишь государственных экспертных учреждений, тогда как правовой статус руководителя негосударственной судебно-экспертной организации на сегодняшний день не имеет четкой легализации.

В юридической науке неоднократно высказывались мнения о необходимости расширения процессуальных полномочий руководителя экспертного учреждения. Так, Ю. К. Орлов обосновывал целесообразность вмешательства руководителя в процесс экспертного исследования, указания которого идут на пользу судебному эксперту. В случае несогласия эксперта предлагалась возможность организации комиссионного исследования с включением в комиссию первоначального эксперта [9, с. 88].

Е. Р. Россинская, в свою очередь, отмечала недостаточное урегулирование вопроса о последствиях несогласия руководителя с выводами эксперта, выражающееся в отсутствии у руководителя права назначить другого эксперта [10, с. 221]. Представляется, что данные предложения заслуживают внимания, и правоприменителю следует указать на необходимость закрепления полномочий руководителя по обеспечению контроля за полнотой и качеством проведенных исследований.

Дискуссионным остается вопрос о возможности производства судебных экспертиз самим руководителем экспертного учреждения. Данное явление не редкость, поскольку руководители экспертных учреждений таких структур, как МВД России, Минюст России, нередко сами проводят

[1] О проекте Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: постановление Государственной Думы Российской Федерации от 20.11.2013 № 3261-6 ГД. URL: http://duma.consultant.ru (дата обращения: 09.02.2026).

[2] Материалы семинара-совещания в Совете Федерации Федерального Собрания РФ «О совершенствовании правового регулирования судебно-экспертной деятельности». URL: http://council.gov.ru/events (дата обращения: 19.03.2026).

исследования и дают заключения, что чаще всего связано с некомплектом подразделения, высокой нагрузкой либо отсутствием эксперта ввиду болезни или отпуска. Представляется, что такая практика допустима, однако требует соответствующего процессуального оформления.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что процессуальный статус судебного эксперта в уголовном процессе характеризуется определенной сложностью и наличием ряда проблемных аспектов. Прежде всего, это касается необходимости расширения прав эксперта, в частности закрепления права на экспертную инициативу. Требует законодательного урегулирования также вопрос о процессуальном положении руководителя экспертного учреждения. Нуждается в уточнении и правовой статус негосударственных экспертов, поскольку действующее законодательство не содержит четких критериев оценки их компетентности. Кроме того, современное развитие науки и техники ставит перед законодателем новые задачи по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта в экспертной деятельности.

Полагаем, что поднятые в статье вопросы должны быть решены в самое ближайшее время путем внесения необходимых корректив, дополнений и уточнений непосредственно в уголовно-процессуальное законодательство, что позволит повысить качество судебно-экспертной деятельности и обеспечить более полную реализацию принципов уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Костенко Р. В., Духанова М. А. Проблемы нормативного обеспечения прозрачности экспертной деятельности при использовании новых технологий для анализа доказательств (на примере машинного обучения) // Закон и право. 2025. № 5. С. 210–214.

2. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. 437 с.

3. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 471 с.

4. Лазарева Л. В. Правовое положение судебного эксперта сквозь призму УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 66–70.

5. Сокольникова А. В. Элементы правового статуса эксперта в российском уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2023. № 52 (499). С. 316–318.

6. Прорвич В. А. Судебная экспертиза в российском правосудии: учебник. М.: ИНФРА-М, 2025. 503 с.

7. Булатова Н. Н. Показания и заключение эксперта и специалиста как источник доказательств // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 5. URL: https://web.snauka.ru/issues/2019/05/89413 (дата обращения: 19.03.2026).

8. Смолькова И. В. К вопросу о правовых экспертизах в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 1. С. 57–65.

9. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2016. 213 с.

10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 735 с.

References

1. Kostenko R. V., Duhanova M. A. Problemy normativnogo obespecheniya prozrachnosti ekspertnoj deyatel’nosti pri ispol’zovanii novyh tekhnologij dlya analiza dokazatel’stv (na primere mashinnogo obucheniya) // Zakon i pravo. 2025. № 5. S. 210–214.

2. Zajceva E. A. Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ekspertizy v usloviyah sostyazatel’nogo ugolovnogo sudoproizvodstva. M.: Yurlitinform, 2010. 437 s.

3. Belkin A. R. Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yurajt, 2025. 471 s.

4. Lazareva L. V. Pravovoe polozhenie sudebnogo eksperta skvoz’ prizmu UPK RF // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 1. S. 66–70.

5. Sokol’nikova A. V. Elementy pravovogo statusa eksperta v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Molodoj uchenyj. 2023. № 52 (499). S. 316–318.

6. Prorvich V. A. Sudebnaya ekspertiza v rossijskom pravosudii: uchebnik. M.: INFRA-M, 2025. 503 s.

7. Bulatova N. N. Pokazaniya i zaklyuchenie eksperta i specialista kak istochnik dokazatel’stv // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2019. № 5. URL: https://web.snauka.ru/issues/2019/05/89413 (data obrashcheniya: 19.03.2026).

8. Smol’kova I. V. K voprosu o pravovyh ekspertizah v ugolovnom sudoproizvodstve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2025. T. 19. № 1. S. 57–65.

9. Sovremennye problemy dokazyvaniya i ispol’zovaniya special’nyh znanij v ugolovnom sudoproizvodstve: nauchno-uchebnoe posobie / M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Moskovskij gos. yuridicheskij un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA). M.: Prospekt, 2016. 213 s.

10. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe: monografiya / Rossijskij federal’nyj centr sudebnoj ekspertizy pri M-ve yusticii Rossijskoj Federacii. 3-e izd., dop. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 735 s.

Информация об авторе

С. О. Севостьянова — кандидат юридических наук.

Information about the author

S. O. Sevostyanova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 11.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 11.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 233–238.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 233–238.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343:001

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПРОФЕССОРА В. В. НИКОЛЮКА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Владимир Александрович Семенцов
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, crimpro@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1127-5603

Аннотация. *В статье анализируются вопросы обеспечения взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, активно и плодотворно исследуемые профессором В. В. Николюком, по мнению которого на практике важно обеспечить не формальное, а реальное взаимодействие, обеспечивая тем самым, с одной стороны, повышение эффективности борьбы с преступностью, а с другой — соблюдение конституционных прав граждан. Подчеркивается очевидная близость между уголовным процессом и криминалистикой при наличии единого объекта изучения — преступления, а также методов и средств борьбы с ним.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, криминалистика, взаимодействие*

Для цитирования: *Семенцов В. А. Научные подходы профессора В. В. Николюка к обеспечению взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 233–238.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

SCIENTIFIC APPROACHES OF PROFESSOR V. V. NIKOLYUK TO ENSURING INTERACTION OPERATIONAL AND CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

Vladimir A. Sementsov
Kuban State University, Krasnodar, Russia, crimpro@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1127-5603

Abstract. *The article analyzes the issues of ensuring the interaction between operational investigative and criminal procedural activities, which are actively and fruitfully studied by Professor V. V. Nikolyuk. According to him, in practice, it is important to ensure not just formal but real interaction, thereby ensuring, on the one hand, increased effectiveness in combating crime, and on the other hand, respect for the constitutional rights of citizens. The article emphasizes the obvious similarity between criminal proceedings and criminology, given that they share a common object of study: crime, as well as the methods and means of combating it.*

Keywords: *criminal proceedings, operational investigative activities, forensic science, and cooperation*

For citation: *Sementsov V. A. Scientific approaches of professor V. V. Nikolyuk to ensuring interaction of operational-investigative and criminal procedure activities. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:233–238 (In Russ.).*

© Семенцов В. А., 2026

Профессор Вячеслав Владимирович Николюк — широко известный российский ученый в области уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). В своей исследовательской деятельности В. В. Николюк постоянно акцентирует внимание на необходимости соблюдения конституционных прав граждан при применении оперативно-розыскных средств и методов раскрытия и расследования преступлений, указывает на важность правильного процессуального оформления результатов ОРД для их эффективного использования в качестве доказательств, предлагает конкретные меры по оптимизации оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Как отмечают О. П. Грибунов, А. В. Варданян и В. А. Антонов, практически каждый результат научной деятельности В. В. Николюка, его статьи, комментарии, монографии «содержат глубокий анализ законодательства, детальное, углублённое толкование конкретной правовой нормы, что свидетельствует о высоком уровне правопонимания и правосознания» [1, с. 19].

Действительно, в сферу научных интересов В. В. Николюка входит широкий спектр вопросов, в числе которых и те, что связаны с обеспечением взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а его научные подходы по этому направлению деятельности способствуют повышению эффективности борьбы с преступностью, обеспечивая развитие правовых механизмов и совершенствование действующего законодательства.

«В последние годы, — пишет В. В. Николюк, — все больше становится очевидным: законодательство о борьбе с преступностью не может дальше эволюционировать, …при недооценке устойчивой тенденции сближения уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности…», что «особенно характерно для университетской науки, не признающей, за некоторыми исключениями, в теории ОРД и Законе об ОРД полноценного оппонента» [2, с. 320–321].

В. В. Николюк, характеризуя оперативно-розыскную деятельность, осуществляемую в интересах и по правилам государства, отмечает, что ей «отведена важная роль в борьбе с преступностью. Предупреждение, выявление и раскрытие большинства тяжких и особо тяжких преступлений становится возможным лишь при осуществлении комплекса оперативно-розыскных мероприятий… Их результаты приравнены законом к поводам и основаниям возбуждения уголовного дела, используются при подготовке и проведении следственных действий (ст. 11 Закона об ОРД), способствуя установлению доказательств» [3, с. 116].

По мнению В. В. Николюка, «доктринальные разработки на стыке уголовного процесса и ОРД традиционно ведутся в рамках "главной и вечной темы", посвященной использованию результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании», хотя имеются и другие, в частности, относительно правовой природы судебной деятельности при осуществлении ОРД, которая разделяется на три вида производства: 1) по рассмотрению материалов об ограничении конституционных прав граждан в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ); 2) при проверке законности судебных решений, санкционировавших проведение ОРМ; 3) в случаях рассмотрения жалоб на действия и решения оперативно-розыскных органов. В результате проведенного анализа указанных видов судебных производств автор делает вывод о том, что «общими предпосылками для того, чтобы судебную деятельность в сфере ОРД включать в содержание уголовного правосудия, выступает уголовно-процессуальная форма ее осуществления», поскольку «Конституционный Суд устранил барьер, отдалявший судебный контроль за ОРМ от уголовного судопроизводства и правосудия» [4, с. 18–20].

В работах В. В. Николюка утверждается, что судебный контроль за проведением оперативно-розыскных мероприятий связан не только с определением его содержания, но и необходимостью решения целого ряд других проблем, обусловленных спецификой ОРД, которая часто носит скрытый, конспиративный характер, затрудняющий полноценный судебный контроль и одновременно усложняющий обеспечение законности и защиту конституционных прав граждан. Достаточно констатировать, например, формальный характер судебного контроля, когда на практике суды в подавляющем числе случаев дают разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, не проводя глубокой проверки законности и обоснованности их проведения.

Так, по данным статистики на первое полугодие 2025 г. в суды поступило:

1) 247 173 ходатайств об ограничении конституционных прав граждан в сфере ОРД на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, из которых удовлетворено 246 983, или 99,9 %;

2) 26 959 ходатайств об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, удовлетворено 26 863, или 99,6 %;

3) 138 418 ходатайств о получении справок по операциям, счетам и вкладам, составляющим банковскую тайну, удовлетворено 137 725, или 99,5 %;

4) 72 927 ходатайств о проведении иных оперативно-розыскных мероприятий, удовлетворено 71 726, или 98,3 %[1].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что при регламентации порядка заявления ходатайств и использовании предусмотренной в законе процессуальной формы получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан, суды фактически ограничиваются формальным одобрением, когда удовлетворяется от 98,3 % до 99,9 % таких ходатайств. Именно поэтому В. В. Николюк и В. А. Виноградова считают, что «термин "судебный контроль" не отражает сути происходящего при рассмотрении судьей вопросов о выдаче разрешения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан» и не способен «обеспечить защиту конституционных прав граждан» [5, с. 130].

Справедливости ради заметим, что имеются и другие проблемы, затрудняющие эффективное осуществление судебного контроля за ОРД: от недостаточной требовательности судей к качеству материалов инициаторов ОРМ и до отсутствия процедуры пересмотра и обжалования судебных решений, разрешающих их проведение, которые требуют продолжения исследований по этим направлениям.

Что касается непосредственно взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, то здесь В. В. Николюк называет такие ключевые идеи, как максимальное использование «оперативными службами негласных и скрытых средств обнаружения преступлений, а также лиц, их совершивших; более широкое участие в следственных действиях оперативных сотрудников; коррекция узкого понимания доказательственного значения результатов ОРМ, когда им ″дается ход″ только после придания соответствующей процессуальной формы» [6, с. 56].

Необходимость взаимодействия оперативно-розыскного и уголовно-процессуального видов деятельности обусловлено общей задачей — раскрытием преступления, которую В. В. Николюк «рассматривает не просто как технический процесс, а как фундаментальную уголовно-процессуальную категорию» [7, с. 330], в чем нетрудно убедиться при сопоставлении ст. 6 УПК РФ, закрепляющей назначение уголовного судопроизводства, и ст. 2 Закона об ОРД, где сформулированы задачи оперативно-розыскной деятельности. Хотя в ст. 6 УПК РФ раскрытие преступлений и не названо задачей уголовного судопроизводства, очевидно, что без ее решения права потерпевших не будут обеспечены в полной мере. Чем быстрее раскрывается преступление и обеспечивается неотвратимость ответственности для лиц, чья вина достоверно доказана, тем эффективнее становится уголовное судопроизводство.

10 ноября 2025 г. Президент РФ В. В. Путин в видеообращении к личному составу и ветеранам органов внутренних дел в связи с профессиональным праздником назвал среди приоритетов повышение раскрываемости преступлений и в целом совершенствование подходов в борьбе с криминалом, в т. ч. в информационном пространстве[2].

Очевидно, что решить задачу раскрытия преступления «исключительно с помощью уголовно-процессуальных средств сложно, а то и невозможно, поскольку многие деяния заранее планируются, подготавливаются и тщательно конспирируются, а лица, их совершающие, рассчитывают на то, что им удастся уйти от ответственности. Поэтому объективно необходимо широкое использование возможностей оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, но эта деятельность, при всей ее ценности, не предусматривает самостоятельных механизмов привлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности» [8, с. 50].

Важно и то, что по-прежнему нет единства мнений о роли и значении информации, добываемой оперативным путем, для обеспечения решения задачи раскрытия преступления в уголовно-процессуальном смысле и гарантированности прав участников, о чем свидетельствует опыт других государств с различием в подходах по вопросу объединения усилий в сфере борьбы с преступностью за счет синтеза оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Бесспорна близость оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и криминалистики за счет единого объекта изучения — преступления, методов и средств борьбы с ним. Объединение

[1] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2025 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Путин поздравил сотрудников органов внутренних дел РФ с праздником // РИА Новости. 2025. 10 ноября.

оперативно-розыскной деятельности с уголовным процессом и криминалистикой обусловлено многовековой историей, позитивным современным опытом правоприменения и взаимного обогащения указанных отраслей научного знания. По отношению к оперативно-розыскной деятельности и криминалистике уголовный процесс занимал и занимает ведущее положение, служит нормативной и теоретической основой для их развития и совершенствования.

По утверждению В. В. Николюка, «криминалистика как правовая наука (отрасль знаний, учебная дисциплина), зародившись и пребывая на этапе становления в границах уголовного процесса, находится с ним в тесной связи и выполняет по отношению к нему служебную роль (обеспечение расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде, содействие, в конечном счете, борьбе с преступностью)» [9, с. 14].

О. Я. Баев по этому поводу писал, что «процессуалисты и криминалисты — не соседи по кухне в коммунальной квартире с неизбежными в этой ситуации сварами о том, кто на ней хозяин (в которые нас пытаются вовлечь А. С. Александров и ряд поддерживающих его мнение авторов); процессуалисты и криминалисты — игроки единой команды на поле, именуемом уголовным судопроизводством… Изучать уголовный процесс и криминалистику в отрыве друг от друга — и как науки, и как учебной дисциплины — все равно, что пытаться нарисовать прямоугольник одной линией — либо без длины, либо без ширины» [10, с. 371].

Тем не менее 10 января 2012 г. было принято решение о выделении из научной специальности 12.00.09 в отдельную научную специальность криминалистики, что, как показало время, не привело к достижению заявленной цели оптимизации — повышению качества исследований и эффективности работы диссертационных советов по этому направлению, а, напротив, стало основанием для разрыва исторически сложившейся и объективно обусловленной взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики [11, с. 332].

Безусловно, прав В. В. Николюк, считающий, что «разграничение уголовного процесса и криминалистики по разным научным специальностям, носит конъюнктурный характер, создает искусственные преграды для проведения комплексных научных исследований в рамках подготовки диссертаций, обедняет юридическую науку в целом, провоцирует участников научных процедур на различные вынужденные ухищрения, граничащие с нарушением закона» [9, с. 23].

Считаем, что именно объективное наличие неразрывной взаимосвязи между уголовным процессом и криминалистикой определяет условия применения криминалистических средств и приемов в раскрытии и расследовании преступлений для достижения назначения уголовного судопроизводства. Несомненно, что перед современной криминалистикой стоят сложные стратегические задачи по борьбе с преступностью на длительную перспективу, для решения которых необходимо пополнить ее систему самостоятельным разделом с названием «криминалистическая стратегия», поскольку истолкование этого термина с позиции искусства позволяет рассматривать эту деятельность как творческую, как умение, ловкость, тонкое знание дела [12, с. 249–250].

«В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно распылятся вместо того, чтобы сосредоточиться на главном» [13, с. 88].

Криминалистическая стратегия выступает как искусство ведения борьбы с преступностью и определяет направления деятельности с тем, чтобы выиграть эту борьбу, а тактика криминалистики должна разрабатываться в рамках стратегии, включая определение конкретных целей и оптимальных методов их достижения в конкретных условиях, с ориентиром на реальное положение дел.

Проведенный обзор научных подходов профессора Вячеслав Владимировича Николюка к взаимодействию оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности позволяет сделать вывод о том, что в его работах подчеркивается важность не формального, а реального взаимодействия в указанных сферах деятельности, обеспечивая тем самым, с одной стороны, повышение эффективности борьбы с преступностью, а с другой — соблюдение конституционных прав граждан.

Обоснованно утверждение В. В. Николюка о неразрывной взаимосвязи оперативно-розыскного и уголовно-процессуального видов деятельности в силу общей стратегической задачи борьбы с преступностью на длительную перспективу, решение которой осуществляется за счет очевидной близости с криминалистикой и при наличии единого объекта изучения — преступления.

Список источников

1. Грибунов О. П., Варданян А. В., Антонов В. А. Профессор Вячеслав Владимирович Николюк — ученый, педагог, наставник, друг // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 19. № 3. С. 11–23.

2. Николюк В. В. Будущее права: можно ли прогнозировать и влиять на процессы развития права? // Теория и практика расследования преступлений: мат-лы XIII Международной научно-практ. конф-ции (17 апреля 2025 г.) / редкол.: Э. С. Данильян, И. Г. Башинская, М. Ю. Лакомская [и др.]. Краснодар, 2025. С. 319–323.

3. Николюк В. В. Проведение ОРМ с задержанным подозреваемым (ч. 2 ст. 95 УПК РФ): правовой аспект // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 115–122.

4. Николюк В. В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности // Мировой судья. 2023. № 10. С. 15–21.

5. Николюк В. В., Виноградова В. А. Квазиконтроль суда за проведением оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 122–130.

6. Николюк В. В. Вопросы взаимодействия закона об ОРД с УПК РФ в фокусе конституционного мировоззрения // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции. М., 2024. С. 56–62.

7. Николюк В. В. Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория // Теория и практика расследования преступлений: мат-лы IX Международной научно-практ. конф-ции / редкол.: Э. С. Данильян [и др.]. Краснодар, 2021. С. 330–336.

8. Семенцов В. А. Задача раскрытия преступления: уголовно-процессуальный аспект // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: сборник статей Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, д-ра юрид. наук, проф. Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, д-ра юрид. наук, проф. Марата Константиновича Каминского / науч. ред.: Л. Г. Татьянина, А. М. Каминский. Ижевск, 2026. С. 50–52.

9. Николюк В. В. Уголовное судопроизводство и криминалистика: взаимодействие, сближение, отчуждение в условиях реформирования УПК РФ и модернизации научных стандартов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 14–24.

10. Баев О. Я. Уголовный процесс — криминалистика как система наук, учебных дисциплин и специальностей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1 (12). С. 358–372.

11. Семенцов В. А. Криминалистика в системе номенклатуры специальностей научных работников по юриспруденции // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции, посвященной 60-летнему юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 324–332.

12. Семенцов В. А. Наука криминалистики в трудах профессора Л. Я. Драпкина // Вклад Л. Я. Драпкина в криминалистическую науку: мат-лы Всероссийского научно-практ. круглого стола (Екатеринбург, 1 ноября 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 248–255.

13. Артур Конан Дойл. Рейгетские сквайры (из сборника «Записки о Шерлоке Холмсе») / пер. Т. А. Рузской. М., 1966.

References

1. Gribunov O. P., Vardanyan A. V., Antonov V. A. Professor Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk — uchenyj, pedagog, nastavnik, drug // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. T. 19. № 3. S. 11–23.

2. Nikolyuk V. V. Budushchee prava: mozhno li prognozirovat’ i vliyat’ na processy razvitiya prava? // Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij: mat-ly XIII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf-cii (17 aprelya 2025 g.) / redkol.: E. S. Danil’yan, I. G. Bashinskaya, M. Yu. Lakomskaya [i dr.]. Krasnodar, 2025. S. 319–323.

3. Nikolyuk V. V. Provedenie ORM s zaderzhannym podozrevaemym (ch. 2 st. 95 UPK RF): pravovoj aspekt // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 2. S. 115–122.

4. Nikolyuk V. V. Ugolovnoe pravosudie v sfere operativno-rozysknoj deyatel’nosti // Mirovoj sud’ya. 2023. № 10. S. 15–21.

5. Nikolyuk V. V., Vinogradova V. A. Kvazikontrol' suda za provedeniem operativno-rozysknyh meropriyatij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 1 (65). S. 122–130.

6. Nikolyuk V. V. Voprosy vzaimodejstviya zakona ob ORD s UPK RF v fokuse konstitucionnogo mirovozzreniya // 95 let Akademii upravleniya MVD Rossii: prodolzhaya i priumnozhaya slavnye tradicii: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. M., 2024. S. 56–62.

7. Nikolyuk V. V. Raskrytie prestupleniya kak ugolovno-processual'naya kategoriya // Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij: mat-ly IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / redkol.: E. S. Danil'yan [i dr.]. Krasnodar, 2021. S. 330–336.

8. Semencov V. A. Zadacha raskrytiya prestupleniya: ugolovno-processual'nyj aspekt // Ugolovnyj process i kriminalistika v protivodejstvii sovremennoj prestupnosti: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj pamyati osnovatelya shkoly ugolovnogo processa, d-ra yurid. nauk, prof. Zinura Zinatullovicha Zinatullina i osnovatelya shkoly kriminalistiki, d-ra yurid. nauk, prof. Marata Konstantinovicha Kaminskogo / nauch. red.: L. G. Tat'yanina, A. M. Kaminskij. Izhevsk, 2026. S. 50–52.

9. Nikolyuk V. V. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i kriminalistika: vzaimodejstvie, sblizhenie, otchuzhdenie v usloviyah reformirovaniya UPK RF i modernizacii nauchnyh standartov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2 (77). S. 14–24.

10. Baev O. Ya. Ugolovnyj process — kriminalistika kak sistema nauk, uchebnyh disciplin i special'nostej // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 1 (12). S. 358–372.

11. Semencov V. A. Kriminalistika v sisteme nomenklatury special'nostej nauchnyh rabotnikov po yurisprudencii // Problemy sovremennoj kriminalistiki i osnovnye napravleniya ee razvitiya v XXI veke: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj 60-letnemu yubileyu kafedry kriminalistiki Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (6 oktyabrya 2017 g.). Ekaterinburg, 2017. S. 324–332.

12. Semencov V. A. Nauka kriminalistiki v trudah professora L. Ya. Drapkina // Vklad L. Ya. Drapkina v kriminalisticheskuyu nauku: mat-ly Vserossijskogo nauchno-prakt. kruglogo stola (Ekaterinburg, 1 noyabrya 2019 g.). Ekaterinburg, 2019. S. 248–255.

13. Artur Konan Dojl. Rejgetskie skvajry (iz sbornika «Zapiski o Sherloke Holmse») / per. T. A. Ruzskoj. M., 1966.

Информация об авторе

В. А. Семенцов — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. A. Sementsov — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 239–245.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 239–245.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВОЗРАЖЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Андрей Юрьевич Сологубов[1], Татьяна Геннадьевна Недзелюк[2]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, solo123q@yandex.ru
[2] Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, Lebedevnu@rambler.ru

Аннотация. *В статье анализируется правовая природа возражений как самостоятельного вида уголовно-процессуальных обращений. Автор обращается к малоизученному в доктрине институту, который выполняет важную функцию по реализации и защите процессуальных прав участников судопроизводства. Анализируются нормативные пробелы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности отсутствие легальной дефиниции возражения и процессуальной формы его подачи при наличии множественных упоминаний данного термина в тексте закона. Автором выделяются системообразующие признаки возражений, предлагается их классификация по субъектам и правовым последствиям. Особое внимание уделяется отграничению возражений от смежных категорий — жалоб и ходатайств. В результате исследования формулируется авторское определение уголовно-процессуального возражения, а также предлагаются пути совершенствования законодательной регламентации данного правового средства.*

Ключевые слова: *возражение, диспозитивность, публичность, уголовно-процессуальные обращения, отграничение от жалоб и ходатайств, баланс публичных и частных интересов*

Для цитирования: *Сологубов А. Ю., Недзелюк Т. Г. Правовая природа возражений в уголовном судопроизводстве // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 239–245.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL NATURE OF OBJECTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Andrey Yu. Sologubov[1], Tatyana G. Nedzelyuk[2]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, solo123q@yandex.ru
[2] Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, Lebedevnu@rambler.ru

Abstract. *The article analyzes the legal nature of objections as an independent type of criminal procedural appeals. The author refers to an institution that is little studied in the doctrine, which performs an important function in the implementation and protection of the procedural rights of participants in legal proceedings. The normative gaps of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, in particular, the lack of a legal definition of an objection and the procedural form of its filing, in the presence of multiple mentions of this term in the text of the law. The author identifies the system-forming features of objections, suggests their classification by subjects and legal consequences. Special attention is paid to distinguishing objections from related categories such as complaints and petitions. As a result of the research, the author's definition of a criminal procedure objection is formulated, and ways to improve the legislative regulation of this legal remedy are proposed.*

Keywords: *objection, dispositivity, publicity, criminal procedural appeals*

For citation: *Sologubov A. Yu., Nedzelyuk T. G. Legal nature of objections in criminal proceedings. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:239–245 (In Russ.).*

© Сологубов А. Ю., Недзелюк Т. Г., 2026

В системе уголовно-процессуальных обращений наряду с общераспространенными видами: заявлениями, жалобами и ходатайствами, обособленное место занимают менее изученные и реже применяемые разновидности — предложения, замечания и возражения. Обладая на практике меньшей степенью употребительности и лапидарной доктринальной разработанностью, данные процессуальные инструменты тем не менее выполняют важнейшие функции по реализации и защите процессуальных прав, а также по отстаиванию законных интересов субъектов уголовного судопроизводства. Как верно отмечала А. П. Гуськова, «приоритетным направлением в развитии и становлении отечественной уголовной юстиции является защита прав и свобод личности от незаконных действий тех субъектов уголовного судопроизводства, которые наделены правом осуществлять уголовно-процессуальную деятельность» [1, с. 15].

Как известно, эффективное функционирование механизма уголовно-процессуального регулирования невозможно без указанных средств, поскольку именно они призваны обеспечивать баланс публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве. Следовательно, возникает настоятельная необходимость в уяснении правовой природы возражений как самостоятельного уголовно-процессуального обращения. Особую значимость данному вопросу придают сохраняющиеся пробелы в нормативной регламентации, в числе которых: отсутствие легально закрепленной дефиниции и процессуальной формы подачи возражения, неопределенность сроков их подачи, а также неурегулированность порядка рассмотрения и разрешения указанных обращений. Совокупность перечисленных обстоятельств обусловливает целесообразность углубленного научного анализа данного правового института.

Отсутствие легальной дефиниции «возражения» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) порождает правовую неопределенность в отношении пределов его действия. Указанный нормативный пробел создает предпосылки для двойственного и противоречивого понимания сущности возражений различными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем примечательным представляется тот факт, что «возражение» и его производные вариативно встречаются в тексте УПК РФ целых 56 раз. Это свидетельствует о его фактической востребованности в механизме процессуального регулирования. Тем не менее данному определению законодательно не нашлось места в ст. 5 УПК РФ, закрепляющей основные понятия. Как справедливо отмечает С. Б. Россинский, действующий УПК РФ изобилует другими, далеко не всегда необходимыми дефинициями [2, с. 8]. Данное обстоятельство актуализирует необходимость выявления системообразующих признаков возражения и выработки научно обоснованного понятия данного правового средства, позволяющего унифицировать практику его применения.

Такой вид обращения к органам и должностным лицам уголовного судопроизводства отнюдь не новый, упоминание о нем встречается уже в первых источниках права Древнерусского государства: в Русской Правде, Псковской судной грамоте, Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 г. Указанные правовые акты описывали возражения с долей условности, обращения не были разграничены, не указывались сроки их подачи, рассмотрения и разрешения. Отсутствовала специальная форма обращения, происходило смешение судебных и исполнительно-распорядительных органов [3, с. 57]. В первом, подлинно кодифицированном законодательном акте — Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. — возражения впервые были законодательно закреплены. Однако по сей день нет понимания правовой природы таких средств защиты.

Результаты проведенного анкетирования[1] свидетельствуют о том, что лишь незначительная доля правоприменителей — 9 % опрошенных (136 респондентов) — идентифицирует возражения в качестве разновидности уголовно-процессуальных обращений. Данное обстоятельство указывает на фрагментарное восприятие института возражений в практической деятельности и актуализирует необходимость его доктринального уточнения. Тем не менее, по совершенно справедливому мнению А. К. Зебницкой, «возражения — это такой же инструмент обеспечения состязательности и равноправия, как и ходатайства или заявления» [4, с. 25]. Возражение — неотъемлемая часть уголовного судопроизводства, предоставляющая возможность выражения мнения и защиты прав для участников уголовного судопроизводства [5, с. 311]. А. А. Давлетов совместно с Р. Ш. Асановым, помимо ходатайств, выделяет в системе обращений к следователю следующие формы: отвод, заявление о реализации права, замечание и возражение [6, с. 12].

[1] В анкетировании (в период с июня по декабрь 2025 г.) приняло участие 1520 сотрудников органов предварительного расследования (следователи, дознаватели, руководители следственного органа, начальники органов и подразделений дознания в 75 субъектах Российской Федерации).

И как справедливо отмечается в диссертационном исследовании Р. Ш. Асанова, данные формы не получили в УПК РФ нормативного урегулирования [7, с. 186].

Представляется целесообразным сопоставить сформулированные учеными в рамках диссертационных исследований признаки уголовно-процессуальных обращений с уголовно-процессуальными возражениями. Это позволит определить принадлежность возражений к категории процессуального обращения как эффективному средству реализации и защиты прав, отстаивания законных интересов. К числу признаков обращений к следователю, дознавателю и их руководителям относится: 1) процессуальный характер; 2) свободное волеизъявление; 3) диспозитивный характер; 4) официальность; 5) содержание (просьба/требование); 6) определенные субъекты подачи и адресаты, т. е. субъекты разрешения; 7) специальная форма; 8) обоснованность, мотивированность и конкретизированность; 9) юридические последствия [3, с. 41–47]. Схожие признаки обращений участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве предложены И. В. Шепелиным: 1) обоснованность; 2) письменная форма; 3) разумность; 4) недопустимость злоупотребления правом; 5) обеспеченность законных требований процессуальными гарантиями; 6) межотраслевой (комплексный) характер регулирования; 7) наличие организационно-правового механизма рассмотрения и разрешения обращений в разумные сроки; 8) подача обращений надлежащими лицами и в надлежащие сроки; 9) осознанность и добровольность подачи обращений [8, с. 12]. Предлагается проанализировать каждый признак по отношению к уголовно-процессуальным возражениям.

Так, не вызывает сомнения процессуальный характер возражений, регламентация которых находит свое отражение в тексте уголовно-процессуального закона. Возражения, исходя из регламентации в законе, следует разделить на обособленные группы:

– возражения, связанные с главой 4 УПК РФ, более детально — с прекращением уголовного преследования. Обобщенно их можно назвать «возражения диспозитивного характера». Данная группа напрямую связана с выражением позиции невластных участников уголовного судопроизводства по поводу прекращения преследования в отношении подозреваемого. Возражения данной группы оформляются процессуальным документом. Однако текст закона не регламентирует данную процедуру, тем самым оставляя это на усмотрение практических работников. Представляется, что в содержательной части документа должно быть отражено мнение участника о наличии или отсутствии возражений против прекращения уголовного преследования;

– возражения властных участников уголовно-процессуальных правоотношений. Во-первых, данные возражения проявляют публичный характер, поскольку у должностного лица отсутствует диспозитивность в возможности и желании по своему усмотрению обращаться с возражениями. Во-вторых, текст закона прямо оговаривает письменный характер данных возражений (ч. 3 ст. 38, ч. 3 и 4 ст. 39, ч. 4 ст. 40.1, п. 5 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). Выделенные классификационные группы возражений выражают диалектическое единство публичных и диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве. Публичность, выступая системообразующим и фундаментальным принципом уголовного судопроизводства, в современных условиях подвергается изменениям за счет внедрения диспозитивных элементов, ориентированных на приоритет прав личности и расширение участия граждан в отправлении правосудия. Диспозитивность в данном контексте приобретает значение факультативного, но концептуально значимого признака, который обеспечивает реализацию инициативы невластных участников, что отчетливо проявляется в институте уголовно-процессуальных возражений;

– возражения, связанные с проведением следственных действий (ч. 5 ст. 177, ч. 3 ст. 178, ч. 5 ст. 191 УПК РФ). В основном возражения данной группы отмечаются в протоколе соответствующего следственного действия. В определенных случаях возражение является элементом процедуры по обращению следователя (дознавателя) к суду за получением разрешения на производство следственного действия. Данная классификационная группа относится скорее к выражению мнения, чем к полноценной форме уголовно-процессуального обращения. В своей основе данные возражения содержат сущность обращения, при этом констатируя какой-либо факт. В результате их подачи не возникает, не изменяется и не прекращается правоотношение. Относительно фиксации данных возражений А. В. Павлов и С. В. Супрун пишут, что при наличии возражений у проживающих лиц следователь должен сделать об этом отметку в протоколе осмотра места происшествия или составить рапорт об отказе в даче согласия на проведение осмотра. Последний составляется в случаях, когда осмотр не был начат [9, с. 2]. А. А. Торовков

предлагает фиксировать данные возражения отдельным процессуальным документом — заявлением [10, с. 30];

– возражения, связанные с процессуальной формой проведения сокращенного дознания (п. 6 ч. 1 ст. 226.2, ч. 5 ст. 226.4, ч. 4 ст. 229.9);

– возражения, используемые в судебном производстве (ч. 3 ст. 235, ч. 3 ст. 243 и т. д.).

Институт возражений является отраслевым, т. е. регулируется только уголовно-процессуальной отраслью права. В отличие от административных возражений уголовно-процессуальное возражение всегда связано с конкретным производством в рамках уголовного судопроизводства.

Аналогичных сомнений не вызывает и признак официальности применительно к возражениям. Это проявляется в составлении любого документа (возражения) с использованием официально-делового стиля, реквизитов, присущих любому юридическому документу: дата и время составления, Ф. И. О. подающего лица, наличие подписи, данных об уголовном деле, материале предварительной проверки или иные данные, необходимые для указания в тексте возражения. Отчетливо данный признак проявляется в отношении возражений властных участников, где письменную форму регламентирует закон. Тем не менее устные возражения должны в обязательном порядке отражаться в соответствующих протоколах следственных, судебных действий и иных процессуальных документах.

С признаком официальности напрямую связана процессуальная форма выражения документа (возражения) — письменная, устная. Закон не регламентирует возможность подачи возражений посредством современных цифровых технологий, применяемых в рамках уголовного судопроизводства. Думается, это не может являться препятствием для обращения с возражением к должностному лицу. Такие документы стоит подразделить на возражения, поданные письменно в форме электронного документа и подписанные: а) усиленной квалифицированной подписью; б) простой квалифицированной подписью; в) в виде скан-копии документа. Помимо прочего, возражение может быть подано и посредством почтовой связи.

Возражения — это всегда волеизъявление. Только в одном случае это свободное волеизъявление — подача по инициативе субъекта (невластного участника) в ходе следственных действий, в рамках судебного заседания. В других случаях — когда должностное лицо обязано заявить возражение или же оно обязательно требуется для разрешения уголовного преследования (в случаях его прекращения).

Содержание. Толковые словари возражение определяют как опровергающий довод, мотивированное несогласие с чем-нибудь. Возражение интерпретируется в виде антипода согласия, подкрепленное доводами или поясняющими предложениями. В отличие от ходатайства, которое содержит прошение о совершении определенного действия, и жалобы, которая также под собой несет прошение о восстановлении нарушенного права, возражение имеет специфическое содержание с мотивированным несогласием с уже совершенным или планируемым действием (решением) должностного лица. Впрочем, говоря о возражениях властных участников уголовного судопроизводства, необходимо подчеркнуть, что в них может содержаться и прошение. Так, например, следователь может подать письменное возражение на указание руководителя следственного органа с просьбой отменить указание по уголовному делу. Аналогичные возражения, содержащие просьбу, исходят и от государственных обвинителей в рамках судебных стадий[1].

У невластных участников уголовного судопроизводства волеизъявление носит диспозитивный, свободный характер, а волеизъявление властных участников обладает императивным характером. То есть следователь не может подать немотивированное или же вовсе голословное возражение на указания руководителя, точно так же, как и возражения государственного обвинителя на апелляционные жалобы. Напротив, такие возражения должны иметь развернутую правовую позицию.

Круг субъектов, подающих возражение, является широким и не ограничивается лишь должностными лицами (следователем, дознавателем, руководителем следственного органа и др.), осуществляющими уголовное судопроизводство. К субъектам можно отнести и невластных участников уголовного судопроизводства (подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец и пр.), а также лиц, формально не обладающих процессуальным статусом, однако в силу конкретных обстоятельств оказывающихся вовлеченными в орбиту уголовно-процессуальной деятельности. К таким относится, например, лицо, проживающее с участником уголовного судопроизводства, в жилище которого проводится осмотр.

[1] Апелляционное постановление № 22-2519/2025, 22-91/2026 от 29.01.2026 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Юридические последствия. А. А. Насонов отмечает, что «возражения законодатель в тексте УПК РФ упоминает, когда такие виды волеизъявления способны внести коррективу в существующие правоотношения, и в этом смысле возражение выступает в роли юридических фактов, требующих зачастую своей письменной фиксации» [11, с. 113]. Внесение корректив и будет влечь соответствующие юридические последствия.

Важная классификация может быть проведена по правовым последствиям разрешения возражений. Выделим следующие группы:

– блокирующие. Возражения, влекущие приостановление или изменение процессуального решения (возражения подозреваемого на сокращенное дознание, возражения о прекращении уголовного преследования и т. д.);

– фиксирующие. Возражения, влияющие на оценку доказательств судом в рамках судебного разбирательства (возражения, занесенные в протокол следственных действий). Отличие данной группы от первой состоит в том, что они не выполняют блокирующей функции, а реализуют исключительно удостоверительную функцию, выступая в роли средства доказывания факта нарушения.

Вряд ли можно признать позицию Н. М. Магарламова, заявляющего, что возражение представляет собой формальное заявление, чаще всего сделанное через адвоката, которым участник процесса выражает несогласие с определенным действием, утверждением или доказательством, представленным в ходе судебного разбирательства [5, с. 309].

Во-первых, подача возражений не ограничивается только судебным разбирательством, напротив, многие нормы УПК РФ регламентируют подачу данных обращений в ходе досудебного производства. Во-вторых, конструкция возражения как заявления, подаваемого только через адвоката, не учитывает случаев самостоятельной реализации участниками процесса своего процессуального права на выражение несогласия. Адвокат не является обязательным субъектом уголовного судопроизводства, а возражение могут подавать потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец и даже лица без процессуального статуса.

И. В. Шепелин, исследуя уголовно-процессуальные обращения, вполне обоснованно заявляет: в виде возражения наряду с ходатайствами и представлениями оформляется правовая позиция, выражаемая должностными лицами, содержащая несогласие с действиями и решениями, принятыми в ходе уголовного судопроизводства [8, с. 172]. Однако автор не учитывает, что возражение может исходить и от невластных участников судопроизводства.

Некоторые ученые раскрывают понятие жалобы как вида обращения через категорию возражения [12, с. 9]. Так, и Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики объясняет содержание жалобы как письменное или в электронной форме (подписанное или заверенное электронной подписью) возражение. Однако с этим трудно согласиться. Поскольку само по себе возражение не предполагает совершение действий должностных лиц по восстановлению нарушенных прав. Схожего мнения придерживаются и другие представители науки [13, с. 97].

Таким образом, возражение принципиально отличается от жалобы, поскольку не требует восстановления права, которое уже было нарушено. Функция возражения может быть и превентивной (например, приостановление следственного действия). От ходатайства возражение отличается отсутствием просьбы о совершении нового действия. В данном случае возражение лишь констатирует несогласие с уже совершенным или планируемым действием, решением должностного лица. Таким образом, возражение является самостоятельным видом с автономными функциями и не может быть поглощено иными субинститутами уголовно-процессуальных обращений.

Возражение не является разновидностью жалобы или ее ответвленной (второстепенной) формой. Напротив, изучение норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что возражение — самостоятельное процессуальное средство (обращение), используемое как невластными участниками уголовного судопроизводства, так и властными участниками уголовного судопроизводства. При этом в первом случае оно направлено на выражение несогласия, изложение собственной позиции в отношении действий и решений должностных лиц уголовного судопроизводства, а во втором — зачастую носящее в содержательной части просьбу в ответ на обращение субъекта уголовного процесса.

Основной целью возражения будет выступать выражение несогласия с процессуальным действием или решением, а также формирование правовой позиции. Ключевое отличие состоит в направленности на выражение несогласия с уже совершенным или планируемым действием/решением без требования его отмены в прошлом, а с целью его приостановления или изменения.

Таким образом, возражение в уголовном судопроизводстве — это официальное устное или письменное, в т. ч. подаваемое посредством электронного документооборота, обращение участника уголовного судопроизводства, иного лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, сделанное в установленной законом форме, содержащее мотивированное несогласие с совершаемым или совершенным процессуальным действием либо принятым решением и направленное на то, чтобы оно было учтено при принятии итогового решения.

Возражения являются неотъемлемым элементом уголовно-процессуальной деятельности, однако их правовая природа до настоящего времени остается недостаточно определенной. Отсутствие легальной дефиниции приводит к тому, что правоприменители зачастую не идентифицируют возражение как самостоятельное обращение. Более обстоятельное рассмотрение иных проблем, возникающих в связи с подачей, рассмотрением и разрешением возражений в уголовном судопроизводстве, автор оставляет за рамками настоящей статьи, планируя обратиться к ним в последующих научных публикациях.

Список источников

1. Гуськова А. П. Ходатайства и жалобы участников уголовного судопроизводства и их правовая природа // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1 (4). С. 10–16.

2. Россинский С. Б. Следственные действия. М.: Норма, 2022. 240 с.

3. Сологубов А. Ю. Уголовно-процессуальные обращения в органы предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. 246 с.

4. Зебницкая А. К. Перекрестный допрос в суде: некоторые аспекты правового регулирования // Адвокатская практика. 2025. № 3. С. 21–25.

5. Магарламов Н. М. Возражение как форма выражения мнения участника уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 309–312.

6. Давлетов А. А., Асанов Р. Ш. Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю // Российский следователь. 2021. № 5. С. 8–12.

7. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 299 с.

8. Шепелин И. В. Уголовно-процессуальные обращения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 294 с.

9. Павлов А. В., Супрун С. В. Порядок действий следователя при отсутствии согласия проживающих лиц на осмотр места происшествия в жилище на стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2019. № 2 (43). С. 2–5.

10. Торовков А. А. Необходимость учета волеизъявления проживающих в жилище лиц при производстве в нем осмотра места происшествия: теория и практика // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 29–33.

11. Насонов А. А. Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение: дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2024. 655 с.

12. Тутикова И. А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст. 124 УПК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 235 с.

13. Шепелин И. В. Жалоба как вид обращения в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 1 (87). С. 96–100.

References

1. Gus’kova A. P. Hodatajstva i zhaloby uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva i ih pravovaya priroda // Sibirskie ugolovno-processual’nye i kriminalisticheskie chteniya. 2013. № 1 (4). S. 10–16.

2. Rossinskij S. B. Sledstvennye dejstviya. M.: Norma, 2022. 240 s.

3. Sologubov A. Yu. Ugolovno-processual’nye obrashcheniya v organy predvaritel’nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2026. 246 s.

4. Zebnickaya A. K. Perekrestnyj dopros v sude: nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya // Advokatskaya praktika. 2025. № 3. S. 21–25.

5. Magarlamov N. M. Vozrazhenie kak forma vyrazheniya mneniya uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 3. S. 309–312.

6. Davletov A. A., Asanov R. Sh. Hodatajstva i inye obrashcheniya uchastnikov dosudebnogo proizvodstva k sledovatelyu // Rossijskij sledovatel'. 2021. № 5. S. 8–12.

7. Asanov R. Sh. Obespechenie prav lichnosti kak funkciya sledovatelya v ugolovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2021. 299 s.

8. Shepelin I. V. Ugolovno-processual'nye obrashcheniya v dosudebnom proizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2025. 294 s.

9. Pavlov A. V., Suprun S. V. Poryadok dejstvij sledovatelya pri otsutstvii soglasiya prozhivayushchih lic na osmotr mesta proisshestviya v zhilishche na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Zakonodatel'stvo i praktika. 2019. № 2 (43). S. 2–5.

10. Torovkov A. A. Neobhodimost' ucheta voleiz»yavleniya prozhivayushchih v zhilishche lic pri proizvodstve v nem osmotra mesta proisshestviya: teoriya i praktika // Altajskij vestnik gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby. 2024. № 22. S. 29–33.

11. Nasonov A. A. Soglasie i ego realizaciya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: teoreticheskie osnovy, pravovoe regulirovanie i pravoprimenenie: dis. … d-ra yurid. nauk. Voronezh, 2024. 655 s.

12. Tutikova I. A. Vnesudebnyj poryadok rassmotreniya zhalob uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva (v poryadke st. 124 UPK RF): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2016. 235 s.

13. Shepelin I. V. Zhaloba kak vid obrashcheniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (87). S. 96–100.

Информация об авторе

Т. Г. Недзелюк — доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

T. G. Nedzelyuk — Doctor of Science (History), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 16.07.2026; accepted for publication 04.09.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 246–259.
Altai Law Journal. 2026. № 3 (55). P. 246–259.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98:004

РОЛЬ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ БОТОВ МЕССЕНДЖЕРОВ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Марина Олеговна Янгаева[1], Артем Александрович Гулюк[2]
[1] Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, marina-ymo@mail.ru
[2] Управление по противодействию киберпреступности УВД Брестского облисполкома МВД Республики Беларусь, Брест, Республика Беларусь

Аннотация. *В статье анализируется криминалистическое значение автоматизированных ботов мессенджеров при совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предложено авторское определение автоматизированного бота мессенджера, описана его техническая архитектура. На основе следственно-оперативной практики Российской Федерации и Республики Беларусь выделено шесть групп ботов, используемых в противоправной деятельности. Показано, что боты интегрируются в способ совершения преступления на всех его этапах. Обосновывается вывод о том, что автоматизированные боты мессенджеров представляют собой устойчивый элемент цифровой реальности, требующий адаптации существующих криминалистических методик и совершенствования правовых механизмов противодействия киберпреступности.*

Ключевые слова: *автоматизированные боты, информационно-телекоммуникационные технологии, мессенджеры, цифровая криминалистика, цифровые следы, API, Telegram*

Для цитирования: *Янгаева М. О., Гулюк А. А. Роль автоматизированных ботов мессенджеров в совершении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Алтайский юридический вестник. 2026. № 3 (55). С. 246–259.*

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ROLE OF AUTOMATED MESSENGER BOTS IN THE COMMISSION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Marina O. Yangaeva[1], Artyom A. Gulyuk[2]
[1] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, marina-ymo@mail.ru
[2] Department for Combating Cybercrime Department of Internal Affairs of the Brest Regional Executive Committee of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Brest, Republic of Belarus

Abstract. *The article analyzes the criminalistic significance of automated messenger bots (Telegram, WhatsApp, etc.) when committing crimes using information and telecommunication technologies. The author's definition of an automated messenger bot is proposed and its technical architecture is described. Based on the investigative and operational practices of the Russian Federation and the Republic of Belarus, six groups of bots used in illegal activities have been identified. It is shown that bots are integrated into the method of committing a crime at all its stages - from preparation to hiding traces. Problematic aspects of the disclosure and investigation of such crimes were identified: the high dynamism of the digital environment, the distributed nature of the bot infrastructure, the cross-border nature, the complexity of eliminating digital traces and legal restrictions. The conclusion is substantiated that automated messenger bots represent a stable element of digital reality, requiring adaptation of existing forensic methods and improvement of legal mechanisms for countering cybercrime.*

Keywords: *automated bots, information and telecommunication technologies, messenger, digital forensics, digital footprints, API*

For citation: *Yangaeva M. O., Gulyuk A. A. Role of automated messenger bots in the commission of crimes committed using information and telecommunication technologies. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;3:246–259 (In Russ.).*

© Янгаева М. О., Гулюк А. А., 2026

В настоящее время практически во всех сферах общественной жизни активно применяются компьютерные технологии. Данная тенденция наблюдается в том числе при подготовке, совершении и сокрытии преступлений.

Уже при подготовке злоумышленник заранее обдумывает способ совершения преступления с применением информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), включая возможность осуществления действий, нацеленных на сокрытие криминалистически значимой информации — следов [1, с. 5].

На расширенном заседании Коллегии МВД России по итогам работы за 2024 г. Президентом РФ обращено внимание на раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. В. В. Путин отметил, «что в прошлом году, к сожалению, их число — вы это хорошо знаете — выросло, а ущерб превысил 200 миллиардов рублей. Причём почти четверть обманутых, пострадавших людей — это пенсионеры»[1].

По данным Нацбанка Беларуси, в 2025 г. ущерб граждан и предприятий от несанкционированных платежных операций составил более 54 млн белорусских рублей[2].

Следующие статистические данные, в определенной мере указывающие на роль полиции в борьбе с рассматриваемыми преступлениями, демонстрируют, что в 2024 г. было зарегистрировано 765 365 преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации, направлено в суд — 162 213[3]. В январе — ноябре 2025 г. зарегистрировано 675 372 преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации, направлено в суд — 164 038[4].

Стремительное развитие цифровых платформ для коммуникации привело к тому, что современные мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Discord, Viber и др.) перестали быть лишь средством личного общения и превратились в комплексные инфраструктурные среды. Они позволяют передавать данные, автоматизировать процессы, взаимодействовать с внешними сервисами и т. д. Одной из ключевых технологических инноваций последних лет стало широкое распространение автоматизированных ботов — программных модулей, выполняющих действия от имени пользователя или администратора без его участия.

Изначально боты создавались как сервисные инструменты: для поддержки клиентов, организации торговли, обеспечения логистики, сбора статистики, интеграции с CRM-системами.

Одним из наиболее технологически гибких современных мессенджеров, на наш взгляд, является Telegram, характеризующийся открытым интерфейсом программирования приложений (Telegram Bot API), значительной степенью автономности клиентской части, а также высокой доступностью функционалов, ориентированных на сторонних разработчиков. В совокупности эти особенности делают платформу удобной средой для развертывания автоматизированных ботов, которые способны выполнять операции, ранее требовавшие отдельного программного обеспечения.

Доступность готовых библиотек, модульных конструкторов и визуальных интерфейсов привела к тому, что создание собственного бота в Telegram перестало быть задачей, требующей глубоких знаний в области программирования. В настоящее время пользователь, обладающий минимальными техническими навыками, может за считанные минуты развернуть автоматизированный сервис, интегрирующий внешние API[5], обрабатывающий пользовательские запросы, выполняющий транзакционные операции или обеспечивающий доступ к цифровой среде, в которой сложные цифровые инструменты становятся массово доступными. Это радикально снижает барьер вхождения в цифровую преступную среду и создает новое пространство для реализации преступных действий, подпадающих под главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса РФ и главу 31 «Преступления против информационной безопасности» Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Сегодня сотрудники полиции разных стран сталкиваются в своей противоправной деятельно-

[1] Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 29.12.2025).

[2] Нацбанк оценил потери клиентов банков от несанкционированных платежных операций в 2025 г. // Прайм Пресс. URL: https://primepress.by/news/finansi/natsbank_otsenil_poteri_klientov_bankov_ot_nesanktsionirovannykh_platezhnykh_operatsiy_v_2025_g-53438/ (дата обращения: 29.01.2026).

[3] Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru (дата обращения: 12.02.2026).

[5] API (англ. application programming interface — программный интерфейс приложения) — это набор способов и правил, по которым различные программы общаются между собой и обмениваются данными [2, с. 637].

сти с автоматизированными ботами, которые предоставляют пользователям доступ к вредоносному программному обеспечению, инструментам анонимизации, скомпрометированным цифровым данным, финансовым схемам, а также иным ресурсам, потенциально применимым при подготовке, совершении и сокрытии преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Изучив в ходе данного исследования научные работы, в т. ч. на монографическом уровне, приходим к выводу, что в них отсутствует единое определение автоматизированных ботов мессенджеров, что обусловлено разнообразием их функций и сфер применения. В связи с этим считаем целесообразным для реализации целей настоящего исследования предложить авторское определение автоматизированного бота мессенджера, под которым предлагается понимать программный сервис, функционирующий в инфраструктуре цифровой платформы для коммуникации, автоматически осуществляющий обработку запросов, управление цифровыми ресурсами или предоставление информации без непосредственного участия человека.

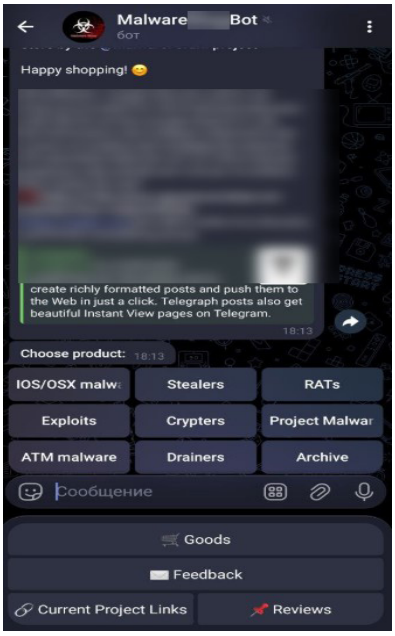
С точки зрения технической составляющей автоматизированный бот мессенджера представляет собой интеграцию двух компонентов: клиентской части — профиля или сервисного аккаунта в мессенджере, обеспечивающего канал взаимодействия с пользователями, и серверной части — программной логики, размещенной на стороннем сервере и обрабатывающей входящие запросы через API-платформы.

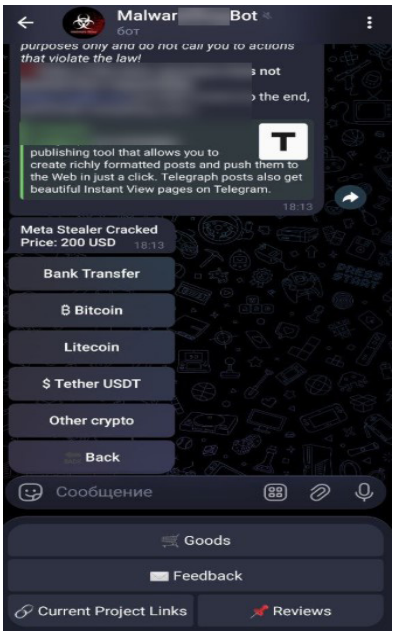
Изучив следственно-оперативную практику Российской Федерации и Республики Беларусь по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием автоматизированных ботов мессенджеров, выделили несколько групп автоматизированных ботов мессенджеров.

1. Автоматизированные боты, предоставляющие доступ к вредоносному программному обеспечению.

Данные автоматизированные боты предоставляют ссылки, загрузочные файлы, инструкции по установке вредоносных программ, включая программы удаленного доступа, фишинговые шаблоны, инструменты перехвата данных и т. д. Их отличительной чертой является автоматизация распространения цифровых объектов, ранее требовавших поиска на теневых ресурсах.

Например, пользователь через бота получает ссылку на «готовый инструмент для удаленного администрирования», который впоследствии используется для несанкционированного доступа к устройствам потерпевших [3, с. 98].

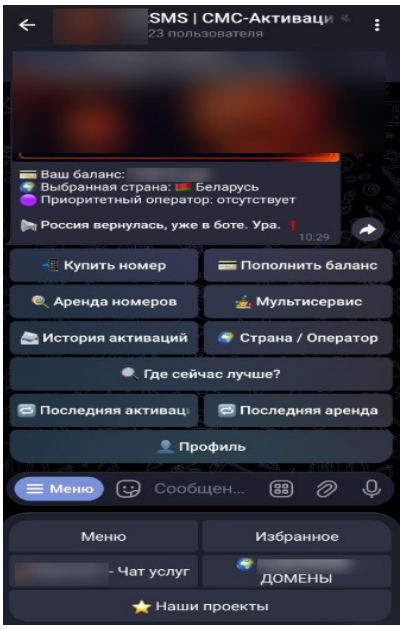

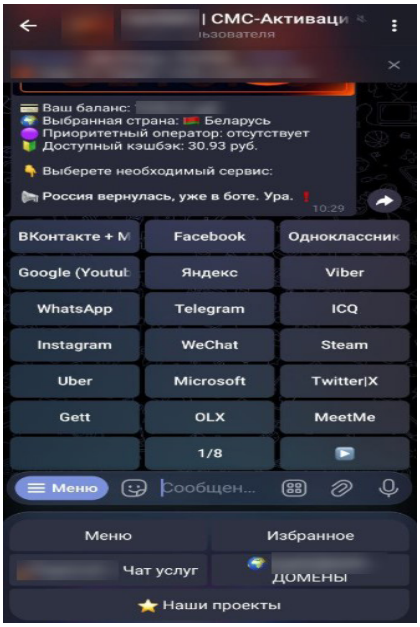
Рисунки 1–2. Скриншоты демонстрируют Crime-as-a-Service-платформу, реализованную в виде Telegram-бота, где пользователь без технической подготовки может выбрать и получить готовый вредоносный инструмент (в т. ч. RAT — средство удаленного администрирования)

2. Автоматизированные боты, предоставляющие инструменты анонимизации.

Они предоставляют доступ к VPN, прокси-серверам, сервисам генерации виртуальных номеров, криптокошелькам и иным средствам, способным скрывать цифровой след пользователя. Их функционал чаще всего интегрирован с внешними API, что делает их устойчивыми к блокировкам.

Например, перед совершением мошенничества лицо использует бота для получения виртуального номера, VPN, прокси-сервера, что позволяет регистрировать аккаунты без привязки к реальным персональным данным.

Рисунки 3–4. Скриншоты демонстрируют Crime-as-a-Service-платформу, реализованную в виде Telegram-бота, предоставляющего виртуальные телефонные номера как инструмент опосредованной цифровой идентификации. Подобные сервисы позволяют пользователю взаимодействовать с онлайн-платформами без использования персональных сим-карт, тем самым снижая степень прямой привязки к реальным идентификационным данным

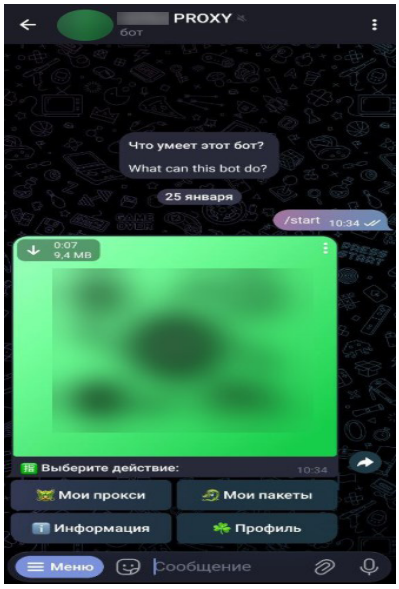
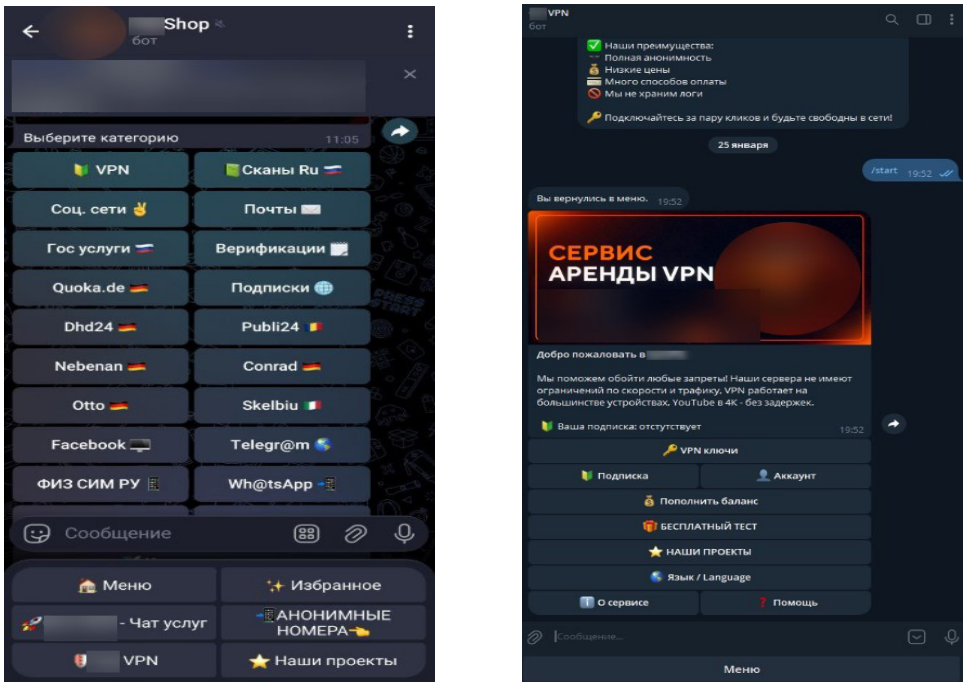

Рисунок 5. Скриншот демонстрирует Crime-as-a-Service-платформу, предоставляющую прокси-серверы как инструмент опосредованного сетевого взаимодействия. Использование прокси позволяет пользователю скрывать или подменять исходный IP-адрес, изменять географическую привязку и затруднять установление реального источника сетевой активности

Рисунки 6–7. Скриншоты демонстрируют пример автоматизированного бота, предоставляющего инструменты анонимизации. Представленный интерфейс демонстрирует сервисную модель, при которой пользователь через Telegram-бот получает доступ к VPN-услугам, позволяющим скрывать или изменять сетевую идентификацию, обходить ограничения и затруднять установление реального источника сетевой активности

3. Автоматизированные боты, предоставляющие доступ к скомпрометированным данным.

Речь идет об автоматизированных ботах, предлагающих базы утечек данных, списки аккаунтов, лог-файлов, личной информации, финансовых данных и т. д.

Например, через бота приобретается база «слитых» персональных данных клиентов финансовой организации, которая затем используется для адресного обмана граждан.

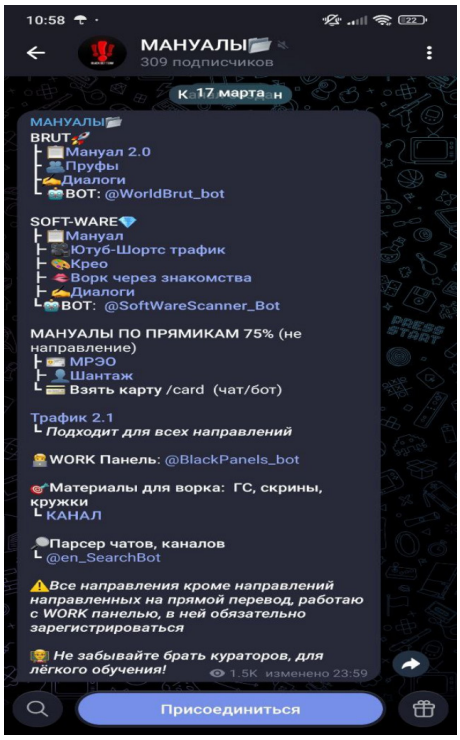

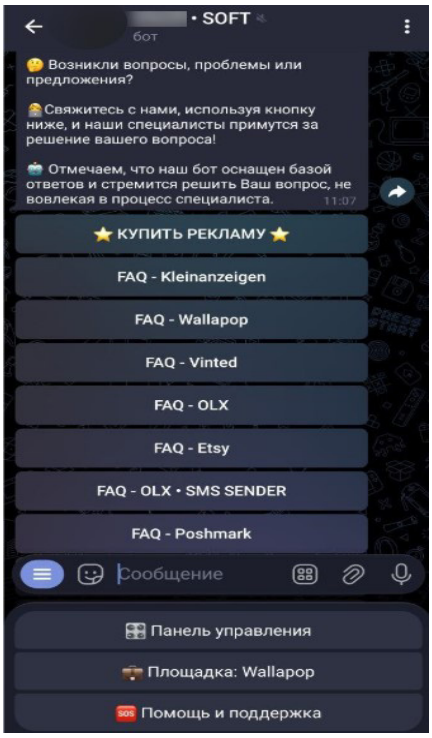
Рисунок 8. Скриншот демонстрирует деятельность Telegram-бота, предоставляющего доступ к скомпрометированным базам персональных данных

4. Автоматизированные боты, предоставляющие схемы мошенничества.

Данные боты предоставляют подробные инструкции по реализации мошеннических действий, финансовых схем, методов социальной инженерии.

Например, бот автоматически выдает шаблоны и рекомендации (так называемые мануалы) по организации фишинговых атак на пользователей торговых платформ, направленных на компрометацию учетных данных и последующее несанкционированное получение доступа к финансовым ресурсам.

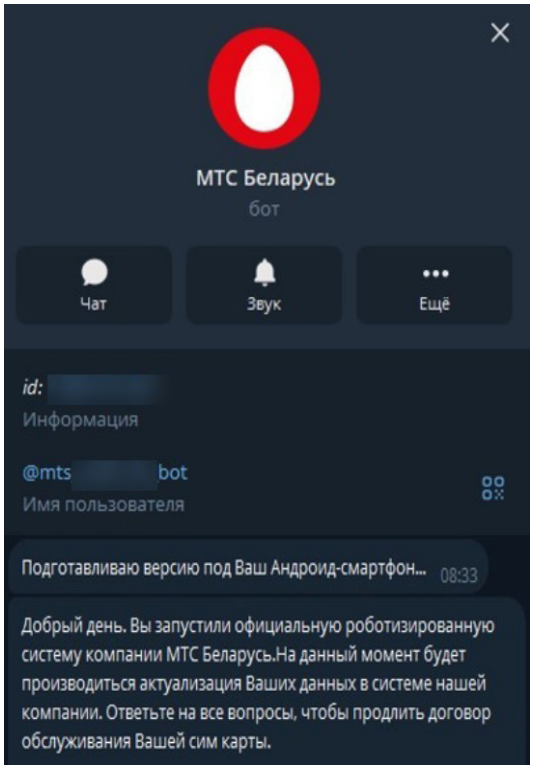

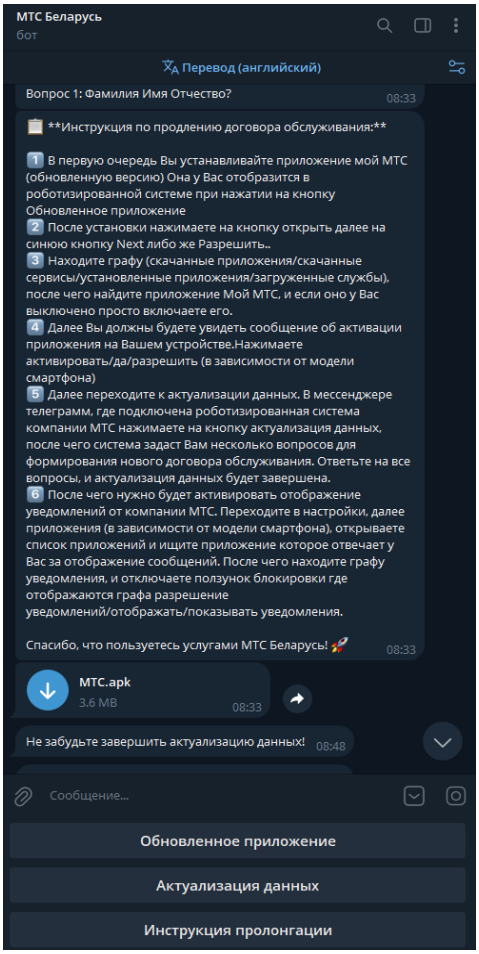
Рисунки 9–10. Скриншоты демонстрируют пример автоматизированного бота, предоставляющего шаблоны и рекомендации, ориентированные на организацию фишинговых атак

5. Автоматизированные боты, имитирующие легитимные приложения.

Это автоматизированные боты, создаваемые с использованием WebView или подмены интерфейса известных компаний для последующего сбора персональных данных пользователя. Используются в фишинговых схемах, включая сбор логинов, паролей или СМС-кодов.

Например, бот визуально имитирует интерфейс известного сервиса мобильного оператора, воспроизводя элементы фирменного дизайна и пользовательского взаимодействия. В рамках такого сценария пользователю предлагается выполнить «обновление приложения» или «актуализацию данных», в ходе чего осуществляется запрос персональной информации, включая учетные данные и коды подтверждения, а также распространение вредоносного программного файла под видом легитимного обновления.

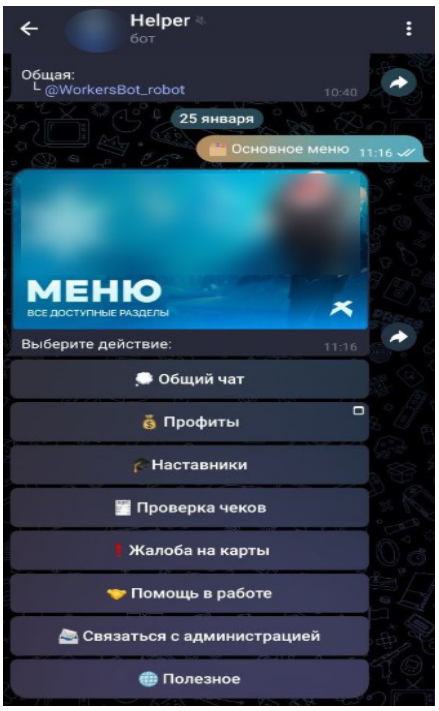

Рисунки 11–12. Скриншоты демонстрируют деятельность автоматизированного сервиса, реализующего фишинговые сценарии и распространяющего вредоносное программное обеспечение посредством имитации интерфейсов известных сервисов мобильных операторов

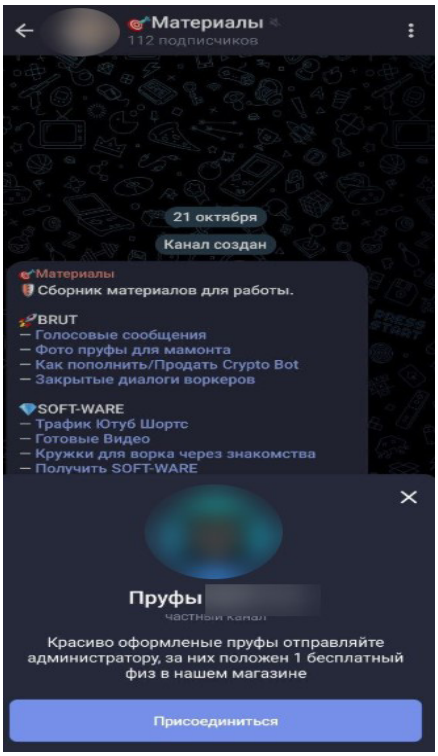
6. Автоматизированные боты, предоставляющие возможности коммуникации в преступных группах.

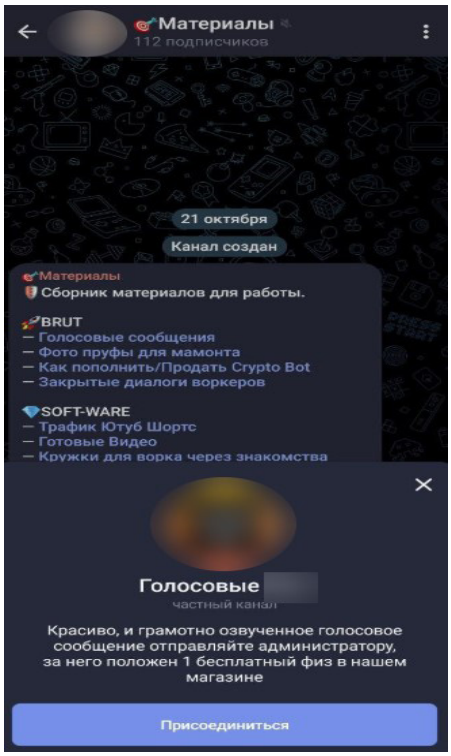
Данные автоматизированные боты обеспечивают автоматизированное управление преступными группами, распределение заданий, передачу зашифрованных файлов и организацию внутренней иерархии участников группы.

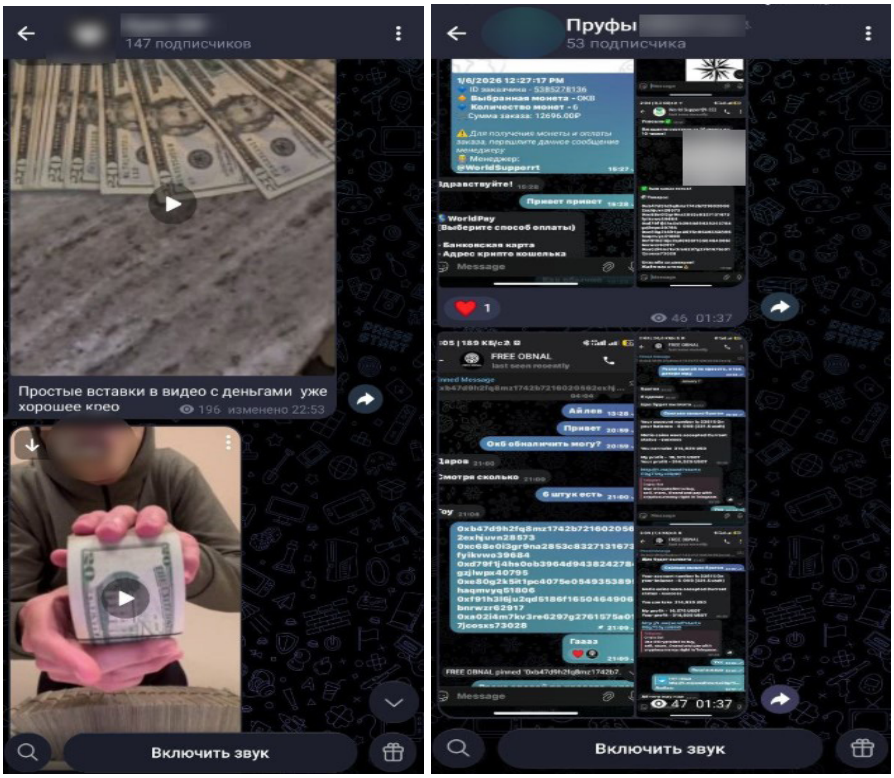

Рисунки 13–14. Скриншоты демонстрируют деятельность автоматизированного сервиса, используемого для координации участников группы, включая распределение заданий, прием отчетов, автоматическое удаление переписки и предоставление инструментов для поддельных документов и учета денежных средств, полученных преступным путем, что повышает управляемость, анонимность и масштабируемость противоправной деятельности

Рисунки 15–18. Скриншоты демонстрируют деятельность автоматизированного сервиса, предоставляющего переходы в специализированные сообщества с готовыми фейковыми отзывами, аудио-, видеоматериалами и результатами выполненных работ, что повышает управляемость, анонимность и масштабируемость противоправной деятельности

Считаем, что знание указанных групп автоматизированных ботов необходимо сотрудникам правоохранительных органов для своевременного выявления и предупреждения киберугроз, корректной правовой квалификации преступных деяний, определения уровня общественной опасности, выбора оперативных и технических мер противодействия преступной деятельности, эффективного сбора доказательственной базы, выстраивания межведомственного и международного взаимодействия, а также повышения эффективности профилактической работы с населением.

В ходе исследования было проведено интервьюирование сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации[1] и Республики Беларусь[2], в рамках которого следователи и оперуполномоченные обратили внимание на то, что способ совершения преступлений часто включает в себя машинно-автоматизированные компоненты, выполняющие ключевые функции в совершении преступления, совершенных с использованием ИТТ.

Г. Г. Зуйков рассматривал способ совершения преступления как «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий, средств и условий места и времени и объединенных общим преступным замыслом» [4, с. 10].

Изучив следственно-оперативную практику раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием ИТТ, Российской Федерации и Республики Беларусь, приходим к выводу, что автоматизированные боты мессенджера могут использоваться не только при совершении преступления, но также при его подготовке и сокрытии.

Так, при подготовке к совершению преступления злоумышленники используют автоматизированные боты мессенджеров для поиска, систематизации и структурирования информации, настройки программных продуктов, коммуникации с другими злоумышленниками, получения шаблонных сценариев совершения преступления и т. д.

[1] Следователи и оперуполномоченные, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использование ИТТ.

[2] Оперуполномоченные Управления по противодействию киберпреступности.

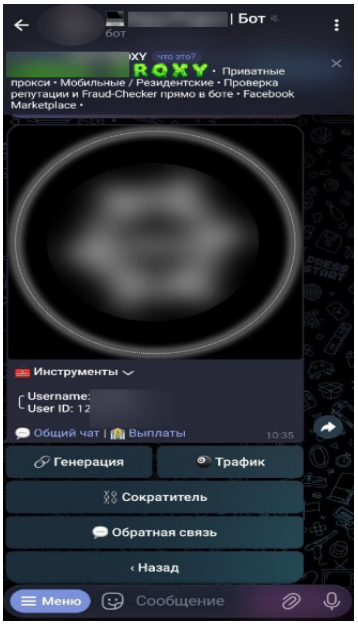

Рисунок 19. Скриншот демонстрирует использование бота мессенджера, применяемого на этапе подготовки и организации противоправной деятельности, включая централизованный доступ к специализированным инструментам, настройку программных решений, навигацию по функциональным модулям сервиса и коммуникацию с другими участниками. Подобные боты используются для систематизации информации, автоматизации вспомогательных процессов и координации действий в рамках преступной деятельности

При совершении преступлений автоматизированные боты мессенджеров выполняют однообразные действия в больших объемах (например, рассылки [5, с. 16] сообщений), тем самым позволяют масштабировать преступные схемы, ускоряют процесс взаимодействия участников преступной группы, а также позволяют минимизировать человеческий фактор при совершении преступлений с использованием ИТТ.

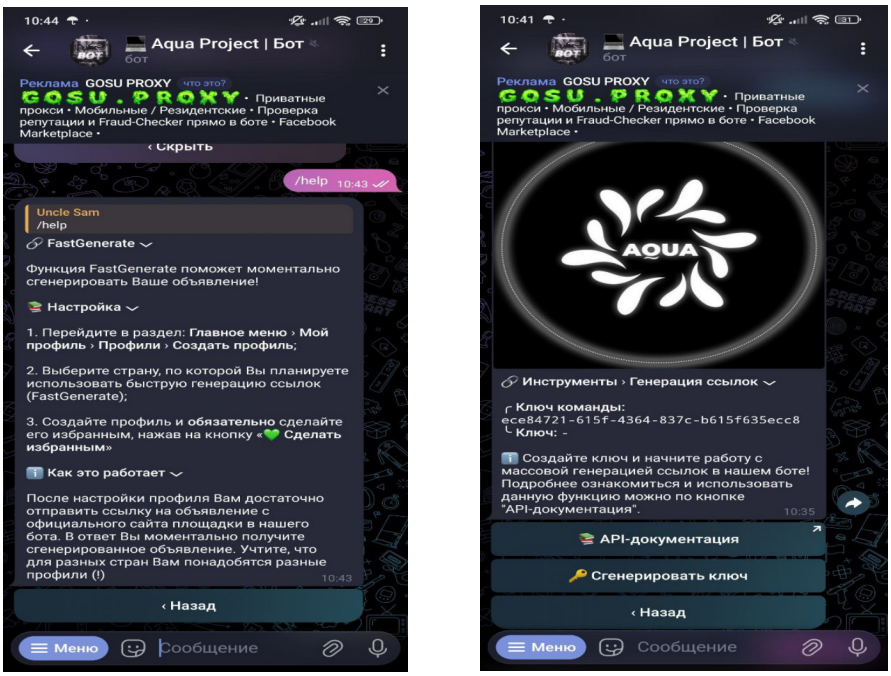
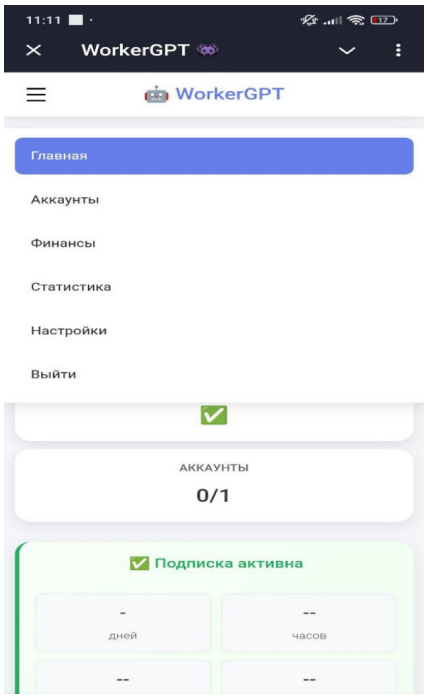
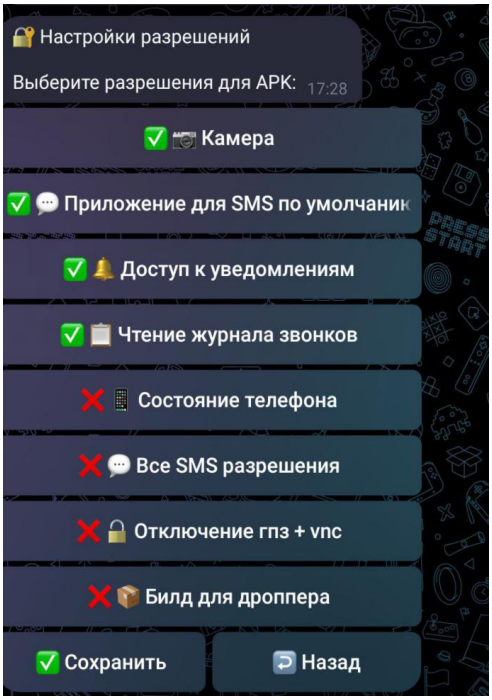

Рисунок 20. Скриншот демонстрирует деятельность бота, который используется для масштабирования однотипных операций, ускорения взаимодействия и повышения эффективности массовых мошеннических рассылок за счет быстрой генерации и адаптации контента

Так, злоумышленники используют Telegram-бот как центр управления и связи для вредоносных программ. Вместо собственных серверов они подключают зараженные компьютеры к Telegram и через бот отдают команды, получают похищенные данные, отслеживают жертв и управляют атаками.

Рисунки 21–22. Скриншоты демонстрируют использование ботов в качестве центра управления вредоносными программами для передачи команд, сбора похищенных данных и контроля атак без применения собственных серверов

Telegram удобен для этого, потому что работает стабильно, шифрует трафик, не требует сложной настройки серверов и часто не блокируется антивирусами и сетевыми фильтрами. В результате бот фактически заменяет классическую инфраструктуру управления атакой и выполняет ту же роль, что и специализированный C2-сервер[1].

Автоматизированные боты мессенджеров играют немаловажную роль и в сокрытии преступления, они позволяют распределять инфраструктуры по сетевым узлам, возможность мгновенного клонирования аккаунтов и каналов, автоматического удаления информации, использования механизмов анонимизации пользователя, что существенно затрудняет установление личности участников, восстановление хронологии событий и документирование противоправной деятельности.

При этом в результате уничтожения одного элемента сети не останавливается функционирование всей системы, т. к. автоматизированный бот может быть развернут вновь.

[1] C2-сервер (Command and Control) — это инфраструктурный элемент, используемый злоумышленниками для централизованного управления вредоносным программным обеспечением. Через него передаются команды зараженным устройствам, осуществляется сбор похищенных данных и координация атак.

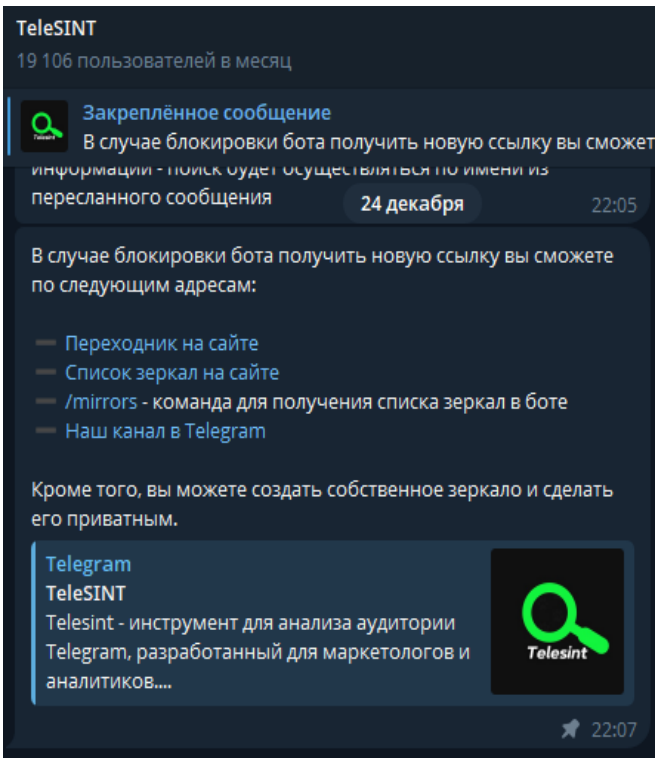

Рисунок 23. Скриншот демонстрирует механизмы обеспечения устойчивого доступа к сервису, включая получение новых ссылок через зеркала, сайт и Telegram-канал, а также возможность создания приватных зеркал в случае блокировки основного бота

В ходе данного исследования авторами были выявлены основные проблемные вопросы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Беларусь при раскрытии, расследовании преступлений, совершенных с использованием ИТТ, в совершении, подготовке или сокрытии которых участвовали автоматизированные боты.

1. Сложности выявления бот-активности.

Выявление бот-активности затрудняется прежде всего тем, что такие сервисы внешне маскируются под легитимные цифровые инструменты. Разработчики автоматизированных ботов используют стандартные интерфейсы мессенджеров, привычные для пользователя кнопки, меню и команды, которые создают иллюзию законного и безопасного сервиса. В ряде случаев автоматизированные боты не содержат явных признаков противоправности на начальных этапах взаимодействия, а доступ к потенциально противоправным функциям осуществляется поэтапно либо после выполнения формальных условий. Это существенно осложняет их идентификацию на стадии мониторинга информационного пространства сотрудниками правоохранительных органов.

Дополнительным фактором сложности выявления является высокая динамичность цифровой среды. Боты могут быстро менять наименование, идентификаторы, структуру меню, а также перемещаться между аккаунтами и каналами.

2. Архитектурные особенности ботов и распределенная инфраструктура, а также трансграничный характер и правовые ограничения.

Автоматизированные боты мессенджеров функционируют по распределенной архитектуре, что значительно усложняет их выявление. Клиентская часть располагается непосредственно в мессенджере и взаимодействует с пользователями, тогда как серверная часть, обрабатывающая данные и управляющая ботом, часто размещается на внешних серверах, арендованных в других странах. При этом сведения о пользователях и действиях бота могут храниться в совершенно иных юрисдикциях, что создает сложность прямого доступа к этим данным для сотрудников правоохранительных органов.

Дополнительно боты активно используют платежные инструменты и сервисы анонимизации, включая европейские платежные системы и облачные платформы. Это позволяет злоумышленникам скрывать финансовые и цифровые следы, затруд-

няя сбор доказательств и реконструкцию цепочек совершения преступлений.

Для получения информации о серверной части и транзакциях требуется инициировать международно-правовые запросы, что существенно замедляет расследование.

3. Латентность, кратковременность и фрагментарность цифровых следов.

Значительная часть противоправных действий осуществляется в закрытых или полузакрытых ботах, доступ к которым ограничен. Использование приглашений, одноразовых ссылок, временных меню и скрытых команд приводит к тому, что большая часть активности остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Кроме того, цифровые следы, формируемые ботами, отличаются фрагментарностью. Информация может быть распределена между журналами сервера, метаданными сообщений, лог-файлами внешних API, транзакционными записями, временными файлами.

Отсутствие централизованного хранилища данных осложняет воссоздание событий и требует применения комплексных аналитических подходов. В ряде случаев восстановление полной картины преступной деятельности оказывается невозможным из-за утраты отдельных фрагментов компьютерной информации.

4. Скорость и масштаб преступных действий.

Автоматизированные боты позволяют массово и быстро выполнять однотипные операции, полностью заменяя человеческий фактор. Благодаря использованию прокси и анонимизирующих сервисов их активность практически не блокируется традиционными средствами защиты.

Применение мессенджеров в роли центра управления (C2-сервер) обеспечивает координацию атак и сбор данных без необходимости развертывания собственных серверов злоумышленниками.

5. Правовые ограничения.

Сталкиваясь при раскрытии и расследовании преступлений с ботами, сотрудники правоохранительных органов испытывают ограниченные возможности оперативного доступа к данным, находящимся за пределами национальной юрисдикции.

Проведенное исследование по изучению автоматизированных ботов мессенджеров позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Под автоматизированным ботом мессенджера предлагается понимать программный сервис, функционирующий в инфраструктуре цифровой платформы для коммуникации, автоматически осуществляющий обработку запросов, управление цифровыми ресурсами или предоставление информации без непосредственного участия человека.

2. Авторами выделяются шесть групп автоматизированных ботов мессенджеров, используемых в противоправной деятельности. Знания этих групп и особенностей работы с автоматизированными ботами позволят сотрудникам правоохранительных органов выбирать наиболее оптимальный механизм работы с ними.

3. Автоматизированные боты мессенджера активно интегрируются в процесс совершения преступления — от подготовки и организации противоправных действий до их реализации и сокрытия следов.

4. Распределенная архитектура бот-систем, их трансграничный характер, кратковременность цифровых следов и сложность установления субъекта совершения преступления требуют адаптации методик раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием ИТТ, а именно автоматизированных ботов мессенджера. Используемые на практике алгоритмы работы, ориентированные на статичные интернет-ресурсы, оказываются недостаточно эффективными в условиях динамичной структуры мессенджеров.

Автоматизированные боты мессенджеров следует рассматривать как устойчивый и долгосрочный элемент цифровой реальности, а не временное явление. Их роль в способе совершения преступлений будет лишь возрастать по мере дальнейшей автоматизации и усложнения информационно-телекоммуникационных технологий. Этот факт обуславливает необходимость комплексного научного осмысления данного явления и последовательного совершенствования правовых и криминалистических подходов к противодействию киберпреступности в современных условиях.

Список источников

1. Организация расследования и тактика отдельных следственных действий по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебное пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. А. Б. Соколова. Омск: Омская академия МВД России, 2023. 164 с.

2. Мельник А. А. Основные принципы построения и проектирования интерфейса API // Вестник науки. 2025. Вып. 3. № 10 (91). С. 637–643.

3. Чернышова П. Е. Характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием сервисов мгновенных сообщений // Правовой альманах. 2025. № 1 (41). С. 95–100.

4. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970. 31 с.

5. Осипенко А. Л. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы // Общество и право. 2023. № 4 (86). С. 15–25.

References

1. Organizaciya rassledovaniya i taktika otdel'nyh sledstvennyh dejstvij po delam o prestupleniyah, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebnoe posobie / pod obshch. red. kand. yurid. nauk, doc. A. B. Sokolova. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2023. 164 s.

2. Mel'nik A. A. Osnovnye principy postroeniya i proektirovaniya interfejsa API // Vestnik nauki. 2025. Vyp. 3. № 10 (91). S. 637–643.

3. Chernyshova P. E. Harakteristika moshennichestv, sovershaemyh s ispol'zovaniem servisov mgnovennyh soobshchenij // Pravovoj al'manah. 2025. № 1 (41). S. 95–100.

4. Zujkov G. G. Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe sovershеniya prestupleniya: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 1970. 31 s.

5. Osipenko A. L. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v prestupnoj deyatel'nosti: novye ugrozy i vyzovy // Obshchestvo i pravo. 2023. № 4 (86). S. 15–25.

Информация об авторе

М. О. Янгаева — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. O. Yangaeva — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 04.09.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 04.09.2026.